

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 3/2012

ISSN 0131-2812

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» отметил 40-летие

•
Китай в преддверии
XVIII съезда КПК

•
Япония: год испытаний

•
О некоторых проблемах
китайской деревни

•
Особенности урбанизации
в Республике Корея

•
Бао Дай — последний
император Вьетнама

3.9 #3.

Российская академия наук
Институт Дальнего Востока

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

3/2012

Май — Июнь

Научный и общественно-политический журнал, выходит шесть раз в год на русском и четыре раза в год на английском языках

Выпускается под руководством Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН. Издаётся с марта 1972 года

Журналу «Проблемы Дальнего Востока» — 40 лет 3

ПОЛИТИКА

- Я. Бергер.* Китай перед выбором..... 10
Коллектив авторов. Япония: самый тяжелый год в послевоенной истории..... 22
Ом Гу Хо. Российско-корейское сотрудничество на региональном уровне: проблемы и перспективы развития..... 42
Ж. Лувсанжав. Отношения между Монголией и КНР на современном этапе (1990–2012 гг.)..... 58
С. Шарко. БРИКС на фоне глобальных трансформаций в мировой политике..... 64

ЭКОНОМИКА

- Л. Бони.* Стратегия интеграции города и деревни в Китае: успехи, проблемы, противоречия (2002–2011)..... 73

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

- П. Эм.* Особенности развития урбанизации и системы расселения в Республике Корея во второй половине XX — начале XXI вв..... 93

ИСТОРИЯ

- В. Воробьев.* Об урегулировании пограничных вопросов с КНР..... 104
И. Пожилов. Современная историография КНР о «китайском социализме» Чжу Дэ..... 114

<i>В. Дацшиэн.</i> «Миссия Комацубары». Из истории советско-японско-китайских отношений в начале 1930-х годов.....	126
<i>Е. Кобелев.</i> Бао Дай, последний император Вьетнама. Исторический очерк (окончание).....	134

КУЛЬТУРА

<i>Е. Иконникова.</i> Курильские острова в пространстве русской литературы XX века.....	146
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>В. Портяков.</i> О Пекинском форуме.....	151
<i>Л. Забровская.</i> Проблемы Китая и России на конференции в Хельсинки.....	155
<i>Е. Лапина, В. Чуванкова.</i> Защита диссертаций в ИДВ РАН в 2011 году.....	159
<i>О. Казаков.</i> О международной конференции «Япония и Россия: экономика и общество в океане проблем».....	163

РЕЦЕНЗИИ

<i>А. Ларин.</i> Залеская О.В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917–1938 гг.).....	171
<i>Г. Бессарабов.</i> Би Юн. Как стать великой державой.....	175
<i>С. Горбунова.</i> Лепехова Е.С. Буддийская сангха в Японии в VI—IX вв.....	177

IN MEMORIA

Рогачев Игорь Алексеевич.....	179
<i>С. Труш.</i> Слово о Друге. Гарушянци Юрий Мисакович.....	181
<i>А. Кобзев.</i> Еремеев Владимир Евстегнеевич.....	183
Contents.....	188
Summary.....	189

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Главный редактор В.Я. Портяков

Редакционная коллегия: Я.М. Бергер (зам. главного редактора), А.В. Болятко, О.Н. Борох, К.В. Внуков, Л.М. Гудошников, А.С. Давыдов (зам. главного редактора), А.З. Жебин, Е.И. Зеленев, В.О. Кистанов, А.В. Ломанов, С.Г. Лузянин, А.Е. Лукьянов, А.В. Макаров, П.А. Минакир, А.В. Островский, Л.С. Переломов, С.С. Разов, И.А. Рогачев, Д.А. Смирнов, В.Ф. Сорокин, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь), В.Н. Усов.

13 апреля 2012 г. состоялось специальное заседание Ученого совета Института Дальнего Востока РАН, посвященное 40-летию журнала «Проблемы Дальнего Востока».

Открыл заседание старейшина китаеведческого сообщества России академик **С.Л. Тихвинский**. Поздравив редакцию и редколлегию журнала с сорокалетием и пожелав изданию новых творческих свершений, Сергей Леонидович высказал и ряд пожеланий. В частности, он подчеркнул необходимость шире знакомить российскую общественность с наиболее важными современными работами западных коллег — китаеведов, японоведов, корееведов, привлекать в качестве авторов журнала ученых не только из КНР, но и из других стран.

С докладом о четырех десятилетиях истории публикаторской деятельности журнала выступил главный редактор **В.Я. Портяков**. Напомнив об основных этапах эволюции и развития издания, он привел также сводные данные о количестве и структуре журнальных статей в последние пять лет. Ежегодно «Проблемы Дальнего Востока» помещают 100–120 материалов. Основными рубриками журнала выступают «Политика» (14–18 статей ежегодно), «Экономика» (порядка 20 материалов) и «История» (11–15 материалов). В разделах «Государство и общество» и «Культура», как правило, ежегодно публикуются 7–9 материалов. Обретает популярность рубрика «Научная жизнь». Внимание читателей привлекли и новые рубрики журнала — «Теория и методология» и «Природопользование». Отстающим звеном, по мнению главного редактора, являются рецензии — их маловато.

В.Я. Портяков ознакомил участников заседания с поздравлениями, поступившими в адрес директора ИДВ РАН академика **М.Л. Титаренко** и непосредственно в журнал «Проблемы Дальнего Востока» по случаю его 40-летия. Общая и основная мысль большинства поздравлений заключается в том, что журнал внес и продолжает вносить существенный и незаменимый вклад в развитие российских исследований по широкому спектру проблем политики, экономики, истории и культуры государств Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона в целом. Благодаря изданию англоязычной версии журнала работы российских авторов-востоковедов становятся известны зарубежным коллегам.

В.Я. Портяков поблагодарил руководство Академиздатцентра «Наука» и руководство ИДВ РАН за высокую оценку труда сотрудников журнала, которые были в связи с юбилеем издания награждены почетными грамотами Издательства и Института.

Член редколлегии журнала д.и.н. **А.В. Ломанов** поделился впечатлениями о встрече (с участием **В.Я. Портякова**) со студентами, аспирантами и профессорско-преподавательским составом Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета 5 апреля с.г., которая показала высокий интерес санкт-петербургских китаеведов, японистов, корееведов к «Проблемам Дальнего Востока».

Декан факультета политологии МГИМО(У) МИД России д.и.н., проф. **А.Д. Воскресенский** предложил подумать об организации совместных обсуждений и круглых столов силами журналов «Проблемы Дальнего Востока» и «Сравнительная политика».

Заместитель директора Института востоковедения РАН д.и.н., проф. **Э.В. Молодякова** рассказала о той роли, которую журнал «Проблемы Дальнего Востока» сыграл в научном становлении японоведческой семьи Молодяковых.

Заместитель директора ИДВ РАН, член редколлегии, д.э.н. **А.В. Островский** поделился воспоминаниями о том, что он является читателем и подписчиком с первых номеров журнала, когда тот издавался тиражом 10 тыс. экз. и стоил 50 коп. Именно в «Проблемах Дальнего Востока» была опубликована его первая научная статья. А.В. Островский подчеркнул, что за прошедшие 40 лет журналу пришлось преодолеть немало трудностей, и пожелал сотрудникам редакции развивать его богатые традиции и добиваться новых успехов.

Заместитель директора Института стран Азии и Африки МГУ к.и.н. **А.Н. Карнеев** отметил большой интерес к журналу со стороны студентов, которые широко используют его материалы в своей учебе и научной работе. Он передал поздравления руководства ИСАА МГУ в связи с юбилеем журнала.

Руководитель Центра исторических исследований Китая ИДВ РАН д.и.н. **Н.Л. Мамаева** отметила, что в журнале сложился дружный, слаженный высокопрофессиональный коллектив. Сотрудники редакции относятся к авторам с доброжелательностью и вниманием. Их редакторская правка, как правило, улучшает тексты предоставленных статей.

Административный директор «East View Publication» **Д.С. Мильчуков** напомнил, что его издательская фирма более десяти лет издает и распространяет по всему миру бумажную и электронную версии журнала «Проблемы Дальнего Востока» («Far Eastern Affairs») на английском языке. Он выразил уверенность в том, что это плодотворное сотрудничество будет продолжаться и впредь.

Заведующая редакцией литературы на иностранных языках ООО «Прогресс ИД», осуществляющего перевод журнала на английский язык и его подготовку к изданию, **М.А. Тарвердова** зачитала поздравление Издательского дома «Прогресс» в связи с 40-летием журнала (публикуется ниже) и пожелала, чтобы с помощью «Проблем Дальнего Востока» на Востоке стало меньше проблем.

Директору Института Дальнего Востока РАН
академику Титаренко М.Л.,
главному редактору журнала
«Проблемы Дальнего Востока»
профессору Портякову В.Я.

Уважаемый Михаил Леонтьевич!

Дорогие друзья и коллеги!

От имени коллектива редакции журнала «Азия и Африка сегодня», а также от меня лично примите поздравления с юбилеем Вашего замечательного журнала — близкого «родственника» журнала «Азия и Африка сегодня».

На протяжении 40 лет Ваш журнал выполняет нелегкую миссию — знакомить отечественную и мировую общественность со сложными и многогранными проблемами одного из ключевых регионов современного мира, а также с политикой СССР и России на Дальнем Востоке.

Материалы журнала «Проблемы Дальнего Востока» всегда отличали глубина и содержательность, неизменно высокий научный уровень. Трудно переоценить вклад из-

дания в укрепление взаимопонимания и развитие сотрудничества между Россией и государствами Дальнего Востока, прежде всего, с нашим соседом и партнером — стремительно развивающимся Китаем.

С удовлетворением отмечаю, что многие авторы Вашего журнала — руководители и сотрудники Института Дальнего Востока — охотно выступают с яркими, содержательными статьями на страницах нашего журнала.

Желаю всем сотрудникам журнала «Проблемы Дальнего Востока» доброго здоровья и разнообразных творческих успехов в вашем нелегком и благородном труде!

*Академик, Директор Института Африки РАН,
главный редактор журнала «Азия и Африка сегодня»*

А.М. Васильев

Дорогие друзья!

Уважаемые коллеги!

Коллектив ООО «Прогресс ИД» шлет вам горячие, сердечные поздравления со знаменательной датой — 40-летием основания журнала «Проблемы Дальнего Востока» и желает больших успехов в дальнейшем развитии отечественной науки и нашего общего дела.

С тех пор, как в марте 1972 г. вышел первый номер журнала ПДВ, многое изменилось в стране и в мире, но лучшее осталось неизменным.

Журнал занимает особую «нишу» — ведущего академического издания, освещающего современные проблемы стран Дальнего Востока.

В стремительно модернизирующемся мире все более возрастает роль этого региона, который служит первостепенным объектом вашего внимания и изучения. Происходящие процессы в самых разных аспектах углубленно анализируются на страницах журнала.

Особые поздравления — ветеранам, создавшим замечательную школу отечественного востоковедения, за благородный вклад, который они внесли и вносят в дело взаимопонимания, сотрудничества и дружбы между народами разных стран.

Поздравляем, благодарим, желаем всего наилучшего!

Генеральный директор

Саркис Оганян

Зав. редакцией

литературы на иностранных языках

Маргарита Тарвердова

Китайский институт современных
международных отношений

Уважаемые академик РАН М.Л. Титаренко и главный редактор журнала «Проблемы Дальнего Востока» В.Я. Портяков:

В связи с 40-летием журнала «Проблемы Дальнего Востока» от имени Китайского института современных международных отношений и от себя лично горячо поздравляю Институт Дальнего Востока РАН и редакцию журнала «Проблемы Дальнего Востока» с этой знаменательной датой!

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» — научное издание, пользующееся широкой популярностью внутри России и за ее пределами, и заслужившее широкое признание в среде мирового Китаеведения, в том числе в научных кругах Китая.

Ставя во главу угла изучение процессов политического, экономического, культурного и исторического развития стран дальневосточного региона, журнал «Проблемы

Дальнего Востока» внимательно отслеживает изменения, происходящие в АТР. Публикуя объемные и содержательные научные статьи, он вносит свой важный вклад, помогая российским читателям глубже разбираться в изменениях, происходящих в развитии всех государств дальневосточного региона и способствуя расширению обменов России со странами Дальнего Востока.

Особого признания заслуживает вклад Вашего журнала в изучение Китая. Он своевременно откликается на происходящие в КНР важные события, дает им объективную оценку, привлекает к их доскональному изучению и анализу авторитетных экспертов-китаеведов. Все это играет положительную роль в формировании представлений о Китае у российских читателей, в укреплении китайско-российских отношений всестороннего стратегического партнерства и взаимодействия.

Особого упоминания заслуживает в этой связи статья академика РАН М.Л. Титаренко о характере китайско-российских отношений и перспективах их развития, а также содержательные статьи других ученых, знакомящие с 12-м пятилетним планом КНР, которые, несомненно, будут положительно воздействовать на то, чтобы читатели имели правильное представление о Китае и китайско-российских отношениях.

Китайский институт современных международных отношений и Институт Дальнего Востока Российской академии наук поддерживают между собой долговременные отношения дружбы и сотрудничества.

Наш институт является также давним подписчиком журнала «Проблемы Дальнего Востока» и его постоянным читателем.

Искренне надеемся на дальнейшее укрепление нашего будущего сотрудничества и продолжение обменов между журналом нашего института «Современные международные отношения» (на китайском и английском языках) и журналом Вашего института «Проблемы Дальнего Востока», чтобы постоянно вносить должный вклад в содействие развитию установленных лидерами двух стран всесторонних отношений стратегического партнерства и взаимодействия между Китаем и Россией.

От всего сердца желаю коллективу редакции журнала «Проблемы Дальнего Востока» всего наилучшего!

Искренне желаю академику РАН М.Л. Титаренко, главному редактору журнала «проблемы Дальнего Востока» В.Я. Портякову и всем сотрудникам редакции крепкого здоровья и успехов в работе.

*Директор Китайского института
современных международных отношений,
профессор*

Цуй Лижу

22 февраля 2012 г.

Прошло 40 лет с выпуска в марте 1972 г. первого номера журнала Российской академии наук «Проблемы Дальнего Востока».

Китайская пословица гласит: «30 лет — это становление, 40 лет — зрелость». Это означает, что достигнув тридцатилетия, человек самоутверждается, а в сорок лет достигает полной зрелости, мудрости и обретает авторитет.

В течение 40 лет влияние журнала в международных научных кругах постоянно возрастало. Можно без преувеличения сказать, что «Проблемы Дальнего Востока» стали одним из наиболее авторитетных и влиятельных изданий в области исследований Дальнего Востока и Азии, ситуации в странах АТР.

Как добросовестный китайский читатель журнала хочу особенно подчеркнуть его выдающийся вклад в развитие китайско-российских научных контактов.

Журнал способствовал налаживанию связей китайской цивилизации и культуры с народами России и АТР.

На протяжении многих лет журнал «Проблемы Дальнего Востока» опубликовал множество статей, посвященных исследованию социальных, политических, экономических и исторических проблем Китая. Особое восхищение вызывают перевод и комментарии учеными Института Дальнего Востока классических произведений китайской культуры от древних «Шицзина» и «Луньюя» до наиболее впечатляющих памятников культуры современного Китая. В результате десятилетий упорного труда, завершившихся публикацией на страницах «Проблем Дальнего Востока», мир познакомился с этими выдающимися произведениями, составляющими великий клад мудрости. Сближение различных цивилизаций есть результат культурного прогресса человечества. И оно будет еще более явным по мере его развития

2. Журнал обобщил опыт и уроки реформ и открытости в Китае.

Журнал первым за пределами Китая сосредоточил свое внимание на изучении процесса реформ и открытости, обобщил их опыт. Особо ценно то, что на фоне распространяемых в мире теорий об «экономическом упадке Китая» и «китайской угрозе» ученые ИДВ РАН твердо верили в грандиозные успехи КНР, справедливо и объективно оценивали проблемы Китая и обсуждали их на страницах «Проблем Дальнего Востока». И сегодня, когда мир признал успехи Китая, мы не можем не выразить уважения редакции журнала за дальновидное предвидение.

3. Журнал способствует развитию китайско-российских отношений стратегического партнерства и взаимодействия.

В последние годы российско-китайские отношения развиваются стабильно. Установление отношений стратегического партнерства стало классическим примером гармоничного сосуществования стран с различными системами. Китайско-российские отношения прошли сложный путь и вышли на уровень наиболее зрелых государственных отношений. Стороны урегулировали доставшиеся в наследство от истории пограничные проблемы, поддерживают друг друга в международных делах, развивают торгово-экономические связи. Все это соответствует интересам народов обеих стран, является вкладом в стабилизацию международной обстановки. В том, каковы китайско-российские отношения сегодня, большая заслуга принадлежит Институту Дальнего Востока и журналу «Проблемы Дальнего Востока».

По случаю празднования 40-летия журнала «Проблемы Дальнего Востока» искренне желаю ему дальнейших успехов. Как говорят в Китае: «Не останавливаясь на достигнутом, двигайтесь вперед».

*Директор Института России, Восточной Европы
и Центральной Азии АОН Китая*

У Энь Юань

9 февраля 2012 г.

Уважаемые директор Института Дальнего Востока академик М.Л. Титаренко, главный редактор журнала «Проблемы Дальнего Востока» профессор В.Я. Портяков

По случаю 40-летнего юбилея журнала «Проблемы Дальнего Востока» примите наши сердечные поздравления и самые искренние пожелания плодотворной деятельности и научных успехов.

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» как одно из ведущих научных и общественно-политических изданий РАН на протяжении своей 40-летней деятельности вносит большой вклад в научное исследование глобальных проблем и международных отношений, особенно в изучение стран АТР. Он предоставляет своим читателям возможность знакомиться с историей, культурой, политикой и экономикой стран АТР, следить за раз-

витиём международного сотрудничества, двусторонних и многосторонних отношений в этом динамичном и стратегически важном районе мира. В журнале систематически публикуются статьи видных ученых, известных политических деятелей и специалистов, занимающихся всесторонним изучением проблем и процессов, происходящих в Азиатско-Тихоокеанском регионе, благодаря которым читатели получают возможность своевременно ознакомиться с новыми результатами исследований ученых России и зарубежных стран, отличающимся высочайшим научным уровнем и отвечающими актуальным требованиям современной политики. В результате своих усилий журнал «Проблемы Дальнего Востока», следуя лучшим традициям российского востоковедения, приобрел должную популярность в научном сообществе.

Китай и Россия как две великие державы и два крупнейших в мире соседних государства, опираясь на высокое взаимное доверие, закрепленное в Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между КНР и РФ, юридически закрепили миролюбивый принцип передачи нашей дружбы из поколения в поколение и утвердили курс на оказание решительной взаимной поддержки и неуклонное расширение практического сотрудничества по самым различным направлениям. Мы уверены, что китайские и российские ученые на базе существующей традиционной дружбы между обеими странами с помощью журнала «Проблемы Дальнего Востока» как платформы научного сотрудничества и обменов приложат еще большие усилия в осуществлении нашей совместной научной деятельности в целях дальнейшего укрепления и развития дружественных отношений между Китаем и Россией и в интересах мирного развития и процветания АТР.

*Директор Центра исследований России
Шанхайской академии общественных наук
доктор социальных наук, профессор*

Пан Давэй

20 февраля 2012 г.

Академику Михаилу Титаренко,
директору ИДВ РАН
Профессору Владимиру Портякову,
главному редактору журнала
«Проблемы Дальнего Востока»

Дорогие академик Титаренко и профессор Портяков,

Мне доставляет большое удовольствие поздравить журнал «Проблемы Дальнего Востока» с 40-летием! Журнал достойно прожил эти годы. Вы лично и вся команда российских коллег, приложившие немало усилий для успеха журнала, можете гордиться своим детищем! Ваш журнал на деле оказывает большую помощь тем непросвещенным иностранцам, которые подобно мне самой, не могут читать по-русски, но, тем не менее, хотят получить представление об исследованиях по Китаю в вашей стране, имеющей замечательные традиции в синологии и значительный многовековой опыт общения с Китаем и китайским народом.

Мне кажется, что в самом содержании журнала налицо достигнутый им вполне разумный баланс между важными статьями, освещающими текущие и исторические проблемы развития в Китае и Восточной Азии, политику и отношения с Россией, сообщениями о научных конференциях в России и других странах и обзорами крупных российских публикаций по проблемам синологии. Качество редакционной и издательской подготовки материалов заметно улучшилось по сравнению с начальным периодом существования журнала. Его стало приятно читать и гораздо легче использовать в справочных целях. Безусловно, весьма удобна сама возможность быстрого просмотра или «скачивания» статей с веб-сайта издательства «Ист Вью Пресс», из выпусков журнала, начиная с

2000 г. Полагаю, что все это дополняет важный вклад российских ученых в наши общие знания о Восточной Азии.

У меня есть два предложения относительно дальнейшего улучшения содержания журнала и привлечения к нему еще большего внимания.

Первое состоит в возможном увеличении числа публикаций о переменах в китайском обществе и проблемах сельского и городского управления на местах. Другое, легко выполнимое, состоит в параллельном использовании иероглифов при написании имен собственных (за исключением таких хорошо известных, как Мао Цзэдун или Дэн Сяопин). Иногда это целесообразно также в ряде специальных библиографических ссылок для написания некоторых терминов, используемых китайскими авторами в тех случаях, когда даются переводы цитат. Например, знакомясь с интересной статьей о «гражданском обществе» в № 3 2008 г., читатель хотел бы знать, какие китайские слова используют цитируемые авторы для выражения данного понятия и некоторых других. В других журналах, публикуемых издательством «Ист Вью Пресс», приводятся некоторые китайские иероглифы. И это означает, что при имеющемся программном обеспечении с этим не должно возникнуть никаких технических проблем и не потребоваться дополнительных затрат.

Хотела бы еще раз засвидетельствовать Вам мою высокую оценку той энергичности и вдумчивости, с которыми Вы и ваши коллеги относятся к сохранению и поддержанию журнала, несмотря на все имеющиеся трудности. Надеюсь, это будет продолжаться и впредь, поскольку сам журнал сохраняет широко информативный характер, побуждающий к глубокой работе мысли.

С самыми теплыми поздравлениями и пожеланиями.

Искренне Ваша

Президент Академии наук морали и политики

Марианн Бастид-Брюгьер

Париж, Франция

По случаю знаменательного 40-летия журнала «Проблемы Дальнего Востока» от всей души поздравляю академика Михаила Титаренко и всех сотрудников Института Дальнего Востока, участвующих в его издании.

На протяжении четырех десятилетий ваш журнал остается для зарубежных ученых лучшим «окном в мир», через которое они узнают о наиболее значительных советских и российских исследованиях по проблемам Азии и, в частности, Китая. Я, как и многие специалисты по проблемам Азии во всем мире, получающие пользу от знакомства с публикациями «Проблем Дальнего Востока», желаю журналу многих и многих лет успешного существования.

*Профессор политических и международных отношений,
руководитель Программы изучения политики Китая
Университета им. Дж. Вашингтона, США*

Дэвид Шамбо

Политика

Китай перед выбором

© 2012

Я. Бергер

Накануне XVIII съезда КПК в КНР между сторонниками левой и либеральной ориентаций вновь обострилась полемика относительно курса дальнейшего реформирования политической и экономической системы страны. Идейное противоборство объективно обусловлено различными материальными интересами социальных групп, формирующихся в ходе углубляющейся дифференциации общества. Одним из важных предметов дискуссии служит последующая роль государства и рынка, государственного и негосударственного секторов экономики в развитии страны. Споры по вопросам внутренней политики усугубляются усложнением международной ситуации и влияют, в свою очередь, на определение внешнеполитических позиций КНР.

Ключевые слова: XVIII съезд КПК, ценности социализма, общечеловеческие ценности, Бо Силай, либерализм, политические реформы, рынок, госсобственность, приватизация

Китай живет в ожидании XVIII съезда коммунистической партии, который соберется осенью нынешнего года. Этот съезд, без преувеличения, призван сыграть выдающуюся роль в современной истории страны. Значение его состоит не только в том, что он завершит предопределенное и начатое еще на предыдущем XVII съезде обновление высшего партийного и государственного руководства. Еще более важно, что съезду предстоит определить дальнейшее направление развития страны, как минимум, на ближайшие 5–10 лет.

В конце 70-х годов прошлого века Китай под руководством Дэн Сяопина избрал курс на преобразование плановой государственной экономики в рыночную, на открытость страны внешнему миру. Сегодня этот курс требует основательного пересмотра, с учетом изменившейся ситуации.

Использование сравнительного преимущества Китая — дешевизны факторов производства: труда, капитала, земельных ресурсов — позволило стране стать мировой фабрикой, накопить огромные валютные резервы и выйти по объему ВВП на второе место в мире после США. Однако уже в конце 90-х годов прошлого века становилось все более очевидным скорое исчерпание возможностей такой модели развития.

Труд становится более дорогим¹. Закрывается окно демографических возможностей: в 2011 г. впервые доля трудовых ресурсов в общей численности населения стала сокращаться. Растет старение населения и соответственно — иждивенческая нагрузка на

работников. Неумеренное потребление земельных ресурсов сокращает производительный потенциал ограниченного пахотного фонда. Экстенсивное поглощение отечественных и мировых запасов сырья и энергии ведет к серьезному загрязнению окружающей среды. Упор на максимально высокие темпы экономического роста путем инвестиций до последнего времени увеличивал зависимость страны от внешних рынков сбыта и сокращал роль внутреннего потребления как важнейшего двигателя экономического роста.

Но самое главное — исчерпывается потенциал доверия общества к рыночным реформам. Поэтому в последние годы они фактически остановились, столкнувшись с активным сопротивлением тех, кто уже получил от них по максимуму, и, не встречая поддержки тех, кто разочаровался и от них отвернулся.

Быстрое наращивание ВВП сопровождалось обострением социальных проблем. Заниженная роль вознаграждения за труд по сравнению с доходами капитала, широко распространенная коррупция, недостаточность вложений в социальное обеспечение, здравоохранение, образование, диспропорции в развитии города и деревни — все это привело к огромным разрывам в уровне благосостояния богатых и бедных, различных регионов страны, усилило социальную напряженность, снизило управляемость общества. Согласно применяемым в КНР критериям, ниже черты бедности в 2010 г. находилось 26,9 млн чел., но, по словам Вэнь Цзябао, если использовать международные стандарты, то число бедных составит 150 млн чел.

Когда правящая партия только приступала к реформистскому курсу, Дэн Сяопину удалось убедить ее в необходимости отодвинуть в сторону идеологические дебаты по поводу социалистического или капиталистического характера реформ, признать, что рынок может быть одинаково полезен как для капитализма, так и для социализма, и согласиться на время с неизбежностью неравномерного обогащения разных групп общества. По мере развития рыночной экономики в прежде более или менее однородном обществе стали возникать социальные группы с разными материальными интересами, с разной идеологией и разными ценностями. Избегать далее споров по принципиальным вопросам развития страны стало невозможно.

С течением времени споры становились все более острыми, а позиции противоборствующих сторон все более непримиримыми, причем все это совпало с моментом, когда общество более всего нуждается в единении. Как отмечается в редакционной статье газеты «Хуаньцю шибао» — влиятельного рупора внешней политики КНР, «когда Китаю нужна высокая степень сплочения, чтобы противостоять внешнему давлению, в этой стране на поверхность выступает такое противоборство интересов внутри общества, какого она прежде не знала, а идейные споры приобретают небывалую остроту»².

Ценностные ориентации

Если предельно упростить ситуацию в общественном сознании, ее можно представить как противоборство двух ценностных систем: в основе первой — «базовые ценности социализма», в основе второй — так называемые «общечеловеческие ценности». В первой — превалируют идеалы равенства и справедливости, главными гарантами которых считаются государство и правящая партия, во второй — первенствуют личная свобода, демократия, права человека, которые призван обеспечивать закон.

Ценности первой группы, как известно, широко прокламировались в дорыночном Китае, хотя и носили в немалой степени декларативный характер. Но чем дальше уходит нынешнее общество от прежнего, тем громче слышится ностальгия по старому.

Разочарование большей части общества в реформах стало крепнуть со второй половины 90-х годов прошлого века, когда стремительно развернулась реформа госпредприятий, и миллионы рабочих утратили «железную чашку риса», лишились бесплатных социальных услуг. С течением времени число тех, кто считает себя в результате рыночных реформ обделенным и даже ограбленным, не только не убывало, но, напротив, росло. К низам общества примыкает левая интеллигенция. Им сочувствуют низовые офисные служащие — «белые воротнички», чей жизненный уровень страдает из-за того, что

заработки растут медленнее, чем дороговизна средств существования³. Увеличивается поляризация общества, растет социальная несправедливость, множатся противоречия и конфликты. Все это укрепляет левые настроения в обществе. Сказывается и рост национализма.

Соответственно аргументы либеральных сторонников чисто рыночного пути развития страны теряют свою убедительность. Профессор университета Цинхуа, известный китайский социолог более умеренной ориентации, Сунь Липин указывает на порочность попыток сторонников социал-дарвинистского мейнстрима исключить социализм из идейной сокровищницы современного человечества. «Некоторые чрезвычайно ценные для человеческой цивилизации элементы обходят. В результате формирование бездуховного сознания превращается в чистую погоню за прибылью, за деньгами. Избавление от тотальной уравниловки оборачивается оправданием чрезмерного разрыва между бедными и богатыми. Однобокий упор на эффективность служит доводом в пользу искоренения в обществе равенства и справедливости. А тактика прагматичных реформ прикрывает неразборчивость в средствах»⁴.

На крайнем левом фланге политико-идеологического спектра современного китайского общества группируются последователи идей Мао Цзэдуна. Они не только отрицают необходимость принципиальных изменений в политической системе, но негативно относятся к рыночному преобразованию экономики, к курсу Дэн Сяопина, считая его «отходом от марксизма и возрождением капитализма».

Многие «левые» до последнего времени связывали свои чаяния с деятельностью Бо Силая, партийного руководителя Чунцина, одного из крупнейших городов страны. Ключевым в его программе стало движение по «уничтожению черного и воспеванию красного», т.е. борьба против коррупционеров и прочей «нечисти» и превознесение революционных идеалов и атрибутов. «Красные» революционные песни, как во времена Мао, стали петь и старые, и малые, включая немощных инвалидов и детей четырех-пяти лет. На телевидении отменили коммерческую рекламу и многие развлекательные программы. Чунцин стали представлять прототипом политической модели для всей страны. Создавалось впечатление, что Бо Силай, опираясь на левую идеологию, стремится обеспечить себе большее влияние и более высокий пост на предстоящем съезде КПК.

Наличие таких возможностей связывалось, прежде всего, с тем, что за последние годы уже далеко за пределами Чунцина, чуть ли не по всей стране, вновь стали возрождаться кампании по воспитанию народных масс и функционеров на примерах бескорыстия и самоотверженности героев, отдающих свою жизнь партии, народу, революции. Кроме того, за годы пребывания Бо Силая на посту руководителя Чунцина его посетили шесть из девяти членов Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК. Правда, среди них не было Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао, по-видимому, сторонившихся чунцинского эксперимента. Зато побывавший в апреле 2011 г. в Чунцине председатель ВСНП У Банго, официально — второе лицо в государстве, поддержал Бо Силая. Его вдохновила радостная и бодрая обстановка, царившая в городе. Он одобрил строительство домов социального найма. Назвал «стратегической находкой» реорганизацию системы городской и сельской прописки. «Красное» движение было оценено весьма эмоционально — как «эффективная пропаганда базовых ценностей социализма... проникающая в души людей и привлекающая даже иностранных друзей». В «ударах по черным силам и искоренении зла» У Банго увидел пример для других районов Китая. Другие посетители из высшего руководства КПК столь явного одобрения деятельности Бо Силая, однако, не высказывали, а Хэ Госян, ответственный за чистоту партийных рядов, вообще воздержался от каких-либо публичных суждений. Тем не менее, и сколько-нибудь очевидного негативного восприятия не прозвучало.

Дальнейшему продвижению идей и лидерских притязаний Бо Силая помешал скандал, связанный с попыткой его ближайшего сподвижника, заместителя мэра Чунцина и главного организатора движения по «уничтожению черного и воспеванию красного» Ван Лицзюня укрыться в американском консульстве. Этот скандал и выявившиеся в ходе

его расследования факты уголовного характера, касающиеся семьи Бо Силая, послужили основанием для его дисциплинарного преследования, хотя политическая подоплека событий вряд ли вызывает сомнения.

9 марта 2012 г. на заседании чунцинской группы делегатов весенней сессии ВСНП в присутствии огромного числа журналистов Бо Силай и мэр Чунцина Хуан Цифань говорили об успехах в экономическом строительстве, о развитии демократии и законности, о достижениях в социальной сфере, включая деревню. Особое внимание было обращено на сокращение разрыва между богатыми и бедными. Бо Силай критиковал тех, кто считает, что совершенствовать распределение можно только по достижении успехов в развитии экономики. В 2011 г. ВВП Чунцина увеличился в 2,1 раза по сравнению с 2007 г., среднедушевой доход крестьянина — в 1,8 раза, горожанина — в 1,7 раза. Десятикратно возросли иностранные инвестиции, в десятки раз — вложения отечественного капитала за рубежом.

Тремя днями ранее газета «Синь цзинбао» сопоставила взгляды Бо Силая со взглядами другого видного провинциального лидера страны — секретаря парткома провинции Гуандун Ван Яна. В качестве квинтэссенции первых выделялось утверждение: «Справедливое распределение совместимо с качественным и быстрым развитием». Подчеркивалось первостепенное значение, придаваемое Бо Силаем реформе системы распределения, которое рассматривалось в контексте базовых ценностей социализма.

Для Ван Яна главным вектором служит совместное развитие различных форм собственности, различных социальных групп, сформировавшихся в Гуандуне в результате трех десятилетий становления рыночной экономики. Начинать решение проблем, связанных с воздействием групп интересов на правящую партию и правительственные органы, по его мнению, следует сверху, с правящей партии и правительства.

Еще более развил и конкретизировал эту позицию заместитель секретаря провинциального парткома и губернатор Гуандуна Чжу Сяодань. Ключевым звеном он считает собственную реорганизацию правительства, которая должна способствовать совершенствованию системы рыночной экономики в провинции. Сегодня, сказал Чжу Сяодань, правительство должно сократить сферу своего управления, исключить из него многое, чем оно не должно управлять, не в состоянии управлять или управляет плохо. Такая реформа позволит рынку в полной мере выполнять свою основополагающую роль в распределении ресурсов.

Весьма примечательным для уяснения взглядов гуандунского руководства на способ решения актуальных проблем страны был ответ Ван Яна на вопрос о его отношении к протестным событиям, произошедшим в сентябре 2011 г. в деревне Макань⁵. Он назвал требования крестьян рациональными и законными. Столь миротворческое отношение к массовым протестам поддерживается, однако, далеко не всюду.

На пресс-конференции по окончании сессии ВСНП премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао призвал чунцинское руководство покаяться и извлечь уроки из дела Ван Лицзюня. На следующий день после этого было объявлено об отстранении Бо Силая от всех занимаемых им постов в Чунцине. В решении ЦК КПК говорилось о положительном отношении к работе, проделанной в Чунцине, об успехах в реформах и модернизации города, о том, что вклад кадровых работников и масс в эти успехи надо отделять от дела Ван Лицзюня. Тем не менее, вряд ли можно сомневаться, что снятие Бо Силая нанесло позициям и претензиям левых серьезный ущерб.

Долгое существование особой идеологической и политической платформы в крупном центре провинциального масштаба, тем самым в определенной мере противостоящего центру общекитайскому, могло восприниматься как следствие недостаточного единства и сплоченности центрального руководства.

Такая ситуация в истории китайской компартии, разумеется, не раз бывала. В разное время в партии сосуществовали и противоборствовали различные идейно-политические и клановые группы. Не далее, как в канун предыдущего съезда КПК пришлось отправить в отставку и привлечь к ответственности секретаря парткома влиятель-

ной шанхайской организации. Поэтому решение об отстранении Бо Силая сначала от руководства городом, а потом и от членства в коллегиальных руководящих органах всей партии призвано, помимо всего прочего, опровергнуть слухи о расколе в руководстве и доказать, что, как минимум, по некоторым важным вопросам идеологической и политической платформы партии необходимый консенсус достигим.

С той же целью — воспрепятствовать углублению раскола был закрыт на время «для саморегулирования» левацкий сайт «Утопия», который, как было заявлено его организаторам, «публиковал материалы, нарушавшие Конституцию, злонамеренно нападал на руководителей государства и беспардонно спекулировал по поводу XVIII съезда КПК». Этот сайт активно поддерживал Бо Силая в его борьбе с «темными силами» и прославлению революционного духа. В официальной прессе была развернута также кампания противодействия «клеветническим измышлениям и слухам» в СМИ и Интернете по поводу ситуации в партийном руководстве.

Большое внимание уделяется сохранению лояльности к высшим органам КПК в партии, в обществе и, особенно, в вооруженных силах. Об этом, например, свидетельствует выступление заместителя председателя Военного комитета ЦК КПК, члена Политбюро ЦК КПК Го Босюна в Чэндуском военном округе 14 апреля 2012 г. Го Босюн призвал солдат и офицеров НОАК поддержать решение ЦК КПК, еще теснее сплотиться вокруг ЦК КПК и подчинить всю деятельность указаниям Председателя КНР и Военного совета ЦК КПК Ху Цзиньтао. Он настоятельно рекомендовал им не слушать, не доверять, не распространять различные политические измышления и «противостоять политическому либерализму»⁶.

Последнее особенно примечательно. Этот дозунг подчеркивает, что руководству КПК, по меньшей мере, его нелиберальному крылу, приходится иметь дело не только с левой опасностью, которая со времен Дэн Сяопина традиционно считается главной, но и опасности правой, которая с усложнением внешней и внутренней ситуации все более набирает силу.

Трибуной для выражения либеральных, как правило, прозападных взглядов служат не только Интернет, но и многие СМИ, среди которых особенно выделяются южно-китайские газеты и журналы, входящие в холдинг «Наньфан бао»⁷. Иногда к активным сторонникам этого направления относят и некоторые иные электронные и печатные издания (например, «Шидай чжоубао», «Синь цзин бао» и несколько крупных сайтов). Их влияние просматривается также в официальных СМИ и информационных агентствах.

Между двумя крайними полюсами располагается относительно небольшая, но влиятельная группа интеллектуалов и партийных функционеров. Некоторые эксперты считают их представителями «третьего пути», последователями Ху Яобана и Чжао Цзяяна, возглавлявших партийное руководство в 80-х годах прошлого века и до сих пор высоко чтимых в обществе.

Сайт исторических материалов о Ху Яобане и полуофициальные издания «Чжунго гайгэ» и «Цзинци гуаньча бао» проводят «салоны» для обсуждения политической реформы. Они проходят под покровительством Ху Дэпина — сына Ху Яобана, бывшего заместителя заведующего Отделом единого фронта ЦК КПК, а ныне — постоянного члена ПК НПКСЖ, а также Цзян Пина — известного правоведа, бывшего ректора Политико-юридического университета Китая.

В начале 2012 г. был проведен «салон» в честь 20-летия знаменитой поездки Дэн Сяопина на юг Китая, в котором приняли участие около 200 человек. Некоторые его участники настаивали на том, чтобы Китай перенял зарубежные политические институты, ввел у себя систему многопартийных выборов, обеспечил свободу СМИ, отказался от партийного руководства вооруженными силами⁸.

На форуме, посвященном 30-летию принятия постановления ЦК КПК «О некоторых проблемах истории партии после образования КНР», Ху Дэпин подверг критике крайних консерваторов, которые стремятся возродить идеи Мао Цзэдуна и оправдать «культурную революцию». По его словам, они пользуются тем, что принятое три десятилетия назад

решение ЦК КПК не довело самокритику до конца и тем самым сохранило возможность призывать к новой «культурной революции». Выступавший на этом же форуме Цзян Пин заявил о ложности двух постулатов китайской политики, один из которых провозглашает приоритет стабильности, а другой — превозносит китайскую специфику. Последний тезис, по его словам, означает пренебрежение общечеловеческими ценностями⁹.

Стремление сочетать индивидуальные общечеловеческие ценности свободы с социальными ценностями равенства и справедливости просматривается и в рассуждениях Сунь Липина. Он считает, что при существующем усложнении социально-экономической жизни Китая нужна еще более сильная власть, но такая власть, которая все же ограничена определенными рамками и подконтрольна. Сунь Липин призывает к укреплению законности и гражданских прав, к постепенному строительству демократических институтов. «Для того, чтобы реализовать ценности равенства и справедливости, мы должны с позиций уверенности в себе принимать, а не отвергать общечеловеческие ценности... Отказ от этих ценностей не только поставит нашу страну в трудное положение на международной арене, но и может пагубно сказаться на нашей собственной социально-экономической жизни. Фактически важной причиной того, что мы застряли в ловушке перехода, как раз и является отказ от мировой цивилизации мейнстрима»¹⁰.

Определенные ценностные нюансы можно заметить и в контенте выступлений лидеров КПК, хотя в целом они стремятся выражать некую общую, согласованную точку зрения. Так, риторика Ху Цзиньтао, как правило, абсолютно непримирима по отношению к правой опасности. Он в основном следует тем постулатам, которые были сформулированы еще в его выступлении на 4-м пленуме ЦК КПК 16-го созыва в сентябре 2004 г., когда он упрекал отечественные СМИ в том, что под лозунгом политической реформы они пропагандируют западные буржуазные идеи парламентарной демократии, прав человека, свободы СМИ. Эта позиция стала еще более жесткой через шесть лет, когда на 5-м пленуме ЦК КПК 17-го созыва осенью 2010 г. была представлена программа, направленная на предотвращение «цветных революций» в Китае.

В выступлениях Вэнь Цзябао иной раз проскальзывали некоторые либеральные нотки. Не используя собственно понятие «общечеловеческих ценностей», он, тем не менее, не обходил их известный понятийный набор, за что его даже критиковали в официальных СМИ, правда, безмянно. Вместе с тем, нельзя не обратить внимание на то, что Вэнь Цзябао за время пребывания на посту премьера Госсовета — с 2003 г., неоднократно посещая в своих поездках по стране провинцию Хунань, насколько известно, ни разу не побывал в Шаошане — на родине Мао Цзэдуна. Другие члены высшего руководства КПК навещали эти места неоднократно, в ряде случаев — с пожертвованиями на создание мемориала.

Особую остроту внутренним дискуссиям придает то, что они разворачиваются на фоне усиливающегося внешнего идейно-политического давления на Китай. Целевой аудиторией распространения «общечеловеческих ценностей» является, прежде всего, молодое поколение, сотни миллионов китайских молодых людей, пользующихся Интернетом и социальными сетями. Об этом прямо говорит прежний посол США в КНР Дж. Хантсман¹¹. Подобные заявления воспринимаются в КНР как стремление американцев готовить для себя в Китае «пятую колонну», которая станет отстаивать их интересы в американо-китайском противоборстве на мировой арене¹². Многочисленные зарубежные и отечественные пропагандисты с помощью СМИ и социальных сетей внушают китайской молодежи мысль о том, что «жасминовая революция» непременно придет в Китай, точно так же, как мобильные телефоны, компьютеры, сети «помогли арабскому миру изменить цвет»¹³.

В январе 2012 г. группа представителей китайской общественности, среди которых были научные работники, университетские профессора, журналисты, обратились в Постоянный комитет ВСНП с предложением восстановить изъятую в 1982 г. статью Конституции КНР о наказании изменников Родины. В письме отмечается, что усиление внешнего давления за последние годы вызывает повышенную активность предателей

внутри страны. Особенно такой активизации способствует провозглашение в начале января 2012 г. курса на поддержание глобального лидерства США. Авторы письма утверждают, что во вражеские руки попадает контроль над стратегически важными отраслями экономики, что иностранный капитал по дешевке скупает государственные предприятия и государственные банки, что под флагом западных общечеловеческих ценностей искажается направление политической реформы, подрываются основы социалистической государственности, что буржуазная культура ведет наступление на культуру социалистическую. Все это, убеждены инициаторы поправки в Конституцию КНР, ведет к утрате государственного суверенитета, толкает на путь зависимого развития, серьезно угрожает безопасности и целостности страны¹⁴.

Реформы политические и экономические

Выступая 14 марта с.г. на пресс-конференции по окончании весенней сессии ВСНП, премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао в очередной раз ответил на постоянно задаваемый ему вопрос по поводу перспектив реформы политической системы КНР. Он отметил, что после разгрома «банды четырех» в партии была произведена оценка некоторых моментов ее новейшей истории, однако, с его точки зрения, «ошибки «культурной революции» и феодальные влияния были прояснены неполно». Вэнь Цзябао также указал, что с развитием экономики возникли проблемы несправедливостей распределения, недостаточного кредита доверия, коррупции. Для их решения, сказал он, нужно проводить реформу не только экономической, но и политической системы, особенно реформу системы партийного и государственного руководства. «Сейчас, когда реформы вступили в этап штурма, — подчеркнул Вэнь Цзябао, — без успешной реформы политической системы реформу экономической системы нельзя довести до конца, а уже достигнутые успехи могут быть утрачены». Вэнь Цзябао предупредил, что без реформ «может повториться историческая трагедия культурной революции». Касаясь направления и темпов демократических преобразований, Вэнь Цзябао высказался за постепенность перехода к прямым выборам органов власти — начиная с нижних звеньев¹⁵.

Руководство КПК определило приоритеты своей *социально-экономической политики* на ближайшее время для того, по словам Вэнь Цзябао, чтобы «люди увидели надежду». На упомянутой выше пресс-конференции он назвал пять трудных дел, которыми намерен заниматься в последний год своего пребывания на посту главы правительства, чтобы не оставлять их в наследство преемникам. Все они касаются благосостояния народа. В их числе:

- разработка генерального проекта реформирования системы распределения доходов;

- определение и введение в действие правил компенсации за изъятие коллективных земель в деревне, подлинное гарантирование собственности на подрядные земельные участки крестьян;

- гарантирование полного обеспечения города и деревни пенсиями по старости;

- повсеместное введение пособий по бедности в соответствии с новыми критериями в районах концентрации бедноты;

- уже начатое повышение расходов на образование до 4% ВВП.

В окончательно утвержденном тексте доклада Госсовета КНР на сессии ВСНП к этим пяти пунктам добавились еще два:

- неукоснительное проведение курса на регулирование рынка недвижимости;

- введение в действие детальных правил осуществления «новых 36 пунктов» для привлечения негосударственных инвестиций в здоровое развитие.

Надо полагать, что эти моменты найдут отражение и в главном документе будущей стратегии — Отчетном докладе ЦК КПК на XVIII съезде КПК.

Многие китайские эксперты — политологи, социологи, экономисты признают принципиальную необходимость проведения глубоких социальных и политических ре-

форм — наряду с дальнейшими преобразованиями в экономике. Однако насчет очередности этих реформ и их содержания существуют значительные разногласия.

Некоторые китайские либералы полагают, что приоритет должен принадлежать реформам политическим, включающим преобразование структуры и функций власти на всех ее уровнях. Они исходят из того, что именно отставание политических реформ тормозит развитие экономики. Главным препятствием на пути к изменению модели развития им представляется сращивание государства и бизнеса, монополизация экономики и социальной сферы.

Еще на предыдущем XVII съезде КПК в октябре 2007 г. была провозглашена задача перехода экономики к более сбалансированному, более гармоничному развитию. Одновременно повысилось внимание к социальным проблемам. Новый подход, опирающийся на инновации, научно-технический прогресс, на рост производительности труда, на инвестиции в человеческий капитал, не сулит столь высоких темпов экономического роста, как прежний. С более низкой динамикой придется смириться. Однако в итоге развитие может стать более плавным, более устойчивым, менее подверженным угрозам дестабилизации.

Выполнение поставленной задачи, однако, находится пока на самом начальном этапе. Тормозящую роль в процессе перехода к новой модели сыграл и глобальный финансово-экономический кризис. Стремясь не допустить слишком резкого падения темпов экономического роста, «жесткой посадки», что неизбежно привело бы к взрывному увеличению безработицы, снижению жизненного уровня населения и, как следствие, к дальнейшему усилению социальной напряженности, китайское правительство прибегло к мощному вливанию финансовых средств и инвестиций в экономику. Это, в свою очередь, способствовало закреплению старой модели развития и усилению инфляции.

Вместе с тем, глобальный кризис делает еще более настоятельной корректировку курса развития китайской экономики. Сокращение емкости рынков сбыта китайской промышленной продукции в развитых странах Запада усугубляется тенденцией к их реиндустриализации.¹⁶ Преобладающим позициям китайской обрабатывающей промышленности в мире угрожает также удорожание себестоимости китайского экспорта, в том числе и вследствие поступательного повышения эффективного обменного курса юаня под давлением США, и растущая конкуренция со стороны других развивающихся экономик¹⁷.

Переориентация китайской промышленности на удовлетворение внутреннего спроса становится, таким образом, безотлагательной необходимостью. Но такой переход не может свершиться быстро. Требуются глубокие реформы и преодоление сопротивления тех, кто получил и продолжает получать наибольшие дивиденды от прежнего курса.

В этой связи выдвигается ряд предложений по пересмотру сложившегося соотношения функций государства и рынка в обеспечении дальнейшего качественного и количественного роста экономики. Ряд экономистов, ориентированных на дальнейшее усиление роли рыночных механизмов (например, руководитель хайнаньского Института реформ и развития Китая Чи Фулинь), полагают, что ведущая роль государства была объективно необходима на начальном этапе становления рыночной экономики, на этапе преимущественно количественного экономического роста. В дальнейшем «сильное правительство», как утверждают, становится не только ненужным, но, более того, оборачивается преградой на пути дальнейших реформ, на пути решения порожденных такой моделью противоречий.

Некоторые адепты чисто рыночной ориентации экономики (например, известный экономист, ведущий сотрудник Центра исследований развития при Госсовете КНР У Цзинлянь) идут еще дальше и вообще отрицают сколько-нибудь существенный позитивный вклад государства в создание «китайского чуда», отдавая все положительные результаты трех последних десятилетий рынку, а все неудачи — правительству.

Острые нападки либералов направлены против государственного регулирования рынка и против государственного сектора экономики. Так, известный китайский эконо-

мист рыночной ориентации Ли Инин утверждает, что рынок должен регулировать себя самостоятельно, без государственного вмешательства, что экономические кризисы — важнейший инструмент рыночного регулирования, поскольку они на соответствующих этапах экономического цикла устраняют устаревшие производственные мощности и дают толчок инновациям, тем самым упорядочивая структуру производства. Поэтому государству советуют «совершенствовать и уважать рынок», а не прибегать к административным мерам макрорегулирования. Понятно, что при этом социальные и политические издержки и риски в расчет не принимаются.

В этой связи утверждается, что не следует придавать слишком большого значения отличиям социалистической рыночной экономики в Китае. Гораздо более важным представляется всеобщность законов рынка. Именно в соответствии с законами рынка предлагается трансформировать и функции власти. Без проведения основательной политической реформы, утверждает У Цзинлянь, невозможно проводить дальнейшее реформирование экономики¹⁸.

Выдвигается тезис о необходимости дальнейшей приватизации государственного сектора экономики, хотя прошлые съезды КПК неизменно призывали к поступательному развитию как государственной, так и негосударственной форм собственности.

Требование приватизации государственной собственности нашло отражение в докладе о перспективах экономического развития Китая до 2030 г., представленном 28 февраля 2012 г. на пресс-конференции в Пекине президентом Всемирного банка (ВБ), бывшим заместителем госсекретаря США, Робертом Зелликом¹⁹. В этом обширном документе наряду с идеями, достаточно широко распространенными и пользующимися определенной поддержкой в разных слоях общества, содержатся и весьма спорные предложения, в частности, касающиеся судеб госсектора экономики. Предполагается, что к 2030 г. доля государственных предприятий в общей стоимости промышленной продукции КНР сократится с 27% примерно до 10%.

Доклад ВБ готовился в течение полутора лет совместно с Центром исследований развития Госсовета КНР. В числе руководителей проекта с китайской стороны выступали глава этого центра Чжан Юйтай и заместитель министра финансов Ли Юн. ВБ создал руководящую комиссию, в состав которой вошли четыре вице-президента банка. В качестве координирующего звена действовало Министерство финансов КНР. Непосредственную исследовательскую работу и написание доклада возглавляли заместитель руководителя Центра исследований развития Госсовета КНР Лю Шицинь и ведущие сотрудники ВБ Клаус Роналд и Викрам Неру, а участие с обеих сторон принимали более 50 экспертов. Группой китайских экспертов руководил У Цзинлянь.

Предварительная версия доклада была разослана Министерством финансов для согласования в различные ведомства. По информации газеты «Эршии шици цзинци бао», министерства образования и здравоохранения дали докладу высокую оценку, полагая, что в нем содержатся ценные предложения по реформированию и развитию курируемой ими социальной сферы²⁰. С резкими возражениями выступил только Комитет по управлению государственным имуществом КНР, в ведении которого находятся 117 государственных предприятий центрального подчинения. В ответе Министерству финансов говорилось, что предложение о сокращении удельного веса госсобственности противоречит Конституции КНР и направлено на подрыв основ экономического строя социализма. Комитет отрицал, что в стране происходит наступление госсектора экономики за счет негосударственных секторов и что имеет место монополизация государственных предприятий²¹.

Эмоциональный протест против идеи уничтожения госсобственности был выражен уже непосредственно на самой пресс-конференции неким представителем левацкого объединения «Утопия», который распространил в аудитории листовки с лозунгом: «Всемирный банк, катись со своей отравой в Америку!». За этим последовали отклики схожего содержания в сети Интернет.

В то же время в китайской печати есть и противоположные оценки. Некоторые полагают, что доклад Всемирного банка заслуживает самых высоких похвал, поскольку он указывает путь перехода к «полностью рыночной экономике»²². Утверждается, что госпредприятия вытесняют с рынка частных предпринимателей, способствуют инфляции, ущемляют народные интересы. Отсюда делается вывод о необходимости приватизации госпредприятий²³.

Выступая 5 марта 2012 г. на групповой дискуссии делегатов только что открывшейся сессии Народного политического консультативного совета Китая бывший глава Комитета по управлению государственным имуществом КНР Ли Жунъюн, выразил несогласие с выводами, содержащимися в докладе ВБ²⁴. С цифрами в руках он опроверг утверждение о том, что происходит «наступление государства и отступление частника». За период с 1998 по 2010 гг. доля государственных предприятий в их общей численности уменьшилась с 39% до 4,5%, их доля в суммарной прибыли — с 36% до 27,8%, в численности занятых — с 60,5% — до 19,2%, в налоговых сборах — с 65,5% до 37,2%.

Против опасности полной приватизации китайской экономики выступил один из самых уважаемых экономистов, стоявший у истоков рыночных реформ в КНР — Лю Гогуан²⁵. Он полагает, что в дальнейшем продолжение рыночных реформ должно сочетаться с укреплением макропланирования и макрорегулирования экономики, с усилением ведущей роли государственного планирования в макрорегулировании и что включение такого тезиса в доклад на XVIII съезде КПК сегодня чрезвычайно важно и актуально. Это отнюдь не возврат к традиционной плановой экономике, а новое соединение плана с рынком на более высоком уровне. План распространяется только на макроэкономику, оставляя микроэкономику, главным образом, в распоряжение рыночного регулирования. Ресурсы в основном распределяются рыночными методами, а план лишь восполняет их недостатки. Наконец, преобладают не административные директивы, а индикативное и стратегическое планирование и прогнозирование.

Лю Гогуан признает наличие многих проблем, которые порождаются госсобственностью, включая малую эффективность, коррупцию, монополизм, высокие зарплаты руководителей предприятий. Однако он считает, что все эти проблемы можно решить путем дальнейшего реформирования госпредприятий. Необходимо, настаивает Лю Гогуан, поставить заслон приватизации общественной собственности, положить конец разделу госпредприятий под предлогом борьбы с монополизмом. Только таким образом, по его мнению, можно, в конечном счете, избежать поляризации общества.

Разногласия по вопросам внутренней политики не могут не отражаться на формировании внешнеполитического курса, и, наоборот, та или иная ориентация во внешней политике дает дополнительный импульс дискуссиям относительно путей решения внутренних проблем.

Как отмечается в упомянутой выше редакционной статье газеты «Хуанцю шибао», «все более расширяющийся раскол общественного мнения ведет к тому, что внешняя политика, в какую бы сторону она ни склонялась, подвергается критике и нажиму со стороны части общественного мнения»²⁶. Это обстоятельство, по словам газеты, с одной стороны, сокращает вероятность крайностей во внешней политике, но, с другой — ослабляет внутреннюю сплоченность, что относительно облегчает внешнее давление на Китай.

Китаю, продолжает передовица «Хуанцю шибао», очень трудно избегать внешних конфликтов. Будет ли в нашей позиции преобладать терпеливость или жесткое противостояние — при любой реакции в общественном мнении внутри страны мы встретим несогласие. Сейчас ни один ответ не может в высокой степени сплотить китайское общественное мнение. Китайская политика служит объектом критики как извне, так и внутри. Чтобы сделать такие нападки наиболее эффективными их нацеливают на патриотизм. В итоге, заключает газета, Китаю приходится продолжать свое возвышение в ситуации, когда внутренняя сплоченность непрерывно страдает.

К новому консенсусу

Китай располагает немалым материальным и духовным потенциалом для дальнейшего всестороннего развития в течение нескольких последующих десятилетий. Вместе с тем, каждый следующий шаг требует возрастающих усилий, осмотрительности, тщательного учета вызовов и рисков — как внутренних, так и внешних с тем, чтобы преодолеть негативное воздействие факторов нестабильности и неопределенности.

Последующие реформы, в отличие от тех этапов, когда абсолютным приоритетом был количественный рост экономики, призваны сочетать поступательное, взвешенное, осторожное и сбалансированное преобразование не только экономической, но также социальной, политической и культурной сфер общественной жизни. Новая приоритетность целей требует корректировки функциональной ответственности властей.

Но в еще большей мере страна нуждается в определенном единении — элит и общества в целом для того, чтобы предотвратить воздействие на принятие решений общенационального значения со стороны тех или групп со своими специфическими интересами, действующими как внутри страны, так и из-за рубежа. Значение социальной устойчивости под девизом «*вэнь чжун цюй цзинь*» — «*продвигаться в условиях стабильности*» возрастает многократно.

Именно стабильность и общенациональный консенсус, достигнутые в 80-е и 90-е годы прошлого века, обеспечили выдающиеся успехи курса на реформы и открытость. Теперь аналогичных благоприятных условий для проведения нового курса придется заново добиваться в еще более сложной внутренней и внешней обстановке. Именно эту труднейшую задачу предстоит решать XVIII съезду КПК.

1. С 2005 по 2011 гг. минимальная ставка заработной платы увеличилась в Пекине вдвое, в Шанхае — на 85,5%, в Шэньчжэне — на 91,3%, в Хэнане — на 125%. Согласно подсчетам экспертов группы Economist (EIU), за 10 с лишним лет себестоимость рабочей силы в Китае возросла почти в 5 раз: с 0,6 ам. долл. за 1 рабочий час в 2000 г. до 2,9 ам. долл. в 2011 г. Если прежде труд в Китае был дешевле, чем в странах Юго-Восточной Азии, то теперь он стал дороже: по сравнению с Таиландом — в 1,5 раза, с Филиппинами — в 2,5 раза, с Индонезией — в 3,5 раза (Чжунго фачжань гуаньча. 2012. 13 апр.).
2. Хуаньюэ шибао. 2012. 23 марта.
3. Десять лет назад на 10 юаней можно было купить 10 цзиней риса или 4 цзиня свинины, два года назад — только 5 цзиней риса или 1 цзинь свинины, в настоящее время — лишь 3 яблока, полцзиня свинины или несколько пучков лука (Жэньминь жибао. 2012. 12 апр.).
4. Цзинцзи гуаньча бао. 2012. 8 апр.
5. В 2011 г. в деревне Макань провинции Гуандун между крестьянами и местной властью возник земельный конфликт. Местность была блокирована вооруженной полицией. Один из демонстрантов был задержан и после трехдневного заключения скончался. Однако Ван Ян отказался от дальнейшего обострения ситуации и массового применения силы против протестантов. Благодаря прямому вмешательству провинциального руководства, вступившего в контакт с представителями протестующих, в конце года конфликт был улажен. Демонстрации прекратились, арестованных выпустили на волю. В отставку был отправлен прежний коррумпированный сельский комитет вместе с руководившим им в течение 41 года секретарем местной партиячейки. В феврале 2012 г. гласно, в присутствии журналистов, на основе прямого и тайного голосования были проведены выборы новых органов сельского самоуправления. В их состав были избраны все те, кто организовывал протесты и демонстрации, а председателем стал возглавлявший протестное движение новый партийный секретарь из местных ветеранов.
6. Жэньминь жибао. 2012. 15 апр.
7. Об идейной платформе этих изданий дает представление получившая широкий резонанс полемика между редакцией еженедельника «Наньфан чжоумо» и известным ученым, борцом против мистики и лженауки Сы Мананем. Поводом для полемики стала публикация в еженедельнике статьи, утверждавшей, что помощь населению, пострадавшему от землетрясения в Вэньчуане, пришла благодаря «общечеловеческим ценностям». Сы Манань возражал, что такая

- поддержка в Китае всегда оказывалась на основе традиционной взаимопомощи, а пропаганда «общечеловеческих ценностей» имеет своей целью лишь разрушение национального самосознания народа и подрыв государственных устоев (*Сы Манань*. Пуши цзячжи хэнь сянь шэнхуа [Общечеловеческие ценности очень похожи на миф] // Цзинцзи гуаньча бао. 2012. 8 февр.
8. Миньбао. 2012. 19 янв. Мэйго чжи шэн. 2012. 19 янв.
 9. Миньбао. 2011. 28 авг. Ляньхэ цзаобао. 2011. 28 авг.
 10. Цзинцзи гуаньча бао. 2012. 8 апр.
 11. <http://bbs.m4.cn/thread-3238793-1-1.html>,
 12. У ю чжи сянь. 2011. 17 нояб.
 13. См., например, беседы китайских политэмигрантов по радио «Сиван чжи шэн» («Голос надежды») и многочисленным иным каналам.
 14. <http://bbs.chinanews.com/thread-3185193-1-1.html>.
 15. Ряд профессоров Центральной партшколы при ЦК КПК представили в 2008 г. примерный график такой реформы, рассчитанный на 20 лет, начиная с 2012 г. Согласно этому графику, за первые пять лет предполагается перейти от экспериментальных выборов руководителей волостей и поселков к их повсеместному избранию и начать экспериментальное избрание руководства уездов. В следующее пятилетие — перейти к повсеместным выборам уездного начальства и экспериментальным — губернского. К 2017 г. — осуществить повсеместные выборы руководителей губерний и городов. а к 2032 г. — высшего руководства (Янчэн ваньбао. 2008. 16 янв.).
 16. Согласно прогнозу Бостонской консалтинговой группы, 15% американских предприятий, ориентированных на североамериканские рынки, могут вернуться из Китая в США (Return of Manufacturing from China. Report by The Boston Consulting Group. 2012. 22 March). URL:<http://www.bcg.com/media/PressReleaseDetails.aspx?id=tcm:12-100750>.
 17. На Азиатском форуме 2012 г. в Боао (Хайнань) приводились такие данные о средней месячной заработной плате работников обрабатывающей промышленности: Вьетнам — 1000 юаней, Индия — около 600 юаней, восточное приморье КНР — 2500–3000 юаней.
 18. Чжунго цзинцзи чжоукань. 2.03. 2012.
 19. The World Bank. Development research center of the State council, People's Republic of China/ China 2030. Building a modern, harmonious and creative high-income society.
 20. Следует заметить, что именно реформы в области здравоохранения и образования подверглись в китайском обществе наибольшей критике и даже признаны провальными за то, что отдавали эти важнейшие для граждан области фактически на откуп рынку, приняв роль государства.
 21. <http://finance.sina.com.cn/china/20120229/110811480230.shtml>.
 22. Микроблог газеты «Хуанью шибао» (2012. 2 марта).
 23. Гоци цайцзин шибао. 2012. 8 марта.
 24. Шидаи чжоубао. 2012. 8 марта.
 25. Лю Гогуан. Бу цзяньчи шэхуэйчжун фансян ды гайгэ тунъян сылу и тяо [Не поддерживать реформы в социалистическом направлении — тоже тупик] // Жэньминь лунъян. 2012. 15 марта. Заголовок статьи Лю Гогуана полемизирует со статьей в газете «Жэньминь жибао» с названием «Реформы опасны, без реформ — партия в опасности».
 26. Хуанью шибао. 2012. 23 марта.

Япония: самый тяжелый год в послевоенной истории*

2011 г. для Японии стал одним из самых сложных после окончания Второй мировой войны. 11 марта 2011 г. Японии постигло стихийное бедствие в виде землетрясения в 9 магнитуд, произошедшее в Тихом океане недалеко от северо-восточной части о. Хонсю. Оно привело к огромной волне цунами, накрывшей район Тохоку. Япония столкнулась с природно-техногенной аварией на АЭС «Фукусима-1», приведшей к радиационному загрязнению окружающей среды. Страна вынуждена взять курс не только на восстановление уничтоженных землетрясением и цунами регионов, но и на формирование новой энергетической политики в контексте роста антиядерных настроений, вызванных недоверием к «мирному атому». Бедствие нанесло ощутимый удар по экономике страны, которая в 2011 г. едва начала оправляться от мирового финансово-экономического кризиса. Обострилась и политическая обстановка в Японии, приведшая к смене премьер-министра. Токно также вынужден решать ряд сложных проблем во взаимоотношениях со своими основными внешнеполитическими партнерами.

Ключевые слова: Япония, политика, экономика, общество, российско-японские отношения, «Фукусима-1», землетрясение, цунами, территориальные споры, военные базы, китайская угроза, Транстихоокеанское партнерство, южные Курилы

Великое бедствие на Востоке Японии

В 2011 г. Японию потрясла трагедия так называемых «трех ударов»: землетрясение 11 марта силой 9 магнитуд; вызванное им цунами, которое привело к человеческим жертвам, разрушениям и материальным потерям; радиоактивные выбросы и загрязнение окружающей среды из-за выхода из строя систем охлаждения АЭС «Фукусима-1»¹. И хотя японский народ стоически вынес все эти испытания, но последствия оказались настолько серьезными и многоплановыми, что эхо землетрясения 11 марта 2011 г. еще долго будет раздаваться в самой Японии и в мире. В Японии эту цепь трагических событий называли «*Хигаси Нихон дай синсай*» — «Великое бедствие на Востоке Японии». Японские ученые прогнозировали сильное землетрясение в Токийском регионе и когда 9 марта

* Статья подготовлена сотрудниками Центра японских исследований ИДВ РАН.

Тел.: (499) 124-06-01.

Гринюк Владимир Александрович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник.

Казаков Олег Игоревич, научный сотрудник.

Калмычек Павел Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Кистанов Валерий Олегович, кандидат экономических наук, доктор исторических наук, руководитель Центра японских исследований ИДВ РАН.

Полищук Алексей Владимирович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник.

Трухина Вела Аркадьевна, старший научный сотрудник.

Шлындов Александр Васильевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник.

2011 г. в 11:45 в префектуре Мияги произошло землетрясение силой 7,2 магнитуды, то представлялось, что худшее позади. Однако это оказался так называемый форшок (от foreshock — сейсмический толчок, предвещающий основной). 11 марта 2011 г. в 14:46 произошло землетрясение силой 9.0 магнитуд, которое вызвало мощное цунами и стало причиной дальнейших катастрофических для Японии явлений. Оказалось, что это самое сильное землетрясение в Японии с момента начала сбора статистики в конце XIX века. Отметим, что по данным Агентства по метеорологии Японии², с 11 марта по 31 декабря 2011 г. Японию сотрясли 6757 так называемых афтершоков (от aftershock — сейсмические толчки, следующие за основным). А за весь 2011 г. было зафиксировано 9723 толчков, что в семь раз больше, чем в 2010 г.

На основе анализа данных по землетрясению 11 марта 2011 г., группа ученых НИИ сейсмологии при Токийском университете пришла к выводу³, что с вероятностью 70% землетрясение силой 7 магнитуд с эпицентром в Токио произойдет в течение 4 лет, тогда так раньше считалось, что в течение 30 лет. По официальным оценкам, землетрясение в Токио магнитудой 7,3 может унести 11 тысяч жизней и разрушить 850 тысяч зданий. В настоящее время специальная правительственная комиссия обсуждает идею создания в Японии столицы-дублера, которая займет место Токио в случае стихийного бедствия или террористической атаки. В качестве варианта такой резервной столицы рассматривается город Осака.

В результате землетрясения и цунами полностью или наполовину были разрушены 126 тысяч строений, частично повреждены — 260 тысяч. Но в самом Токио из-за землетрясения 11 марта серьезно пострадало лишь старинное здание *Кудан кайкан*, где обвалился потолок и два человека погибли⁴, да погнулся увешанный антеннами шпиль Токийской башни. По некоторым оценкам, ущерб, который нанесло цунами 11 марта японской экономике, транспорту и инфраструктуре, не считая затрат, связанных с аварией на АЭС «Фукусима-1», составил 16,9 трлн. иен (около 215 млрд. долл.). В феврале 2012 г. в Японии было учреждено новое ведомство — Управление по делам восстановления⁵, которое и будет заниматься воссозданием всего того, что было разрушено стихийным бедствием в марте 2011 г.⁶ Однако, процесс этот, судя по всему, будет долгим. Так, через год после трагедии ликвидировано лишь 5% образовавшегося в результате землетрясения и цунами мусора, оцениваемого в 22 млн. тонн.

Отмечается сходство землетрясения 11 марта 2011 г. и землетрясения «Мэйдзи Санрику» силой 8.5 магнитуд, произошедшего 15 июня 1896 г.⁷ Их эпицентр находился практически в одном и том же месте. Характерной чертой обоих землетрясений было то, что они вызывали разрушительные цунами.

Землетрясения и цунами 11 марта 2011 г. вызвало выход из строя системы охлаждения АЭС «Фукусима-1»; образовавшаяся волна, превысившая проектные нормы, 12, 14 и 15 марта, соответственно в зданиях энергоблоков № 1, 3 и 2, на АЭС привела к взрывам водородной смеси. В ряде стран, включая некоторые регионы Дальнего Востока России, началась паника, а из Японии начался массовый отъезд работавших в стране иностранцев.

В то же время, авария на АЭС «Фукусима-1» не удивила специалистов, знакомых с ситуацией на объектах энергетики Японии. Аварии на них в Японии случались регулярно, но первый по-настоящему тревожный звонок прозвучал в 2007 г., когда землетрясение магнитудой 6,8 вывело из строя крупнейшую в мире АЭС «Касивадзаки-Карива» (префектура Ниигата, общая установленная мощность 8 212 МВт). Тогда серьезных последствий избежать удалось, но станция была надолго закрыта для проведения обследования и проверки работоспособности всех систем.

Характерно, что впоследствии именно ситуация на АЭС «Фукусима-1» стала причиной резкого недовольства японцев действиями правительства и оператора АЭС — компании «Токно Дэнрёку». В дальнейшем правительство оправдывало скупость поступавшей в СМИ информации о положении дел на АЭС тем, что не хотело паники среди населения. Серьезной критике подверглись и контролирующие органы, в частности, Агентство по атомной и промышленной безопасности, которое было предложено вывести из структуры Министерства экономики, торговли и промышленности.

Когда датчики стали фиксировать значительное превышение радиоактивного фона и выбросы радиоактивных элементов, включая такие особо опасные, как цезий-137, и угроза радиационного загрязнения была в полной мере осознана, то вокруг АЭС «Фукусима-1» была установлена 20-километровая зона отчуждения, из которой были вывезены все жители, а зона от 20 до 30 км стала «зоной готовности к эвакуации». Всего из зоны 20–30 км от АЭС было эвакуировано около 140 тыс. человек. Из префектуры Фукусима выехало 53 тыс. жителей. Лишь 1 апреля 2012 г. правительство Японии впервые ослабило запрет на посещение 20-километровой запретной зоны вокруг АЭС «Фукусима-1». Местные жители могут свободно находиться в городе Тамура и деревне Каваути в префектуре Фукусима, хотя посещать эти населенные пункты позволено только в дневное время и на ночь там оставаться нельзя: за незаконное проникновение в зону предусмотрен штраф до 100 тыс. иен (14,2 тыс. долл.) или даже тюремное заключение⁸.

Сразу после землетрясения 11 марта стали поступать сведения о погибших и пропавших без вести. К настоящему времени их число оценивается цифрой около 19 тыс. человек. Считается, что около 93% погибших стали жертвами гигантской волны.

Вскоре после землетрясения были остановлены АЭС, находящиеся в регионе Тохоку, а из-за природно-техногенной аварии на АЭС «Фукусима-1» по всей стране стали останавливать реакторы других АЭС. Если в прошлые годы АЭС давали стране приблизительно 30% энергии, то в декабре 2011 г. из 54 реакторов, находящихся на 17 японских АЭС, работало лишь 6, а в марте 2012 г. количество действующих реакторов снизилось до одного.

Отключения реакторов вынудили Японию искать источники замещения выпадающих объемов энергии и ввести режим строгой экономии энергии, что отразилось на многих сферах человеческой деятельности, начиная от смены офисного дресс-кода в летнее время, до формирования правительством страны новой энергетической политики Японии с повышением роли альтернативных источников энергии. На порталах официальных СМИ рядом с графиками популярных биржевых индексов «Никкэй» и «Топикс» соседствует показатель текущего потребления электроэнергии. В учреждениях и на предприятиях приняты жесткие правила экономии энергии. В стране повсеместно были установлены новые, более экономичные светодиодные лампы, потушены многие рекламные вывески. Сплотившиеся после землетрясения японцы изо всех сил стремятся ужать личное потребление электроэнергии.

11 марта 2012 г. по всей Японии прошли траурные церемонии памяти жертв стихии. В 14:46 через громкоговорители во всех городах Японии была объявлена минута молчания. Впервые в истории страны в Токио была организована церемония на государственном уровне, в которой приняли участие император Акихито, недавно перенесший операцию на сердце, его супруга императрица Митико, а также премьер-министр Ёсихико Нода и члены кабинета министров.

Экономика: новые проблемы накладываются на груз старых

Землетрясение 11 марта 2011 г. оказалось значительным по своим экономическим последствиям, отрицательно повлияло на спрос и на производство в Японии. Внутреннее потребление в марте 2011 г. упало на 8,8%⁹. Разрушения привели к остановке производства в северо-восточной части острова Хонсю, где были сосредоточены компании, обеспечивающие автомобильную промышленность комплекующими деталями. Остановка производства в этой части Японии привела к прекращению производства автомашин по всей стране¹⁰. Масштабы влияния стихийного бедствия на производство можно понять, если принять во внимание тот факт, что транспортное машиностроение занимает около 20% от общего объема производства в Японии¹¹.

К началу 2011 г. экономика Японии была близка к восстановлению после мирового финансово-экономического кризиса, однако землетрясение 11 марта 2011 г., повлекшее за собой нарушения связи между поставщиками, перебои в снабжении, а также дефицит электроэнергии в связи с аварией на АЭС «Фукусима-1», изменили сложившуюся тенденцию в экономике. Нарушение цепочки поставок затруднило поставки комплектующих, остановило производство и в конечном итоге привело к спаду в экономике.

Реальный ВВП, скорректированный с учетом сезонных колебаний, в первом и во втором кварталах 2011 г. уменьшился и составил —1,8% и —0,4% соответственно¹². По мере восстановления цепочки поставок стало налаживаться производство, которое в октябре в целом достигло 95% от уровня производства февраля 2011 г.¹³. С восстановлением производства и возвращением предприятий к нормальному режиму работы, увеличился и экспорт. Поэтому в третьем квартале наблюдался рост ВВП, составивший 1,7%¹⁴. Однако уже в августе, в результате снижения темпов роста производства и экспорта, стал уменьшаться и импульс восстановления экономики¹⁵.

Если в первом и во втором кварталах 2011 г. экономика Японии испытала спад в связи со стихийным бедствием, то в четвертом квартале экономика оказалась под влиянием внешних неблагоприятных факторов. Рецессия в Европе сказалась на потребительском спросе, люди стали меньше покупать и тратить, что привело к сокращению объемов японского экспорта. Снижение темпов роста мировой экономики из-за рецессии в Европе проявилось в том числе и в ослаблении мировой торговли и сокращении японского экспорта в Китай — основного торгового партнера Японии.

Долговые проблемы США и Европы также оказали негативное влияние на экспорт страны. Инвесторы стали использовать японскую иену для защиты своих активов, что привело к росту стоимости японской валюты. Завышенный курс японской иены стал мешать росту экспортных операций, тормозить экономический рост и восстановление японской экономики.

Еще одним серьезным ударом для Японии стала серия наводнений в июле-сентябре 2011 г. в Таиланде, вызванных сильнейшими за 50 лет муссонными дождями, которые нарушили работу 450 японских компаний, работавших в этой стране, включая автомобилестроительные. Это стихийное бедствие привело к задержке поставок деталей для японских предприятий и в конечном итоге — к снижению производства.

Все перечисленные выше внешние факторы повлияли на состояние экономики Японии и привели в четвертом квартале к уменьшению ВВП на 0,6%. В целом за 2011 г. ВВП Японии уменьшился на 0,9%¹⁶.

Трагедия марта 2011 г. негативно сказалась и на торговом балансе страны. Впервые за 31 год сальдо торгового баланса стало отрицательным. Превышение импорта над экспортом составило 2,49 трлн. иен, импорт возрос на 12%, в то время как экспорт сократился на 2,7% относительно 2010 г.¹⁷.

Рост импорта повлекла за собой авария на АЭС «Фукусима-1», которая, как уже говорилось, привела к остановке практически всех атомных реакторов по соображениям безопасности. В результате, Япония увеличила закупки за границей нефти и газа для тепловых электростанций, нагрузка на которые значительно выросла.

Таким образом, сокращение экспорта в первом и во втором кварталах 2011 г. было вызвано нарушением цепочки поставок и остановкой производства в связи с разрушительным землетрясением и цунами. В четвертом квартале на снижение экспорта повлияли внешние факторы: рецессия в Европе, наводнение в Таиланде и другие факторы.

Стихийное бедствие обострило проблему дефицита государственного бюджета и государственного долга в Японии. В 2011 г. японское правительство к основному бюджету в размере 92,4 трлн. иен (1,1 трлн. долл.) было вынуждено выделить дополнительные средства на борьбу с последствиями стихии и сформировать четыре дополнительных бюджета, а на 2012 г. под сильным давлением оппозиции был одобрен рекордный для страны бюджет в размере 93,56 трлн. иен (1,2 трлн. долларов)¹⁸.

Для покрытия дефицита государственного бюджета правительство прибегает к выпуску государственных займов и таким образом увеличивает государственный долг Японии.

В настоящее время премьер-министр Японии Ёсихико Нода решительно настроен на принятие непопулярных мер по сокращению дефицита бюджета. Для оздоровления финансовой ситуации правительство готовит реформу пенсионной системы, системы социального страхования и налоговую реформу, т.е. правительство намерено бороться с бюджетным дефицитом как сокращением расходов, и прежде всего сокращением крупнейшей расходной статьи — расходов на социальное обеспечение, которые запланированы в размере 29,2%¹⁹ от бюджета 2012 г., так и повышением налогов. Например, для уменьшения пенсионной нагрузки на бюджет Японии планируется сокращение пенсий на 2,5% в течение 3–5 лет, а затем ежегодное уменьшение выплат на 0,9%²⁰. Для увеличения доходной части бюджета в будущем планируется повысить налог на потребление с нынешних 5% до 8% в 2008 г. и 10% в 2015 г.

Высокий бюджетный дефицит и высокий уровень долговых обязательств правительства привели в 2011 г. к снижению кредитного рейтинга Японии двумя кредитными агентствами. В январе 2011 г. кредитный рейтинг Японии был снижен агентством S&P на одну ступень до AA—, а в августе агентством Moody's до рейтинга Aa2 со стабильным прогнозом²¹.

Действительно, по данным МВФ уже в 2010 г. отношение государственного долга к ВВП достигло 226%²², а общие текущие расходы по обслуживанию долга займут второе место в расходах государственного бюджета Японии (24,3%) на 2012 г., при этом доля расходов, направляемая на выплату процентов по государственному долгу, составит 10,9%²³.

Однако несмотря на большой государственный долг и на необходимые средства для его обслуживания, финансовая ситуация в Японии остается стабильной. И на это есть свои причины.

В Японии дефицит бюджета финансируется из внутренних источников — накопленных домохозяйств и предприятий. Высокий уровень накопления, мощный потенциал страны, низкие процентные ставки по кредитам и высокое доверие кредиторов позволяют правительству проводить экономическую политику при сохранении бюджетного дефицита за счет выпуска государственных облигаций и увеличения государственного долга.

Основными держателями японских государственных облигаций являются японские же финансовые учреждения. Они аккумулируют излишние финансовые средства частных и юридических лиц и вкладывают их в облигации. По данным кабинета минни-

стров Японии, уровень сбережений населения имеет тенденцию к сокращению, однако сокращение сбережений населения компенсируется увеличением накоплений корпоративного сектора. Компании, полагая, что будет происходить снижение ожидаемых темпов роста, сворачивают инвестиции в средства производства и покупают государственные облигации²⁴.

В 2011 г. структура держателей японских государственных облигаций была такова: банки — 40%, страховые компании — 16,7%, пенсионные фонды — 8,1% иностранные держатели — 7,4%.²⁵ Особенность государственного долга Японии состоит в том, что большая часть государственного долга остается внутри страны и является частью национальных финансовых ресурсов. На государственные японские облигации существует стабильный спрос, да и структура держателей также стабильна. Несмотря на огромный государственный долг, правительство имеет доверие, кредиторы уверены, что правительство погасит свою задолженность и не поддаются панике. Надежные кредиторы, не подверженные экономической, финансовой конъюнктуре, являются основой стабильности долгового рынка Японии и низких ставок, а также независимости страны от внешних инвестиций, что гарантирует еще большую стабильность.

При низкой стоимости заимствований и стабильных доходах страны (при темпах экономического роста, превышающих реальную процентную ставку по государственным заимствованиям) и надежных кредиторах большой государственный долг не опасен, страна может позволить себе много занимать на внутреннем рынке. При благоприятной экономической ситуации за счет роста ВВП страна может покрывать старые долги и развиваться. Рост ВВП будет увеличивать налоговые поступления, формирующие доходную часть бюджета.

Однако в 2011 г. темпы роста ВВП в целом были отрицательны, поэтому решенные проблемы государственного долга, его финансирования и стабильности японской экономики заставили еще раз обратить на себя внимание.

При продолжительной неблагоприятной экономической конъюнктуре высокая государственная задолженность может оказаться опасной для страны. Отрицательные показатели роста ВВП будут приводить к возрастанию долга по отношению к ВВП, сокращению доходов и общего уровня внутренних сбережений и, как следствие, — сокращению ресурсной базы для государственных облигаций. В такой ситуации Япония не сможет справиться с большим объемом государственного долга, что может привести к росту процентной ставки.

В настоящее время процентная ставка в Японии пока низкая: по 10-летним государственным облигациям она колеблется около 1%²⁶. Даже небольшое увеличение процентной ставки государственных облигаций при огромном государственном долге повлечет за собой значительное увеличение дефицита бюджета и государственного долга.

Сочетание неблагоприятных внутренних (стихийное бедствие) и внешних (рецессия в Европе и снижение темпов роста мировой экономики, долговые проблемы Европы и США, наводнение в Таиланде) факторов в 2011 г. привело к отрицательным темпам роста, дефициту торгового баланса, остро поставило вопрос о сокращении дефицита государственного бюджета и государственного долга. Продолжительный спад мировой экономики, влекущий за собой снижение потребительского спроса, ослабление мировой торговли и падение японского экспорта, может подорвать основу экономической стабильности Японии. Восстановление мировой экономики, наоборот, поможет Японии решить ее проблемы. На фоне же замедления роста мировой экономики для Японии важны умеренные темпы роста, которые могли бы позволить ей справиться с большим объемом государственного долга.

Внутриполитическая ситуация: непреходящие разброд и шатания

Противостояние двух палат парламента стало ключевой особенностью японской политики в 2011 г. В результате выборов в августе 2009 г. (в нижнюю) и июле 2010 г. (в верхнюю палату) сложилась ситуация с так называемым «перекрученным парламентом», когда правящая Демократическая партия (ДП) контролировала нижнюю палату, а оппозиция — верхнюю. Их значение неравнозначно — большинство в ключевой нижней палате позволяло правящей Демократической партии формировать правительство, контроль оппозицией верхней палаты давал ей возможность оказывать давление на правительство, блокируя принятие законопроектов. Ситуацию усугубляли и разногласия внутри Демократической партии, которые стали очевидны в сентябре 2010 г., когда Наото Кан на внутрипартийных выборах победил «серого кардинала» партии Итиро Одзаву, вступив с последним и его сторонниками в открытый конфликт²⁷.

24 января 2011 г. началась очередная парламентская сессия. Первые несколько месяцев нового года стали временем по-настоящему серьезного испытания для кабинета Наото Кана. Отсутствие единства в партии, противодействие оппозиции до предела осложнили принятие бюджета. Если в 2010 г. Демократическая партия без труда приняла бюджет, контролируя со своими коалиционными партнерами обе палаты, то в 2011 г. рассчитывать на положительное решение верхней палаты она не могла. Ссора с одним из коалиционных партнеров (Социал-демократической партией вышла из правящей коалиции в мае 2010 г.) лишила ее и близкого к двум третям большинства в нижней палате парламента. Все это стало предпосылкой так называемого «мартовского кризиса» — противостояния в парламенте по вопросу принятия бюджета (в Японии финансовый год начинается 1 апреля, срок действия предыдущего бюджета заканчивается 31 марта.).

Согласно японской конституции (статья 60), для принятия бюджета достаточно, чтобы за него проголосовало простое большинство в нижней палате парламента. Однако, как правило, бюджет принимается в пакете с законопроектами, обеспечивающими его выполнение, а по японской конституции для принятия законопроектов, в случае если палаты не придут к единому мнению, необходимо получение двух третей голосов при повторном голосовании в нижней палате. Таким образом, правительству Кана необходимо было или добиться принятия бюджета в верхней палате, заручившись поддержкой какой-либо оппозиционной партии, или обеспечить большинство в две трети депутатов нижней палаты, чтобы иметь возможность преодолеть отклонение бюджета в верхней. До середины февраля для Демократической партии сохранялась возможность обоих путей.

Однако свои коррективы внесла осложнившаяся обстановка внутри самой Демократической партии. Как это наглядно проявилось еще в сентябре 2010 г. во время выборов председателя партии, единство партии оказалось нарушено. В середине февраля 2011 г. этот внутренний конфликт обострился и 16 депутатов из группы Одзавы заявили о своем намерении выйти из парламентской коалиции Демократической партии с небольшой Народной новой партией (ННП) и пригрозили голосованием против бюджета. После этого возможности ДП самостоятельно обеспечить принятие проекта бюджета при противодействии оппозиции были фактически сведены к нулю.

Тем не менее, несмотря на сопротивление оппозиции и группы политиков собственной партии, Кану удалось 1 марта провести бюджет через нижнюю палату. Для того чтобы обеспечить его одобрение, правительство представило для голосования сам бюджет без пакета необходимых законопроектов²⁸. Перед правительством стояла сложная задача по одобрению законопроектов по бюджету, которые должны были быть приняты до конца марта. В послевоенной практике работы парламента были случаи, когда отдельные обеспечивающие законы принимались позднее. Тем не менее, ожидалось, что

это создаст серьезные сложности для правительства. Несмотря на достигнутый локальный успех с принятием бюджета, решение провести его через парламент отдельно от пакета законопроектов привело к ужесточению критики Кана со стороны оппозиции, которая обвинила его в обмане и вновь призвала его уйти с поста председателя правительства.

В начале марта многие эксперты предрекали Наото Кану скорую отставку. Однако течение событий было прервано Великим бедствием на Востоке Японии, которое продлило его пребывание в кресле премьера. В связи с чрезвычайной обстановкой Кан призвал к формированию «большой коалиции» с участием оппозиционных партий с тем, чтобы максимально оперативно приступить к ликвидации последствий катастрофы. Хотя главная сила оппозиции — Либерально-демократическая партия (ЛДП) — отвергла предложение участвовать в правительстве, либерал-демократы пообещали взамен сотрудничество в парламенте, в частности, по вопросу принятия дополнительного бюджета для помощи пострадавшему региону.

В апреле в Японии в два этапа прошли местные выборы. В ходе первого этапа, который состоялся 10 апреля, прошли выборы 12 губернаторов и состава 41 префектурального собрания, 4 мэров и состава 15 городских собраний в так называемых «городах, определенных указами правительства»²⁹. Второй этап прошел 24 апреля, и на нем выбирали 88 мэров и состав 293 местных собраний других городов, а также глав и состав собраний столичных округов. Безусловно, выборы проходили под большим влиянием событий 11 марта — многие избиратели были недовольны действиями центрального правительства, критикуя его за неспособность принять оперативные меры по ликвидации последствий стихийного бедствия и техногенной катастрофы. Выборы в районах, наиболее пострадавших от катаклизма, были перенесены на полгода и прошли в августе-сентябре.

В целом, результаты выборов оказались не в пользу правящей Демократической партии. Она проиграла все ключевые выборы, в том числе на выборах губернаторов поражение потерпели три кандидата, получивших поддержку ДП³⁰. Демократическая партия не смогла поправить свои позиции в префектуральных собраниях. Несмотря на некоторую потерю мест, Либерально-демократическая партия осталась крупнейшей партией (за исключением г. Осака, где победила партия местного губернатора). То же самое можно сказать и про городские советы, где Демократическая партия выиграла большинство лишь в г. Саппоро. В большинстве других городов ЛДП осталась крупнейшей партией.

В июне потерявший былую популярность³¹ Кан на фоне нападков со стороны оппозиции и ряда политиков внутри собственной партии пообещал, что уйдет в отставку после того, как парламент примет законопроекты о восстановлении разрушенного хозяйства. 26 августа 2011 г. он выполнил это обещание и официально заявил о своей отставке с поста главы Демократической партии, на котором находился с июня 2010 г. Он также объявил о том, что уйдет в отставку с поста председателя японского правительства сразу после избрания нового партийного лидера.

29 августа новым лидером Демократической партии был избран Ёсихико Нода. Победив на внутрипартийных выборах правящей Демократической партии, 30 августа Нода был избран 95-м премьер-министром Японии в ходе голосования нижней палаты парламента, став третьим представителем Демократической партии на этом посту после ее победы на выборах летом 2009 г. Личность нового председателя японского правительства до этого не привлекала к себе пристального общественного внимания. Известно, что у него черный пояс по дзюдо, он неплохо зарекомендовал себя за 14 месяцев пребывания на посту министра финансов и выступает за увеличение налогов.

Сам Нода говорит о себе как о «посредственности», делая упор на то, что его самой сильной чертой является настойчивость и трудолюбие. Однако, несмотря на

«средние способности» и вопреки заявлению Ноды о том, что с его внешностью о «заоблачных» рейтингах думать не приходится, уровень популярности его кабинета оказался неожиданно высоким — о поддержке заявили 62.8% опрошенных (исследование было проведено 3 сентября агентством «Кёдо»). По всей видимости, скромность нового премьер-министра пришлось по душе избирателям³².

2 сентября Нода сформировал кабинет министров, состав которого свидетельствовал о стремлении политика к достижению компромисса внутри партии. Так, в частности, Нода назначил на посты в кабинете двух представителей группы Одзавы — Кэндзи Ямаоку на должность председателя Национальной комиссии по общественной безопасности и Ясуо Итикаву на должность министра обороны. На пост генерального секретаря кабинета Нода собирался назначить Кацуя Окаду — одного из лидеров Демократической партии и противника Одзавы. После отказа Окады от этой должности премьер-министр не включил его в состав кабинета, но назначил одного из его соратников — Дзюна Адзуми — на пост министра финансов, а другого — Масахару Накагаву — на пост министра просвещения и науки. Митихико Кано — один из соперников Ноды на августовских внутрипартийных выборах — сохранил свой пост министра сельского, лесного и рыбного хозяйства (Кано хоть и был соперником Ноды в первом раунде внутрипартийных выборов, но во втором раунде поддержал кандидатуру Ноды).

Стремясь усилить экономический аспект японской дипломатии, на должность нового министра иностранных дел Нода назначил Коитиро Гэмбу, который выступает за присоединение Японии к т.н. Транстихоокеанскому партнерству. Министром общих дел стал Тацуо Кавабата, депутат нижней палаты парламента, ранее входивший в Партию демократического социализма (представлявшую правое крыло японского социалистического движения). Этот же политик занял и ряд других постов, в том числе пост министра по делам Окинавы и «северных территорий». Что касается других важных назначений, то на должность министра юстиции был назначен Хидэо Хираока, министра благосостояния и труда — Ёко Комияма³³.

Помимо формирования правительства, в котором представлены различные внутрипартийные группы, новый премьер сделал ряд дополнительных шагов для расширения круга причастных к принятию решений политиков. 6 сентября Нода создал совет из высокопоставленных представителей правительства и партии для принятия важнейших решений. Из шести членов совета лишь сам Нода и генеральный секретарь кабинета Осаму Фудзимуря представляли правительство, четыре остальных — партию. Создание совета, возможно, было связано со стремлением распределить ответственность, частично переложив ее на партию. В то же время, премьер-министра Кана нередко критиковали за то, что принятие решения происходило в основном внутри правительства. Это приводило, в том числе, к тому, что не только оппозиция, но и представители правящей партии, не входящие в правительство, зачастую открыто выражали недовольство принятыми решениями. Вместе с назначением Ноды ситуация в этой области начала меняться — наблюдатели отмечали рост при новом кабинете роли партии.

Безусловно, первой и самой важной задачей нового правительства Демократической партии стало устранение последствий землетрясения и последовавших за ним бедствий. В своем программном выступлении 28 октября на открытии 179-й парламентской сессии Нода выделил три главных задачи, стоящие перед Японией — возрождение техрегионов, которые пострадали от землетрясения и цунами 11 марта, установление контроля над кризисом, связанным с «Фукусимой-1», и ускорение восстановления японской экономики. Нода заявил, что постарается найти необходимые для восстановления средства с помощью увеличения доходов от неналоговых сборов и с помощью урезания

лишних трат³⁴. В то же время новый премьер-министр, как уже говорилось, планирует поднять и потребительский налог (до 8% в 2014 г. и до 10% в 2015 г.)³⁵.

В декабре Нода принял решение сформировать новый кабинет, заменив 5 из 17 министров предыдущего. Среди прочих, Нода назначил нового министра обороны — Наоки Танаку. Наибольшее же внимание привлекло назначение Кацуя Окады на пост вице-премьера. Ключевые посты — министра иностранных дел и финансов — остались без изменений. Перестановки в кабинете не помогли улучшить уровень его общественной поддержки — по данным опросов общественного мнения, рейтинг Ноды в декабре составил 42%³⁶.

30 марта 2012 г. кабинет министров одобрил законопроект по повышению потребительского налога в два этапа — до 8% в апреле 2014 г. и до 10% в октябре 2015 г. После одобрения законопроект был внесен на рассмотрение парламента. Премьер-министр Нода оправдывает повышение налога необходимостью найти средства, чтобы покрыть возросшие расходы. Решение вызвало неоднозначный отклик не только в обществе и среди оппозиции, но и внутри правящей партии. Итиро Одзава подверг правительство резкой критике, поставив под сомнение своевременность столь значительного повышения, а также вновь выразив опасение, что отход от предвыборных обещаний может негативно сказаться на будущих позициях Демпартии в японском обществе. Близкие Одзава политики, входящие в состав кабинета и занимающие посты в партии, отправили заявления об отставке в знак протеста против повышения налога. Несмотря на то, что сам Нода в интервью телеканалу NHK заявил, что ради прохождения законопроекта не пойдет на раскол в партии, повышение потребительского налога стало серьезным камнем преткновения для соперничающих групп внутри Демократической партии.

Общество и культура: извлечение уроков и подъем духа нации

Мартовская трагедия всколыхнула японское общество, а многие события, произошедшие в Японии в 2011 г. в общественной жизни и культуре имеют непосредственную связь с Великим бедствием на Востоке Японии. Следует отметить наиболее значимые из них.

Вскоре после землетрясения в Японии началась кампания по сбору пожертвований в пользу пострадавших. Так, с марта 2011 г. по март 2012 г. в Японский Красный Крест и другие фонды поступило 349,2 млрд. иен (4,3 млрд. долл.). На счета трех наиболее пострадавших префектур — Мияги, Иватэ и Фукусимы — и специальный счет японского правительства было переведено 63,4 млрд. иен (782 млн. долл.). Помощь от иностранных общественных организаций и частных лиц составила 56,3 млрд. иен (695 млн. долл.)³⁷.

Великое бедствие на Востоке Японии привело к активизации в стране движения волонтеров. По данным Национального совета социального благосостояния Японии, в период с 11 марта 2011 г. по конец февраля 2012 г. в общей сложности 930 000 волонтеров отправились в префектуры Иватэ, Мияги и Фукусима. После пика в 171 800 чел. в мае 2011 г., количество волонтеров в трех префектурах упало до диапазона между 120 000 и 130 000 чел. в июне и июле, а затем снизилось до менее чем 100 000 чел. в августе, 62 500 чел. в сентябре, 50 000 чел. в октябре и 37 600 чел. в ноябре. В январе 2012 г. действовали около 11 000 добровольцев, и аналогичные показатели ожидалось в феврале.

Сразу же после катастрофы добровольцы прежде всего занимались вывозом мусора, приготовлением пищи и распределением гуманитарной помощи. По настоящее время они выполняют и другие задачи, такие как оказание помощи людям, проживающим во временном жилье, выяснение состояния здоровья пожилых, особенно одиноких, предоставление им помощи с покупками, а также предупреждение преступности³⁸.

После природно-техногенной аварии на АЭС «Фукусима-1» не только в мире, но и в Японии, делавшей ставку на развитие атомной энергетики, стали нарастать антиядерные настроения³⁹. И процесс этот, похоже, не конъюнктурный, поскольку, по японским оценкам, проблемы с АЭС «Фукусима-1» будут окончательно решены лишь через 30–40 лет.

В Японии ширятся настроения в пользу отказа от АЭС, признания собственных конструкторских, технологических и организационных ошибок.

Антиядерное движение в Японии поддержали писатель, нобелевский лауреат (премия по литературе, 1994 г.) Кэндзабуро Оэ, писатель Харуки Мураками, жена Джона Леннона и общественный деятель Ёко Оно и многие другие. Как отметил Оэ в одном из своих выступлений, лично им ядерный инцидент в Фукусиме был воспринят как третья атомная бомба, сброшенная на Японию своим собственным народом⁴⁰. В Японии прошли митинги и демонстрации против использования в Японии атомной энергетики. Так, 19 сентября 2011 г. в центре Токио прошел антиядерный митинг, собравший 60 тысяч человек. Митинг был инициирован Оэ и прошел под лозунгом «Прощай, Фукусима!»⁴¹. В Токио собрано 250 тыс. подписей к петиции с требованием к властям о проведении референдума по вопросу использования атомной энергии для снабжения мегаполиса электричеством⁴². Подобные акции проходят и других городах.

Великое бедствие на Востоке Японии пагубно отразилось на туристической отрасли страны. Туризм — это не только строка в бюджете, но и важный для Японии имиджевый показатель, а также косвенный индикатор оценки гражданами других стран состояния дел в стране. По данным Национальной туристической организации Японии⁴³, в 2011 г. Японию посетило 6 219 300 иностранных гостей, что на 27,8% меньше, чем в 2010 г. Среди иностранцев — 33 900 граждан России (0,54% от общего количества), которых оказалось на 34,1% меньше, чем в 2010 г. Тем не менее, правительство Японии ставит перед собой амбициозную задачу: согласно пятилетнему плану туризма, Япония надеется к 2016 г. увеличить ежегодное число иностранных туристов до 18 млн. человек⁴⁴.

В целях компенсации морального ущерба и имиджевых потерь от мартовского бедствия, а также психологической мобилизации нации японское правительство предприняло в 2011 г. ряд мер, направленных на подъем морального духа японцев, еще большего укрепления их единства. Так, Япония увеличила свое присутствие в списке Всемирного наследия ЮНЕСКО (Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры): на прошедшей с 19 по 29 июня в штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже 35-й сессии Комитета Всемирного наследия в список Всемирного наследия были включены два объекта Японии: природный объект — острова Огасавара и культурный объект — Хираидзуми⁴⁵. Япония активно использует Конвенцию ЮНЕСКО об охране Всемирного культурного и природного наследия 1972 г. в целях повышения своего престижа в мире и создания привлекательного образа страны для иностранного и внутреннего туризма, позиционирую себя как часть мировой цивилизации. В итоге, в настоящее время Япония имеет в списке Всемирного наследия 16 объектов, из которых 4 объекта являются природными и 12 — культурными. Правительство Японии также подало заявку с целью регистрации в 2013 г. объектами Всемирного наследия ЮНЕСКО горы Фудзи и города Камакура⁴⁶.

Отметим, что иероглифом 2011 г. в Японии был избран иероглиф *кидзуна*, т.е. «родственные узы», «родственная связь». После трагических событий 11 марта 2011 г. выяснилось, что многие японцы, в том числе и те, кого беда напрямую не коснулась, пересмотрели систему жизненных ценностей в пользу семьи, дома, счастья родных и близ-

них. Представляется, что это один из важных уроков, который извлекли для себя японцы из Великого бедствия на Востоке Японии.

Внешняя политика: зигзаги в отношениях с основными партнерами

В контексте экономических, политических и военных проблем, захлестнувших планету в 2011 г., особо возрастает роль Азиатско-Тихоокеанского региона как центра мировой экономики и политики. Не случайно в минувшем году президент Барак Обама подчеркнул, что США являются тихоокеанской державой. А уже в 2012 г. свои экономические позиции в регионе Соединенные Штаты, судя по всему, намерены укреплять на основе проталкиваемой ими новой интеграционной структуры — Транстихоокеанского партнерства. Военное же и, соответственно, политическое влияние они намерены наращивать путем укрепления союзнических отношений с Японией, Южной Кореей, Австралией и Филиппинами. Обнародованная 5 января 2012 г. администрацией Б. Обамы новая оборонная стратегия делает акцент на укрепление американского военного присутствия в Азии.

Что касается Японии, то курс на дальнейшее развитие и углубление военного сотрудничества Японии и США закреплён в утвержденных японским правительством в конце 2010 г. основополагающих документах Руководящих принципах национальной обороны и Среднесрочной программе развития обороны на 2011–2015 финансовые гг., на ближайшее пятилетие определяющих направленность и содержание как военной политики государства, так и строительство его вооруженных сил. В частности, в новой Среднесрочной программе указывается, что «Япония будет всемерно способствовать повышению эффективности двусторонних консультаций и других форм взаимодействия с США в интересах дальнейшего углубления и развития союзнических отношений с ними, а также будут предпринимать необходимые усилия для их адекватной адаптации к условиям быстроменяющейся военно-стратегической обстановки. Она и впредь будет делать все от нее зависящее для дальнейшего укрепления структуры японо-американского союза безопасности»⁴⁷.

В контексте этих мер основное внимание предполагалось уделить повышению возможностей сил самообороны Японии (ССЯ) осуществлять эффективное сдерживание вероятных противников. ССЯ должны обладать способностью быстро реагировать на быстроменяющуюся военно-стратегическую обстановку в Восточной Азии, проводить операции с участием всех видов (родов) войск (сил), в том числе в отдаленных районах расположения принадлежащих Японии островов. Главная роль в системе обеспечения военной безопасности Японии, как и ранее, отводится морским силам самообороны (МССЯ).

В интересах повышения гибкости применения и мобильности развертывания надводных и подводных сил предполагается изменить систему базирования МССЯ с тем, чтобы они могли более эффективно осуществлять контроль окружающих японские острова акваторий и обеспечивать безопасность морских коммуникаций путем проведения противолодочных, противовоздушных, противоракетных и других операций, а также вести разведку, проводить рекогносцировку и наблюдение в операционных зонах.

Для более эффективного осуществления охраны морских коммуникаций предполагается увеличить в морских силах самообороны количество дизель-электрических подводных лодок (ДЭПЛ) с 16 до 22 единиц.

Серьезное внимание в рамках военного сотрудничества Японии и США уделяется совершенствованию морской составляющей их совместной противоракетной системы в Северо-Восточной Азии. Количество эсминцев управляемого ракетного оружия, оснащенных многофункциональной боевой информационно-управляющей системой (БИУС)

«Иджис» (Aegis), модернизированных для решения задач ПРО в МССЯ, увеличилось с 4 до 6 единиц⁴⁸.

Политическое и военное руководство Японии рассчитывает играть одну из ключевых ролей в структуре налаживающегося под эгидой США взаимодействия стран АТР в сфере обороны. В частности, оно предлагает усилить военную инфраструктуру на цепи островов Нансэй, расположенных на пути выхода китайских ВМС в акваторию Тихого океана, а также активировать воздушную разведку и наблюдения акваторий, омывающих Японию морей. При этом не скрывается, что указанные меры должны явиться реальным японским вкладом в американский курс на сдерживание растущей военной мощи Китая и расширяющейся активности его военно-морского флота.

Однако отношения Вашингтона и Токио, которые продолжают оставаться ключевыми партнерами в сфере региональной безопасности — в последнее время складываются весьма неровно, да и в перспективе представляются не такими уж гладкими. Ключевой проблемой, омрачающей японо-американские отношения, является судьба военно-воздушной базы морской пехоты Футэммы на острове Окинава. Этот остров входит в состав упомянутой цепи Нансэй. Дело в том, что Япония и США еще в 2006 г. достигли соглашения о переводе этой базы из жилых кварталов города Гинован в район Хэноко города Наго на том же острове. Однако жители о. Окинава во главе с губернатором одноименной префектуры давно требуют вывести базу за пределы острова. В более широком плане они хотят облегчения бремени, связанного с тем, что на эту префектуру приходится 74% американских военных баз, расположенных в Японии. Притом, что площадь Окинавы составляет лишь 0,6% всей территории страны. В попытках сдвинуть проблему Футэммы с мертвой точки Япония и США 8 февраля сего года опубликовали совместное заявление, которое вносит коррективы в соглашение 2006 г. По новому плану Вашингтон предполагает перевести на Гуам только 4 700 американских военнослужащих из 8 тысяч, предусмотренных соглашением, а остальных отправить в другие места Азиатско-Тихоокеанского региона, такие, как Австралия, Филиппины и Гавайи. Там они будут базироваться на ротационной основе.

Как очевидно, за этими замыслами стоит сокращение оборонного бюджета США, а также их новая стратегия, предусматривающая более эффективное распределение американских вооруженных сил в АТР с целью сдерживания растущей военной мощи Китая. Но в новом плане никакой альтернативы г. Наго не предлагается.

Однако можно полагать, что до тех пор, пока правительство Японии не предложит альтернативы Хэноко как месту новой дислокации Футэммы, оно вряд ли сможет извлечь занозу из японо-американских отношений. Судя по всему, судьба Футэммы вряд ли будет решена в ближайшее время. Она останется ключевой проблемой, которая будет обсуждаться Нодой и Обамой в ходе визита японского премьер-министра в Вашингтон, намеченного на май текущего года.

Весьма непросто в 2011 — начале 2012 гг. складывались отношения между Японией и Китаем. Связи между двумя странами носят двойственный характер. С одной стороны, они являются друг для друга важнейшими торгово-экономическими партнерами. А с другой, между Токио и Пекином нарастает взаимное недоверие в сфере военной безопасности, а также усиливается напряженность в связи с территориальными разногласиями. Столкновение в районе островов Сэнкаку (их китайское название Дяоюйдао) в сентябре 2010 г. китайского траулера с японским сторожевым кораблем и последующие события, связанные с этим инцидентом, способствовали обострению территориального спора между двумя странами.

В последнее время между Токио и Пекином развернулась «война наименований». С целью юридического подкрепления границ своей эксклюзивной экономической

зоны японское правительство в начале марта 2012 г. в спешном порядке дало названия 39 необитаемым островам вокруг Японии, в том числе 4 островам вблизи Сэнкаку, что вызвало раздражение как в Китае, так и на Тайване. В ответ Пекин тут же присвоил свои имена 70 необитаемым островам вокруг Сэнкаку.

Особое беспокойство японского руководства вызывает стремительное усиление военного потенциала КНР и, особенно, мощи его военно-морских сил, которые, по прогнозам японских военных аналитиков, по численности боевых кораблей к 2020 г. превзойдут военно-морские силы Японии и Южной Кореи вместе взятые и смогут оказать эффективное противодействие не только ВМС названных государств, но и оперативным соединениям военных кораблей США, действующим с омывающих Восточную Азию морях и даже в некоторых зонах западной части Тихого океана.

По иронии судьбы, трения в отношениях между Токио и Пекином нарастают на фоне подготовки в обеих столицах к торжествам по случаю 40-й годовщины восстановления японо-китайских дипломатических отношений. Она будет отмечаться в августе текущего года. В белой книге — «Оборона Японии» за 2011 г. перечислены многочисленные инциденты с участием японских и китайских кораблей и самолетов, в том числе связанные с нарушением последними воздушного пространства Японии и ее эксклюзивной экономической зоны. В частности, в указанном издании отмечается, что Китай расширяет и интенсифицирует свою военно-морскую активность в прилегающих к Японии акваториях. Военные корабли НОАК проводят там учения и осуществляют сбор информации, препятствуя аналогичной деятельности японской стороны. Так, в 2011 г. имел место случай, когда китайский патрульный корабль осуществлял маневрирование в опасной близости от японского судна, проводившего океанографические исследования в эксклюзивной экономической зоне, прилегающей к префектуре Окинава, вынуждал его покинуть район. В марте и апреле 2011 г. китайские вертолеты на опасно низкой высоте неоднократно совершали облет японских эсминцев, находящихся в акватории Восточно-Китайского моря.

Отношения между Японией и двумя государствами Корейского полуострова в 2011 г. являли собой сложную и противоречивую картину. 18–19 октября премьер — министр Японии Нода посетил Южную Корею. Во время встречи с Президентом Республики Корея Ли Мён Баком обсуждались перспективы заключения двустороннего соглашения о свободной торговле. Руководители двух стран также договорились об обмене японских иен на корейские воны на сумму, эквивалентную 70 млрд. долл., в целях создания валютного резерва.

Во время визита Президента РК в Японию 18 декабря 2011 г. в Киото состоялись переговоры Ли Мён Бака с Нодой. Они большей частью были посвящены болезненной теме материальной компенсации корейским «женщинам для утешения» (ИАППУ) — фактически сексуальным рабыням японских императорских вооруженных сил во время второй мировой войны.

Однако представитель МИД Японии еще 3 октября сделал официальное заявление, что проблема компенсаций «женщинам комфорта» была окончательно решена при подписании в 1965 г. «Договора об основных отношениях между Японией и Республикой Корея». В знак протеста активистки «Корейского совета женщин, мобилизованных Японией для сексуального рабства» 14 декабря установили вблизи здания японского посольства бронзовую скульптуру девочки в память об их трагической судьбе.

Вместе с тем японские и южнокорейские дипломаты координируют подходы к Северной Корее. В связи со смертью Ким Чен Ира Президент РК Ли Мён Бак и премьер-министр Японии Нода Ёсихико в телефонном разговоре выразили намерение действовать согласованно в связи с событиями в КНДР.

В 2012 г. между Токио и Сеулом в очередной раз вспыхнули трения по поводу островов Токто (японское название — Такэсима). В конце марта Министерство образования Японии утвердило учебники для средней школы, в которых провозглашается суверенитет Японии в отношении этих островов. Последовали заявления протеста со стороны официальных лиц Южной Кореи и резкие публикации в корейских СМИ. В ноябре в прессе появились сообщения о планах правительства РК превратить острова Токто в центр туризма, построить там аквапарк, пирс длиной 210 м и дорогу, соединяющую два острова.

Взаимоотношения Японии и КНДР в 2011 г. по-прежнему в основном проявлялись в критических высказываниях официальных лиц и публикациях СМИ двух стран. Шестисторонние переговоры по урегулированию ядерной проблемы на Корейском полуострове были прекращены в 2007 г. во многом из-за деструктивной линии Токио на жесткое увязывание переговорного процесса с проблемой похищений японских граждан Северной Кореей. Япония не имеет дипломатических отношений с КНДР, и пока перспективы их установления не просматриваются. Тем не менее, в связи со стихийным бедствием в Японии КНДР передала в фонд помощи пострадавшим 100 000 долл.

Большое беспокойство в Японии вызвали планы КНДР запустить в апреле текущего года искусственный спутник, приурочив это событие к 100-летию Ким Ир Сена. В Токио считают это ничем иным, как испытанием баллистической ракеты, в связи с чем правительство Японии отдало приказ своим силам ПВО/ПРО уничтожить ее в случае угрозы падения на территорию страны.

Истекший год ознаменовался укреплением отношений между Японией и Индией. По сравнению с Китаем, с которым Япония имеет длительную историю интенсивных взаимных контактов, ее связи с Индией пока не являются столь тесными. Но экономическая и стратегическая важность Индии, которую японские аналитики считают крупнейшей демократией мира, быстро возрастает. В конце декабря 2011 г. премьер-министр Ёсихико Нода посетил Индию, а уже в январе 2012 г. там побывал ряд японских министров.

Между Ё Нодой и его индийским коллегой Манмоханом Сингхом было достигнуто соглашение в соответствии с которым в 2012 г. Военно-морские Силы самообороны Японии и ВМС Индии впервые проведут совместные учения. В течение 5 лет Япония предоставит Индии 4,5 млрд. долл. для строительства промышленного коридора Дели-Мумбай⁴⁹. Обе страны поднимут потолок спотовых валютных операций с 3 до 15 млрд. долл. с целью помочь Индии справиться с быстрым выводом иностранных активов из страны в свете негативных перспектив мировой экономики. Они также намерены возобновить переговоры о двустороннем сотрудничестве в сфере ядерной энергетики.

В августе 2011 г. вступило в силу торговое соглашение между Японией и Индией. В 2012 г. будет отмечаться 60-я годовщина установления дипломатических отношений между ними, что даст дополнительный стимул развитию всесторонних отношений между двумя странами.

Путем усиления связей с Индией Токио надеется найти в лице этой страны противовес Китаю, который быстро наращивает свою военную мощь. Кроме того, Япония хотела бы уменьшить свою чрезмерную экономическую зависимость от КНР.

В 2011 г. в АТР набрало обороты создание новой торгово-экономической организации под названием Транстихоокеанское партнерство (ТТП). Инициаторами ТТП стали Чили, Новая Зеландия, Сингапур и Бруней, подписавшие в середине 90-х годов первоначальное соглашение о ТТП. Затем в переговоры о присоединения к этой структуре вступили США, Австралия, Малайзия, Перу и Вьетнам. На саммите АТЭС в Гонолулу в ноябре 2011 г. Япония, а вслед за ней Канада и Мексика, также заявили о своем участии в упомянутых переговорах. Если вышеперечисленные страны вступят в ТТП, то объеди-

ненный ВВП ее членов составит 40% мирового. При этом на долю США и Японии придется 90% ВВП самого ТТП.

Эта структура, по замыслам ее создателей, должна стать альтернативой АТЭС, которое, как считают эксперты, за почти четверть века своего существования зарекомендовало себя в качестве недостаточно эффективной организации, не сумевшей решить поставленные перед ней задачи по либерализации торговли и инвестиций в АТР. Судя по всему, ТТП станет важной вехой на пути формирования Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли.

Сделанное в Гонолулу заявление премьер-министра Ё. Ноды о присоединении Токио к переговорам о присоединении к ТТП обнажило противоречивые подходы к этому шагу в Японии. Их олицетворением стало противостояние влиятельных лоббистских групп от ведущих торгово-промышленных кругов, представленных Федерацией экономических организаций (Кэйданрэн), с одной стороны, и от Центрального союза сельскохозяйственных кооперативов — с другой.

Кэйданрэн, в частности, утверждает, что отказ от присоединения к ТТП нанесет Японии ощутимый ущерб, поскольку ключевую роль для стабильного развития страны играет торговля и трансфер инвестиций и технологий. Сторонники партнерства подсчитали, что в этом случае Япония потеряет свою долю международного рынка, экономика сократится на 1,53%, а 812 тыс. человек потеряют работу. Наоборот, присоединение, несмотря на сокращение трудоспособного населения и хроническую дефляцию, увеличит ВВП страны на 2,7 трлн. иен.

Оппоненты, со своей стороны, возражают, что членство в ТТП существенно снизит уровень продовольственной безопасности Японии, а сельское хозяйство лишится 3,4 млн. рабочих мест. Под угрозу могут быть поставлены также такие чувствительные сегменты японской экономики и общества, как здравоохранение, банковский и финансовый секторы, страхование и другие. На сегодняшний день японское общество фактически расколото по проблеме вхождения в ТТП.

Российско-японские отношения: на пути к потеплению

В отношениях между Россией и Японией в начале 2011 г. сохранялась весьма прохладная атмосфера, явившаяся итогом визита президента России Д.А. Медведева на остров Кунашир 1 ноября 2010 г. и последовавшего за ним обмена резкими заявлениями официальных лиц обеих стран по поводу притязаний Японии на южные Курильские острова. Кульминацией этого обмена явилось высказывание в феврале 2012 г. тогдашнего премьер-министра Японии Наото Кана о том, что визит явился «непозволительной грубостью».

Тем не менее, реальные взаимные интересы в сфере экономики и региональной безопасности позволили в определенной степени ослабить напряженность между Россией и Японией и сделать ряд шагов навстречу друг другу. Так, уже в ходе визита в Москву в феврале 2011 г. тогдашний министр иностранных дел Сэйдзи Маэхара заявил о готовности японской стороны изучить возможность совмещения ведения хозяйственной деятельности на спорных островах японскими компаниями с принципиальной позицией Токио, который считает эти острова «исконной японской территорией».

Однако, вопреки ожиданиям некоторых наблюдателей и аналитиков, Великое бедствие на Востоке Японии, случившееся ровно через месяц после визита Маэхары, отнюдь не способствовало переходу территориальной проблемы в японо-российских отношениях на второй план. Это, в частности, подтвердил тогдашний посол Японии в России Масахару Коно, заявивший об отсутствии связи между территориальной проблемой и помощью России в ликвидации последствий указанного бедствия. Вместе с тем опера-

тивность, масштабность и эффективность этой помощи не могли не содействовать оздоровлению общей ситуации в российско-японских отношениях.

Руководством России немедленно были приняты меры содействия Японии по следующим направлениям:

- оказание помощи пострадавшим регионам по линии МЧС России;
- оказание экспертной помощи в оценке ситуации на АЭС «Фукусима-1» по линии Росатома;
- проработка вопросов по увеличению поставок углеводородного сырья, в частности сжиженного природного газа (СПГ), в связи с выпадающими объемами атомной генерации в Японии, по линии Газпрома.

Так, российские спасатели из МЧС начали свою работу в Японии 15 марта 2011 г. Их группировка состояла из 161 человека и 7 единиц техники. Это была самая большая иностранная группировка спасателей, оказывающих помощь Японии. По данным МЧС России, аварийно-спасательные работы проводились в районе города Сэндай, одном из наиболее пострадавших от землетрясения и цунами. Российские специалисты обследовали более 20 кв км территории, извлекли из-под завалов 112 тел погибших. Живых пострадавших обнаружить не удалось. Радиационный фон в зоне ответственности российских спасателей не превышал предельно допустимых значений.

Через неделю после начала работы российские спасатели по согласованию с японской стороной завершили поисково-спасательную операцию в Японии. 23 марта специалисты отрядов «Центроспас» и «Лидер» МЧС России прибыли в аэропорт «Раменское», где посол Японии в России Масахару Коно выразил глубокую благодарность от имени японского народа российской стороне. Он поблагодарил МЧС России за оказанную помощь и выразил уверенность, что взаимодействие двух стран будет развиваться. Важно отметить, что ранее подобных операций МЧС России в Японии не проводило.

В то же время опыт такого рода сотрудничества России и Японии выявил ряд серьезных проблем между странами, что, в частности, вызвало определенное недовольство со стороны российских специалистов. Так, японская сторона не пустила в страну поисковых собак МЧС, натренированных на поиск людей под завалами, и не допустила развертывания в Японии госпиталя МЧС. У специалистов Росатома были проблемы, связанные с получением оперативной информации о ситуации на АЭС «Фукусима-1» и поездками в Японию для проведения консультаций. Со стороны экспертов Росатома прозвучали критические замечания, как в адрес японских специалистов, так и в отношении профессионального уровня сотрудников МАГАТЭ.

Объемы дополнительных поставок СПГ Россией в Японию также оказались не значительными: по официальным данным, в 2011 г. группа «Газпром» поставила в Японию 5 сверхплановых партий СПГ общим объемом 440 млн. куб. м. (приблизительно 330 тыс. т СПГ), тогда как, например, в 2010 г. Япония закупила на мировом рынке 70 млн. т СПГ.

Отметим, что к настоящему времени созрели потребности в углублении двустороннего российско-японского энергетического сотрудничества под эгидой укрепления энергобезопасности. Однако, как представляется, Япония не развивает энергетические проекты с Россией в должной мере (в том числе по политическим мотивам): Япония могла бы закупать больше ресурсов у своего ближайшего соседа, чем в таких удаленных и к тому же взрывоопасных регионах мира как Ближний Восток.

Россия открыла счета Российского Красного Креста для сбора пожертвований, в частности, в Сбербанке. В Японию от Российского Красного Креста в адрес Японского Красного Креста было направлено около 1,8 млн. долл. Русская православная церковь также провела сбор средств на восстановление разрушенных в Японии православных

церквей. По данным РПЦ, в результате проведенной акции поддержки, было собрано и перечислено в Японию около 1,5 млн. долл. Как отметил Митрополит Токийский и всея Японии Даниил, в основном пострадали маленькие церкви в городках и деревнях северо-восточного Хонсю, но все они уже практически восстановлены.

Тем не менее, как представляется, трагические события в Японии выявили многие недостатки и проблемы системного характера, касающиеся взаимодействия России и Японии в условиях чрезвычайных ситуаций. И пока рано говорить о том, что Япония, извлекая уроки из трагедии, предприняла шаги по устранению выявленных препятствий для развития такого рода сотрудничества с Россией.

Однако в целом в российско-японских отношениях 2011 г. преобладала позитивная динамика. Пришедший в сентябре 2011 г. на смену Кану новый премьер-министр Ёсихико Нода взял курс на выправление связей с Россией. Это, в частности, нашло отражение в сделанном 7 сентября 2011 г. заявлении нового министра иностранных дел Контиро Гэмбы о его намерении выработать конкретный план по продвижению идеи стратегического партнерства с Россией, включая совместную экономическую деятельность на оспариваемых Токио южных Курилах.

О желании японского руководства выбраться из патовой ситуации беспрецедентной взаимной критики свидетельствует и переформулирование им в начале 2012 г. вызывающей резкое неприятие российской стороны фразы о «незаконной оккупации Россией Северных территорий». В новой редакции фраза стала звучать так: «господство, не имеющее под собой юридических оснований». Правда, суть японских территориальных притязаний от этого не меняется.

В конструктивном духе проходил в январе 2012 г. официальный визит в Токио министра иностранных дел России С.В. Лаврова. Как отмечала газета «Japan Times», Россия и Япония договорились укреплять двусторонние отношения в сфере экономики и безопасности, несмотря на отсутствие прогресса в решении давнего территориального спора⁵⁰. Примечательно также следующее заявление Гэмбы на совместной с Лавровым пресс-конференции: «В условиях, когда обстановка в сфере безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе испытывает серьезные перемены, японо-российские отношения приобретают все большее значение»⁵¹.

Лавров, со своей стороны, подчеркнув, что южные Курилы с международно-правовой точки зрения являются частью территорией России, сказал, что российская сторона будет искать пути решения спора, приемлемые для обеих стран. А японская газета «Санкэй» отмечала: «Переговоры начались в дружеской атмосфере, но в отношении проблемы Северных территорий проходили на параллельных курсах»⁵².

Позиция России по южным Курилам была подтверждена 2 марта 2012 г. тогдашним кандидатом в президенты России В.В. Путиным, который на встрече с редакторами зарубежных газет, в частности, сказал: «Нам очень хочется эту проблему, территориальную проблему с Японией, закрыть окончательно, и хочется сделать таким образом, чтобы это было приемлемо для обеих сторон и для народов наших стран»⁵³.

Реакция Токио не заставила себя ждать. 5 марта премьер-министр Ёсихико Нода первым из руководителей стран «восьмерки» поздравил по телефону Путина с победой на президентских выборах, он также предложил искать «мудрое решение» по проблемам территориального спора и подписания мирного договора. Но уже 8 марта в парламенте Нода заявил, что «компромисс 1956 г.» для Токио неприемлем. Очевидно, что он имел в виду Совместную советско-японскую декларацию 1956 г., затронутую Путиным в ходе упомянутой встречи 2 марта. Указанная декларация предусматривает передачу только «двух» (гряды Хабоман и о. Шикотан) из «четырех» островов, на которые претендует Япония.

Несмотря на весьма неровные политические отношения между Россией и Японией, торгово-экономические связи между двумя странами в 2011 г. развивались в позитивном ключе. Так, по предварительным оценкам, объем торговли в указанном году достиг рекордной отметки примерно в 30 млрд. долл., а общая сумма японских инвестиций в российскую экономику — около 10 млрд. долл., хотя 90% из них — это инвестиционные кредиты.

Очевидно, что новые возможности в российско-японском сотрудничестве могут открыться в ходе проведения во Владивостоке в сентябре 2012 г. очередного саммита АТЭС. Он может стать этапным событием в деле развития российского Дальнего Востока и интеграции России в экономику АТР при конструктивном содействии Японии.

1. Казаков О.И. Землетрясение в Японии: гуманитарные, технологические и политические изменения // Проблемы Дальнего Востока. 3/2011, май-июнь. С. 24–32.
2. Japan Today. 06.01.2012 06:32 JST.
3. РИА Новости. 23.01.2012 06:49; Japan Today. 24.01.2012 10:55 JST.
4. Асахи. 07.05.2011 15:00.
5. Управление по делам восстановления. URL: <http://www.reconstruction.go.jp>.
6. NHK World. 10.02.2012 20:57 JST.
7. Кузьминков В.В. Землетрясение в Японии глазами очевидца // Япония наших дней. № 1(7), 2011. — М.: ИДВ РАН. 2011. С. 32–35.
8. ИТАР-ТАСС. 01.04.2012 06:12.
9. Кабинет министров Японии. URL: http://www5.cao.go.jp/keizai3/2011/1221nk/n11_1/n11_1_0.html.
10. Там же.
11. Там же.
12. Кабинет министров Японии. URL: <http://www.esri.cao.jp/>
13. Кабинет министров Японии. URL: http://www5.cao.go.jp/keizai3/2011/1221nk/n11_1/n11_1_0.html.
14. Кабинет министров Японии. URL: <http://www.esri.cao.jp/>
15. Кабинет министров Японии. URL: http://www5.cao.go.jp/keizai3/2011/1221nk/n11_1/n11_1_0.html.
16. Кабинет министров Японии. URL: <http://www.esri.cao.jp/>
17. В Японии отмечен торговый дефицит — впервые за 30 лет // BBC Russian. 25.01.2012 07:00 GMT. URL: <http://www.bbc.co.uk>.
18. ВЗГЛЯД. 24.12.2011.
19. Министерство финансов Японии. URL: http://www.mof.go.jp/budget/budger_workflow/budger/fy2012/index.htm.
20. Акахата. 03.12.2011. URL: http://www.jcp.or.jp/akahata/aik11/2011-12-03/2011120301_01_1.html.
21. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/business/2011/08/110729japan_moodys_downgrade.shtml.
22. Fiscal Monitor. Fiscal Exit: From Strategy to Implementation November 2010 // International Monetary Fund. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/fm/2010/02/fmindex.htm>.
23. Министерство финансов Японии...
24. Кабинет министров Японии. URL: http://www5.cao.go.jp/keizai3/2011/1221nk/n11_1/n11_1_0.html.
25. Министерство финансов Японии...
26. Министерство финансов Японии. URL: http://www.mof.go.jp/jgbs/reference/interest_rate/jgbscm.htm.
27. Подробнее о сентябрьских выборах лидера Демократической партии см. Калмычек П.А. Демократы Японии выбирают лидера // Независимая газета. 13.09.2010.
28. Общее число проголосовавших «за» составило лишь 295 человек — намного меньше двух третей (то есть 320 голосов), необходимых для дальнейшего одобрения законопроектов в случае их отклонения верхней палатой. Асахи Симбун. 02.03.2010.

29. Ёмиури Симбун, 10.04.2011.
30. На выборах в столичной префектуре уже в четвертый раз победителем стал Синтаро Исихара, получив около 43% голосов. Эту победу скорее можно записать на счет Либерально-демократической партии, так как политик пользуется поддержкой ЛДП и ранее являлся одним из ее лидеров. Подробнее об избрании и личности Исихары см. *Калмычек П.А.* Синтаро Исихара — губернатор Токио // Япония наших дней. № 2 (8), 2011. — М.: ИДВ РАН, 2011.
31. Если при назначении Кана премьер-министром его рейтинг по различным опросам общественно-го мнения превышал 60%, то незадолго до отставки он колебался в значениях между 10 и 20%.
32. Дополняет картину и публикация доходов Ноды — семейные активы Ноды оказались самыми низкими за все время декларирования премьер-министрами своего имущества и составили всего 2,6 млн. иен (около 23 тыс. долл.) в сбережениях (учитывая и сбережения супруги), а также дом и землю в префектуре Тоба стоимостью 15,14 млн. иен. Члены кабинета министров декларируют свое имущество с 1984 г., когда премьер-министром был Ясухиро Накасонэ (после скандала со взятками Какуэя Танаки).
33. Перечисляя состав кабинета, отдельно надо упомянуть назначенного на пост министра экономики и промышленности Ёсио Хатино. Он почти сразу после вступления в должность оказался в центре скандала в связи с рядом неосторожных высказываний, связанных с посещением им зоны вокруг аварийной АЭС «Фукусима-1». Нода был вынужден отправить его в отставку всего лишь спустя 9 дней после назначения с тем, чтобы избежать острой критики со стороны оппозиции и общества уже в начале срока своих полномочий. Новым главой министерства был назначен бывший генеральный секретарь кабинета Юкио Эдано.
34. The Japan Times. 29.10.2011.
35. Опросы общественного мнения свидетельствовали о том, что против предложения Ноды повысить налоги выступали примерно шесть из десяти избирателей, и это уже привело к падению рейтинга кабинета с 62,8% до 54,6% спустя месяц после его формирования (данные исследования, проведенного агентством «Кёдо»). См. Кёдо Цусин. 02.10.2011.
36. Ёмиури Симбун. 14.12.2011.
37. РИА Новости. 11.03.2012 15:52.
38. The Japan Times. 13.03.2012.
39. *Казаков О. И.* Опросы в Японии показывают рост антиядерных настроений // Япония наших дней. № 4 (10), 2011. — М.: ИДВ РАН, 2012. С. 121–124.
40. NHK World. 09.09.2011 13:10 JST.
41. РИА Новости. 19.09.2011 12:05.
42. Japan Today. 10.02.2012 06:45 JST.
43. Количество посетивших Японию иностранных гостей. Данные по 2011 г. // Национальная туристическая организация Японии. URL: <http://www.jnto.go.jp>.
44. The Japan Times. 09.02.2012.
45. *Казаков О.И.* Япония увеличила свое присутствие в списке Всемирного наследия // Япония наших дней. № 2 (8), 2011. — М.: ИДВ РАН, 2011. С. 70–78.
46. The Japan Times. 01.01.2012.
47. Defense of Japan—2011 (annual White Paper). Ministry of Defense, Tokyo, 2011. P. 143.
48. Ibi2.
49. The Japan Times. 21.01.2012.
50. The Japan Times. 29.01.2012.
51. Там же.
52. Санкэй симбун, 28.01.2012.
53. РИА Новости. 02.03.2012.

Российско-корейское сотрудничество на региональном уровне: проблемы и перспективы развития

© 2012

Ом Гу Хо

Переход к гражданскому обществу и процессы интернационализации стимулировали переход от системы международных отношений, в которых ведущая роль принадлежала федеральной власти, к системе, где такую роль в развитии международных связей с другими странами, стали играть власти региональные. Разбирая данную ситуацию в контексте межрегионального российско-корейского сотрудничества, автор хотел бы разделить корейско-российское сотрудничество региональных властей на два уровня: двустороннее и многостороннее. Анализируются проблемы, помешавшие позитивному развитию взаимоотношений и, в конце, предлагаются методы развития взаимного обмена между двумя странами. *Ключевые слова:* РФ, РК, регионализация, районирование, экономические связи, российско-корейское сотрудничество.

I. Введение

Переход к гражданскому обществу и процессы интернационализации стимулировали переход от системы международных отношений, в которых ведущая роль принадлежала федеральной власти, к системе, где такую роль в развитии международных связей с другими странами стали играть власти региональные. Децентрализация, передача части полномочий из столицы в регионы, является общемировым явлением, тесно связана с процессами интеграции в мировое сообщество и влияет на установление прямых международных взаимоотношений на региональном уровне. Местная администрация стала выполнять функцию коррелятора, который занимается дипломатическими вопросами, за которыми центральные власти не успевают уследить.

В контексте межрегионального российско-корейского сотрудничества этот аспект интересен следующим. Во-первых, для создания стабильных партнерских отношений между РК и РФ все еще существует много препятствий — особенность геополитического положения СВА, которая долгое время была камнем преткновения в борьбе мировых держав за мировое господство, последствия эпохи колонизации и войн, историческое наследие, вопросы безопасности Корейского полуострова, вызванные северокорейской ядерной проблемой. Но эти проблемы в меньшей степени касаются региональных властей, поэтому более гибкую систему взаимного обмена можно создать именно с их помощью.

Во-вторых, во время усиления конфликтов на государственном уровне, вызванных экономическими разногласиями и тарифными барьерами, региональные власти, взаимодействуя на межличностном, межрегиональном уровне, могут создать прочную

базу для сотрудничества на основе взаимного доверия и, таким образом, смогут играть роль своего рода амортизатора. Нельзя забывать, что ожидаемого уровня в области корейско-российского экономического сотрудничества помешал достичь именно недостаток взаимного доверия.

В-третьих, обмен на межрегиональном уровне стимулирует развитие экономики и промышленности данного региона и может вызвать прилив жизненных сил в социальной сфере на местном уровне. На российском Дальнем Востоке в последнее время наблюдается резкий отток населения, вызванный экономической неразвитостью региона. Также в Корее важной темой для обсуждения стали вопросы концентрации экономики страны в столичном регионе и способы активизации региональной экономики.

Chia Siow Yue (2002) разделяет понятия районирование (regionalization) и регионализм (regionalism). Районирование — это не системное сотрудничество, а скорее результат активных индивидуальных отношений, торговли, инвестиций и притока рабочей силы, то есть увеличение взаимозависимости взаимодействующих регионов. С другой стороны, регионализм — это структурированная политико-экономическая интеграция типа Евросоюза или НАФТА, созданная центральной властью с целью формирования объединения с четкой политической и торговой системой отношений между двумя или несколькими странами. В США отсутствие системного регионального объединения вызвано тем, что здесь соседствуют страны с разными политическими строями, существует ряд территориальных противоречий и по-разному видятся некоторые исторические события. Учитывая все это, в этом регионе для начала необходимо наладить партнерские отношения на уровне регионов. Создать региональную сеть, основанную на деятельности не центральных, а региональных властей, то есть, нужно стремиться не к регионализму, а к районированию.

С недавних пор, чтобы идти в ногу со временем, корейские местные власти также стараются найти разные способы взаимодействия на международном уровне. Но пока интернационализация регионов ограничивается только двусторонним (bilateral) культурным обменом, основанным на побратимских отношениях. Многостороннее сотрудничество с иностранными местными властями на основе региональной и экономической специализации начало осуществляться совсем недавно.

Российско-корейское сотрудничество не исключение. 13 июля 1991 г. было подписано Соглашение о дружбе и сотрудничестве между Москвой и Сеулом. Оно положило начало продолжительному многостороннему взаимодействию (multilateral cooperation) администраций этих двух городов при помощи региональных структур, таких как Ассоциация региональных администраций стран Северо-Восточной Азии (Association of North East Asia Regional Governments: NEAR), Встреча глав региональных властей по вопросам акватории Японского моря (Kangwon-do's Active Role Towards East-Sea rim's Local Leader: KARTELL), Межрегиональный туристский форум Восточной Азии (East Asia Inter-Regional Tourism Forum: EATOF). Однако положительно оценить результаты этого сотрудничества очень сложно. Судя по опросу специалистов, занимающихся вопросами межрегионального корейско-российского сотрудничества, результаты двустороннего обмена между Россией и Кореей на региональном уровне невелики. 39% специалистов подтвердили, что был достигнут ожидаемый результат, но, с другой стороны, 39% отметили, что после подписания соглашения дела почти не сдвинулись с мертвой точки, 22% заявили, что результаты могли быть и лучше, так как обмен проходил очень активно. Взаимные визиты на самом деле также не были часты. Три или менее встреч в году — 88% всех встреч, на одно из 18 опрошенных учреждений в среднем пришлось всего 1,6 встреч в год.

II. Двустороннее межрегиональное сотрудничество между РК и РФ: реалии и проблемы

На сегодняшний день имеется 8 соглашений между городами федерального значения, 10 — между административными единицами, 19-между городами и районами городов. Ряд соглашений связывает города-побратимы с 20-ю российскими городами, другие соглашения заключены с 16-ю дружественными российскими городами, подписан один меморандум о сотрудничестве и обмене.

Табл. 1.

Международный обмен, осуществляемый между Россией и Кореей на региональном уровне (август 2010)

Регион	кол-во участников	объект установления связи(глобальный)		кол-во участников	объект установления связи		Общее число региональных административных единиц (страна)	Общее число региональных административных единиц (город)
		(глобальный)	страна		зарубежный город	(местный)		
Побратимы	16	38	154	170	37	395	51	534
Дружественные	16	36	126	161	34	368	50	418
Всего	16	50	280	213	50	763	64	879

Табл. 2.

Корейско-российское сотрудничество на региональном уровне (август 2010)

Регион	Число участников	Объект установления связи		Кол-во участников	Объект установления связи
		(глобальный)	(местный)		
побратимы	13	13	6	6	6
дружественные	4	4	14	14	14
Всего	17	17	20	20	20

Табл. 3.

Количество корейско-русских соглашений об обмене на региональном уровне (октябрь 2010)

	Региональная администрация	Название российского региона	Дата подписания соглашения (гг.мм.дд)	Примеч.
Города федерального значения(8)	Сеул	Москва	1991-07-13	побратимы
	Пусан	Владивосток	1992-06-13	побратимы
	Тэгу	Санкт-Петербург	1997-11-03	побратимы
	Тэджон	Новосибирск	2001-10-22	побратимы
	Ульсан	Томск	2003-11-12	побратимы
	Пусан	Санкт-Петербург	2008-06-11	побратимы
	Инчон	Екатеринбург	2009-09-14	побратимы
	Инчон	о. Кронштадт	2010-09-08	побратимы

	Региональная администрация	Название российского региона	Дата подписания соглашения (гг.мм.дд)	Примеч.
Провинции — области(10)	Чеджудо	Сахалинская область	1992-01-17	побратимы
	Южная Чунчон	Ленинградская область	2000-12-13	дружественные
	Южная Чунчон	Амурская область	1995-06-15	побратимы
	Сев. Кёнсан	Иркутская область	1996-09-10	побратимы
	Юж.Кёнсан	Хабаровская область	1996-09-14	побратимы
	Кёнгидо	Московская область	1997-05-10	побратимы
	Канвондо	Приморский край	1998-05-27	побратимы
	Канвондо	Республика Саха	2007-06-19	обмен и сотрудничество
	Южная Чолла	Западная Сибирь, Новосибирск	2005-09-28	дружественные
	Сев. Чунчон	Санкт-Петербург	2008-05-14	побратимы
Город(17)	Тонхэ (Канвондо)	Приморский край, Находка	1991-12-10	побратимы
	Сокчо (Канводо)	Казанский район	1996-07-01	дружественные
	Анян (Кенгидо)	Улан-Удэ	1997-07-23	побратимы
	Масан (Юж.Кенсан)	Усуйск	1999-10-26	побратимы
	Чхонджу (Сев.Чунчон)	Ростов	1999-05-16	дружественные
	Пучхон (Кёнги)	Хабаровск	2002-06-24	побратимы
	Ансон (Кёнги)	Белогорск	2003-05-25	дружественные
	Самчхок (Канвондо)	Кунгур	2003-05-30	дружественные
	Чанвон (Юж.Кёнсан)	Якутск	2003-06-18	дружественные
	Ансан (Кёнги)	Холмск	2003-08-30	дружественные
	Ансан (Кенги)	Южно-Сахалинск	2003-08-29	дружественные
	Ёсу (Юж. Чолла)	Ванино	2004-06-30	дружественные
	Сувон (Кёнги)	Нижний Новгород	2005-06-11	побратимы
	Тамянгун (Юж.Чолла)	Арм Приморского края	2005-08-22	дружественные
	Пхочхон (Кёнги)	Находка	2007-02-13	дружественные
	Чинджу (Юж. Кёнсан)	Омск	2007-08-04	дружественные
	Соннам (Кёнги)	Екатеринбург	2008-05-23	дружественные
Район города(2)	Сеул, район Чунгу	Москва	2007-06-04	дружественные
	Сеул, район Сочо	Юго-западный район Москвы	1992-03-31	побратимы

6 из соглашений заключены в период между 1991–1995 гг., 10 — в период между 1996–2000 гг., 12 — за период 2001–2005 гг. — количество соглашений постепенно увеличивается. Но в период с 2006 по 2010 год подписано всего 9 соглашений, то есть наблюдается некоторое замедление роста. Если сравнить уровень обмена с основными

партнерскими странами за 2008 год, то мы увидим, что наибольшая доля приходится на Китай (42%) и Японию (15%), доля же обмена с Россией едва достигает 4%.

Табл. 4.

Основные страны, с которыми совершается обмен

	Всего	Китай	Япония	США	Россия	Вьетнам	Австралия	Монголия	Канада	Индонезия	Проч.
Всего	947	399	138	113	33	26	19	18	15	13	173
Доля	100%	42%	15%	12%	4%	3%	2%	2%	1%	1%	18%
Побратимы	498	157	72	92	17	16	15	7	8	10	104
Партнеры	449	242	66	21	16	10	4	11	7	3	69

Данные взяты из фонда *Korea Local Authorities Foundation for International Relations (2008)*.

Если проанализировать уровень межрегионального обмена между Россией и Кореей за этот период, то мы увидим много проблем. Во-первых, сотрудничество осуществляется без подготовки, без детального анализа потребностей в сфере сотрудничества, не изучается состояние дел на момент начала отношений. Из опроса специалистов, занимающихся вопросом российско-корейского обмена на региональном уровне, который уже упоминался здесь, видно, что инициаторами подписания соглашений были, в основном, общественные деятели (44%), а не правительственные или государственные организации (28%). 28% всех предложений об установлении обмена были внесены Россией. Во-вторых, сотрудничество осложняется отсутствием критериев (стандартов), на основе которых бы осуществлялся обмен.

Следует отметить, что проводимые сейчас проекты по обмену в большинстве своем имеют форму обмена специалистами-администраторами из региональных органов власти (стажировки госслужащих, взаимные визиты глав администраций, обмен материалом в области госуправления) или в самой простой форме культурного обмена (обмен молодежью, выступления музыкальных и танцевальных ансамблей, научный обмен, обмен в области искусства и спорта). Особенно, обмен специалистами ограничивается только периодическими взаимными визитами глав региональных администраций и госслужащих, составляющих элиту общества. Если обратиться к табл. 5, в которой автор попытался проанализировать реальные результаты обмена, осуществляемого после подписания региональными властями соглашений о международном обмене с Россией, то мы увидим, что более 70% всего обмена — это обмен госслужащими, специалистами-управленцами (34,3%), культурный обмен (26,2%), молодежный обмен (11,7%). А в области туризма и экономики объемы обмена едва достигли 4,4% и 18,4% соответственно. Если учесть, что обмен на межрегиональном уровне должен проводиться в первую очередь в области экономики, то видно, что результаты очень скромные.

В-третьих, поскольку основная часть обмена происходит преимущественно между государственными учреждениями и элитой, у местных жителей и народных организаций практически нет шансов принять участие в этом процессе, хотя во всем мире соглашения о дружбе и сотрудничестве заключаются именно по инициативе общественных организаций и ведут к активизации народного обмена.

В Америке, Японии и других развитых странах уделяют внимание, в первую очередь, народному обмену, а не заключению соглашений о дружбе и сотрудничестве между региональными властями. Только после установления связей, постепенно, на основе этого народного обмена, заключают соглашения о дружбе. Однако в случае с нашими региональными властями, которые занимаются корейско-российским сотрудниче-

ством, власти сами определяют регион, с которым они хотят установить связи, и под руководством ответственного отдела занимаются решением всех вопросов, пока не будет налажен обмен. Таким образом, местное население и общественные организации практически не участвуют в обмене, поэтому и отклик населения на установление партнерских отношений с иностранными регионами также очень мал.

Табл. 5

Классификация статей корейско-российского обмена на региональном уровне (октябрь 2010)

Вид	Корея	Россия	статьи обмена (сотрудничества), кол-во (%)						Всего (%)
			кадры, административная	Культура	Туризм	Молодежь	Экономика	Прочее	
Города федерального значения	Сеул	Москва	28 (63,6)	8 (18,.)	1 (2,3)	2 (4,5)	5 (11,4)	- (0)	44 (100)
	Пусан	Владивосток	11 (27,5)	10 (25,0)	5 (12,5)	5 (12,5)	6 (15,0)	3 (7,5)	40 (100)
	Тэгу	Санкт-Петербург	16 (29,1)	22 (40,0)	- (0)	3 (5,5)	12 (21,8)	2 (3,6)	55 (100)
	Тэджон	Новосибирск	8 (38,1)	3 (14,.)	- (0)	- (0)	10 (47,6)	- (0)	21 (100)
	Ульсан	Томск	-	-	-	-	-	-	-
	Пусан	Санкт-Петербург	- (0)	- (0)	- (0)	1 (100)	- (0)	- (0)	1 (100)
	Инчхон	Екатеринбург	-	-	-	-	-	-	-
Области	Чеджу	Сахалинская область	9 (64,3)	1 (7,1)	- (0)	- (0)	3 (21,4)	1 (7,1)	14 (100)
	Юж. Чунчхон	Амурская область	18 (40,9)	15 (34,1)	- (0)	2 (4,5)	9 (20,5)	- (0)	44 (100)
	Сев. Кёнсан	Иркутская область	4 (36,4)	2 (18,2)	- (0)	- (0)	5 (45,5)	- (0)	11 (100)
	Юж. Кёнсан	Хабаровский край	8 (25,8)	8 (25,8)	2 (6,5)	8 (25,8)	5 (16,1)	- (0)	31 (100)
	Кёнги	Московская область	-	-	-	-	-	-	-
	Канвондо	Приморский край	36 (40,9)	11 (12,5)	12 (13,6)	14 (15,9)	12 (13,6)	3 (3,4)	88 (100)
	Юж. Чунчхон	Ленинградская область	6 (35,3)	9 (52,9)	- (0)	- (0)	2 (11,8)	- (0)	17 (100)
	Юж. Чолла	Новосибирск	-	-	-	-	-	-	-
	Канвондо	Республика Саха	4 (44,4)	1 (11,1)	- (0)	- (0)	4 (44,4)	- (0)	9 (100)
	Сев. Чунчхон	Санкт-Петербург	1 (33,3)	2 (66,7)	- (0)	- (0)	- (0)	- (0)	3 (100)
Города	Тонхэ	Находка	3 (9,4)	4 (12,5)	1 (3,1)	17 (53,1)	7 (21,9)	- (0)	32 (100)
	Сокчо	Хасан	-	-	-	-	-	-	-
	Анян	Улаи-Удэ	-	-	-	-	-	-	-
	Масан	Усурийск	-	-	-	-	-	-	-
	Чхонджу	Ростов	-	-	-	-	-	-	-
	Пучхон	Хабаровск	3 (7,7)	19 (48,7)	- (0)	- (0)	3 (7,7)	14 (35,9)	39 (100)
	Ансон	Белогорск	- (0)	1 (25,0)	- (0)	- (0)	3 (75,0)	- (0)	4 (100)

Вид	Корея	Россия	статьи обмена (сотрудничества), кол-во (%)						Всего (%)
			кадры, администрация	Культура	Туризм	Молодежь	Экономика	Прочее	
Самчхок	Кунгур	-	-	-	-	-	-	-	-
Чанвон	Якутск	- (0)	2 (66.7)	-	-	-	1 (33.3)	-	3 (100)
Ансан	Южно-Сахалинск	- (0)	1 (50.0)	-	-	-	-	1 (50.0)	2 (100)
	Холмск (Сахалин)	- (0)	1 (100)	-	-	-	-	-	1 (100)
Ёсу	Ванино (Хабаровский край)	2 (20.0)	3 (30.0)	-	-	4 (40.0)	1 (10.0)	-	10 (100)
Сувон	Нижний Новгород	-	-	-	-	-	-	-	-
Тамянгун	Артем	-	-	-	-	-	-	-	-
Пхочхон	Находка	-	-	-	-	-	-	-	-
Чинджу	Омск	5 (100)	-	-	-	-	-	-	5 (100)
Соннам	Екатеринбург	-	-	-	-	-	-	-	-
Районы города	Район Сочхо Сеула	Юго-западный округ Москвы	2 (66.7)	1 (33.3)	-	-	-	-	3 (100)
	Район Чунгу в Сеуле	Центральный округ Москвы	- (0)	1 (100)	-	-	-	-	1 (100)
Всего			164 (34.3)	125 (26.2)	21 (4.4)	56 (11.7)	88 (18.4)	24 (5.0)	478 (100)

Данные получены путем опроса соответствующих региональных администраций и минимально классифицированы.

В-четвертых, политика региональных корейских властей, несомненно, является проблемой, но пассивная позиция российской региональной администрации также не способствует активизации корейско-российского обмена на региональном уровне. Если проанализировать статьи обмена, проведенные за этот период, то мы увидим, что доля мероприятий, проведенных по инициативе российских региональных властей, относительно мала. Это может быть вызвано разными причинами: и недостаточным желанием глав корейских региональных администраций, и какими-то внутренними причинами, обусловленными экономическими факторами, но, вместе с тем, отчасти это вина и российских региональных властей. Необходимо, чтобы российские региональные администрации также были более заинтересованы в установлении партнерских отношений.

В-пятых, нехватка структурных ответственных подразделений, нехватка профессиональных кадров и нехватка финансирования также являются большим препятствием на пути установления сотрудничества. Отсутствие специального комитета, который бы занимался только этим вопросом, и нехватка кадров крайне усложняют сбор информации о стране-партнере и ее региональных властях. Нехватка специалистов, свободно владеющих русским языком, становится препятствием на пути к успешному продвижению дела: не удастся нормально вести деловую переписку, осуществлять телефонные переговоры, проводить мероприятия по взаимному обмену. Причем в отличие от глобальных организаций в локальных комитетах, эта проблема стоит еще острее (чем меньше город, тем меньше опыта взаимодействия с иностранцами). Кроме того, из-за нехватки понимания местных властей, зачастую очень сложно получить необходимое финансирование, а если и удастся получить средства, то они ничтожно малы в сравне-

нии с региональным бюджетом данной администрации. Хочу еще раз обратиться к результатам опроса: специалисты также отметили, что самой большой трудностью в осуществлении обмена являются дефицит бюджетных средств и проблемы общения, вызванные незнанием языка.

III. Многостороннее региональное сотрудничество между РК и РФ: реалии и проблемы развития

В Российско-корейском региональном сотрудничестве, как и в сотрудничестве с другими странами, наблюдается тенденция перехода от двусторонних отношений к многосторонним. Причина активизации международного многостороннего регионального сотрудничества, в котором принимают участие Россия и Республика Корея, состоит в том, что корейские региональные власти выражают пожелания по развитию экономик регионов, входящих в экономический блок бассейна Японского моря, который был сформирован благодаря продуктивному сотрудничеству в сфере экономики и туризма, а также деятельности в рамках Проекта по освоению бассейна реки Туманган (Туманная).

Таб. 6.

Основные организации многостороннего регионального сотрудничества РК и РФ

Название организации	Год основания	Состав	Примечание
Ассоциация региональных администраций стран Северо-Восточной Азии (NEAR)	1996	6 стран, 65 структур	Включает 14 субъектов РФ ¹⁾
Северный Форум (Northern Forum)	1991	8 стран 17 региональных правительств и Республика Корея	Включает 6 субъектов РФ ²⁾
Конференция глав региональных властей городов бассейна Японского моря (KARTELL)	1994	5 стран 5 региональных структур	Включает Приморский край
Восточно-Азиатский межрегиональный туристский форум (EATOF)	2000	12 стран 12 региональных структур	Включает Приморский край
Конференция мэров главных городов бассейна Восточного моря	1995	5 стран 12 региональных структур	Включает Владивосток и Хасан
Организация по развитию туризма городов АТР (ТРО)	2002	11 стран 65 городов-участников	Включает Владивосток и Иркутск
Проект по освоению бассейна реки Туманган (GTI)	1995	5 стран	Конференция региональных властей в процессе формирования

1) Хабаровский край, Сахалинская область, Амурская область, Камчатский край, Иркутская область, Республика Саха (Якутия), Республика Бурятия, Приморский край, Томская область, Республика Тыва, Алтайский край, Магаданская область, Красноярский край, Забайкальский край

2) Ханты-Мансийск, Республика Коми, Красноярский край, Санкт-Петербург, Вологодская область, Ямало-Ненецкий автономный округ

UNDP (Программа развития ООН) Проект по освоению бассейна реки Туманган (Greater Tumen Initiative: GTI) был запущен в 1995 г. под названием “Программа развития бассейна реки Туманган” (Tumen River Area Development Programme: TRADP) с целью долговременного развития транспорта, перевозок, туризма, производства и промышленности в районе бассейна реки Туманган и расширения сотрудничества в регионе посредством краткосрочного увеличения инвестиций и торговли и был переименован на 8-й Конференции стран-участниц проекта (Республика Корея, КНДР, КНР, Россия, Монголия) в 2005 г. Район реки Туманган, в котором осуществляется проект, сейчас включает в себя 3 провинции на северо-востоке Китая (Гирин, Ляонин, Хэйлуцзян), Внутреннюю Монголию, зону свободной торговли г. Начжин (КНДР), восточную часть Монголии, портовые города РК на побережье Восточного моря и Приморский край.

В Проекте по освоению бассейна реки Туманган (GTI) особенно заинтересована южнокорейская провинция Канвон. Власти провинции Канвон, основываясь на своем опыте участия в Конференции глав региональных властей городов бассейна Восточного моря и Восточно-Азиатском межрегиональном туристском форуме, прикладывают все усилия для того, чтобы играть ключевую роль в проекте GTI. На 11 Встрече стран-участниц проекта, которая проводилась в провинции Гирин 1 сентября 2010 г. Республика Корея предложила организовать отдельную конференцию для усиления сотрудничества на уровне региональных властей и добилась понимания у большинства стран-участниц проекта. Если для продвижения проекта GTI будет создана “Конференция региональных правительств”, то появится перспектива усиления роли провинции Канвон, и повысится вероятность участия провинции Северная Кёнсан, г. Ульсан, а также провинции Южная Кёнсан, г. Пусан, г. Тэгу. Кроме того, благодаря тому, что проведение встречи стран-участниц GTI в октябре запланировано в провинции Канвон, вероятность продвижения регионального сотрудничества еще более увеличилась.

Вероятно, встреча стран-участниц проекта GTI окажется эффективной в плане российско-корейского сотрудничества в сфере транспорта и туризма. Правительство РК с помощью Комитета по транспорту GTI старается активизировать движение по морскому маршруту Сокчхо — Зарубино — Владивосток и возобновить движение судов по маршруту Донхэ — Нигата — Зарубино. При развитии морских сообщений, количество туристов, въезжающих через Сокчхо вырастет на 100 тыс. чел. в год, а оборот торговли увеличится более чем на 200 млн долл. в год. Наряду с этим, правительство РК стремится сделать провинцию Канвон одним из основных центров туризма в Северо-Восточной Азии. Например, провинция Канвон была включена в перечень туристических направлений, разрабатываемый комитетом по туризму GTI. В исследовательскую Программу GTI по эффективному использованию энергии, которая стартует в РК в октябре, было включено посещение ветряной электростанции Тэгваллён, чтобы показать странам-участницам GTI “стратегию зеленого роста” провинции Канвон.

Для развития экономического сотрудничества региона Японского моря существует Конференция глав региональных властей городов бассейна Японского моря (KARTELL), организуемая властями провинции Канвон. Организация KARTELL подчеркивает важность регионального сотрудничества и призывает страны вырабатывать общие ценности. Впервые на конференции четырех стран бассейна Японского моря в ноябре 1994 г. ставшей отправной точкой в деятельности организации, собрались лиде-

ры региональных властей Северо-Восточной Азии. В мае 2010 года в провинции Канвон состоялась 15-я конференция. KARTELL (Kangwon-do's Active Role Towards East-Sea rim's Local Leader) является аббревиатурой для Конференции глав региональных властей городов бассейна Японского моря и подчеркивает стремление провинции Канвон играть ключевую роль в развитии региона Японского моря.

Власти провинции Канвон выражают надежду, что KARTELL будет играть роль проводника между участниками Проекта по освоению бассейна реки Туманган (GTI). Это хорошо выражается в том, что темой 15 конференции, состоявшейся в г. Ёнпхён, было выбрано "GTI и план экономического сотрудничества на региональном уровне в Северо-восточной Азии". Однако трудно дать KARTELL только положительную оценку. Подготовленная в ряде предварительных встреч конференция с 2000 г. проводится раз в два года, однако Приморский край еще ни разу не был местом ее проведения. Поэтому можно заключить, что в последнее время первоначальная мотивация стран-участниц конференции ослабла. В ходе обсуждений осуществления проекта GTI ключевыми причинами были названы отсутствие экономических связей из-за географической отдаленности стран и осложнение отношений между РК и КНДР после северокорейского ядерного кризиса. Поэтому в январе 2005 года власти г. Ульсан, провинций Канвон и Северной Кёнсан учредили свою Конференцию лидеров провинций и городов бассейна Японского моря с целью расширения сотрудничества в регионе Японского моря. Данная конференция стимулирует продвижение проекта по развитию бассейна Японского моря. Необходима помощь правительства и фондов в развитии организации, которая бы осуществляла диалог между центральными правительственными органами и комитетами данной конференции.

Если KARTELL продвигается провинцией Канвон, то Ассоциация Региональных Администраций стран Северо-Восточной Азии (Association of North East Asia Regional Governments: NEAR) основана по инициативе властей провинции Северная Кёнсан. В состав NEAR входят 14 субъектов РФ, они принимают в ее деятельности активное участие. С 2002 г. по 2004 г. Хабаровский край председательствовал в административном комитете, а в сентябре 2002 г. в Хабаровском крае было проведено 4-е заседание АРАССВА. Хабаровский край сделал большой вклад в расширение состава участников Ассоциации, на 4-м заседании АРАССВА, которое проводилось в Хабаровске, к Ассоциации присоединилась северокорейская провинция Северная Хамгён и город Расон. Таким образом, Хабаровский край сыграл исключительную роль в объединении шести государств в составе Ассоциации Региональных Администраций стран Северо-Восточной Азии. Хотя Северная Корея пока не принимает участия в основных мероприятиях, теперь ее участие в деятельности АРАССВА может поспособствовать росту обмена между РК и КНДР и улучшению экологической ситуации на Корейском полуострове. На 5-м Заседании АРАССВА, проводившемся в китайской провинции Хэйлунцзян, представители Хабаровского края предложили учредить Подкомитет по приграничному сотрудничеству. После получения одобрения, в июле 2005 г. в Хабаровске было проведено первое заседание Подкомитета по приграничному сотрудничеству. На нем было принято соглашение, которое включает в себя пункты по увеличению объемов торговли в приграничных районах РФ и КНР, осуществлению совместных программ по туризму, упрощению визового режима и т.д. Вслед за Хабаровским краем, с 2008 г. в Подкомитете по приграничному сотрудничеству председательствует Амурская область.

Присоединение северо-корейской провинции Северная Хамгён и города прямого подчинения Расон к АРАССВА имеет очень важное значение. Возможно, оно станет стимулом к участию Северной Кореи в проекте по освоению бассейна реки Туманган. Однако АРАССВА пока выполняет лишь роль координатора переговоров, и ее деятельность не приносит реальных результатов. Хотя сейчас в рамках АРАССВА действует семь подкомитетов, механизм, который помог бы активизировать участие в их деятельности жителей регионов, предприятий, высших учебных заведений, неправительственных организаций, еще слабо развит. Еще одной проблемой является недостаточная поддержка со стороны центральных правительств. На данный момент расходы распределены между провинцией Северная Кёнсан (70%) и городом Пхохан (30%). Совместно с АРАССВА власти провинции Северная Кёнсан осуществляют управление Конференцией лидеров провинций и городов бассейна Японского моря. Участие в ней принимают южнокорейские города Пхохан, Сокчхо, Тонхэ и китайские города Хунчхун, Тумень и Ёнгиль, являющиеся городами-побратимами Пхохана. От Японии участие принимают города Сакаимinato, Ёнаго, Тоттори, от России — Владивосток и Хасан, от КНДР — город Начжин.

Туризм — это одна из сфер, в которых успешно может осуществляться сотрудничество на уровне региональных властей. В этой области действуют такие организации как Восточно-Азиатский межрегиональный туристский форум (ЕАТОФ), проводящийся по инициативе властей провинции Канвон, и Организация по развитию туризма городов Азиатско-Тихоокеанского региона (ТРО: Tourism Promotion Organization for Asia Pacific Cities). В Восточно-Азиатском межрегиональном туристском форуме принимает участие Приморский край, а одними из членов Организации по развитию туризма городов АТР являются Владивосток и Иркутск.

Обмен в сфере туризма между Россией и Республикой Корея развивается медленными темпами. Хотя такие организации как ЕАТОФ или ТРО ставят своей целью осуществление обмена в сфере туризма с Дальневосточным регионом России, этот регион еще не является развитым туристическим направлением и остается на вторых позициях, поэтому трудно найти стимул для разительного увеличения обмена в области туризма.

Табл. 7.

Количество россиян, посещающих РК, в зависимости от цели визита

Кол-во выезжающих в РК в зависимости от цели поездки	2007	2008	2009	Июнь 2010
Туризм	32,573	49,414	58,704	38,375
Общая доля туристов	27%	40%	44%	51%
Работа	21,072	17,584	18,432	9,295
Другая цель визита	65,950	57,718	56,606	27,882
Общее кол-во выезжающих	119,595	124,716	133,742	75,552

Источник: статистические данные Федерального агентства по туризму РФ

За последние три года количество россиян, посещающих Республику Корея, каждый год незначительно возрастало. Доля россиян, совершающих поездки с целью туризма, резко возросла с 27% в 2007 г. до 50% в 2010 г. Вместе с этим, важность Дальневосточного региона России, являющегося объектом деятельности Восточно-Азиатского

межрегионального туристского форума, постепенно повышается. Доля пассажиров, прибывающих в Корею с Дальнего Востока России (Владивосток, Хабаровск, Южно-Сахалинск), относительно общего числа въезжающих в РК россиян, постоянно росла и составляла 68% в 2007 г., 67% в 2008 г. и 71% в 2009 г.

В связи с Дальневосточным регионом РФ следует особо упомянуть медицинский туризм, который становится все более популярным. С помощью введения медицинских виз с мая 2009 г. планировалось расширить сферу медицинского туризма в Корею. Если обратиться к статистике выдачи медицинских виз, то в 2010 г. более половины от общего количества таких виз было выдано россиянам. Для того, чтобы привлекать медицинских туристов из России, необходима активная деятельность по рекламе. Также у туристов иногда возникают проблемы при въезде в страну из-за незнания языка, поэтому необходимо искать возможности для упрощения процедуры въезда в Республику Корея для людей, получивших медицинские визы.

Табл. 8.

Статистика по выданным медицинским визам

Страна	Россия	Монголия	Украина	Азия	КНР	Ближний Восток	США	Африка	Всего
2009	287	584	2	58	190	42	8	6	1,177
2010	489	185	1	70	119	29	2		895

Также в связи с этим заслуживает внимания подписание властями провинции Кёнги и Россией первого меморандума понимания в области медицинского обслуживания в октябре этого года. Для развития сферы медицинских услуг между провинцией Кёнги и Хабаровским краем предполагается осуществлять взаимное сотрудничество, а также проекты по обучению медицинских работников, обмену данными о системах лечения между больницами, экспорту современных систем лечения и развитию медицинского туризма. Все это отражено в первом официальном соглашении, которое заключили региональные власти РК и РФ.

Табл. 9.

Статистика количества пассажиров, въезжающих в РК из России (по данным на май 2010 г.)

Кол-во человек	2007	2008	2009	2010	За весь период
Хабаровск	6,796	6,645	6,267	2,368	22,076
Москва	17,132	17,680	14,753	3,383	52,948
Новосибирск	516	744	9	0	1,269
Санкт-Петербург	1,478	919	898	580	3,875
Владивосток	21,630	21,999	20,674	9,086	73,389
Южно-Сахалинск	11,635	11,257	10,544	4,372	37,808
Всего по России	59,187	59,244	53,145	19,789	191,365

Напротив, количество граждан Республики Корея, посещающих Россию, за последние три года постоянно уменьшалось. Количество поездок с целью туризма немного возросло. Значение Дальневосточного региона России (Владивосток, Хабаровск, Южно-Сахалинск), являющегося объектом деятельности Восточно-Азиатского межрегионального туристского форума, остается незначительным. Если обратиться к статистике посетивших Россию за 2009 г., то доля корейских граждан, въехавших на территорию России в Дальневосточном регионе (Владивосток, Хабаровск, Южно-Сахалинск), составила 19,4%, а в 2008 г. — 25,8%. Необходимо обратить внимание и на то, что хотя значение Дальневосточного региона в 2009 г. возросло по сравнению с 2008 годом, из-за мирового финансового кризиса количество посетивших Россию граждан РК сократилось на 44%, т. е. фактически количество посетивших Дальний Восток России сократилось с 12,064 человек в 2008 году до 9 106 чел. 2009 г. Учитывая имеющиеся на Дальнем Востоке туристические ресурсы, их потенциал, а также соседство Дальневосточного региона с РК, это очень маленькие цифры.

Несмотря на поддержку организаций EATOF и KARTELL, результаты этой деятельности оцениваются неправильно. В течение 10 лет работы этих организаций реальный обмен в области туризма между РК и РФ на региональном уровне заключался только в организации чартерных рейсов из Яньян в Чанчхун, а также паромов от Тонхэ до Сакаиминато через Тоттори, паромов от Сокчхо до Владивостока. Однако сейчас эти перевозки прекратились, спрос туристов не может быть удовлетворен. Обмен с Филиппинами, Вьетнамом и другими странами Юго-Восточной Азии также находится в застойном состоянии. Недавно основанная “Круизная ассоциация” не способна показать реальные результаты, которых от нее ожидали. В случае сотрудничества с Дальневосточным регионом России также накапливаются препятствия. Хотя Россия разрешает групповым туристам находиться на своей территории без визы 72 часа, запросы туристов за три дня удовлетворить невозможно. Такие организации, как KARTELL и EATOF из-за отсутствия центрального секретариата и пассивного участия неправительственных организаций до сих пор не могут обернуть стремления региональных властей в бизнес. Неотложной задачей является привлечение частных предприятий и разработка перспективных туристических направлений.

В процессе сотрудничества южнокорейские и российские региональные власти сталкиваются с рядом общих проблем. Во-первых, вне зависимости от уровня сотрудничества, страны показывают недостаток опыта администрирования и нехватку способных кадров. Из-за назначения на позиции людей, не способных работать в контексте процесса интернационализации, и частых перестановок кадров, трудно достигнуть дружественных отношений между странами, нередко только фасад организации приспособливается под интернационализацию, а внутренняя структура остается неизменной. Кроме секретариата АРАССВА, располагающегося в провинции Северная Кёнсан, исполнительные органы других организаций сотрудничества не созданы. Во-вторых, в отличие от двустороннего сотрудничества, организации многостороннего сотрудничества не способны приносить общую экономическую выгоду. Особенно эта проблема проявляется при обсуждениях в географически отдаленных регионах, выпадающих из процесса товародвижения. В-третьих, не хватает взаимодействия между регионами. Лидером многих региональных структур является Южная Корея, она также берет на себя большинство расходов по организации их деятельности. Мотивом к созданию таких организаций иногда является не общая экономическая выгода, а осуществление проектов, которые бы

показывали власть главы организации. В таком случае при смене главы региональной администрации организация также теряет силу. В-четвертых, ощущается нехватка участия частных организаций. Относительно структур в сфере туризма, несмотря на то, что цель по привлечению к участию в работе частных предприятий и национальных туристических организаций была достигнута, в деятельности Организации по развитию туризма городов АТР участие принимает всего одна негосударственная организация, к работе Восточно-Азиатского межрегионального туристского форума негосударственные организации пока не привлекаются вовсе.

Табл. 10.

Статистика посещения Республики Корея россиянами (кол-во человек)

	2007	2008	2009	Июнь 2010
Цель поездки — туризм	48,825	47,343	35,200	15,466
Общее количество въезжающих	124,785	101,304	84,166	39,062
Доля туристов(%)	39,1	46,7	41,8	39,6

Источник: данные Федерального агентства по туризму РФ

Табл. 11.

Статистика количества пассажиров, выезжающих в Россию из РК в зависимости от пункта назначения (по данным на август 2010 г.) (кол-во человек)

Город	2008	2009	Август 2010
Хабаровск	1,844	1,181	1,299
Москва	42,021	21,837	30,982
Новосибирск	479	0	0
Санкт-Петербург	6,717	4,324	6,691
Владивосток	8,391	5,104	3,674
Южно-Сахалинск	2,829	2,821	2,501
Всего по России	62,281	35,267	45,147

IV. Заключение: план активизации корейско-российского сотрудничества на региональном уровне

Во-первых, центральным властям необходимо учесть, что практически все дела, связанные с установлением международного обмена на региональном уровне, сопряжены с проблемой внешнего эффекта, поэтому правительству стоит активнее поддерживать региональные власти. Зачастую деятельность по интернационализации региональной администрации выходит за рамки юрисдикции данного района, поэтому местным властям очень сложно сохранить позитивный настрой. Внешний эффект также сопряжен со сменой глав администраций и сроком их службы. Возможно, некоторые деятели считают, что результаты интернационализации не проявятся сразу, и даже могут появиться много позже, уже после того, как данный депутат покинет свой пост, поэтому часто вопросы международного сотрудничества на региональном уровне откладываются на потом. Часто эффект от интернационализации не проявляется напрямую — это тоже связано с внешним фактором. Очень сложно показать явную связь большинства проектов ин-

тернационализации с политикой повышения благосостояния народа, к которой, естественно, стремится любая администрация. Поэтому очень сложно создать фонд, который бы поддерживал успешное продвижение интернационализации. Без поддержки центральных властей эту проблему внешнего эффекта будет невозможно решить. В деле интернационализации регионов центральное правительство должно активно субсидировать местные органы управления, оказывать информационную поддержку и помогать в управлении учреждениями, которые занимаются вопросами регионального международного сотрудничества.

Во-вторых, нужно создать систему профессиональной административной поддержки. В конце 2009 г. в рамках политики модернизации государственных учреждений было расформировано Министерство госслужащих и безопасности (Ministry of Public Administration and Security), а подведомственный ему Фонд интернационализации региональных администраций РК, который осуществлял работу по оказанию поддержки региональным властям в вопросах интернационализации, был переименован в Кабинет поддержки интернационализации районов и заново открыт 4 марта этого года. Этот кабинет в режиме он-лайн предоставляет услуги «Консультации по вопросам региональной интернационализации», в рамках которой осуществляет различные программы по обмену и стажировкам за рубежом, оказывает информирует о положении в других странах, делает устные и письменные переводы. Кабинет отправляет в командировку в дипломатические миссии и посольства, предоставляет лучшие зарубежные примеры интернационализации. Еще раз хотелось бы обратиться к опросу специалистов, которые занимались вопросами межрегионального международного обмена. Они выступили с предложением, чтобы это общерегиональное учреждение по вопросам межрегиональной интернационализации, занималось еще и урегулированием вопросов, возникающих при подписании соглашений между одним региональным правительством одной страны и несколькими региональными администрациями Кореи. Кроме этого, они предложили, чтобы это учреждение занялось изучением достоинств и недостатков городов-побратимов, а также могло предоставить необходимые материалы о них. Они также посчитали, что этот кабинет должен оказывать языковую поддержку в виде устного и письменного переводов, тщательно изучать возможности создания совместного проекта продвижения интернационализации вместе с KOICA, помогать, по мере необходимости, предоставлять информацию об изменениях экономического состояния дружественных городов. А также они посчитали необходимым, чтобы комитет мог выступить спонсором в случае нехватки финансов. Естественно, что этот Комитет интернационализации районов ведет отбор специалистов и по России, поэтому нужно сформировать соответствующую госполитику по отношению к России и укрепить связи с научно-исследовательскими центрами.

В-третьих, нужно поставить обмен специалистами и госслужащими, который занимает самую большую долю в международном обмене, на качественно новый уровень. Для этого необходимо воспитать профессиональных международных управленцев, чего можно достичь с помощью регулярных командировок в города-побратимы и межрегиональные ассоциации. Работа по обмену за границей — один из действенных методов, о котором не стоит забывать.

В-четвертых, нужно создать систему международного обмена, в которой бы принимали участие народные организации и местное население. Также необходимо активизировать участие таких международных организаций, как JC и Lotteria Club, сделать

молодежные обменные программы регулярными. Сейчас существуют молодежные программы по обмену только между корейской провинцией Канвондо и Находкой, но нужно разработать программы по регулярному обмену и с другими регионами. В области экономики нужно привлекать общественные организации, чтобы они активно участвовали как в двустороннем, так и многостороннем экономическом сотрудничестве.

В-пятых, не нужно стремиться получить экономическую выгоду от международного обмена. Вызывает большое опасение подход, в основу которого положена идея экономической стоимости, которой очень сложно достичь при взаимодействии на региональном уровне, потому что стремление к выгоде может повлечь за собой взаимные издержки и даже повредить основному течению обмена. Поэтому желательно детально обсудить возможные варианты взаимодействия со специалистами из соответствующих учреждений и подыскать наиболее подходящую модель обмена. Международный обмен, основанный на принципе стандартизации, подобный открытию торговых центров в разных районах, не сможет гарантировать качества, поэтому лучше разрабатывать индивидуальную систему взаимодействий, учитывая особенности каждого конкретного региона.

В-шестых, в случае с межрегиональными организациями, имеет смысл подумать о числе участников. При участии более 10 региональных администраций могут возникнуть трудности с общением, контролем и чрезмерными затратами. Кроме того, создавая различные совещательные комитеты, желательно делать так, чтобы не нужно было регистрироваться в каждом из них.

В-седьмых, участие региональных властей в масштабных государственных проектах по энергетике или строительству железных дорог может стать тяжелым экономическим бременем для региона. Поэтому региональным властям лучше всего налаживать обмен со средними и малыми предприятиями. Для этого локальные администрации обеих стран должны создать общие веб-сайты, которые помогали бы наладить информационные, специализированные и бизнес каналы между малыми и средними предприятиями. Обмен в области сельского хозяйства также относится к одной из сфер, в которых могут проявить себя региональные власти. С этой точки зрения, перспективно выглядят поиски властей Южной Кенсан. Они пытаются найти разнообразные пути установления сельскохозяйственного сотрудничества с российским Приморьем.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что для успешного взаимодействия с иностранными региональными властями, прежде всего, нужна заинтересованность жителей региона. С позиций открытости нужно развивать взаимопонимание и широко оповещать о мероприятиях, проводимых региональными властями и местными жителями. Кроме того, нужно более внимательно относиться к русским, проживающим в данном районе. Надо четко понимать, что именно через русских, проживающих в Корее, будет передаваться образ Кореи и корейских региональных властей российским гражданам. Поэтому в каждом районе Кореи нужно создать центры международного сотрудничества, в которые можно было бы легко обратиться в любой момент, и тем самым постараться сделать жизнь русских, проживающих в районе, более комфортной.

Отношения между Монголией и КНР на современном этапе (1990–2012 гг.)

© 2012

Ж. Лувсанжав

В статье рассматриваются основные вехи развития и состояние монголо-китайских отношений в период с 1990 г. до настоящего времени. Дается краткая характеристика политических и торгово-экономических связей.

Ключевые слова: Монголия, Китай, внешняя политика, торгово-экономическое сотрудничество, стратегическое партнерство.

В феврале 2011 г. Великий Государственный Хурал (парламент) Монголии принял новую Концепцию внешней политики. Согласно этой Концепции, отношения с Россией и Китаем являются приоритетными направлениями внешней политики Монголии¹.

На современном этапе межгосударственные отношения между Монголией и Китаем развиваются в соответствии с общепринятыми международными нормами и правилами. Стали регулярными встречи руководителей двух стран на высшем и высоком уровнях, интенсивно осуществляется обмен делегациями. Развивается сотрудничество в политической, торгово-экономической, культурной, научной и военной областях.

В апреле 1994 г. во время официального визита премьера Госсовета КНР Ли Пэна в Монголию в ходе официальных переговоров с монгольским премьер-министром П. Жасраем, встреч и бесед с президентом Монголии П. Очирбатом, председателем Великого Государственного Хурала (ВГХ, парламента) Монголии Н. Багабанди были согласованы принципы и основные направления отношений между двумя странами и подписан Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Монголией и КНР. В договоре, в частности, говорилось, что стороны «будут развивать двусторонние добрососедские отношения на основе принципов взаимного уважения суверенитета, независимости и территориальной целостности, ненападения и невмешательства во внутренние дела, равноправия и взаимной выгоды»². Монголия и Китай также условились, что будут развивать равноправное и взаимовыгодное сотрудничество на стабильной и долговременной основе в области политики, экономики, торговли, культуры, образования, науки и техники, здравоохранения, охраны природы и окружающей среды, транспорта, коммуникаций и в других областях. Стороны договорились о консультациях в случае необходимости по вопросам, представляющим взаимный интерес в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также о сотрудничестве с ООН и другими международными организациями в интересах содействия развитию международных отношений и решению актуальных региональных и глобальных проблем.

Согласно Договору стороны не будут участвовать в каких-либо военно-политических союзах, направленных друг против друга, и заключать с третьими странами какие-либо договоры и соглашения, наносящие ущерб суверенитету и безопасности другой стороны. Кроме того, ни одна из сторон не допустит, чтобы ее территория была

использована третьим государством в целях нанесения ущерба суверенитету и безопасности другой стороны³.

Одним из проявлений дальнейшего прогресса в монголо-китайских отношениях стал визит председателя КНР Ху Цзиньтао в Улан-Батор 4–5 июня 2003 г. Во время пребывания в монгольской столице председатель КНР Ху Цзиньтао провел переговоры с президентом Монголии Н. Багабанди, имел встречи со спикером ВГХ С. Тумур-Очиром и премьер-министром Н. Энхбаяром⁴. Руководители двух стран проинформировали друг друга о внутренней ситуации в своих странах, обменялись мнениями по дальнейшему развитию монголо-китайских отношений дружбы и сотрудничества, широкому кругу вопросов международной и региональной политики и достигли единства мнений по обсуждавшимся вопросам. Председатель КНР Ху Цзиньтао выступил на заседании специальной сессии Великого Государственного Хурала Монголии. В ходе этого визита было подписано Соглашение о технико-экономическом сотрудничестве, предусматривавшее предоставление китайским правительством безвозмездной помощи Монголии. На льготные кредиты, предоставленные Китаем в 2001 и 2005 гг., в размере 300 млн долл. осуществлялись крупные строительные и другие проекты.

В 2011 г. во время официального визита премьер-министра Монголии С. Батболда в КНР стороны приняли решение о том, чтобы поднять двусторонние отношения до уровня стратегического партнерства. Этот визит премьер-министра Монголии С. Батболда в КНР стал знаменательной вехой в истории межгосударственных отношений между двумя странами. В Совместном заявлении Монголия и Китай выразили готовность повышать уровень политических связей и взаимного доверия в целях создания более прочной политической основы для стратегического партнерства. В заявлении, в частности, было отмечено, что высокий уровень взаимодействия имеет особое значение для развития двусторонних связей. Обе страны будут чаще проводить взаимные визиты на высоком уровне, чтобы «укрепить стратегические связи» и достичь продвижения в сотрудничестве между парламентами, правительствами и политическими партиями двух стран. Стороны также договорились придерживаться курса на повышение уровня взаимного доверия, на решение спорных вопросов путем диалога и консультаций на основе международных политических, экономических и демократических принципов⁵.

Важным шагом в дальнейшем углублении стратегического партнерства между Монголией и Китаем стал официальный визит главы внешнеполитического ведомства Монголии Г. Занданшатара в КНР 13 января 2012 г. Министр внешних сношений Монголии Г. Занданшатар и министр иностранных дел КНР Ян Цзечи рассмотрели вопросы расширения сотрудничества в области политики, торговли, экономики, образования, культуры, обменялись мнениями по вопросам реализации программ и проектов по обмену студентами⁶.

Нужно отметить, что на сегодняшний день регулярность взаимных визитов и переговоров на высшем и высоком уровне между Монголией и Китаем создает благоприятную основу для развития сотрудничества и во всех других сферах, представляющих взаимный интерес.

Торгово-экономические отношения.

Важной составной частью стратегических отношений между двумя странами вполне обоснованно считаются торгово-экономические связи.

Сегодня Китай занимает лидирующее положение среди других зарубежных государств по объему торговли и инвестициям в монгольскую экономику. Товарооборот между двумя странами постоянно растет (см. табл. 1).

Данные таблицы показывают, что за последние 20 лет объем товарооборота между Монголией и Китаем вырос более чем в 190 раз. В 2011 г. товарооборот достиг 6,4 млрд долл. США, увеличившись почти в 2 раза по сравнению с 2010 г.⁷. За 2011 г. объем импорта из Китая достиг более 4,4 млрд долл., что составляет 30% общего объема импорта Монголии.

Таблица 1.

Динамика внешнеторгового оборота между Монголией и КНР в 1990–2011 гг.
(млн долл. США, в текущих ценах).

Годы	Всего	Экспорт	Импорт	Баланс
1990	33,6	22,3	11,3	11,0
1991	69,1	16,3	52,8	-36,5
1992	126,9	57,6	69,4	-11,8
1993	186,1	65,9	120,1	-54,2
1994	84,2	21,4	62,8	-41,4
1995	112,6	39,4	73,2	-33,8
1996	139,0	64,0	75,0	-11,0
1997	158,5	98,2	60,3	37,9
1998	143,4	55,0	88,4	-33,4
1999	255,7	64,0	191,7	-127,7
2000	377,2	10,5	267,7	-158,2
2001	314,1	113,5	200,6	-87,1
2002	360,0	140,0	220,0	-80,0
2003	448,2	171,5	276,6	-105,1
2004	661,3	253,5	407,8	-154,3
2005	811,0	305,8	505,2	-199,4
2006	1450,4	409,9	1040,5	-630,6
2007	2062,0	661,9	1400,1	-738,2
2008	2813,9	118,6	1631,3	-448,7
2009	1922,9	532,1	1390,8	-858,7
2010	3437,1	970,9	2466,2	-1495,3
2011	6407,7	2007	4400,7	2393,7

Источник: Монгол Улсын статистикийн эмхтгэл 2011. [Статистический сборник Монголии 2011]. Улаанбаатар, 2011. С. 73.

Перспективы сотрудничества между Монголией и Китаем в освоении природных ресурсов и строительства инфраструктуры очень широкие и имеют огромный потенциал. Монголия богата природными ресурсами, однако ее рынок сравнительно мал и испытывает дефицит капиталов и технологий. Монголии для освоения природных богатств требуются большие иностранные инвестиции. Китай обладает огромным рынком и большими возможностями в области капиталов и техники. Таким образом, освоение природных ресурсов Монголии с помощью китайского капитала и технологий может принести экономические выгоды обеим странам.

Монгольская сторона поддерживает участие китайских компаний в разработке месторождений каменного угля (Монголия занимает 2-е место в мире по запасам), меди (3-е место в мире), железной и урановой руды, в строительстве железных и шоссейных дорог и жилья. Китай является самым крупным в мире потребителем угля и меди, что делает достаточно перспективным монголо-китайское сотрудничество в данной области. По сообщениям монгольской добывающей компании «Mongolian Mining Corporation», имеются все предпосылки для того, чтобы в перспективе Монголия стала главным поставщиком коксующегося и бурого угля на китайский рынок⁸. Так, по расчетам монгольских специалистов, уже в 2014 г. Монголия может занять третье место по экспорту угля в Китай вслед за Австралией и Индонезией. В 2010 г. монгольский экспорт угля в Китай составил 16,4 млн т, в 2011 г. — 26,5 млн т, т.е. за один год увеличился почти в 2 раза⁹. Ниже перечислены основные стратегические месторождения полезных ископаемых Монголии и их запасы (см. табл. 2).

Таблица 2

**Стратегические месторождения полезных ископаемых Монголии
(по состоянию на 2010 г.).**

Стратегические месторождения	Виды полезных ископаемых	Объем запасов
Таван-Толгой (Tavan Tolgoi)	уголь	6,5 млрд т
Оюу-Толгой (Oyu Tolgoi)	Медь, золото	Руда 27 млрд т (медь 2,54 тыс. т, золото 1028 т)
Төмөртэй (Tomortei)	Железная руда	Руда 229 млн т (содержание железа 51,15%)
Бороо (Bogoo)	золото	Руда 24 500 т
Дорнод (Dornod)	уран	Руда 28 868 т (кислый уран 0.175%)
Нарийн Сухайт (Nariin Sukhait)	уголь	100 млн т,
Багануур (Baganuur)	флюорит	600 млн т
Шивээ овоо (Shivee Ovoo)	флюорит	600 млн т, 4.620 тыс. т
Цагаан Суварга (Tsagaan Suvarga)	Медь, молибден	1,064 тыс. т оксида (содержание 9,42% Cu, 0,011% Mo), 240 млн т сульфата (0,53% Cu, 0,018% Mo)
Эрдэнэт (Erdenet)	Медь, молибден	руда 12 млрд т, (0,51% Cu, 0,012% Mo)
Мардай (Mardai)	уран	руда 1.104 т (кислый уран 0,119%)
Гурван Булаг (Gurvan Bulag)	уран	руда 16.073 т, кислый уран 10.152%)
Бүрэнхаан (Burenkhaan)	фосфориты	192 млн т.
Төмөртэйн Овоо (Tomortein Ovoo)	цинк	руда 7 млн т. 7.000 тонн (содержание цинка 11.5%)
Асгат (Asgat)	серебро	руда 6 тыс. т

Источник: Министерство промышленности и торговли Монголии утвердило перечень месторождений полезных ископаемых, являющихся перспективными стратегическими инвестиционными проектами. Улан-Батор. 2011. URL: <http://www.mmre.gov.mn/>

В течение последних 10 лет Китай сохраняет позицию самого крупного инвестора в Монголии. По данным монгольской статистики за 2011 г., в Монголии действуют более 700 предприятий с китайским капиталом, объем китайских инвестиций составляет половину общего объема зарубежных инвестиций. Предприятия с китайским капиталом работают главным образом в таких отраслях, как разведка и добыча нефти, горнорудная промышленность, строительство, переработка животноводческой продукции, индустрия услуг и швейная промышленность.

Важно отметить также, что приграничное и межрегиональное сотрудничество является важной составной частью двусторонних торгово-экономических связей. На монголо-китайской границе протяженностью более 4600 км расположены более 10 контрольно-пропускных пунктов (КПП), через которые осуществляется торгово-экономическое сотрудничество между Монголией и Китаем. В приграничном городе Баяншур, находящемся в юго-западной части Монголии, расположен КПП Ганцмод, который приобретает все большую известность. Благодаря значительному росту экспорта угля из Монголии в Китай этот небольшой пограничный поселок за три-четыре года превратился в оживленный торговый центр. В январе-июне 2011 г. монголо-китайский това-

рооборот только через КПП Ганцмод превысил 600 млн долл. США или увеличился на 85,6% по сравнению с первой половиной 2010 г.¹⁰

В настоящее время в расширении торгово-экономических связей между Монголией и Китаем особо важную роль играет Автономный район Внутренняя Монголия (АРВМ). По статистике, в 2010 г. объем внешней торговли АРВМ с Монголией составил 1,7 млрд долл. США. На долю Внутренней Монголии приходится 43% общего объема внешней торговли между двумя странами. В августе 2011 г. в городе Эрлянь (АРВМ) прошла китайско-монгольско-российская выставка-ярмарка по торгово-экономическому сотрудничеству. Целями проведения ярмарки были: содействие развитию торгово-экономического сотрудничества между Китаем, Монголией и Россией, обмен опытом и полезной информацией между предприятиями и бизнес-сообществами, заключение взаимовыгодных сделок. По заявлению парламентария Монголии Ч. Батбаяра на этой ярмарке, 90,9% общего объема внешней торговли между Монголией и Китаем осуществляется именно через КПП г. Эрлянь¹¹.

В июне 2011 г. был открыт новый автомобильный переход на КПП города Эрлянь. Строительство нового перехода было начато в мае 2010 г. и завершено в марте 2011 г. В реализацию этого проекта было вложено 118 млн юаней (по тогдашнему курсу: 1 долл. США = 6,48 юаня). Благодаря открытию этого нового перехода, объем перевозок грузов увеличится до 5 млн т и пассажиров — до 2 млн чел. в год. Город Эрлянь является крупнейшим КПП на границе Монголии с Китаем и играет важную роль в развитии монголо-китайской торговли. В 2010 г. грузооборот через автомобильный и железнодорожный переходы этого КПП составил 8,62 млн т¹².

В целях развития приграничного и регионального туризма активно обсуждается вопрос об открытии туристических маршрутов для организованных групп туристов с предоставлением им льготных виз. Обычно в летний сезон в северные районы Китая прибывают около 10 млн туристов из разных стран, в том числе из Южной Кореи и Японии. Некоторые туристы заинтересованы также в посещении Монголии. В силу этого перед двумя странами стоит задача упрощения визового режима для привлечения туристов и развития приграничного туризма. С 2005 г. департаменты по делам туризма Внутренней Монголии и Монголии ежегодно проводят совещания по вопросам развития приграничного туризма.

По данным статистики, за первые 10 месяцев 2010 г. численность граждан Монголии, побывавших во Внутренней Монголии с туристическими целями, составила 635 тыс. чел., или выросла на 29,8% по сравнению с 2009 г. В то же время число граждан Китая, совершивших турпоездки в Монголию через Внутреннюю Монголию, составило 57,8 тыс. чел., или сократилось на 36,9 процентов¹³.

В последнее десятилетие Монголия и Китай поддерживают курс на развитие двустороннего научно-технического сотрудничества. Создана правовая база для двустороннего сотрудничества в этой области. Так, в 2005 г. между Министерством образования, культуры и науки Монголии и правительством Автономного района Внутренняя Монголия были заключены соглашения о сотрудничестве в области науки и технологии. В рамках данных соглашений были запланированы несколько проектов, из которых осуществляются совместные исследования в области традиционной медицины, экологии пастбищ Монголии, сравнительный анализ опыта градостроительства Улан-Батора и столицы АРВМ г. Хух-хото.

В 2005 г. между Академией наук Монголии и Академией общественных наук КНР было подписано соглашение о сотрудничестве, на основе которого в настоящее время проводится стажировка научных работников и обмен опытом¹⁴.

В 2006 г. Академия наук Монголии и Министерство науки и технологии КНР заключили соглашение о взаимном сотрудничестве и разработали программу сотрудничества в области науки и технологии на период 2006–2010 гг. В рамках этой программы начаты совместные проекты, в том числе по созданию в Монголии Центра передачи технологии исследований в области археологии, выращивания сахарной свеклы в условиях Монголии, защиты растений.

Поступательно развиваются партнерские отношения с Китаем в гуманитарной сфере, в том числе в образовании и культуре. Стороны совместно организуют Дни культуры, приглашают делегации на международные культурные мероприятия, проходящие в Монголии и КНР. По межправительственному соглашению в Китае ежегодно за счет правительства КНР обучаются 200 монгольских студентов, и еще 100 студентов — за счет правительства Автономного района Внутренняя Монголия.

В июне 2010 г. в рамках официального визита премьер-министра Госсовета КНР Вэнь Цзябао в Монголию состоялась церемония открытия Центра китайской культуры в Улан-Баторе. В ней приняли участие премьер Госсовета Вэнь Цзябао и председатель монгольской части Монголо-китайской межправительственной комиссии, вице-премьер Монголии М. Энхболд. Открытие Центра китайской культуры в Монголии способствует выводу культурных связей между двумя странами на новый уровень сотрудничества.

Наряду с этим, нужно также отметить, что существует немало проблем, препятствующих дальнейшему углублению сотрудничества между Монголией и КНР: нелегальная иммиграция китайских граждан; незаконная добыча золота; контрабанда наркотиков, алкоголя; фальсификация товаров; случаи нарушения китайскими фирмами законодательства Монголии и др.

В целом двусторонние отношения между Монголией и Китаем развиваются на основе равноправия. Регулярно осуществляются взаимные официальные визиты на высшем и высоком уровнях. Стабильно расширяется монголо-китайское взаимодействие и сотрудничество в торгово-экономической и других сферах, повышается их качество и уровень.

Важную роль в отношениях двух стран играет региональное сотрудничество. Для дальнейшего расширения и развития этого сотрудничества необходимо создать новую автомобильную и железнодорожную сеть, усовершенствовать деятельность пограничных КПП, облегчить условия взаимных поездок граждан, создать благоприятные условия для инвестиций и увеличения объемов торговли путем создания свободных экономических зон.

В последние годы отмечается новый подъем гуманитарных контактов между двумя странами. Успешно проводятся традиционные праздники, осуществляются международные мероприятия с участием представителей соседних стран, в том числе России.

1. Монгол Улсын гадаад бодлогын хөх ном. Mongolian Foreign Policy Blue Book, 2007–2011. Улаанбаатар, 2011. P. 15.
2. Mongolia in the World. The Ministry of Foreign Affairs of Mongolia. Ulaanbaatar. 2002. P. 101.
3. http://www.mfat.gov.mn/index.php?option=com_content&view=article&id=232%3Av-&catid=38%3A2009-12-20-21-52-48&Itemid=80&lang=en.
4. Официальный сайт Министерства иностранных дел Монголии. URL: <http://www.mfat.gov.mn/>
5. Новости Монголии. 2011. 24 июня. № 25, 26 (802, 803).
6. Новости Монголии. 2012. 20 января. № 03 (831).
7. Mongolian Foreign Policy Blue Book. 2007–2011. P. 18.
8. <http://www.mmc.mn/media-press.php>.
9. http://coalbox.ucoz.ru/news/mongolija_ehksport_koksujushhegosja_uglja.
10. Новости Монголии. 2012. 17 февр. № 7–8.
11. <http://russian.people.com.cn/31518/7582300.html>.
12. <http://russian.dbw.cn/system/2011/06/17/000367218.shtml>.
13. http://russian.news.cn/travel/2010-12/16/c_13651988.htm.
14. Монгол, Орос, Хятад: XXI зуунд хөгжлийн төлө хамтдаа [Монголия, Россия, Китай: вместе к развитию в XXI веке]. Улаанбаатар, 2009. С. 56.

БРИКС на фоне глобальных трансформаций в мировой политике

© 2012

С. Шарко

Статья посвящена возрастающей роли БРИКС в условиях посткризисной трансформации. В ней, в частности, исследуется проблематика постепенного укоренения БРИКС в системе международных отношений, особое внимание уделено роли и возможностям России.

Ключевые слова: БРИКС, Давосский форум, Баоаоский форум, Четвертый саммит БРИКС, Детийская декларация.

Незадолго до очередного, 4-го по счету саммита стран-членов БРИКС (прошедшего в конце марта в Индии) в мировых СМИ появился ряд противоречивых прогнозных оценок и предположений о перспективах этой организации в целом и о роли ее отдельных участников. В частности, видные американские экономисты Нуриэль Рубини и Ян Бреммер, выступили с версией о «недоотягивании» России до уровня БРИКС. Это привлекло широкий интерес, поскольку Рубини — один из признанных авторитетов в вопросах мировой экономики, приобретший популярность своим заблаговременным предсказанием глобального финансового кризиса 2008–2011 гг. Что касается Бреммера, то он является президентом Eurasia Group, одной из авторитетных консалтинговых компаний по исследованию рисков на мировых рынках.

Свое мнение эти эксперты высказали в совместном интервью журналу «Foreign Policy» от 27 января 2012 г., которое дали по ходу проходившего в те дни Всемирного экономического форума в Давосе: «Совершенно ясно, что Россия не заслуживает быть в составе БРИКС, — заявил тогда Бреммер. — Власть в стране сосредоточена в одних руках, она неэффективна, непрозрачна, коррумпирована. Несмотря на ее сырьевые богатства, Россия осталась далеко позади своих конкурентов. По сравнению с другими странами БРИКС Россия не сделала ни единого шага в правильном направлении. Она проигрывает»¹. Со своей стороны, Рубини предложил ввести в БРИКС... Индонезию или Турцию (вместо России). Что же именно имели в виду известные экономисты-аналитики? Действительно ли Россия не соответствует уровню БРИКС? Какова реальная роль БРИКС?

Примечательно, что главная тема Давосского форума гласила: «Глобальная трансформация: формирование новых моделей развития». Проблема глобальной трансформации в посткризисный период обусловлена тем, что западные страны теряют свои позиции в мировой экономике вследствие нестабильности рынка (особенно в еврозоне), а развивающиеся страны, напротив, демонстрируют относительно устойчивые темпы развития. В поисках новых моделей развития западные аналитики пытаются умалить не

Шарко Сергей Владимирович, кандидат политических наук, доцент Отделения востоковедения Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: shuaige@bk.ru
Тел: (495)531-00-79.

только роль России, но и других развивающихся стран, особенно когда последние объединяют свои усилия.

Устаревшие схемы и штампы в отношении стран с формирующейся рыночной экономикой и развивающихся стран, как нам представляется, свидетельствуют о таких, к примеру опасениях Запада, что Баоаоский азиатский форум (традиционно проводимый на территории КНР), рассматривающий мировые проблемы под азиатским углом зрения, со временем «затмит» Давосский форум. Подобные опасения, очевидно, возникают и по поводу открывающихся перспектив для стран-членов БРИКС, которые пытаются трансформировать свою экономическую силу в политическое влияние.

Лидеры Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР на четвертом саммите БРИКС, прошедшем в Нью-Дели 29 марта текущего года, широко обсуждали вопросы мировой экономической политики, реформирования институтов глобального управления. Не случайно этот саммит был посвящен теме: «Партнерство БРИКС в интересах глобальной стабильности, безопасности и процветания». Российский президент Д.А. Медведев, выступая в Нью-Дели, прогнозировал успешное развитие БРИКС: *«В перспективе наша организация может стать одним из ключевых элементов системы глобального управления. Россия считает, что БРИКС следует позиционировать как новую модель отношений, которая строится вне устоявшихся стереотипов, конструкций типа моста или посредника: подобный подход к объединению государств с населением почти 3 миллиарда человек заведомо ограничивает его возможности по проведению самостоятельной согласованной линии на международной арене. И теперь мы обсуждаем не только экономические вопросы, но и проблемы международной политики — те вызовы, с которыми сталкивается человечество на сегодняшний день»*².

Сомнения по поводу прогнозов вышеупомянутых западных аналитиков о роли и месте России в БРИКС усугубляются, во-первых, потому что позитивное развитие этой структуры не зависит от воли и желания отдельных людей, а является объективным процессом. Из таблицы № 1 явствует: на 2011 г. пять стран БРИК занимали высокие позиции во многих экономических, социальных, политических и военных рейтингах.

Россия, Китай, Индия, Бразилия и ЮАР выдвигаются на авансцену мировой политики, повышается значимость этих региональных держав в решении глобальных проблем. В частности, Россия и Китай воспользовались правом вето и заблокировали принятие в Совете Безопасности ООН резолюции по Сирии.

Во-вторых, в отношении развития России и ее членства в БРИКС есть и другие прогнозы, не совпадающие с мнением Рубини и Бреммера. В частности, О'Нил, известный как автор аббревиатуры БРИК, высказывает предположение, что в случае, если Россия сможет избежать кризисов, то по размеру ВВП она даже может обогнать Италию уже в 2017 г., а к 2020–2030 гг. обогнать Францию, Великобританию и Германию³. *«Высказывания Рубини и Бреммера ничего, кроме зевоты, у меня не вызывают, — заявил он в интервью для РБК daily. — Я слышал подобные предложения бесчисленное множество раз. И мой ответ: конечно, Россия должна быть членом BRICS. Один ее ВВП в два раза превышает ВВП Индонезии»*⁴. Перспективы новых интеграционных процессов заложены в открытой политике БРИКС. Согласно Делийской декларации, *«БРИКС — это реальная платформа для диалога и сотрудничества между странами»*⁵, а не стратегическая игра на выбывание слабого партнера, предполагающая ограниченное число участников или замену одних участников на других. Если даже Индонезия, Турция или какое-либо другое государство станут активными участниками политического диалога и экономического сотрудничества в БРИКС, то это не предполагает исключения России или умаления ее роли. Напротив, расширение состава БРИКС будет способствовать дальнейшей интеграции России в мировую экономику и восстановлению утраченных ею позиций в АТР. Как явствует из Делийской декларации, *«Бразилия, Индия, Китай и Южная Африка поздравляют Россию с вступлением в ВТО. Это позволит сделать ВТО более представительной»*

организацией и упрочить основанную на правилах многостороннюю торговую систему. Мы настроены на совместную работу, направленную на сохранение этой системы, и призываем другие государства противодействовать всем формам торгового протекционизма и скрытым ограничениям в торговле»⁶.

Таблица № 1

Страны БРИКС — в глобальном рейтинге (2011 г.)

Категория	Бразилия	Россия	Индия	Китай	ЮАР
Площадь	5	1	7	3	25
Население	5	9	2	1	25
Рабочая сила	5	7	2	1	34
ВВП (номинальный)	7	11	10	2	28
ВВП на душу насел.	53	56	138	94	71
Экспорт	18	11	16	1	36
Импорт	20	17	11	2	34
Золотовалютн. резервы	7	3	6	1	33
Внешний долг	28	24	26	23	45
Потребл. эл-энергии	9	4	5	1	14
Кол-во моб. телефонов	5	4	2	1	25
Пользов-лей Интернета	5	7	4	1	44
Произв-во автомобилей	6	19	7	1	24
Военные расходы	12	5	10	2	43
Числ-сть вооруж. сил	14	5	3	1	59

См: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%C1%D0%C8%CA%D1>

В-третьих, формирование многополярного мира ведет к однотипным или сходным тенденциям в разных частях света, отход от однополярности подразумевает более или менее равномерное распределение сил влияния между множеством полюсов мировой политики и экономики (ЕС, БРИКС, АСЕАН, ШОС, НАФТА и т.п.). Альтернативные Соединенным Штатам полюса влияния, постепенно набирая силу, могут претендовать в своих регионах на плавное замещение американского влияния своим собственным. Россия с ее политическим, экономическим и военным потенциалом может сыграть в подобных процессах решающую роль, внося новые позитивные ингредиенты в повестку дня БРИКС.

Особый акцент деятельности состоит в опоре на совместный потенциал сотрудничества между странами-членами БРИКС. Как провозглашается в Делийской декларации, «мы убеждены в том, что наши страны располагают богатой базой знаний, «ноу-хау», значительным потенциалом и передовым опытом, которыми мы можем обмениваться и которые мы можем использовать для плодотворного сотрудничества на благо наших народов»⁷.

В объективном процессе сближения первоначально четырех государств (Бразилии, России, Индии и Китая) в формате БРИК (с последовавшим в апреле 2011 г. присоединением ЮАР) в формате БРИКС, наблюдалось несколько этапов. Налаживание политических взаимосвязей началось, напомним, еще в сентябре 2006 г., когда по ходу 61-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке состоялась встреча министров иностранных дел «четверки». Затем последовали еще три встречи с участием министров иностранных дел, включая полноформатную встречу в Екатеринбурге 16 июня 2009 г.

Первое короткое совещание глав стран, входящих в БРИК, имело место 9 июля 2008 г. на целебных источниках Тояко острова Хоккайдо (Япония) после встречи «Большой восьмерки». Стороны договорились тогда о проведении полномасштабного саммита в 2009 г. После этого министры финансов стран БРИК собирались еще дважды: в Сан-Паулу (Бразилия) 7 ноября 2008 г. и в Лондоне 13 марта 2009 г. Затем Президент России

Д.А. Медведев 29 мая 2009 г. принял в Кремле представителей стран БРИК по вопросам безопасности — секретаря Совета Безопасности РФ Н. Патрушева, руководителя секретариата по стратегическим вопросам при президенте Федеративной Республики Бразилии Р. Мангабейра Унгера, советника премьер-министра Индии по национальной безопасности М. Келатх Нараянана и члена Госсовета КНР Дай Бинго⁸.

Наконец, 16 июня 2009 г. первые лица стран БРИК собрались на свой первый саммит в Екатеринбурге. По итогам саммита было принято два документа: Совместное заявление лидеров стран БРИК и Совместное заявление стран БРИК по глобальной продовольственной безопасности.

15–16 апреля 2010 г. прошел второй саммит БРИК в Бразилии. По его итогам был подписан ряд документов, включая Меморандум о сотрудничестве между государственными финансовыми институтами, развитии и поддержке экспорта стран-членов БРИК. Сторонами также были затронуты вопросы преодоления последствий мирового экономического кризиса, создания нового международного финансового порядка.

13–14 апреля 2011 г. состоялся третий полномасштабный саммит БРИКС в составе пяти государств в г. Санья китайской провинции Хайнань. «Пятерка» обсуждала вопросы международных финансов и торговли и важнейшие проблемы мировой политики⁹. По итогам саммита была подписана Декларация БРИКС, в которой были сформулированы основные направления мировой политики и план действий на ближайший год. В Совместном заявлении руководители всех пяти стран выразили крайнее недовольство действиями западной коалиции в Ливии. Страны-участницы БРИКС выступили за всеобъемлющую реформу ООН, за мирное урегулирование ливийского вопроса. В ходе саммита стороны выразили также озабоченность ситуацией в Японии вследствие землетрясения и цунами, создавших угрозу радиоактивного заражения региона, затронули вопросы безопасного использования ядерной энергии, а также высказались за усиление борьбы с терроризмом, за мирное разрешение проблем на Корейском полуострове.

29 марта 2012 г. состоялся четвертый саммит БРИКС в индийской столице Нью-Дели. По итогам этого саммита были приняты следующие документы: Делийская декларация БРИКС, «Экономика стран БРИКС: доклад о Бразилии, России, Индии, Китае и Южной Африке», Генеральное соглашение об общем порядке открытия кредитных линий в национальных валютах БРИКС, Многостороннее соглашение о подтверждении аккредитивов в рамках механизма межбанковского сотрудничества стран БРИКС. Участники саммита обменялись также мнениями о состоянии мировой экономики, о реформах институтов глобального управления и проблематике международной стабильности и безопасности.

К числу новых инициатив, таких как учреждение Биржевого альянса БРИКС по совместному сотрудничеству фондовых бирж, относится идея о создании нового Банка развития. Такой Банк послужил бы целям мобилизации ресурсов для проектов в области инфраструктуры и устойчивого развития в странах БРИКС, а также в других странах с формирующейся рыночной экономикой и в развивающихся странах. Новый банк дополнил бы уже прилагаемые усилия международных и региональных финансовых институтов, нацеленные на глобальный рост и развитие.

Итак, история БРИКС насчитывает четыре саммита. Уже можно говорить о реальных возможностях и конкретных достижениях этой организации. По мнению российской стороны, *«БРИКС стал форматом, прочно утвердившимся на международной арене. В основе жизнеспособности БРИКС — общность коренных интересов стран-участниц как в экономической сфере, так и в политической жизни. В перспективной повестке — постепенная трансформация этого форума в сильную и влиятельную организацию»*¹⁰.

В рамках БРИКС складывается новая конфигурация международных отношений, что свидетельствует о развитии интеграционных процессов в АТР, вызревающих по обе стороны Тихого океана, включая Латинскую Америку, а также затрагивающих Африкан-

ский континент. Особую ценность, думается, составляет такая особенность формата БРИКС, как ее трансконтинентальное измерение, выраженное во взаимодействии четырех континентов Азии, Африки, Европы и Латинской Америки. В этой связи деятельность БРИКС имеет большое международно-политическое значение. Не случайно руководители стран-участниц фокусируют внимание на важных аспектах мировой политики. Обращает на себя внимание, что лидеры «пятерки» выразили озабоченность ситуацией на Ближнем Востоке и в Африке. Члены БРИКС считают, что *«рост и развитие играют центральную роль в борьбе с бедностью и в достижении целей развития тысячелетия (ЦРТ). Искоренение крайней нищеты и голода является этическим, социальным, политическим и экономическим императивом человечества — одной из важнейших глобальных задач, стоящих сегодня перед миром, особенно в наименее развитых странах Африки и других регионах»*¹¹. Вот почему возникновение активно развивающейся организации БРИКС — характерная особенность формирования современного многополярного мира. В этом же ряду соберется так называемая «Группа двадцати», сформированная из числа развитых и развивающихся стран, первый саммит которой состоялся в 2008 г., второй — в 2009.

В международно-политическом плане «пятерка» выступает в качестве дополнительного центра влияния в глобальной системе, представляющего интерес для группы стран. Как резонно отмечается в одной из ее Деклараций, *«видение общей цели и сильное общее стремление к миру, безопасности, развитию и сотрудничеству объединило страны БРИКС с населением почти 3 млрд человек на разных континентах. БРИКС стремится внести значительный вклад в развитие человечества и создание более равноправного и справедливого мира»*¹².

При высокой значимости политического аспекта, страны БРИКС большое внимание уделяют экономическим, финансовым вопросам. Об этом свидетельствуют последовательные совместные усилия по повышению роли национальных валют во взаимных расчетах между государствами БРИКС. Возможность перехода на расчеты в национальных валютах была рассмотрена уже на первом, екатеринбургском саммите. Так, Китай сразу стал расширять зону влияния юаня. А после проведения первого саммита БРИК в Екатеринбурге в 2009 г. Китай и Бразилия перешли на расчеты в юанях. Правда, неплохо знающий специфику Гонконга и западных рынков Крис Паттен скептичен в отношении возможностей юаня: *«Я сомневаюсь, — заявил он, — что юань, если серьезно оценивать его возможности в экономике Китая, сможет стать реальной влиятельной силой в конкурирующей среде глобального рынка»*¹³. Существуют, впрочем, и противоположные оценки китайской валюты, рост престижа которой несомненен. Несмотря на временные трудности России, в стратегической перспективе не исключается возможность повышения внимания также к российскому рублю. Это может произойти при условии стабилизации его конвертируемости посредством включения рубля в расчетно-платежную систему экспортного оборота и все большего участия российских банков в формирующемся процессе валютной интеграции. Недаром дальновидный Китай уже исчисляет в этой валюте часть своих резервов.

На китайском финансовом рынке уже сложилась система российских банковских структур. Ее представляют Внешэкономбанк, Сбербанк РФ и ВТБ. Российские банки сотрудничают с Государственным банком Китая, Промышленно-торговым банком Китая, Строительным банком, Экспортно-импортным банком и другими ведущими банками КНР. Еще в 2006 г. один только Внешэкономбанк, например, заключил с Государственным банком развития Китая кредитные соглашения на сумму в 1 млрд долл. США¹⁴. На втором, бразильском саммите БРИК был подписан Меморандум о сотрудничестве между государственными финансовыми институтами развития и поддержки экспорта стран-членов БРИК. Сторонами также были затронуты вопросы преодоления последствий мирового экономического кризиса, создания нового международного финансового порядка.

На третьем саммите БРИКС, который проходил год назад в китайском г. Санья, также обсуждались вопросы международных финансов и торговли. Кроме того, страны-члены БРИКС опять рассмотрели возможность перехода на расчеты в национальных валютах. Президент России Д.А. Медведев подчеркнул: *«В этом есть целый набор всем известных выгод, в том числе и меньшая зависимость от колебаний курсов резервных валют, лучшие возможности адаптации к условиям национальных экономик»*¹⁵. Там были также обсуждены вопросы дальнейшего укрепления и развития финансового сотрудничества между банковскими институтами пяти стран. Во встрече участвовали главы Национального банка социально-экономического развития Бразилии, Внешэкономбанка, Эксимбанка Индии, Государственного банка развития Китая и Банка развития Южной Африки.

В Меморандуме о сотрудничестве финансовых государственных организаций предусматривается взаимное предоставление кредитов в национальных валютах¹⁶. Заслуживает внимания тот факт, что глава Внешэкономбанка Владимир Дмитриев после саммита БРИКС в Санья заявил, что перспективы расчетов в национальных валютах неплохие, и они имеют смысл в том случае, если есть большой объем товарооборота¹⁷. По его мнению, это соглашение положило начало практической реализации меморандума о сотрудничестве между государственными финансовыми институтами развития, которое было подписано в 2011 г. в Бразилии. И только в нынешнем, 2012 г., на делийском саммите реализовался переход на расчеты в национальных валютах посредством подписания соответствующих документов — Генерального соглашения о предоставлении кредитов в национальных валютах в рамках механизма межбанковского сотрудничества государств и Многостороннего соглашения о подтверждении аккредитивов.

Страны БРИКС выступают за формирование нового финансового и экономического порядка, в котором Запад с его опорой на традиционные институты — ВТО, Всемирный банк, МВФ — перестанет быть единственным мировым центром влияния. Немаловажное значение имеет то обстоятельство, что глобальный финансовый кризис выявил несовершенства и недостатки существующей международной валютно-финансовой системы. Поэтому страны-члены БРИКС на третьем саммите обратили внимание на необходимость поддержки реформ по совершенствованию международной валютной системы, в которой широко представительная система международных резервных валют могла бы обеспечить стабильность и предсказуемость. Дальнейшие реформы устаревшей финансово-экономической системы мира могли бы привести к усилению координации политики и сотрудничества в области финансового регулирования и контроля, а также поспособствовать стабильному развитию глобальных финансовых рынков и банковских систем¹⁸.

На недавнем, четвертом по счету саммите лидеры БРИКС выразили недовольство темпами этих реформ, поскольку такая мировая система не учитывает в полной мере той роли, которую уже играют страны «пятерки» в глобальной экономике. Согласно Делийской декларации, стороны *«обеспокоены ходом реформы системы квот и управления в МВФ. Видим неотложную необходимость в осуществлении, как и было согласовано, реформы 2010 г. в области управления и квот до предстоящего в 2012 г. годового собрания МВФ Всемирного банка, а также комплексного пересмотра формулы расчета квот для более точного отражения экономического веса и усиления голоса и представленности стран с формирующейся рыночной экономикой и развивающихся стран к январю 2013 г., с последующим завершением очередного общего пересмотра квот к январю 2014 г. Данный динамичный процесс реформ необходим для обеспечения легитимности и эффективности Фонда»*¹⁹.

Среди развивающихся стран растет недовольство по поводу того, как распределяются роли руководителей МВФ и Всемирного банка. Традиционно пост главы Международного валютного фонда занимает представитель одной из европейских стран. При этом Всемирный банк возглавляет кандидат из США. Страны-члены БРИКС неодно-

кратно подчеркивали, что выбор руководителя МВФ исключительно на основе гражданства подрывает легитимность фонда. Китай, кстати сказать, — один из крупнейших держателей облигаций МВФ. Огромные капиталовложения в МВФ, сделанные в 2008 г., фактически, втрое увеличили финансовые возможности организации во время финансового кризиса. Именно Китай, благодаря его экономике и политике, становится своеобразным балансиrom мировой финансовой системы. А с ростом экономик развивающихся стран усиливается и их влияние на международной арене.

БРИКС — это интеграционная структура нового типа, имеющая три отличительные особенности.

Во-первых, она отличается и от региональных группировок, таких как АСЕАН, АТЭС, ШОС, ЕС, НАФТА, и от межрегиональной организации АСЕМ (ASEM — Asia-Europe Meeting), объединяющей страны Восточной Азии и Европы. БРИКС — это не простое взаимодействие крупных государств, а механизм межконтинентального сотрудничества.

Во-вторых, «пятерка» претендует на роль лидера стран с формирующейся рыночной экономикой и развивающихся стран. Этот тезис доказывают документы БРИКС. Страны-члены, провозглашая принципы открытости, солидарности, взаимопонимания и доверия, намерены способствовать *«повышению эффективности институтов глобального управления путем расширения представительства в них стран с формирующейся рыночной экономикой и развивающихся стран»*²⁰.

В-третьих, ее возглавляет Китай. Он лидирует как вторая экономика мира по результатам своего выхода в 2010 г. на второе место после США по объемам ВВП.

Перспективы БРИКС очень широки, экономический потенциал огромен. Еще в 2008 г. на долю четырех стран (ранее составляющих БРИК) приходилось 26% территории Земли, 42% (2,83 млрд чел.) населения планеты и 14,6% мирового ВВП. Вхождение ЮАР в эту структуру имеет не только экономическое, но и политическое значение, поскольку ЮАР — самая развитая на Африканском континенте страна. ВВП ЮАР до 2008 г. составлял 491 млрд долл. (26-е место в мире). Рост ВВП страны в течение ряда лет держался на уровне 5% годовых, но в 2008 г. в связи с кризисом он снизился до 3%. Страна все еще не входит в число развитых стран мира, хотя ее внутренний рынок активно расширяется. По данным МВФ, по паритету покупательной способности ЮАР занимает 78-е место в мире (по данным Всемирного банка — 65-е, по данным ЦРУ — 85-е)²¹.

Экономические успехи стран-членов БРИКС, по всей видимости, усилят их политический вес на мировой арене. Общеизвестно, что ЮАР — богатое ресурсами государство. Бразилия славится своей сельскохозяйственной продукцией. Россия является крупнейшим в мире экспортером энергоресурсов. Индия предлагает дешевые интеллектуальные услуги. Китай обладает мощной промышленностью и самыми многочисленными трудовыми ресурсами. На ЮАР приходится треть всего ВВП Африки южнее Сахары. Россия, Китай, Индия, Бразилия производят около 40% пшеницы, 50% свинины, более 30% мяса птицы, 30% говядины от соответствующих общемировых показателей докризисного периода. В странах БРИК сосредоточено 32% пахотных земель всего мира²². По прогнозу Goldman Sachs, к 2050 г. экономики стран группы БРИКС по экономическим показателям превысят суммарный объем экономик самых богатых стран мира («Большой восьмерки»).

Несмотря на очевидные плюсы интеграционного процесса, государствам-членам «пятерки» еще предстоит решить проблему равноправного партнерства в рамках их совместно формирующейся структуры. Китайцы полагают, что главная роль в БРИКС принадлежит их державе. *«Если сравнивать с другими государствами-членами БРИК, то Китай, вне всякого сомнения, занимает особую позицию, согласно общему мнению специалистов. В известной книге Дэвида Роткопфа (David J. Rothkopf) «Внешняя политика» отмечается, что если бы не было Китая, БРИК был бы всего лишь Бри, безвкусным*

мягким сыром, приобретающим свой вкус только с вином и едой. Китай это «мышца», формирующая эту организацию, Он и сам отчетливо это понимает. По любым предложениям в БРИК Китай имеет абсолютное право вето, так как без его участия решения, принятые на совещании, не могут быть достаточно действенными»²³. Фактическая причина заключается в том, что Китай является крупнейшим государством по резерву иностранной валюты, обладает потенциально самым крупным рынком в мире и является, как уже здесь подчеркивалось, второй экономикой мира. Она (экономика Китая) больше совокупной экономики Бразилии, Индии и России, а по объему экспорта и обладанию иностранной валюты вдвое больше их совокупного объема. Исходя из экономической точки зрения, ряд специалистов по инвестициям заявляет, что «с 1999 по 2010 год вклад Китая среди стран БРИК по росту ВВП составляет более 70%. Поэтому, если говорить о «чуде БРИК», то в первую очередь это «китайское чудо»²⁴. Для китайской политики и дипломатии БРИКС — это шаг вперед. Он знаменует качественно новый этап по сравнению с предшествующим десятилетним периодом до вступления Китая в ВТО.

Определенные ограничения на процессы интеграции накладывают ведущие тенденции мировой политики и экономики. В глобальной экономике складываются две тенденции.

Во-первых, мировая хозяйственная система становится все более взаимозависимой, формируется единая макроэкономическая структура.

Во-вторых, глобальный рынок усложняется, общественное разделение труда уже не укладывается в упрощенную схему международной торговли товарами и услугами: он требует развития международных кооперационных связей и специализации производств со сложными региональными и международными валютно-финансовыми отношениями, которые в свою очередь подвержены кризисам. Развитие отдельных стран и континентов идет неравномерно, процесс концентрации высокотехнологичных производительных сил в небольшом числе развитых стран увеличивает разрыв между высокоразвитыми и слабо развитыми странами. И несмотря на это, темпы развития многонаселенной Азии все заметнее становятся выше темпов стареющей Европы. Как не без основания пишет российский экономист В.М. Козырев, «стремительными темпами развиваются Китай, Индия, Бразилия. Есть все основания полагать, что будущее за этими тремя гигантами. Страны современной восьмерки, несомненно, уступят им первые места»²⁵. Все это порождает не только центристские, но и центробежные тенденции в мировых интеграционных связях.

Перспективы развития БРИКС зависят не только от стремления к сотрудничеству, но и от существующих проблем, различий в интересах и подходах, траекторий развития каждой из стран-участниц, включая решение проблемы равноправного партнерства в рамках формирующейся многосторонней структуры. Возможно подключение и других солидаризирующихся с БРИКС стран Евразии, Латинской Америки, Африки или даже Австралии, что, с одной стороны, может углубить интеграционные процессы, а с другой стороны, повлечь и... центробежным тенденциям.

1. Россию гонят из БРИКС, 27 Янв. 2012. URL: <http://nnesia.ru/rubric/finance/rossiyu-gonyat-iz-briks/>.
2. Медведев Д.А. Выступление на саммите БРИКС, 29 марта 2012. URL: <http://президент.рф/выступления/14870>.
3. Россию гонят из БРИКС, 27.01.2012. URL: <http://nnesia.ru/rubric/finance/rossiyu-gonyat-iz-briks/>.
4. Россию заменят Индонезией. URL: http://pda.rbcdaily.ru/2012/01/27/world/562949982641832_news.shtml. 27.01.2012.
5. Делійская декларация, 29.03.2012. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1189.
6. Там же.

7. Там же.
8. <http://archive.kremlin.ru/text/themes2009/05/216980.shtml>.
9. *Блинов А.* Мягкая сила БРИКС // Независимая газ. 2011. 25 апр. URL: http://www.ng.ru/courier/2011-04-25/9_briks.html.
10. *Медведев Д.А.* Заявление для прессы по завершению саммита БРИКС. 29 марта 2012. Нью-Дели. URL: <http://президент.рф/новости/14868>.
11. Декларация БРИКС. 14.04.2010. URL: http://special.kremlin.ru/ref_notes/907.
12. Там же.
13. *Паттен К.* Не только дипломат. Вся правда о международных делах. С. 253 // *Пэн Дин Кан.* Фэй ибань дэ вайцзяоцзя — гуаньюй гоцзи шиву дэ ниэрчжунянь. Шанхай, 2008. С. 253.
14. О подписании Соглашения с Государственным банком развития Китая. 09.11.2006. URL: http://www.veb.ru/press/news/arch_news/index.php?id_19=1832&from33=206&from_19=99.
15. Страны БРИКС рассматривают возможность перехода на расчёты в национальных валютах. 14.04.2011. URL: <http://www.iarex.ru/news/14429.html>.
16. Страны БРИКС договорились о кредитовании в национальных валютах. URL: <http://www.klerk.ru/bank/news/218238/>.
17. В БРИКС согласились использовать местные валюты для предоставления кредитов. URL: <http://lenta.ru/news/2011/04/14/valuta/>.
18. Декларация БРИКС. 14.04.2010. URL: http://special.kremlin.ru/ref_notes/907.
19. Делийская декларация. 29.03.2012. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1189.
20. Делийская декларация. 29.03.2012. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1189.
21. БРИКС. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/БРИК>.
22. Там же.
23. *Фан Шутин.* Цун «Цзиньчжуань сыго» дао «Цзиньчжуань уго». 11.05.2011. // Хэсюньван — Чжунго цайцзин ванло мэнху. URL: <http://opinion.hexun.com/2011-05-11/129516072.html>.
24. Там же.
25. *Козырев В.М.* Основы современной экономики. М., 2009. С. 491.

Экономика

Стратегия интеграции города и деревни в Китае: успехи, проблемы, противоречия (2002–2011)

© 2012

Л. Бони

В статье рассматриваются первые результаты стратегии "согласованного развития города и деревни", их интеграции как основного пути решения аграрной проблемы Китая в условиях ускоренной урбанизации и индустриализации страны. Особое внимание уделено земельной проблеме, обострение которой стало тормозящим фактором такой интеграции. Вскрываются роль и особая функция земельных ресурсов в процессах ускоренной урбанизации Китая, ее воздействие на социально-экономическую жизнь китайской деревни. Рассмотрены перспективы реформирования систем управления землей и реквизиции земли.

Ключевые слова: согласованное развитие города и деревни (тунчоу чэнсянь), урбанизация, реквизиция земли, «земельные финансы», защита пашни, переселение крестьян, крестьянские волнения в Китае, строительство «новой деревни».

XVI съезд КПК (2002 г.) выдвинул научную концепцию развития Китая, по которой устойчивое, полноценное социально-экономическое развитие требует согласованного планирования (угэ тунчоу) и, соответственно, согласованного развития пяти сфер в жизни и деятельности человека и общества — таких как экономика и социальная сфера; город и деревня; отношения регионов; человек и природа; внутреннее развитие и внешний фактор.

«Согласованное развитие экономики и социальной сферы города и деревни» (тунчоу чэнсянь) положено в основу новой аграрной стратегии государства, а также определено в качестве стержня стратегии интеграции города и деревни (чэнсянь итихуа), принятой 3-м пленумом ЦК КПК 17-го созыва (2008 г.)

«Возвращение долгов» и «согласованное развитие» города и деревни

Цель стратегии интеграции — преодоление серьезного отставания деревни от города в темпах экономического и социального развития, формирование экономически обоснованных отношений между городом и деревней, включение сельского хозяйства в единый общенациональный воспроизводственный процесс на основе товарного обмена,

в процесс модернизации страны и последующее ускоренное развитие аграрной сферы и всей национальной экономики.

По сути, провозглашение стратегий «*тунчоу чэнсянь*» и «*чэнсянь итихуа*» предполагает уход от традиционной колен экономического развития, по которой индустриализация более 50 лет шла, в основном, за счет мобилизации внутренних ресурсов агрокомплекса, переход к сбалансированному развитию города и деревни.

Отдельные направления стратегии согласованного развития города и деревни «*тунчоу чэнсянь*» берут начало еще в годы 10-й пятилетки, но в 11-й пятилетке появились новые направления¹, из которых основные нижеследующие шесть:

- стратегическое урегулирование структуры сельского хозяйства, сельской экономики;
- курс на «*возврат промышленностью долгов сельскому хозяйству*», усиление финансовой поддержки сельского хозяйства государством;
- ускорение процесса урбанизации;
- системные реформы в деревне, направленные на ликвидацию двухосновной (дуальной) структуры экономики и общества;
- строительство «*новой социалистической деревни*»;
- модернизация сельского хозяйства, или развитие современного агропроизводства.

Содержание первых трех направлений стратегии *тунчоу чэнсянь* состоит в подтягивании и выравнивании уровня сельского хозяйства, деревни путем реструктуризации основных производственных факторов (рабочей силы, земли, капитала), рационального перераспределения общественных ресурсов между городом и деревней на основе рынка и макрорегулирования.

Системные реформы (четвертое направление) призваны постепенно снять институциональные преграды на пути развития сельского хозяйства и сельского социума, обеспечить последовательный демонтаж двухосновной (дуальной) структуры экономики и социальной сферы, изолирующей деревню от города², свободное рыночное обращение ресурсов между ними, создание единого общенационального рынка.

Цель двух последних направлений — наращивание экономического и социального потенциала, создание структур новых производительных сил агросферы, деревни.

Единая цель всех шести — добиться сбалансированного рационального соотношения в развитии двух основных сфер общественного производства — города и деревни в социально-экономическом плане и на этой основе обеспечить устойчивое и эффективное развитие всей национальной экономики и социальной сферы китайского общества в долгосрочной перспективе. Осуществление стратегии интеграции города и деревни призвано решить аграрную проблему Китая, обеспечить необходимую материальную основу и условия для реализации стратегической цели полного построения «*общества среднего достатка*» (*сяокан*) к 2020 г.

Итоги двух последних пятилеток (2001–2010 гг.) в продвижении стратегии согласованного развития города и деревни, их интеграции существенны, но неоднозначны. Несомненно, по всем направлениям этой стратегии есть движение, есть сдвиги. За 10 лет со времени ее принятия сформировался первоначальный «каркас» системы интеграции города и деревни, ускорились индустриализация и урбанизация, что сыграло важную роль в развитии экономики высокими темпами, усилении процесса миграции крестьян, увеличении занятости, повышении доходов населения. Но коренного перелома в преодолении отставания агросферы, деревни пока нет. Причина — не только в сложности и долгосрочном характере задач, но и в медленном их решении, подчас — в затягивании преобразований. До сих пор не удалось демонтировать двухосновную систему экономики города и деревни, и это главная причина, сдерживающая продвижение стратегии со-

гласованного развития двух социумов. На каждом из шести направлений *"тунчоу чэнсянь"* — свои успехи, свои трудности.

В *"стратегическом урегулировании структуры сельского хозяйства, сельской экономики"* успехи несомненны. За последние 10 лет удалось оптимизировать структуру производства, преодолеть острое противоречие между производственной структурой и общественным спросом на новые, более качественные виды и сорта сельхозпродукции, продовольствия. Более половины посевов зерновых осуществляется сегодня элитными и специализированными сортами. Все это повысило урожайность и качество продукции. Существенно изменилась структура сельской занятости и социальная структура села: более 200 млн излишней сельскохозяйственной рабочей силы ушло из земледелия в другие сферы производства, в т.ч. более 160 млн — в город.

Что касается наращивания нового производственного потенциала агросферы (модернизации сельского хозяйства, строительства *"новой социалистической деревни"*), то и здесь, хотя материально-техническая база остается отсталой, отмечены сдвиги. Развертывание программы модернизации (особенно механизации зернопроизводства) в 11-й пятилетке позволило перекрыть дефицит рабочей силы, вызванный большим оттоком ее из земледелия, что ослабило нагрузку на единицу пашни и увеличило выход зерновой продукции на единицу рабочей силы, т.е. повысило производительность труда в отрасли. Все это благоприятствовало получению хороших урожаев 8 лет кряду (2004–2011 гг.).

Дан старт курсу на *"возврат долгов сельскому хозяйству"*, наметились шаги в части перераспределения финансовых и материальных ресурсов в пользу аграрной сферы. Однако, эти усилия недостаточны. По признанию главы кабинета при ЦК КПК по работе в деревне Чэнь Ивэня, *"пока не удалось создать системный механизм эффективного инвестирования в сельское хозяйство"*, *"основные ресурсы продолжают концентрироваться в городе"*³. Несмотря на последовательное и значительное увеличение инвестиций в сельское хозяйство, удельный вес их в объеме всех капиталовложений в основные фонды страны продолжает сокращаться⁴.

Наиболее серьезное отставание наметилось в развитии и углублении системных реформ, призванных обеспечить постепенную ликвидацию двухосновной (дуальной) системы экономики и общества. Хотя в ряде областей достигнут серьезный прогресс (переход на бесплатное девятилетнее обязательное образование в деревне, отмена сельскохозяйственного налога), однако комплексные системные реформы, начатые в 2006 г., не завершены.

В то же время одно направление вырвалось далеко вперед: ускоренная урбанизация. Именно на этом направлении получены важные, с точки зрения интеграции города и деревни, сдвиги: налицо существенные изменения в структуре занятости и социальной структуре деревни и города, уровень урбанизации достиг около 48% в 2010 г. Миграция излишней сельскохозяйственной рабочей силы из деревни в город обеспечила его экономику дешевой рабочей силой, что стало одним из основных факторов поддержания высоких темпов экономического роста Китая.

В процессе ускоренной урбанизации и индустриализации наряду с успехами возникли серьезные экономические проблемы и социальные противоречия, которые сдерживают процесс интеграции города и деревни, а подчас противоречат самой сути научной концепции развития.

Стратегия «чэнсянь итихуа» в условиях ускоренной урбанизации

Судя по плану 12-й пятилетки (2011–2016 гг.) и долгосрочным программам развития до 2020 и до 2030 гг.⁵, первые десятилетия XXI в. становятся решающим этапом

урбанизации в Китае, рассматриваемой его руководством в качестве главной движущей силы дальнейшего прогресса.

На данном этапе урбанизация призвана обеспечить решение трех стратегических макрозадач, от которых зависит будущее Китая⁶, а именно: смену экономической модели развития (за счет расширения внутреннего спроса); смену социальной модели, или сущностного изменения социальной структуры деревни — превращения половины сельского населения страны в горожан; смену системной модели управления путем ликвидации дуальной структуры экономики и общества и перехода к одноосновной модели, интегрирующей город и деревню, промышленность и сельское хозяйство в единый народнохозяйственный и социальный комплекс.

В последнее время в Китае все чаще говорят о растущем международном значении китайской урбанизации, призванной обеспечить превращение страны в самый крупный потребительский рынок мира: *в ближайшие 20 лет главными движущими силами мирового экономического развития могут стать китайская урбанизация и новый прорыв высоких технологий в экономически развитых странах мира*⁷.

Таким образом, вектор на ускоренную урбанизацию Китая превратился наряду с индустриализацией в важнейшее направление стратегии его социально-экономического развития. Соответственно, урбанизации открыт "зеленый свет", для нее создаются благоприятные условия, всячески поощряется ускорение ее темпов. Если в 2000 г. ее уровень составлял 30%, а в 2010 г. — 48%⁸, то в 2016 г., по прогнозам, должен превысить 53% (по плану 12-й пятилетки), в 2020 г. — 60%, в 2030 г. — 70% (а уровень индустриализации — 80%); в результате в деревне к этому времени может остаться до 450 млн жителей⁹. Все основные долгосрочные программы в рамках стратегии модернизации Китая, в том числе стратегический курс на интеграцию города и деревни, оказываются тесно связанными с процессами урбанизации и неизбежно испытывают на себе ее воздействие.

Однако, как уже говорилось, наряду с несомненными успехами на макроуровне, ускоренные темпы урбанизации и методы ее реализации повлекли ряд острых экономических и социальных проблем, сдерживающих продвижение стратегии «чэньсянь титхуа» и решение ряда важных общенациональных проблем, связанных с ее реализацией.

Основные из них — земельная проблема в деревне, проблема миграции сельскохозяйственной рабочей силы в город, проблема расширения внутреннего спроса (а, по сути, проблема доходов сельского населения и низкой покупательной способности китайской деревни), а также влияние совокупности указанных проблем на перспективы развития сельского хозяйства, продовольственной безопасности страны, судьбы деревни, а по большому счету, модернизации Китая.

Рассматривая некоторые из этих проблем, отметим наличие двух основных подходов¹⁰ в обществе и научных кругах к оценке значения и роли урбанизации в стимулировании согласованного развития города и деревни, их интеграции. Первый подход — "городской", второй — через призму интересов деревни.

Согласно первому, урбанизация — символ модернизации страны, главная движущая сила будущего развития Китая, сулящая (как уже отмечалось выше) прогрессивные изменения в структуре населения и рабочей силы, эффективное размещение основных факторов производства, преобразование традиционного агропроизводства, подъем благосостояния нации.

Параллельно существующий *второй* подход исходит из того, что коренная проблема Китая — аграрная. Без предварительной модернизации села нельзя модернизировать страну. Урбанизация не обязательно сулит селу процветание. Наоборот, из-за слабой позиции деревни, земледелия, крестьянства город сохраняет преимущество в распределении ресурсов, что чревато угрозой гибели деревни, стагнации сельского хозяйства, нищеты

крестьян. Руководство страны должно положить конец "перекосу интересов в пользу города", определить развитие деревни как действительно "важнейшим из важных дел"¹¹.

По мнению Лю Шоуина, эксперта из Центра изучения проблем развития при Госсовете КНР, эти две позиции под разным углом зрения акцентируют внимание на тех проблемах, которые предстоит решать в будущем. Все согласны, что урбанизация призвана быть движущей силой развития. Однако автор, отражая точку зрения деревни, обращает внимание на серьезные проблемы, связанные с нынешним характером самого процесса урбанизации, с ее серьезным отставанием от индустриализации, что проявляется в нерациональной структуре отраслей, недостаточной концентрации городского населения в городах, экстенсивном и нерациональном использовании земли на строительные цели, растущих трудностях городской жизни, непомерно быстро растущих ценах на жилье и пр. Чтобы урбанизация стала локомотивом развития, подчеркивает ученый, в 12-й пятилетке нужен рост инвестиций в инфраструктурное строительство городов и стимулирование потребления растущего городского населения.

Автор дает довольно драматичную картину перемен в китайской деревне: "За короткий срок (2000–2008 гг.) уровень урбанизации сильно вырос, прибавляя 1% в год. Но одновременно в подавляющем большинстве традиционных сельских районов деревня пришла в упадок, исчезло большое количество плодородной пашни, постарели хозяева крестьянских хозяйств, развивается совместительство, растет число детей, оставшихся без присмотра родителей; все больше углубляется разрыв в доходах населения города и деревни, множатся судебные иски крестьян по земельным вопросам... При ускоренном развитии урбанизации деревня не развивается — это деформированная урбанизация, и если массы ее не поддерживают, то воистину, ее трудно продолжать"¹².

С учетом этих суждений, рассмотрим основные проблемы, проистекающие из ускоренной урбанизации, попытаемся на фактах прояснить истинное положение вещей.

Земельная проблема в условиях ускоренной урбанизации

Ускорение темпов урбанизации неизбежно усилило спрос на землю для городского строительства, соответственно расширились масштабы реквизиции земли в деревне, ощутимо сокращается пашня, обостряется дефицит пахотных ресурсов. С 1996 по 2010 гг. пашня КНР уменьшилась почти на 12 млн га (со 133 млн га до 121, 2 млн га), а ее подушевой показатель — с 1,59 му (0,1 га) снизился до 1,39 му (0,09 га). В условиях и без того острого дефицита земельных ресурсов столь существенное сокращение пахотного клина поставило под угрозу стабильность производства, перспективы роста доходов крестьян и продовольственную безопасность страны (так, спад производства зерна за 1999–2003 гг. составил 70 млн т, или 17%, доходы крестьян в основных районах производства зерна в те годы перестали расти). Последствия расширенной реквизиции крестьянской земли оказываются, впрочем, еще более глубокими и далеко идущими.

В последнее десятилетие процесс реквизиции земли в деревне принял ускоренный характер, размеры отъема земли у крестьян намного превысили реальные потребности ее использования на нужды городского строительства. С 2000 г. по 2008 г. темпы прироста масштабов земель на строительные цели составили 7,4%, а темпы прироста городского населения — только 3,55%¹³, т.е. прирост численности городского населения уже почти десятилетие — вдвое медленнее темпов реквизиции сельскохозяйственной земли, переводимой в землю для строительных целей. Судя по всему, эта тенденция сохранится в ближайшем будущем.

Обратной стороной масштабного отторжения сельскохозяйственных земель стало обезземеливание большого слоя крестьянства. В деревне появилось несколько десятков миллионов безземельных безработных крестьян, так называемых «саньгэ шиды»

(потерявших три опоры: землю, работу, источник существования). Еще в начале 2000-х гг., по оценкам китайских ученых, насчитывалось 50–52 млн обезземеленных крестьян, из них без работы и средств к существованию, по данным обследований, осталось до 60%; ежегодно с конца 1990-х гг. их численность прирастает на 2,5–3 млн чел.¹⁴ Часть пострадавших находит работу на селе (но вне земледелия), часть уходит в город. Количество безработных из числа обезземеленных крестьян не рассасывается полностью, оставаясь сегодня, по китайским источникам, в пределах 40 млн чел. Так, в пров. Чжэцзян с 1999 по 2002 гг. (т.е., лишь за три года), появилось примерно 1,7 млн обезземеленных крестьян, в пров. Шэньси за 10 лет земли лишилось 980 тыс. крестьян. Дальнейшая их судьба такова: 35% — остались в сельском хозяйстве (но неясно, в каком качестве: ведущих подрядное хозяйство или наемных рабочих), 19% нашли работу в других сферах производства на селе, 19% ушли в город, а 26% — остались на селе без работы¹⁵.

Положение обезземеленных крестьян при отсутствии системы социального страхования (на селе ее еще только начинают формировать в экспериментальном порядке в части уездов) оказывается крайне тяжелым. Обезземеливание крестьян — одна из самых взрывоопасных социальных проблем КНР.

Возникшая еще в годы плановой экономики, система реквизиции земли в деревне позднее получила прочную правовую базу в новой Конституции КНР (1987 г.) и земельного законодательства (Закон об управлении землей за 1998 г.), разрешающих реквизицию коллективной земли "на общественные цели". Эти основные земельные акты не согласуются с положением Закона о земельном подряде в деревне (2002 г.), гарантирующим неприкосновенность подрядного права и подрядного участка крестьянского двора на весь срок подряда (а срок вторично продленного подряда истекает лишь в 2020 г.)

Существующая система реквизиции сельскохозяйственной земли фактически выполняет две функции: обеспечивает землю для городского и промышленного строительства, плюс — мобилизует первоначальный капитал для ускоренной урбанизации. Накопление строительных средств осуществляется путем капитализации реквизируемой земли крестьян, т.е. изменения ее целевого назначения и введения ее в рыночный оборот для реализации стоимости. По земельному законодательству КНР, коллективная земля не подлежит купле-продаже (лишь земля, имеющая характер госсобственности, может быть введена в рыночный оборот). Поэтому реквизируемые земли проходят официальную процедуру смены права собственности (из коллективной в государственную) и целевого назначения (из сельскохозяйственной — в землю для строительных целей).

Затем через аукционы, торги, просто по договоренности местные власти реализуют эти земли на рынке по высокой рыночной цене заинтересованным строительным организациям и предприятиям, обеспечивая большую прибыль. Используется механизм земельных "ножниц цен", а именно: разница между низкой ценой, по которой "покупается" реквизируемая земля (т.е. размером возмещения коллективному хозяйству и крестьянам), и ценой реализации этой земли на рынке уже как земли для строительных целей.

Официально установленный размер возмещения за землю изначально занижен. Он определяется, согласно закону, по упрощенной методике оценки стоимости единицы пашни в сельскохозяйственном производстве (средняя стоимость урожая с единицы пашни за три года, увеличенная в несколько раз). Но и этот критерий на практике не всегда соблюдается: или сумма сокращается из-за исходно заниженной стоимости сельхозпродукции, или выдается с большой задержкой. В среднем размер возмещения за реквизируемую землю в деревне в 2004 г. составлял 8–12 тыс. юаней за 1 му¹⁶. По китайским данным, установленный размер возмещения, в лучшем случае, составляет сегодня менее 50% ее реальной стоимости¹⁷.

Хотя в последнее время, по мере возрастания стоимости земли, размеры возмещения за реквизируемую землю под нажимом центрального правительства увеличи-

лись на 20–30%, они остаются совершенно недостаточными, чтобы обеспечить другой источник существования для обезземеленных крестьян. Рыночная же цена на землю для строительных целей, особенно в последние годы в районах ускоренной урбанизации резко возросла. В пригородах Шанхая, например, в последнее время земля на строительные цели подорожала до 200 тыс. юаней за 1 му¹⁸.

Такие "ножницы цен" на землю обеспечивают местным властям при ее реализации на монопольном земельном рынке большие средства, составляющие основу так называемых *"вторых финансов"*, или *"земельных финансов"*. Эта огромная земельная рента в 2004 г. достигала 589,4 млрд ю., составив 47% финансовых доходов местных правительств; в 2005 г. — 550,5 млрд ю., а в 2006 г. — 767,68 млрд ю.¹⁹ Таким образом, реквизиция как неотъемлемая часть единого процесса капитализации сельскохозяйственной земли фактически превратилась в важнейший механизм изъятия ресурсов из агросферы на нужды города, урбанизации.

Раскрывая системную сущность реквизиции, китайский ученый *Е Синцин* заключает: *"теоретической основой существующей системы реквизиции земли является общественное присвоение дифференциальной ренты... а основным исходным принципом этой системы реквизиции является контроль над себестоимостью использования земли для индустриализации и урбанизации"*²⁰. Упомянутый эксперт-аграрник *Чэнь Ивэнь* называет земельную реквизицию *"неотъемлемой частью китайской модели развития, которая опирается на дешевую цену земли и дешевую рабочую силу для продвижения индустриализации и урбанизации"*²¹.

Таким образом, в условиях правовой основы, обеспечивающей полную монополию государства на рынке земли, при хроническом дефиците земельных ресурсов и опережающем росте спроса на землю для строительных целей, а также при острой нехватке финансовых средств на местах — земля в китайской деревне стала для местных властей важнейшим источником получения средств (идущих в значительной степени на нужды урбанизации и индустриализации, на развитие местной экономики).

Огромная по масштабам земельная рента, получаемая местными властями в процессе капитализации земли в деревне, принимает форму *"земельных финансов"* (*туди цайчжэнь*) и *"земельных денег"* (*туди цзиньчжэнь*). *"Земельные финансы"* включают, главным образом, налоговые поступления, связанные с землей, такие как *налог на отчуждение пашни, налог на недвижимость и налог на строительную деятельность на земле*; с землей связаны и неналоговые поступления местных правительств, как *средства от аренды земли, средства от введения земли в оборот*.

Средства от введения земли в оборот фактически превратились в главный источник внебюджетных средств на местах. Обследования показали, что доля налогов на недвижимость и на строительство в бюджетах местных властей достигает 40%, а внебюджетные доходы от реквизиции земли — 60% и более.

Право мобилизации и распределения огромной земельной ренты принадлежит государству. В конце 2006 г. Госсовет КНР в своем *«Уведомлении об управлении доходами и расходами от оборота права пользования государственной землей»* определил порядок, по которому все доходы и расходы "от введения земли в оборот" передавались как бюджетные средства в управление местным правительствам.

Как показывают обследования последних лет, распределение доходов от приращения стоимости земли при ее реализации примерно такое: 20–30% остается на уровне ниже волостей и поселков, правительствам городов идет 30–40%, различные компании, предприятия по освоению и пр. получают 40–50%²². Крестьянам в виде возмещения за отторгнутую землю достается максимум 5–10% от распределяемого дохода²³. Обычно возмещение за землю получает коллективная хозяйственная организация, выделяя малую ее часть крестьянам. Официально крестьяне получают возмещение лишь за по-

стройки и посадки и за право пользования землей, поскольку ее собственником выступает коллективная хозяйственная организация. Случается, что она крестьянам ничего не выдает (их доля идет на инвестиции в какое-нибудь производство, чтобы обеспечить занятость для обезземеленных крестьян).

Наиболее полно масштабы, структуру, характер и направленность использования доходов, получаемых местными властями в качестве *"земельного капитала"*, раскрывают данные, представленные Чжан Сяошанем, тогда еще директором Института развития деревни АОН Китая. Согласно этой статистике, общая сумма расходов от средств, вырученных в 2009 г. местными властями от введения в оборот права пользования государственной землей, составила 1 трлн 225,5 млрд ю., или примерно 86% доходов от введения в оборот земли в том году (т.е. доход составил 1 трлн 425 млрд ю.), в том числе расходы на возмещение по реквизиции земли, слому жилья крестьян и их переселению — 477,4 млрд ю. (или 38,9% от всех расходов), расходы на освоение земли — 124,9 млрд ю., или 27,3% всех расходов; строительство инфраструктуры в деревне — 43,3 млрд ю., или 3,5% всех расходов; возмещение крестьянам, у которых реквизировали землю, — 19,5 млрд ю., или 1,6%²⁴ от всех расходов.

Приведенная статистика говорит, во-первых, сколь огромны извлекаемые из деревни средства и сколь мизерна в них доля крестьян, лишившихся земли (1,6%); во-вторых, что практически все средства, выделяемые на строительные цели, пошли городу (27,3%), а для развития инфраструктуры деревни осталось лишь 3,5%. Таким образом, идет изъятие огромных средств и ресурсов из сельского хозяйства, деревни, масштабы которого превышают объем инвестиций центрального бюджета в агросферу, и это вопреки провозглашению стратегического курса *"возврата долгов деревне"*.

Не случайно 5-й Форум по экономике Китая (Пекин, сентябрь 2010 г.), посвященный результатам стратегии *"чэнсянь тихуа"*, заявил: *"в нынешнем ускорении урбанизации существует огромный риск второго ограбления деревни и крестьян"*; *"низкая себестоимость сельской рабочей силы и заниженная цена земли при реквизиции обеспечили низкую себестоимость ускоренных темпов индустриализации и урбанизации Китая"*; *"ни в коем случае нельзя в условиях стратегии согласованного развития города и деревни снова изымать ресурсы и имущество из деревни, чтобы обеспечить еще более быстрое развитие города"*²⁵.

В целом монопольное право реквизиции и распоряжения отторгнутой землей, как мы видели выше, позволяет местным властям получать огромные доходы от присвоения земельной ренты, но этих средств далеко недостаточно для нужд урбанизации (по китайским оценкам, строительство одного среднего города требует минимум 10 млрд ю. за 10 лет). Извлечь максимум прибыли удастся, в основном, лишь от той части изъятной земли, которая идет исключительно на коммерческие цели, а это около 15% (обычно реквизируемая местными властями крестьянская земля после изменения целевого назначения распределяется следующим образом: 30–40% — на капитальное строительство, дороги, школы; 35% — на нужды промышленности, остальные 30% — в торговлю, жилищное строительство, при этом в разных районах эти доли неодинаковы).

Для нужд урбанизации нужно, чтобы доходы от упомянутых 15% земли (на коммерческие цели) были намного больше, чем от остальных 85% отчужденной земли, поясняет Лю Шоун.²⁶ Причем, если в городах Восточного Китая примерно 30% реквизируемой и реализованной на рынке земли могут обеспечить сверх-доходы, то в Западном регионе — менее 15%²⁷. Местные администрации, располагая монополией на земельном рынке, добиваются через "свои" оценочные компании предельно высокой рыночной цены: от нее зависит конъюнктура на рынке недвижимости в целом.

Остальные средства местные власти обеспечивают за счет кредитов. Для этих целей используются т.н. *земельные деньги (туди цзиньжун)*, т.е. часть реквизируемой и

капитализированной земли, которая используется для кредитования (залог под кредит, средства для погашения кредита, выплата процентов и пр). Для целей формирования и накопления *земельных денег* местные власти, как правило, создают специальный "*земельный резерв*"²⁸, где оседают излишки реквизированной земли, которая была отчуждена у крестьян "впрок", но не востребована в тот момент городским строительством. Иначе говоря, запасы городской земли для строительных целей представляют собой потенциальный капитал, сосредоточенный в центрах земельного резерва, создаваемых местной властью (в них сосредоточена основная доля всей реквизированной земли района). "*Земельный резерв*" служит важным инструментом реализации государственной монополии на земельном рынке, своего рода гарантией и символом успеха работы местной администрации. Он открывает "зеленую улицу" местному руководству в получении банковского кредита, дает гарантию инвестиционного обеспечения при капитальном строительстве. При этом налицо тесная и прямая взаимосвязь между размерами "*резерва*" и возможностью банковского кредитования: при сокращении "*резерва*", как правило, сокращается или прекращается кредитование. По этой причине местные власти придают особое значение поддержанию "*резерва земли*" на должном уровне. Отсюда — постоянные поиски и отъемы новых порций земель для его пополнения. Более того, через свой "*земельный резерв*" местные власти регулируют состояние цен на рынке недвижимости в своем районе или зоне. Они заинтересованы в поддержании высоких цен на недвижимость, ибо от этого зависит величина налоговых поступлений в их бюджет.

Так создается и поддерживается "*денежный пузырь*" на рынке недвижимости. Так замыкается круг процесса капитализации земли, в результате растут налоговые поступления, неналоговые доходы, занятость, ВВП региона, выполняются планы развития. В последнее время наличие земельного резерва гарантирует получение дополнительных квот на реквизицию земли.

Новый этап реквизиции земли — ускорение урбанизации при сохранении пашни

С ужесточением политики защиты пахотных ресурсов страны все больше распространяется новый вариант реквизиции — изъятие земли *под жилыми строениями крестьян и общественными постройками в деревне с компенсацией пашни*, призванное обеспечить нужную для урбанизации землю без сокращения пахотного клина.

В условиях обостряющегося дефицита пашни реквизировать землю «напрямую» становится все сложнее: уже достигнут предел, нарушение коего угрожало бы стабильности агропроизводства, на продовольственной безопасности страны. По подсчетам китайских специалистов, повышение уровня урбанизации на 1 процентный пункт (за счет пахотных земель) сокращает их на 410 тыс га²⁹. Напомню, к 2020 г. уровень урбанизации должен составить 60% — следовательно, городу предстоит «поглотить» 10,05 млн га. Но если блюсти "*красную черту*" пашни (120 млн га), то в ближайшие 13 лет на строительные цели удастся выделить лишь 2,01 млн га. Т.е. дефицит составит 8,04 млн га³⁰. И взоры правительства обратились к «внутреннему земельному ресурсу» села, именуемому «коллективная земля для строительных целей в деревне», т.е., ко всем площадям на селе, что не являются пашней). Коллективная земля на строительные цели в деревне включает ту, что занята под жилыми строениями крестьян, под поселково-волостными предприятиями, под общественными постройками (дорогами, колодцами, туалетом) и прочими сооружениями общественных услуг. Оказывается, этот ресурс не мал: до 18,9 млн га³¹! А в ряде районов, особенно отдаленных, он составляет до 30% сельской территории³². Значительность масштабов такой земли обусловлена исторически сложившейся рассредоточенностью производства и поселения, соответственно — и несовершенством земельного

законодательства. Сыграла свою роль и либерализация системы управления землей в 1980-е гг.: стимулируя развитие сельских предприятий, государство ввело тогда льготы, для их создания: земля на эти цели могла предоставляться членам коллективной хозяйственной организации без возмещения ее стоимости.

С 1990-х гг. из-за массового оттока избыточной рабочей силы в город возникли полупустые деревни, одновременно набирала темпы тенденция покупки и аренды жилья и земли горожанами у крестьян под дачи близ пригородов. Появился на селе и "серый рынок", на котором коллективные хозяйственные организации торгуют коллективной землей для строительных целей, пытаются реализовать свое имущественное право на землю в обход закона³³. Эта практика получила повсеместное распространение, как и нелегальная сдача коллективной земли в аренду властям и предприятиям под видом реквизиции. Все это вело к неупорядоченному использованию земли, к расширению территорий для строительных целей в деревне.

Согласно статистике, с 1996 по 2008 гг. общая площадь земли в городе выросла в полтора раза (с 26 400 тыс. кв. км до 40 300 тыс. кв. км), площадь земли под жилыми строениями крестьян тоже увеличилась (со 163,6 тыс. кв. км до 165,3 тыс. кв. км). При снижении плотности сельского населения за те же годы (с 55,87 чел/га — до 42,6 чел/га) площадь под жилыми строениями на душу населения в деревне увеличилась со 193 кв. м до 229 кв. м, а земля под пустующими жилищами крестьян составила примерно 10%—15% всей земли на строительные цели в деревне³⁴. По оценкам, сегодня земли на строительные цели в деревне в 5 раз больше, чем на те же цели в городе (в подушевом расчёте — в 3,8 раза больше)³⁵.

Министерство государственных земельных ресурсов принимает ряд мер по усилению защиты пашни и системы управления землей для строительных целей в деревне. Серией законодательных актов Госсовета КНР (1993, 1999 и 2004 гг.) государство категорически запрещает все виды нелегальных действий с землей в деревне, включая продажу или сдачу в аренду землю под жилые строения горожанам и строительство ими дач, а также регистрацию уже построенных дач; спекуляцию с землей на черном рынке, замену реквизиций на аренду и пр.

Стремясь сберечь пахотный клин страны и стимулировать более рациональное использование земли в волостях и поселках при урбанизации и строительстве новой деревни, Госсовет принял в 2004 г. новые жесткие меры защиты пахотной земли (документ № 28), представленные двумя важнейшими направлениями.

Во-первых, выдвинуто требование *«увязывать приращение земли для строительных целей в городе с сокращением земли для строительных целей в деревне»* при обязательном условии сохранения неизменной *«красной черты» пашни страны*³⁶ (1,88 млрд му, или 120 млн га).

Во-вторых, поставлена задача создать прочный пахотный потенциал страны за счет наиболее продуктивных и уже освоенных пахотных земель, как основы обеспечения продовольственной безопасности Китая, организовав их в систему *«основных сельскохозяйственных полей»*. *«Положения о защите основных сельскохозяйственных полей»*, разработанные Госсоветом, вступили в силу еще в 1999 г. По этому документу, в систему основных сельскохозяйственных полей вошли пахотные земли в зонах товарного производства основных видов сельхозпродукции, высокоурожайные земли (т.н. *«поля стабильных и высоких урожаев»*), экспериментальные поля (зоны) внедрения современных технологий.

В 2010 г. вышло *«Уведомление об усилении и совершенствовании работы по выделению бессрочных основных полей»*, обязавшее все уровни административных властей в плановом порядке создавать систему *«основных полей»*, ибо в условиях ускоренной урбанизации именно *«основные поля»* первыми оказались под угрозой реквизиции. С выде-

лением категории "*основного сельскохозяйственного поля*" государство фактически взяло под свою защиту основной потенциал пашни страны: никто не имеет права произвольно занимать эту землю или изменять ее назначение. Площадь основных сельскохозяйственных полей в каждом административном районе должна быть доведена до 80%—90% общей площади сельскохозяйственных угодий. Превращение "*основного поля*" в строительную площадку недопустимо без согласия Госсовета КНР.

«Баланс» пахотных ресурсов поддерживается через «увязку» расхода и пополнения пашни («сколько взяли земли, столько верните»): реквизируемую пашню компенсируют аналогичной по площади землей, полученной при рекультивации или «вторичном освоении»; возмещение оформляется через "*обмен квот*"³⁷. "*Увязка*" реализуется, как правило, в рамках программы строительства новой деревни или стратегии интеграции города и деревни и проходит через два этапа.

Первый этап — переселение крестьян в новые современные жилые строения (обычно в два-три этажа уплотненной застройки в поселках городского типа или поселениях центральной деревни); за этим следуют снос прежнего жилья, выравнивание территории бывшей деревни, землеустроительные работы, рекультивация земли и превращение ее в пашню (но качество этой новой пашни зачастую не отвечает критериям продуктивности "*основных сельскохозяйственных полей*").

Второй этап: вновь приращенная пашня идет на возмещение сельскохозяйственной земли, предназначенной после реквизиции для строительства нового жилья или другого городского строительства. Далее начинается новый раунд реквизиции с компенсацией пашни (путем обмена квот) и нового жилищного строительства.

Правительство в лице Министерства государственных земельных ресурсов КНР готовит, утверждает и спускает вниз ежегодный общенациональный план использования земли под городское строительство (включая нормы реквизиции сельскохозяйственной земли) для каждой провинции. Наряду с этим, с 2004—2005 гг. министерство стало в порядке эксперимента передавать отдельным провинциям еще и дополнительные плановые квоты реквизиции земли с компенсацией пашни в рамках политики "увязки". В 2005—2006 гг. эксперимент охватывал город Тяньцзинь, провинции Чжэцзян, Цзянсу, Аньхой, Шаньдун, а в 2008 г. — уже 24 провинции (согласно этим планам, в 2006 г. Тяньцзиню выделили 9 районов для реквизиции пашни с квотой на возмещение в размере 828 га, пров. Цзянсу — 75 районов с квотой на 1008 га, пров. Шаньдун — 66 районов с квотой на 17 828 га, пров. Хубэй — 16 районов с квотой на 563 га, Сычуани — 17 районов с квотой на 797 га, всего на 4924 га)³⁸. Провинции спускают планы ниже — в уезды и поселки. Каждый утвержденный для эксперимента район уездные и поселковые власти делят на две части: "участок старой деревни" и "участок нового строительства", далее идет наработка квот и обмен ими и новый раунд реквизиции пашни под новое строительство.

К работе подключают комитет жителей деревни, который с местными ганьбу, обеспечивает наиболее сложную часть работы — объявляет крестьянам о реквизиции земли на основе плана из центра, организует подписание соглашений крестьян с властями "об обмене земли под прежним домом на новое жилье". Он же утверждает порядок распределения жилья и организует выселение, переселение и вселение крестьян в новое жилье³⁹.

Для организации политики "*увязки*" местные власти создают свои фондовые компании, которые мобилизуют средства и финансируют все работы. Средства обеспечиваются за счет все тех же "*земельных финансов*". В процессе "*зачета квот*" местным властям, как правило, удастся выделить часть новой пашни на нужды "*земельных финансов*". Важно лишь одно: чтобы в итоге размер пашни в районе оставался сбалансированным за счет изменения соотношения между количеством земли для строительных целей в городе (доля растет) и в деревне (доля сокращается).

Инструкция определяет порядок «обмена квот» или «увязки» на основе принципа «учета всего количества земли в целом, закрытого функционирования, периодического контроля, своевременного возмещения». Весь процесс должен занимать не более 3-х лет. Единицей осуществления политики «увязки» избрана территория, как правило, внутри уезда, волости или поселка. «Участок нового строительства» и «участок старой деревни» должны находиться внутри одного города, уезда — без права выхода за пределы уезда.

Эксперимент по «увязке» предполагает «закрытый характер действий», т.е. ограниченные масштабы реквизиции в рамках плана. Но в условиях острого дефицита земельных ресурсов и финансовых средств практика «увязки квот» и компенсации пашни быстро получила широкое распространение. По признанию китайских ученых, при ее реализации Министерство государственных резервов земли подчас «было не в состоянии строго контролировать действия мест»⁴⁰. Из восточных прибрежных провинций эксперимент с «увязкой квот» «как искры пожара», распространился на центральный и западный регионы. Фактически речь идет о расширении масштабов урбанизации до деревни, т.е. процесс принимает характер сельской, поселковой урбанизации.

Госсовет КНР за короткий срок издал ряд установлений, запрещающих произвольное расширение рамок этой политики и превышение квот компенсации, но остановить этот процесс сложно. По оценке китайских ученых, политика реквизиции затрагивала по состоянию на 2006 г от 10 до 20% сельской земли в КНР.⁴¹, причем, как правило, это были лучшие сельскохозяйственные земли, преимущественно «основные поля», расположенные на равнинах в пригородах. По данным 2011 г., «на просторах всей страны поднялась волна разрушений жилья крестьян и слияния их деревень. Это невиданное явление в истории Китая» (из статьи упомянутого ученого-аграрника Чэнь Ивэня)⁴².

Местные власти путем такого «упорядочения земли» в деревне смогли за последние 2–3 гг. не только удержать «красную черту» размеров пахотного клина страны (120 млн га), но и обеспечить необходимые потребности в земле на городское строительство, а также выгадать часть земли для пополнения «земельного капитала». Именно этим последним обстоятельством, по мнению китайских ученых, объясняется чрезмерная активность местных властей в строительстве новых жилых поселений для крестьян (впреки тому, что приоритетом Программы строительства новой деревни названы модернизация земледелия и смена модели развития, т.е. переход к современному сельскому хозяйству).

Основной эффект при обмене «квот» для компенсации пашни достигается через экономию на нормативах при строительстве: за счет уплотненной перепланировки жилья для крестьян путем урезания норм отвода земли под жилье. Т.е. на новую деревню переносят городские нормативы жилищного строительства, которые, естественно, меньше сельских. В результате, на строительстве новой деревни в 300 домов можно по новым нормам сэкономить до 1/3 земли⁴³. Это наблюдается всюду, где есть условия и возможности такого строительства. В условиях новой политики «увязки» такая «экономия» в погоне за сверхприбылью принимает подчас крайние формы, когда у крестьян не остается клочка земли под грядки или садик, не говоря уже о месте для хранения сельхозорудий, для содержания домашней птицы или скота. Экономия идет, как правило, даже не на десятки процентов, а в разы. Вот несколько примеров:

– в провинции Хайнань, согласно новым нормам отвода земли под жилые строения в деревне, размер участка под жильем из расчета на одну семью не должен превышать 175 кв. м; в результате строительство новой деревни в одном из пригородов позволяет сэкономить почти 815 тыс га, а «земельный резерв» при этом возрос втрое⁴⁴.

– в провинции Хэбэй в 2010 г. объявили план: за 3 года «преобразовать» 7500 деревень, чтобы увеличить площадь земли для строительных целей на 33 тыс. га⁴⁵.

– в уезде Циншуй, пров. Шаньдун при «вторичном освоении» 262 объектов было рекультивировано 501 га земли, прирост пашни составил 455,9 га, прирост земли для строительства новых поселений крестьян — 9,5 га, сэкономлено 446 га; при этом снесено, переселено и «преобразовано» 10 200 дворов, разрушено 800 тыс. кв. м жилья, построено 250 тыс. кв.м нового жилья, размещено 4500 дворов (семей)⁴⁶.

Т.е., на одну семью (двор) в Циншуйе пришлось по 55,5 кв. м жилой площади, а после распределения земельного ресурса на плановые цели, еще осталось 35,6 га, которые, вероятно, пополнили *"земельные финансы"* для бюджета уездного правительства. Отсюда видно, сколь ограничены возможности сбережения пашни и сколь велики разрушения в деревне ради изъятия земли. По подсчетам ученых, ежедневно в стране таким образом исчезает до 70 деревень⁴⁷. *«В мирное время столь большие масштабы разрушения и переселения, как в китайской деревне, являются невиданными в истории любой страны»* — так оценил политику «увязки» один зарубежный ученый в беседе с Чэнь Ивэнем⁴⁸.

Ускоренная реквизиция земли (особенно, в ее новом варианте) непосредственно затрагивает правовую сторону имущества крестьянского двора — *земли под жильем и самого жилого дома*. Земля под жилыми строениями обычно включает в себя приусадебный участок семьи. До создания первичных кооперативов (начало 1950-х гг.) земля под жилым домом и само жилье были частной собственностью крестьян. На начальном этапе народных коммун земля под жильем и само жилье оставались в собственности крестьян; лишь в 1962 г. земля под жильем названа собственностью производственной бригады, а позднее — собственностью коллективной хозяйственной организации. Однако по сей день крестьяне считают землю под жилыми строениями своей собственностью. И хотя формально под приусадебный участок отводится только три десятых всего участка, он обычно достигает одного му (1/15 га)⁴⁹. Отъем земли под жилыми строениями в деревне фактически лишает крестьян дополнительного источника существования (за счет огорода), а в пригородных районах — важного источника доходов от сдачи жилья.

Последние акты по земельному законодательству лишь подтверждают, что крестьяне располагают только правом пользования коллективной землей под своими жилыми строениями, которое не может быть введено в рыночный оборот или сдано под залог. Имея право собственности на жилое строение, крестьянин вправе сдать его в аренду или продать, но только членам своей коллективной организации или деревни (при этом теряя право получения нового участка под жилое строительство). Однако, как показывает практика, ни один банк не желает принимать в залог жилой дом крестьянина без права на залог земельного участка под ним. Иначе говоря, крестьянину практически невозможно реализовать ни право собственности на главное свое имущество — дом, ни право пользования землей под ним. Крестьяне, уехавшие в поисках работы, прибывают в город без средств для покупки или аренды жилья, оставив свое имущество в деревне нереализованным.

В процессе «урегулирования» сельской земли на строительные цели отсутствует возможность адекватного правового решения проблемы земли под жильем и имущественного права крестьян. Земельное законодательство на этот счет нечетко и неполно. Китайские ученые видят выход в реформировании системы реквизиции земли, в совершенствовании и либерализации имущественного права крестьян на землю. Но оно может быть реализовано лишь при наличии открытого рынка земли под жилыми строениями.

За дом, разрушенный в ходе *"упорядочения"* земли, семье крестьянина дают жилье в новостройке городского типа. Размеры его неодинаковы в разных районах: под Пекином переселенным крестьянам обеспечивается 180 кв. м. на семью (двор), в пров. Хайнань — 175 кв. м., а в упомянутом уезде Циншуй — лишь 55,5 кв. м.

Новое жилье имеет все основные удобства, и его строительство местные власти называют проектами *"Спокойная жизнь"*. Но кроме четырех стен нового жилья городского типа у крестьянина не остается ничего. Его семейное хозяйство исчезло. К тому же

для большинства крестьян возникла проблема непосильных коммунальных расходов в новых современных жилищных условиях из-за резко возросшей себестоимости городских коммунальных услуг. Отношение крестьян к новому жилью таково: *"Мы согласны, но не удовлетворены"* — за 5 лет работы не набрать денег на оплату нового жилья⁵⁰. Хотя с крестьянами «подписывают соглашение», по которому они согласны на *"обмен своего дома и права пользования землей под домом за новое жилье"*⁵¹, однако многие новые жилые строения остаются пустыми, крестьяне вынуждены уходить в город в поисках заработка. Судя по китайским источникам, решение о переселении принимается в соответствии с планом использования земли, спускаемым свыше, т.е. фактически является обязательным и осуществляется, как правило, в административном порядке. В районах, где прошла новая форма реквизиции, за крестьянином, несомненно, сохраняется право хозяйствования на коллективной земле на основе подряда, хотя теперь ему предстоит работать дальше от дома на новом поле.

Фактически, идет ускоренный процесс *раскрестьянивания*, разрушения всего сельского уклада жизни крестьян без изменения способа производства. Как подчеркивает Чэнь Ивэнь: *"Земля для китайской деревни — это не только самый важный производственный фактор, но все еще стержень системы экономики и общественной организации. При реформировании земельной системы в деревне надо учитывать не только повышение эффективности использования факторов, но и основную стабильность структуры социальной организации на селе. Это — неперемное условие продвижения модернизации Китая"*⁵². Ученый-аграрник У Цзисюэ считает: *"После того как огромные массы крестьян искусственно переведены из рассредоточенного к централизованному образу жизни, — особенно поселение их по этажам, — социальной организации и культурным традициям китайской деревни трудно избежать угрозы исчезновения"*⁵³.

Если смотреть на политику «увязки» по результатам поставленной цели, то эта политика оказалась эффективной, — рассуждает Лю Шоунин, *"однако, если Министерство государственных земельных ресурсов замысливало ее для выполнения задачи «двух обеспечений» — пашни и развития, то местные власти тонко использовали эту политику для продвижения урбанизации, уничтожающей деревню"*⁵⁴.

Политика реквизиции земли в нарушение имущественных прав крестьян вызвала серьезное сопротивление селян. Резко возросло количество крестьянских жалоб в суды по земельному вопросу. В 2010 г. китайское общество столкнулось с серией протестных выступлений, вызванных массовым разрушением жилья, сносом деревень, принудительным переселением. Масштабы протестов нарастают. Если прежде они имели место, в основном, в восточных прибрежных провинциях, то в последнее время распространились на многие районы центрального и западного регионов, вдали от города; при этом в ряде случаев имели место такие крайние драматические формы протеста, как самоубийство⁵⁵. Новым моментом выступлений крестьян становится участие их родственников, приезжающих для поддержки из города (торговцы, деятели культуры и даже чиновники); протесты крестьян получили широкий резонанс в городе благодаря интернету. Земельная проблема стала одной из главных *"горячих точек социального кризиса Китая"*⁵⁶, подчеркивает руководитель центра социальных проблем Института развития деревни АОН Китая Ю Цзяньжуи. *"Массовые протесты нарастают... Становятся гласными драматические события, вызванные насильственным разрушением деревень и переселением крестьян... Протестные выступления крестьян, слившись в 2010 г., с забастовками и выступлениями рабочих-мигрантов на предприятиях городов восточного побережья, с выступлениями горожан в ряде провинций "в защиту справедливости", фактически означают, что Китай вступил в более сложный этап социального напряжения"*⁵⁷. Указывая, что сегодня в Китае стабильность носит "жесткий характер" (т.е., поддерживается посредством административного давления), этот эксперт считает необ-

ходимым последовательно вести системные и социальные реформы, чтобы перейти к "мягкой стабильности"⁵⁸.

Процесс капитализации земли в ходе урбанизации порождает серьезные противоречия не только между местной властью и крестьянами, но также между центром и местами. Центр должен думать, как обеспечить продовольственную безопасность населения всей страны, как сохранить внукам пашню, этот важнейший и крайне ограниченный и невозполнимый ресурс. Местные же власти, в первую очередь, стремятся к выполнению плана, в числе их главных задач — рост ВВП, рост финансово-налоговых поступлений и привлечение инвестиций. Они должны стимулировать рост экономики, иначе не решить проблему занятости, не обеспечить общественные услуги населению и социальную сферу в своем районе, наконец, не добиться успеха (т.е. признания своих заслуг). Поэтому местные чиновники активно изыскивают любые источники получения финансовых средств, применяя все возможные меры, обходные пути. *"Это — один из узлов трудного согласования соотношения интересов между центром и местными правительствами в земельном вопросе в деревне"*⁵⁹.

По нашему мнению, правильнее было бы говорить не о противоречиях центра и мест в данной сфере (хотя они, безусловно, есть, ибо места выполняют указания центра), а о том, что проводимая центром политика реквизиции земли вошла в определенной мере в противоречие с коренными интересами крестьянства, общества, что вынуждено признать и руководство. Но можно сказать и по-другому: хотя эта политика серьезно затрагивает экономические интересы крестьянства и деревни, эту высокую цену приходится платить за ускорение трансформации традиционного общества в современное.

Перспективы интеграции города и деревни и решения аграрной проблемы КНР

Говоря о глубинных причинах описанного выше обострения земельной проблемы в китайской деревне за два десятилетия, китайские ученые обращают внимание на следующее: все долгосрочные программы развития китайской деревни, как и страны в целом, сталкиваются с одной и той же проблемой: «где взять средства?». По мнению Чжан Сяошаня, коренная причина создавшегося в деревне положения: *«отклонения в распределении национального дохода страны, не получившие до сих пор кардинального решения»*. Право распределения финансов принадлежит верхам, а реализация государственных планов — низам. На базовом уровне оба эти права не стыкуются, места должны делать массу дел, а денег нет⁶⁰ (по китайским данным, на местные правительства (волостей и уездов) приходилось около 70% финансового «бремени» расходов по выполнению государственных планов, тогда как их финансовые доходы составляли 20,7% всех финансовых доходов государства. Снимая большую часть ответственности с местных властей за проведение политики усиленной реквизиции земли в деревне, ученый вменяет им в вину злоупотребление своим положением и практически полное исключение крестьян из процесса распределения прибыли от «введения в оборот» их земли. Крестьяне практически ничего не получают от этой прибыли. И, вероятнее всего, не получают. Правительство, как бы обращаясь к крестьянам, рассуждает так: *"Мы уже выдали вам возмещение. Вы уже въехали в новые дома фактически бесплатно. Этот чистый прирост дохода от земли к вам уже не имеет никакого отношения"*. А он, этот доход, велик. И его при справедливом распределении хватило бы и деревне, и сельскому хозяйству, считает ученый.

Иначе говоря, специфика в распределении национального дохода в Китае состоит в остром дефиците финансовых ресурсов на местах из-за недополучения необходимых средств из центрального бюджета, положенных на выполнение государственных планов. Эта "специфика", по большому счету, является неотъемлемой частью двухоснов-

ной структуры экономики и общества, ставящей деревню и город в неравное положение. Но в более резкой форме она проявилась со времени финансово-налоговой реформы 1994 г., в результате которой произошло серьезное перераспределение налоговых потоков в пользу центра. Дефицит финансовых средств на местах был далее усугублен отменой в 2006 г. сельскохозяйственного налога и многочисленных выплат с крестьян, которые оставались последним источником средств на местах. Но выход местными органами был скоро найден: новым источником средств стала капитализация сельскохозяйственных, а потом и остальных земель в деревне, по сей день позволяющая обеспечивать низкую себестоимость урбанизации и индустриализации и развивать экономику на местах.

Говоря о перспективах стратегии интеграции города и деревни в условиях ускоренной урбанизации и индустриализации, китайские ученые связывают их с необходимостью глубоких системных реформ — прежде всего, земельной системы и системы прописки, способных обеспечить законное имущественное право крестьян на землю и, соответственно, изменить ситуацию с распределением ресурсов и доходов от земли с учетом интересов крестьян и задач модернизации сельского хозяйства.

Насколько реальны такие глубокие системные реформы в нынешних условиях? Ответ наш таков: ровно настолько, насколько они совместимы с ускоренными темпами урбанизации. А темпы останутся высокими. Поскольку и сегодня вопрос "где взять ресурсы и средства на урбанизацию" (как и на все другие общенациональные программы модернизации) стоит достаточно остро, то ожидать глубоких системных реформ трудно.

Китайским ученым и, несомненно, руководству хорошо известны основные проблемы земельной системы в деревне: фиктивный характер субъекта имущественного права на землю, нечеткость правовых отношений, несовершенство системы обращения земли, отсутствие эффективной системной защиты прав крестьян на землю и пр.⁶¹. Попытки инноваций в реформировании земельной системы, имущественного права крестьян на землю идут давно, но прогресса пока нет. Ибо, с одной стороны, землю с низкой себестоимостью использования нужно применить для ускоренной индустриализации и урбанизации; с другой стороны — следует предотвращать трудно признаваемые социальные противоречия, возникшие из-за произвольной узурпации права крестьян на землю"⁶². При этом налицо серьезные теоретические и правовые трудности в продвижении реформы земельной системы.

Основную теоретическую трудность представляет собой, как мы могли убедиться выше, ограниченность имущественного права крестьян на землю при переходе китайской деревни к системе семейного подряда. Руководство КНР, большинство ученых усматривают в коллективной собственности на землю в деревне единственно приемлемый вариант и важную социальную гарантию крестьянам в конкретных социально-экономических условиях китайской деревни (таких как низкий уровень развития производительных сил, низкие доходы крестьян и пр.) *при переходе к рыночной системе*. Иначе говоря, сохранение коллективной собственности на землю продиктовано желанием «не допустить, чтобы игра рыночных сил повлекла противоречия в распределении ресурсов, нарушение принципа социальной справедливости» (т.е., воспрепятствовать концентрации земли в руках меньшинства, обезземеливанию и люмпенизации значительной части крестьянства, обострению социальной напряженности, дестабилизации общества и, в конечном счете, утрате перспектив решения проблем продовольственной безопасности страны).

Реформирование земельной системы при переходе к семейному подряду не могло переступить барьера коллективной собственности. Чтобы поднять экономическую эффективность использования земли, здесь предпочли разделить содержание имущественного права (право собственности на коллективную землю было передано коллективной хозяйственной организации, а права *пользования* землей получения доходов, размещения ресурсов передали крестьянам). Но такое ограниченное имущественное право крестьян на землю

оказалось чревато системными сложностями, сдерживающими реформирование земельной системы в деревне. Суть правовых трудностей — в серьезном отставании обновления земельного законодательства от практики реформы земельных отношений.⁶³

Решение этого противоречия может идти лишь путем постоянного болезненного урегулирования соотношения интересов разных сторон. По мнению Чжан Сяошаня, *"в течение ближайших 20–30 лет формы и практика распределения земельного капитала в китайской деревне в очень большой степени будут так или иначе определять перспективы согласованного развития города и деревни"*⁶⁴. Этот процесс реструктуризации ресурсов тесно связан с урегулированием и перераспределением экономических интересов между разными секторами, сферами, группами и слоями общества, что неизбежно вызывает напряжение и сопротивление отдельных групп интересов. Поэтому, единственное и главное, что остается делать в этом процессе — это "защитить право собственности на землю коллектива территориальной общины деревни, вещное право крестьян на прибыль от земли, находящейся в коллективной собственности", и таким образом добиться здорового развития экономики и социальной сферы города и деревни. Другими словами, предстоящие реформы (особенно, касающиеся системы реквизиции земли, земельной системы) могут носить лишь компромиссный характер, идя на определенное дозированное послабление в пользу деревни: достаточное, чтобы снять социальное напряжение и обрести стабильность, столь необходимую в условиях исторического перехода от традиционного к современному обществу. Но никакие реформы не отменят существующую практику получения *"земельных финансов"* (официально именуемую как *"ведение земли в оборот"*), приносящую огромные доходы, и политику увязки реквизиции пашни с ее компенсацией, ибо других путей получения земельных и финансовых ресурсов для урбанизации и всех программ модернизации деревни и городского строительства, как главной составной части урбанизации, не существует. Такова реальность.

Это нашло подтверждение в отчетном докладе премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао на 5-й сессии ВСНП 11-го созыва (март 2012 г.), где, в частности сказано: *"всемерно продвигать освоение и упорядочение земли в деревне, а конкретно — создавать в крупных масштабах высококлассную пашню, дающую урожаи и в засуху, и при наводнениях, ускорять создание в стране новых зернопроизводящих мощностей в размере 50 млн тонн"*⁶⁵. В докладе также указано, что *"доходы от передачи права на землепользование" следует перенаправить, главным образом, на освоение сельхозугодий, ирригацию и инфраструктуру деревни, при обеспечении ее получения в полном объеме и использования по назначению"*⁶⁶. При этом подтверждено законное право крестьян на распределение коллективных доходов", как часть имущественного права (наряду с правом на подрядное возделывание земли и правом пользования земельным участком под жилым строением)⁶⁷. Поставлена задача уже в 2012 г. углубить земельную реформу и, соответственно, реформу системы реквизиции земли. Выдвинуто требование разработать и обнародовать *"Положение о компенсации за реквизицию коллективной земли в деревне"*.

Чуть раньше, на всекитайском совещании по сельскому хозяйству (конец декабря 2011 г.) Вэнь Цзябао сделал важное заявление: *"Строительство деревни должно сохранять особенности деревни, благоприятные для производства и жизни крестьян, обеспечить сад-огород и природу и хорошую окружающую среду, недопустимо переносить жилой микрорайон поселка городского типа к деревне, заставляя крестьян селиться в городских квартирах. Надо длительное время тянуть до деревни ключевые звенья государственного капитального строительства"*⁶⁸. В отчетном докладе эта мысль повторяется в теоретическом ключе: *"Следует подчеркнуть, что урбанизация не может заменить строительство новой деревни, и не должна уничтожать деревню. Нельзя методы городского строительства так просто в комплексе использовать при строительстве деревни..."*⁶⁹.

В принципе реформа системы реквизиции должна решить ряд наиболее вопиющих противоречий, не отменяя суть самой реквизиции, а лишь введя этот процесс в более цивилизованные, «правовые» рамки. Именно так ставился вопрос в решения 3-го пленума ЦК КПК 17-го созыва (2008 г.) по ускорению реформы системы реквизиции земли, обеспечению имущественного права крестьян⁷⁰:

1) ускорить создание механизма, позволяющего крестьянам в большей мере получать на законном основании доходы от приращения стоимости земли при смене ее назначения;

2) отделить понятие "*общественного характера*" использования земли для строительных целей — от "*коммерческого*";

3) последовательно сокращать рамки реквизиции, совершенствовать механизм возмещения;

4) при законной реквизиции исходить из принципа "*за одинаковую землю — одинаковую цену*";

5) своевременно выплачивать разумное возмещение коллективной хозяйственной организации и крестьянам;

6) по-настоящему решать проблемы крестьян, у которых реквизировали землю, — в плане занятости, жилья, социального страхования.

Все это дает основание рассчитывать на преодоление ныне существующих перегибов в практике урбанизации и строительства новой деревни, на обеспечение большей защиты имущественных прав и интересов крестьян.

Но земельная проблема, будучи ключевой, — не единственная из обострившихся в ходе урбанизации, ее обратной стороной является т.н. "*проблема прописки*", т.е. устройства в городе более 200 млн рабочих-мигрантов из деревни, а фактически проблема урбанизации населения, субъектом которой они являются. Эта сложнейшая и крайне острая проблема, несомненно, требует отдельного исследования. Без ее решения сложно говорить об успешном продвижении урбанизации, стратегии согласованного развития и интеграции города и деревни, как и о достижении состояния гармоничного общества и уровня "*сяокан*".

Китайская деревня, аграрная сфера, крестьянство, несомненно, переживают крайне сложный и решающий период своей судьбы. Они сегодня — в эпицентре острого трансформационного кризиса, связанного с процессом исторического перехода от традиционного к современному типу общества, с процессом смены модели экономического и социального развития. Процессы эти идут в крайне сжатом, ускоренном темпе, когда порождаемые трансформацией проблемы и противоречия сгруппировались на коротком промежутке времени в несколько десятилетий (в других странах на это ушли столетия). Как в годы первых пятилеток китайская деревня служила главным источником мобилизации ресурсов для индустриализации страны, так и сегодня она снова играет аналогичную роль в экономическом возвышении Китая, обеспечивая модернизацию страны дешевой рабочей силой и дешевой землей, накоплениями и продовольствием. Китайское крестьянство в прямом и переносном смыслах оказалось одновременно и «под колесами истории» и творцом истории.

Власти начали строить новую китайскую деревню с изменения образа жизни крестьян. Чтобы деревня сохранилась и поднималась, надо еще сменить и способ производства. Согласно программам экономического и социального развития деревни, которые реализуются и могут дать ощутимые результаты уже к 2020 г. (модернизация сельского хозяйства, строительство новой деревни, интеграция города и деревни), переход к новому способу производства должен идти полным ходом. В Китае привыкли выполнять намеченные планы. Ближайшее десятилетие покажет, осуществим ли такой «прорыв».

1. Чжунго чжунчанци фачжань ды чжунъяо вэньти, 2006–2020 [Основные проблемы среднесрочного и долгосрочного развития Китая, 2006–2020]. Пекин, 2005. С. 192–213.
2. Подробно см.: Аграрная проблема Китая. М., 2009. С. 13–35.
3. http://rdi.cass.cn/show_News.asp?id.29105.
4. Чжунго нунцунь цзинци Люйпишу 2010–2012. С. 49.
5. См. Например: Hu Angang. China and the World By 2030. (2012.03. 23. Moscow).
6. Нунъе цзинци вэньти. 2010. № 11. С. 4.
7. Чжунго гайгэбао. 2010. № 6. С. 9.
8. По оценке Ху Аньгана, уровень урбанизации в 2010 г. составил 49,7%, (в 2020 г.- достигнет 60%, в 2030 г. — 70%). China and the World By 2030.
9. http://rdi.cass.cn/show_News.asp?id.32234.
10. Чжунго гайгэ. 2010. № 6. С. 11.
11. Там же.
12. Там же. С. 12.
13. http://rdi.cass.cn/show_News.asp?id.31120.
14. Чжунго нунцунь яньцзю баогао. 2004. Пекин, 2005. С. 381.
15. Чжунго нунцунь чжэнцэ баогао тяоча [Доклад-обследование аграрной политики Китая]. Шанхай, 2008. С. 196–197.
16. Чжунго нунцунь яньцзю баогао. 2004. С. 232.
17. http://rdi.cass.cn/show_News.asp?id.26608.
18. Чжунго гайгэ. 2010. № 11. С. 64.
19. Цзинци тичжи гайгэ. 2010. № 2. С. 106.
20. Чжуансин чжунды нунцунь фачжань [Развитие деревни в ходе смены модели развития]. Пекин, 2009. С. 34.
21. Саньнун Чжунго. 2011. № 15. С. 1.
22. Цзинци цзунхэн. 2008. № 1. С. 60.
23. Чжунго нунцунь яньцзю баогао. 2004. С. 381.
24. Саньнун Чжунго. 2011. № 14. С. 35.
25. http://rdi.cass.cn/show_News.asp?id.31230.
26. Чжунго гайгэ. 2005. № 7. С. 25.
27. Там же.
28. Чжунго нунцунь чжэнцэ баогао тяоча... С. 194, 224.
29. Цзинци тичжи гайгэ. 2010. № 4. С. 91.
30. Там же.
31. Чжунго нунцунь гайгэ юй фачжань гайлунь [Реформа в китайской деревне и концепция развития] / Гл. ред Чжан Сяошань. Пекин, 2010. С. 55.
32. http://rdi.cass.cn/show_News.asp?id.26274.
33. Нунъе цзинци вэньти. 2011. № 4. С. 5.
34. Чжунго гайгэ. 2011. № 6. С. 83.
35. Там же.
36. Чжунго гайгэ. 2011. № 6. С. 82–83.
37. Нунъе цзинци яньцзю. 2011. № 1. С. 17.
38. Чжунго гайгэ. 2011. № 6. С. 85.
39. Там же.
40. Там же.
41. Чжунго нунцунь чжэнцэ баогао тяоча... С. 173.
42. Саньнун Чжунго. 2011. № 15. С. 9.
43. Чжунго нунцунь чжэнцэ баогао тяоча... С. 231.
44. http://rdi.cass.cn/show_News.asp?id.29275.
45. Чжунго гайгэ. 2011. № 6. С. 85.
46. Там же.
47. Цюаньцюхуа юй синь нунцунь цзяньшэ [Глобализация и строительство новой деревни]. Пекин, 2007. С. 21.
48. Саньнун Чжунго. 2011. № 15. С. 9.
49. Чжунго нунцунь чжэнцэ баогао тяоча... С. 232.
50. Саньнун Чжунго. 2011. № 15. С. 10.

51. Чжунго гайгэ. 2011. № 6. С. 84.
52. http://rdi.cass.cn/show_News.asp?id.31224.
53. Саньнун Чжунго. 2011. № 15. С. 35.
54. Чжунго гайгэ. 2011. № 6. С. 85.
55. Там же. 2011. № 1. С. 140.
56. Там же.
57. Там же. 141.
58. Там же.
59. http://rdi.cass.cn/show_News.asp?id.31120.
60. http://rdi.cass.cn/show_News.asp?id.31997.
61. Чжунго нунцунь цзинцзи. 2011. № 4. С. 6.
62. Там же.
63. Многочисленные правовые ограничения зачастую расцениваются в Китае как главный сдерживающий фактор продвижения реформ (См: Чжунго нунцунь цзинцзи. 2011. №4. С. 6-7).
64. http://rdi.cass.cn/show_News.asp?id.31120.
65. http://gov.cn/zwjk/20122-03/27/content_2100951.htm.
66. Там же.
67. Там же.
68. Нунминь жибао. 2012. 17 янв.
69. Там же.
70. Жэньминь жибао. 2008. 20 окт.

Государство и общество

Особенности развития урбанизации и системы расселения в Республике Корея во второй половине XX — начале XXI вв.

© 2012

П. Эм

В статье рассмотрены особенности развития урбанизации в Республике Корея и ее влияние на развитие системы городского расселения страны во второй половине XX — начале XXI вв. Также изучена роль урбанизации в активизации маятниковой миграции и усугублении степени диспропорции размещения населения.

Ключевые слова: урбанизация, агломерация, маятниковая миграция, иерархия городов, система городского расселения, изостатическое равновесие.

1. Процессы урбанизации в РК. РК достигла уникальных показателей экономического роста. Еще 35 лет назад уровень ВВП на душу населения страны был сравним с уровнем беднейших стран Азии и Африки, а сегодня он сопоставим с аналогичными показателями малых европейских стран с развитой экономикой и составляет около 30 тыс. американских долларов¹.

Прогрессивная модернизация южнокорейской экономики сопровождалась быстрым ростом урбанизации. Если на урбанистический переход от 40 до 75% США понадобилось 105 лет (1890–1995 гг.), то РК — всего 20 лет (1970–1990 гг.)². Урбанизация является многогранным и многокомпонентным процессом, в структуре которого выделяется количественная и качественная составляющие.

В настоящей работе будет рассмотрена исключительно количественная сторона процесса, выражающаяся в увеличении численности и доли городского населения. Качественные аспекты урбанизации останутся за рамками анализа. Это обстоятельство ограничит полноту исследования, однако поможет выявить главные тенденции ее развития³.

Фактической базой исследования послужили данные, опубликованные на веб-ресурсах Корейской национальной статистической службы, в Корейских статистических ежегодниках и в отчетах по переписям населения за разные годы, а также в Отчете по мировой урбанистической перспективе за 2009 г.⁴

Как свидетельствует статистика⁵, устойчивый рост доли городского населения в РК, сопровождавшийся одновременным увеличением темпов ее роста, наблюдается с

1950 г. и продолжается по настоящее время. Следует отметить, что в период с 1975 по 1980 гг. доля городского населения в южной части Корейского полуострова превысила порог в 50%, совершив так называемый *урбанистический переход* (рис. 3). Этот момент часто трактуется специалистами как переход страны в разряд «городских».

Анализ динамики темпов роста доли городского населения РК в исследуемый период позволяет выделить этапы, отличающиеся по интенсивности урбанизации (рис. 1). На *первом этапе* (1950–1970 гг.) миграция населения из села в город стимулировала *ускоренный рост урбанизированности*. На рис. 1 видно, что темпы роста крупногородского населения на порядок больше, чем просто городского. Значит, основной рост городского населения происходил за счет роста крупных городов.

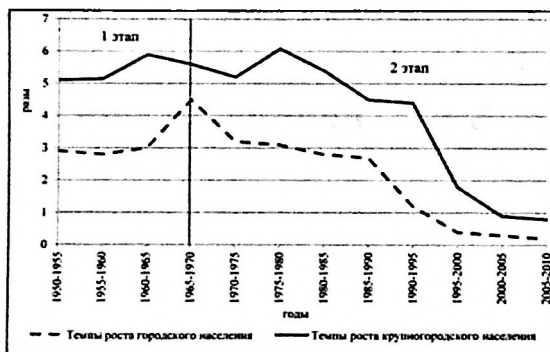

Рис. 1. Темпы роста городского и крупногородского населения в РК (составлено по расчетным данным)

Для *второго этапа* (1991–2010 гг.) характерен *относительно замедленный рост уровня урбанизации* из-за постепенного устранения провинциальной неравномерности в распределении инвестиций, а также интенсивного проведения городской политики. В результате в стране начался процесс частичной децентрализации городской системы и промышленной деконцентрации за счет перемещения производств из ядер агломераций в пригороды и города-спутники, а затем — дальше по всей стране. Темпы роста крупногородского населения, по-прежнему, были больше городских, но и они в конце изучаемого периода имели тенденцию к снижению.

В РК выделяются 5 экономических регионов: *Столичный* — Судогвон (провинция Кёнгидо, г. Сеул, г. Инчхон с 1981 г.), *Северо-Западный* — Квандон (провинция Канвондо), *Центральный* — Хосо (провинции Северный и Южный Чхунчхон, г. Тэджон с 1989 г.), *Юго-Восточный* — Ённам (провинции Северный и Южный Кёнсан, г. Пусан, г. Тэгу с 1981 г., г. Ульсан с 1997 г.), *Юго-Западный* — Хонам (провинции Северная и Южная Чолла, Чеджудо, г. Кванджу с 1986 г.) (рис. 2). Для описания пространственных различий в урбанизации страны проведем типологию ее регионов. Предлагается выделить следующие периоды урбанистического перехода регионов: 1) до 1965 г.; 2) 1975–1985 гг.; 3) 1986–1995 гг. Каждому из периодов поставлен в соответствие определенный урбанизационный тип, который можно охарактеризовать через диапазоны общих стартовых (на 1975 г.) значений доли городского населения и темпов ее прироста, вычисленных как отношение конечного значения (на 2010 г.) к начальному.

Анализ проведенной типологии показывает, что основным фактором урбанизации в РК было промышленное развитие. Более индустриализованные регионы характеризуются более высокой долей и темпами роста урбанизации. К первому типу относится старопромышленный регион Судогвон, характеризующийся изначально высокой урбанизированностью и относительно низкими темпами ее роста (темп рост городского населения 1,5 раза) (рис. 2). Ённам принадлежит ко второму типу. Доля городского насе-

ления в 1970 г. в нем была заметно ниже, чем в регионе первого типа, но благодаря более высоким темпам роста (2,7 раза), он постепенно догоняет уровень Судогвона. Третий тип представлен тремя регионами: Центральным, Северо-Восточным и Юго-Западным (рис. 2). Доля городского населения в регионах Квандон и Хонам к 2005 г. увеличилась примерно в 4 раза. Начальная урбанизированность региона Хосо в 1975 г. составляла только 10,5%, но благодаря интенсивному развитию, темпы роста составили примерно 7,8 раз. В 2010 г. из регионов третьего типа, только Хосо с 81,8% городского населения удалось превзойти общестрановой показатель (80,8%). Остальные же сохранили догоняющую роль.

В 2010 г. между коэффициентами урбанизации регионов первого и третьего типа сохранилась значительная разница. Значит, выравнивание значений урбанизированности регионов РК в рассмотренный период не произошло. Основная причина — развитие форм крупногородского расселения, ставших главными «магнитами» для близлежащих трудовых ресурсов.

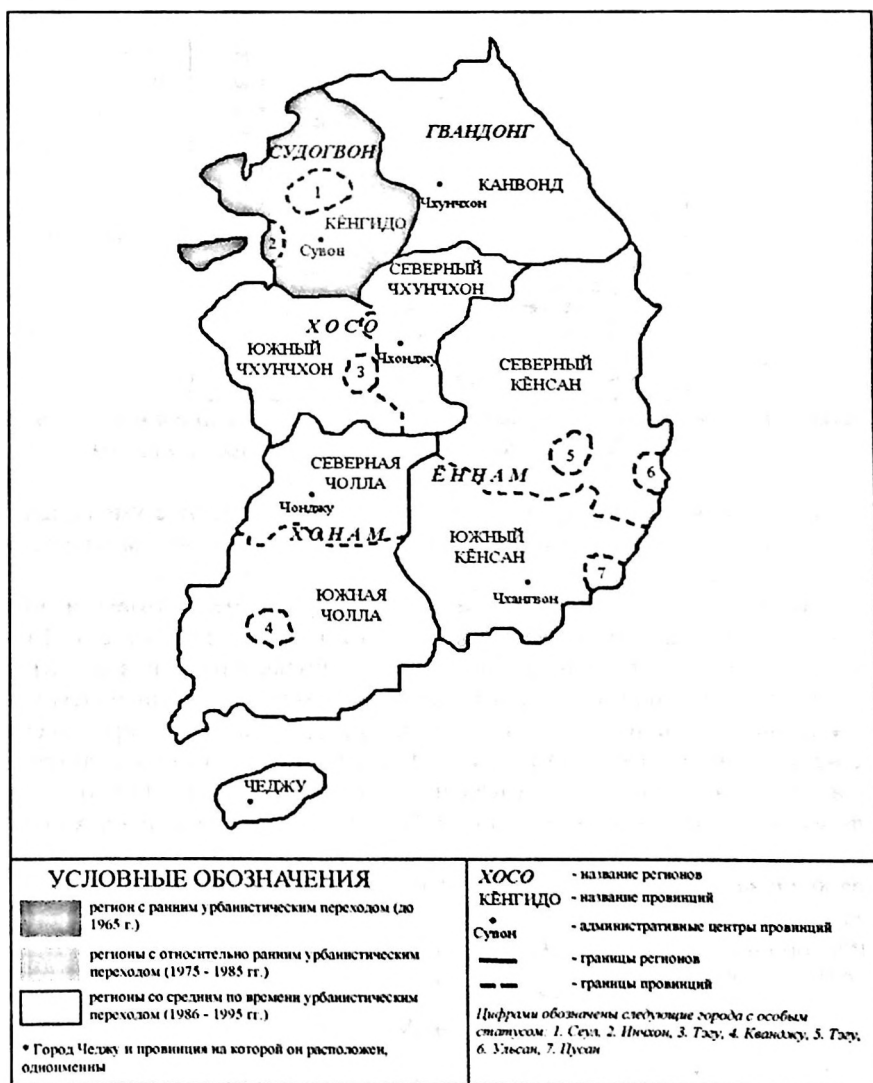

Рис. 2. Урбанизационные типы регионов РК (составлено по расчетным данным)

2. Трудовая маятниковая миграция в агломерациях РК. Изучение маятниковой миграции вскрывает основные системообразующие связи и обуславливает развитие и функционирование системы взаимосвязанного городского расселения. Исследование динамики темпов роста объема маятниковых миграций позволило выделить этапы, отличающиеся по направленности изучаемого процесса (рис. 3).

На *первом этапе* (1975–1995 гг.) отмечается рост валового объема маятниковых миграций, связанный с закреплением за крупнейшими городами статуса «центров» социально-экономической жизни, накоплением рабочей силы в сочетании с неразвитой сферой приложения труда в пригородных зонах. Причинами этого стали: урбанистический переход, рост количества и людности городов, а также появление городов-миллионеров, нуждающихся в дешевой рабочей силе. Кроме того, электрификация транспорта, увеличение его скорости и емкости обусловили сокращение времени, необходимого для осуществления маятниковых поездок и способствовали повышению трудовой подвижности населения.

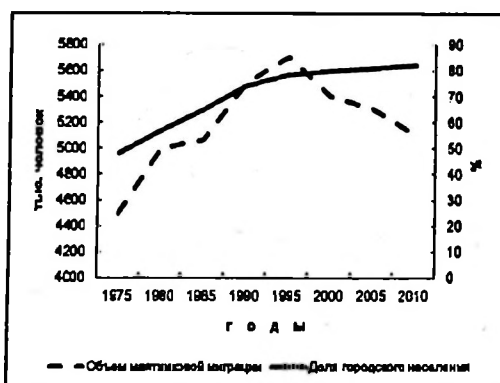

Рис. 3. Динамика валового объема маятниковой миграции и доли городского населения в РК с 1975 по 2010 гг. (составлено по расчетным данным)

Для *второго этапа* (1995–2005 гг.) характерно постепенное уменьшение объема маятниковых миграций. Оно происходит параллельно сокращению темпов роста урбанизированного населения.

Сальдо между прибывающими и выбывающими маятниковыми мигрантами имело положительное значение в период изучения в г. Сеуле, г. Пусане, г. Тэджоне и г. Инчхоне, из-за высокого спроса на рабочую силу и большего уровня оплаты труда по сравнению с провинциальными городами. При этом маятниковые мигранты составляют различный удельный вес в численности трудовых ресурсов в местах приложения своего труда. Высока их доля в г. Сеуле (14%), и г. Инчхоне (12%), что объясняется наличием 24 городов в прилегающей провинции Кёнгидо; а также г. Тэджону (12%) — единственному крупному городу на стыке 3 провинций. Наименьший удельный вес характерен для г. Ульсан (8%) и г. Тэгу (7%).

Для анализа характера связи между городом-ядром и зоной его влияния был рассчитан показатель «*M*», позволивший выявить степень трудовой интеграции городов-ядер и их пригородных зон с помощью формулы:

$$M = \frac{P_{RC} + P_{CR}}{N_R + N_C} \quad (1),$$

где, *M* — степень трудовой интеграции центральных городов и их пригородных зон; *P_{RC}* — число занятых, работающих в городе, и живущих в пригородной зоне; *P_{CR}* —

число занятых, работающих в пригородной зоне, и живущих в городе; N_R — число занятых, проживающих в городе; N_C — число занятых, проживающих в пригородной зоне⁶.

В среднем по 7 крупнейшим агломерациям страны M равен 26,7%, но размах его вариации значителен: от 17,6% в агломерации Тэгу, до 36,4% в Тэджонской агломерации. На основании расчетов показателя M , мы выделили агломерации с повышенной степенью трудовой интеграции пригородных зон и центральных городов (Инчхонская — 31,8%; Тэджонская — 36,4%), с высокой (Сеульская — 31,6%, Пусанская — 25,8%, Ульсанская — 23,4%), и со средней (агломерации Тэгу и Кванджу — 17,6% и 20,4% соответственно).

Оценка сбалансированности рабочих мест и числа проживающих трудовых ресурсов была вычислена по формуле:

$$K_i = \frac{R_A + R_S}{R_A + R_t} \times 1000 \quad (2),$$

где K_i — показатель сбалансированности рабочих мест и числа проживающих в i рабочих и служащих; R_A — численность рабочих и служащих, живущих и работающих в населенном пункте i ; R_S — численность рабочих и служащих, приезжающих ежедневно в i на работу из других населенных пунктов; R_t — численность рабочих и служащих, выезжающих ежедневно из i на работу в другие населенные пункты⁷.

Ее результаты позволили выделить крупнейшие города с наличием свободных вакансий (г. Сеул, г. Пусан, г. Инчхон, г. Тэджон), и с дефицитом мест приложения труда (г. Тэгу, г. Кванджу, г. Ульсан) в 2010 г.

3. Оценка однородности размещения городского населения РК. Для изучения пространственного развития городского расселения в РК были использованы два показателя: коэффициент концентрации Джини и кривая распределения Лоренца, основанная на кумулятивных величинах процентов распределения численности городского населения по площади урбанизированной территории страны. При этом для удобства расчет производился по предварительно составленной иерархии городов.

Предложенные в литературе отношения для вычисления коэффициента Джини сложны и требуют большого количества фактического материала⁸. Ограниченность статистической базы вызвала необходимость в поиске альтернативной формулы для его вычисления. Зная, что он представляет собой отношение площади фигуры, образованной кривой Лоренца, осью абсцисс и высотой фигуры, опущенной с крайней точки на ось абсцисс к площади треугольника, образованного лучом, угол которого равен 45°, нами предлагается следующее отношение для вычисления данного коэффициента:

$$G = \frac{n \left\{ \frac{y_n}{2} + \sum_0^{n-1} y_n \right\}}{S_1} \quad (3),$$

где S_1 — площадь треугольника, n — размер шага, Y_n — кумулятивный показатель площади. Значения коэффициента изменяются от 0, при абсолютно равномерном расселении, до 1, в ситуации, когда все население скучено в одной точке.

Для анализа пространственного развития городского расселения РК мы использовали статистические показатели на следующие даты: 1) 1965 г. — ближайший переписной год после получения независимости; 2) 1980 г. — год переписи населения после преодоления «урбанистического порога» (1977 г.); 3) 2010 г. — дата, отображающая современное состояние расселения.

Построенные по расчетным данным кривые Лоренца показали, что после урбанистической трансформации произошли значительные изменения в пространственном развитии расселения. Тренды за 1965 г. и 1980 г. практически одинаковы по причине образования только 2 новых городов среднего размера. При этом городское население в

2010 г. распределилось по территории страны чуть более равномерно, чем в предыдущие периоды (рис. 4). Так, если в 1965 г. 40% городского населения занимало всего лишь 2,9% территории страны, то в 2010 г. показатель увеличился до 6,8%. Более высокое расположение тренда 2010 г. объясняется общим увеличением как численности городского населения (с 9,5 до 45,7 млн. человек), так и его доли (с 32,4% до 81,9%). При этом сильно возросла и средняя плотность городского населения с 95,4 в 1965 г. до 459,8 чел/км² в 2010 г. [9, 12]. Максимальная плотность населения характерна для г. Сеула. В его центральных частях она превышает 25000 чел/км² [11]!

Незначительное уменьшение коэффициента Джини с 1965 г. по 1980 г. (с 0,30022 до 0,30006 соответственно) отражает, казалось бы, наметившуюся тенденцию на увеличение степени равномерности размещения городов. Однако усилившиеся импульсы урбанизации стали причиной развития населенных пунктов, расположенных вблизи крупнейших городов. Это вызвало появление и развитие агломерированных форм расселения, а, следовательно, повлияло на скученность городов в одних местах и недостаточное освоение территории в других.

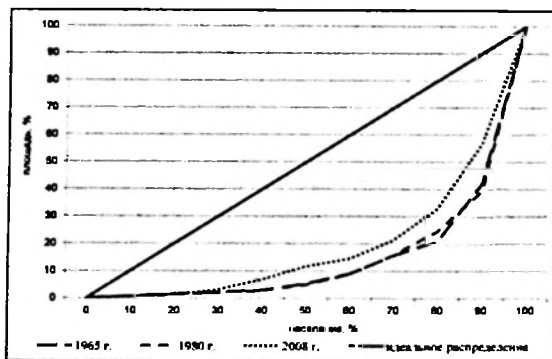

Рис. 4. Кривые Лоренца на 1965 г., 1980 г. и 2010 г. в РК (составлено по расчетным данным)

В период с 1980 г. по 2010 г. коэффициент Джини увеличивался, и на расчетный 2010 г. достиг 0,3974. Это доказывает снижение меры равномерности размещения населенных пунктов в исследуемой сети расселения. Основная причина — усиление роли крупнейших городов в социально-экономической жизни страны. Таким образом, размещение городских населенных пунктов в РК крайне неравномерно.

4. Иерархия структуры городского расселения РК. Основой для изучения динамики движения населенных пунктов внутри городской иерархии, было принято перемещение единиц, составляющих сочетание городов по десяткам (табл. 1). Мы сделали анализ с 1990 по 2010 г. поскольку в данный период появление новых городов ограничилось минимальным количеством. Сдвиги групп городов в исследуемое время послужили основой для выявления современных тенденций развития городской системы.

При рассмотрении изменения рангового места городов за исследуемый период заметны большие перемещения отдельных компонентов с разными направлениями практически во всех выделенных группах. Исключение составил первый десяток городов, иерархия которого благодаря наличию городов-миллионеров была весьма стабильной с некоторыми отклонениями в конце ряда. Минимальные изменения порядковых номеров отмечаются у городов первого, второго и восьмого десятков.

В результате продвижения вверх по иерархической лестнице многих малых и средних городов, отличающихся высокими темпами прироста населения, сократилось

число и доля единиц этих классов. Увеличение размера самого малого города не произошло, благодаря появлению нового г. Герёнг в промежутке с 2000 по 2005 гг.

Особенно резкие изменения рангов обнаружили у городов пятого и восьмого десятка (г. Кванджу в провинции Кёнгидо — 36 позиций вверх, г. Ёнджин — 26). Города с экстремальным уменьшением рангов по численности населения преимущественно расположены в центре страны (г. Чжунгёп — 25, г. Сангджу — 19 рангов). Система городского расселения РК в рассмотренный период не отличалась устойчивостью. Это свидетельствует об активном процессе ее формирования. При этом неустойчивость положения звеньев в сочетании с закрытым характером верхней части иерархического распределения указывают на ее относительное равновесие.

Таблица 1

Изменения в ранжировке по величине городов РК с 1990 по 2010 гг.
(составлено по расчетным данным)

Ранг городов в 1990 г.	Число городов с изменением рангов (по количеству порядковых номеров)				
	0-5	5-10	10-15	15-20	более 20
1-10	9	1	0	0	0
11-20	5	4	1	0	0
21-30	4	3	2	1	0
31-40	2	2	5	0	1
41-50	3	2	2	1	2
51-60	1		4	3	2
61-70	2	3	4		1
71-80	3	3	1	1	2
81-84	3	0	0	0	1

Одной из фундаментальных закономерностей, позволяющей объяснить процессы, происходящие в системах расселения, является зависимость, известная, как правило «ранг-размер» (или правило Зитфа). Ее основной постулат гласит, что численность населения каждого города в системе обратно пропорциональна его порядковому номеру в этой системе:

$$P_r = P/R \quad (4),$$

где P_r — население данного города (ранг), P — население самого крупного города системы, R — ранг города⁹.

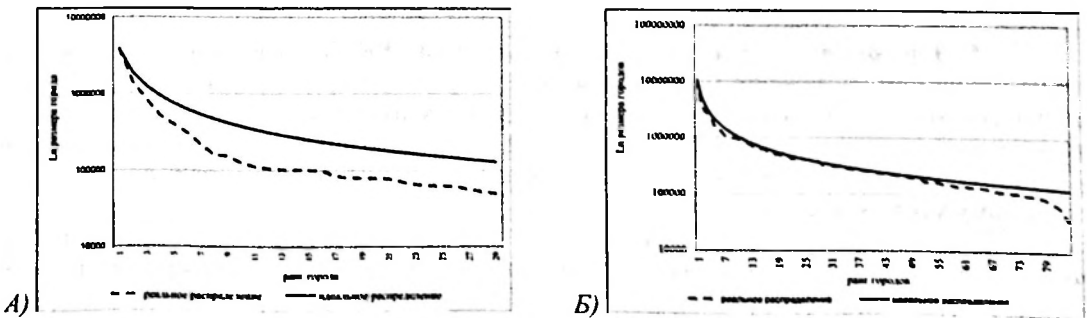

Рис. 5. Изменение размещения городов в РК согласно правилу Зитфа в 1965 г. и 2010 г.
(составлено по расчетным данным)

Системы расселения при изменении доли городского населения определенным образом стремятся поддерживать распределение «ранг — размер». На рис. 5 представлены тренды реального и «идеального» иерархического распределения городов РК, согласно правилу Зипфа в 1965 г. (А), и в 2010 г. (Б).

Расположение тренда «идеального» распределения в 1965 г. выше реального и подтверждает *приматный тип системы расселения* с явным доминированием элементов верхней части иерархии. В 2010 г. площадь фигуры, образованная вышеперечисленными кривыми, минимальна. Это значит, что с увеличением доли городского населения улучшилось соответствие размера городов РК правилу «ранг-размер».

Интересно сравнить полученные результаты распределения городов по правилу Зипфа с аналогичным распределением агломераций. На рис. 6 отмечена противоположная тенденция. Распределение в 1965 г. практически идентично городскому, потому что в этот год в РК были только две агломерации — Сеульская и Пусанская с очень маленькой пригородной зоной. Однако площадь внутренней фигуры в 2010 г. заметно увеличилась. Кривая реального распределения сразу «ползет» вниз. Основная причина — гипертрофированный рост Сеульской агломерации, которая в 2010 г. имела размер 29,6 млн. чел. и была больше второй по рангу Пусанской в 8,2 раза!

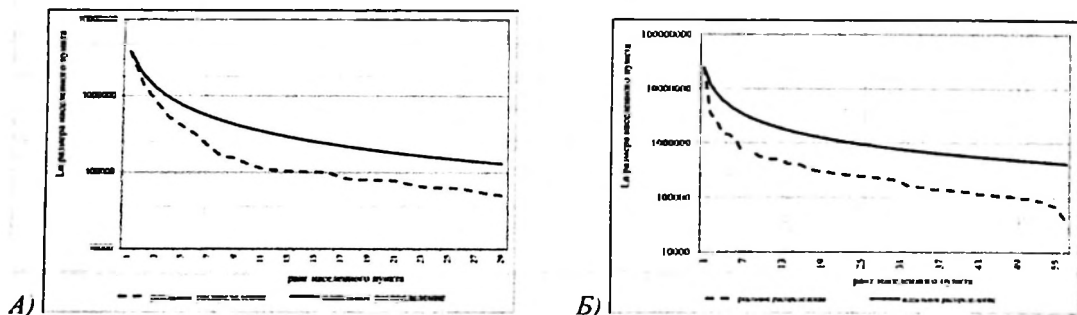

Рис. 6. Изменение размещения агломераций и городов в РК согласно правилу Зипфа в 1965 г. и 2010 г. (составлено по расчетным данным)

Возможно, чрезмерное индустриальное развитие стало главной причиной того, что урбанизация в РК «забежала вперед». Исследования А.А. Важенина доказывают наилучшее соответствие правилу Зипфа при доле городского населения в 50%¹⁰. Мы считаем, что распределение, полученное на 2010 г. между городами РК свидетельствует о том, что уровень урбанизации в 2010 г. должен быть на уровне 50%. В этом случае, не была бы отмечена гипертрофия главного центра, обнаруженная при рассмотрении иерархии населенных пунктов РК на агломерационном уровне.

5. Эволюция системы городского расселения РК. Для изучения развития системы городского расселения мы использовали *теорию центральных мест* (ТЦМ). Она выявила соответствия между людностью населенных пунктов и их пространственным положением в системе расселения. При этом было введено значение K , указывающее на «число центральных мест более низкого уровня иерархии, подчиненных одному центральному месту, и увеличенному на единицу»¹¹.

В конце прошлого века В.А. Шупером была предложена *релятивистская модификация ТЦМ*¹², которая помогла объяснить жизнедеятельность новых пространственных форм расселения — городских агломераций. Ее центральным понятием является показатель *изостатического равновесия*. Он позволяет установить функциональную зависимость между характером пространственной организации городского расселения и распределением населения между различными иерархическими уровнями. Они подразделяются на *легкие* и *тяжелые*, в зависимости от того, имеют ли они население выше или

ниже теоретически предсказанного. Обычно они чередуются, тем самым «изостатически уравновешивая» друг друга. Показателем, характеризующим состояние изостатического равновесия, является *сумма отношений теоретических радиусов к эмпирическим радиусам* для всех выделенных уровней иерархии:

$$\sum \frac{R'_n}{R^n} = m - 1 - c \quad (5),$$

где m — число иерархических уровней в системе центральных мест, c — число отсутствующих уровней иерархии¹³. Степень близости к состоянию изостатического равновесия можно интерпретировать как меру устойчивости пространственной структуры систем городского расселения.

Для определения уровня иерархии для центральных мест использовались результаты исследований А.А. Важенина. Он доказал, что соотношения в средних размерах городов разных уровней иерархии при любой модификации системы расселения составляют 1,0–0,33–0,10–0,03–0,01¹⁴.

В довоенный период, единая система расселения на Корейском полуострове имела преимущественно экстенсивный характер, при котором была сформирована сеть поселений с обеспечением достаточно устойчивых коммуникаций между ними. Данному типу соответствовало сельское расселение. Результатом окончания Корейской гражданской войны в 1953 г. стало образование двух суверенных государств, системы расселения которых, с этого момента начали разобщенное развитие.

Сразу же по окончании войны и на протяжении второй половины XX в. на юге Корейского полуострова вследствие разрушения г. Сеула и быстрого развития г. Пусана, на территории страны формируется полицентрическая система центральных мест во главе с г. Сеулом (около 1,5 млн. человек) и г. Пусаном (около 1,2 млн. человек) с $K = 2$. Несмотря на несовпадение размеров городов с теоретическими значениями, сумма отношений теоретических радиусов к эмпирическим, имела значение 1,93, демонстрируя почти идеальную изостатическую уравновешенность (табл. 2). Что же касается средних расстояний между городами различных уровней иерархии, то между I и II уровнями оно в 2 раза больше аналогичного между II и III (табл. 2).

Таблица 2

Динамика основных характеристик систем центральных мест Республики Корея с 1953 по 2010 гг. (составлено по расчетным данным)

Год	Доля городского населения	Тип системы	Число центральных мест на уровне	Средняя численность населения уровней, тыс. Чел			
				1	2	3	4
1953	21,4	$K = 2$	1–1–2	1575	1046	201	-
1990	73,8	$K = 3$	1–0–5–7	14299	0	1783	423
2010	81,9	$K = 3$	1–0–2–9	29600	0	3063	889
	Расстояние, км			Радиусы			$\sum \frac{R'}{R^c}$
	I-II	II-III	III-IV	$\frac{R'_{12}}{R^c_{12}}$	$\frac{R'_{23}}{R^c_{23}}$	$\frac{R'_{34}}{R^c_{34}}$	
1953	331	165	-	0,8/ 1,1	1,09/ 0,9	-	1,93
1990	256,8		44,5	0,81/0,76		0,63/0,79	1,86
2010	281,9		122,8	0,86/0,79		0,49/0,73	1,77

Рост численности населения РК во второй половине XX в. на ограниченной территории привел к тому, что столица начала существенно опережать в росте все другие города. А активизировавшиеся в конце 80-х гг. процессы агломерирования, окончательно закрепили за Сеульской агломерацией роль безальтернативного центра. Это повлекло за собой трансформацию системы расселения в моноцентрическую модификацию с $K = 3$ к 1990 г. Сеульская агломерация была принята главным центральным местом.

Отметим, что при определении иерархического уровня нами учитывались размеры агломераций, в тех случаях, когда таковые сформированы. В противном случае за расчетный брался показатель численности населения городов. Размер Сеульской агломерации в 2010 г. составил около 29,6 млн. человек. Следовательно, людность элементов второго уровня иерархии должна составлять около 9,87 млн. человек, но таких агломераций в стране не существует. Это значит, что в системе расселения выпадает второй уровень иерархии. Их функции в большей степени на себя взял главный центр. При этом на третьем уровне иерархии находится только 2 агломераций, образованные вокруг г. Пусана и г. Тэджона, со средней численностью населения, составляющей около 10% от Сеульской. Размеры агломераций и городов четвертого уровня соответствуют 9 населенных пунктов (агломерации вокруг Тэджона, Кванджу и Ульсана, а также города Ёнджин, Ансан, Чонджу, Аньян, Чхонджу, Чхонан). Наилучшее соответствие изостатического равновесия, доказывает модификацию с $K = 3$. При этом соотношение средних размеров городов разных уровней иерархии составило 1–0–9,66–33,3. В 2010 г. из-за уменьшения количества элементов на 3 иерархическом уровне и появления дополнительных населенных пунктов на 4, величина среднего расстояния, а, следовательно, и эмпирического радиуса между городами 2, 3 и 4 уровня понизилась. Благодаря этому до 1,76 уменьшилось изостатическое равновесие (табл. 2).

6. Выводы. Проведенное исследование показало, что РК характерен «взрывной» характер урбанизации. В период с 1950 по 2010 гг., доля городского населения увеличилась в 3,8 раза! Особенно быстрое развитие городских агломераций привело к значительным диспропорциям в размещении населения. Агломерации также стали основными «магнитами» для трудовых мигрантов из близлежащих провинций.

Иерархия городского расселения, рассмотренная в городском масштабе, выявила постепенное улучшение со временем распределения городов по правилу «ранг-размер». В 2010 г. соответствие было наилучшим, а значит, доля городского населения в стране должна быть на уровне 50%. В то же время, аналогичное распределение, рассмотренное с учетом сформированных агломераций, показывает ухудшение предсказанного соответствия из-за чрезмерной гипертрофии главного центра.

После окончания Корейской войны система расселения представляла собой полицентрическое образование с центрами в г. Сеуле и г. Пусане. Однако благодаря гипертрофированному росту городских агломераций в системе городского расселения происходит выпадение населенных пунктов, которые должны располагаться на втором иерархическом уровне. Их функции практически полностью поглотила Сеульская агломерация — безальтернативный центр РК.

1. Эм П.П. Процессы урбанизации в Республике Корея // Географические и геоэкологические исследования на Дальнем Востоке. Владивосток, 2010. С. 220–227.
2. World Urbanization Prospects: The Revision of 2009. URL: <http://esa.un.org/unup/>
3. Попов Р.А. Количественная характеристика урбанизации регионов России во второй половине XX века // Изв. РАН. Сер. геогр. 2002. № 1. С. 49–56.
4. Population Census Report of Korea, 1966. Seoul: Economic Board, 1966. 452 p.; Preliminary count of population and housing census 1980. Seoul. National Statistic Office of the Republic of Korea, 1980; Preliminary count of population and housing census 1995. Seoul. National Statistic Office of the Republic of Korea, 1996; Korean Statistical Information Service. URL: <http://www.kosis.kr>; Ko-

- rea Statistical Yearbook. Seoul: NSO of the Republic of Korea, 2009. Vol. 56; World Urbanization Prospects: The Revision of 2009. URL: <http://esa.un.org/unup/>
5. World Urbanization Prospects: The Revision of 2009. URL: <http://esa.un.org/unup/>
 6. Харитонов В.М. Урбанизация в США. М.: Изд-во МГУ, 1983. 200 с.
 7. Таборисская И. М. Маятниковая миграция населения: теория, методология, практика. М., 1979. 176 с.
 8. Гмурман В.Е. Теория вероятностей и математическая статистика. М., 2005. 479 с.
 9. Zipf G. Human behavior and the principle of least effort. Cambridge, 1949. 168 p.
 10. Важенин А.А. Эволюция пространственных структур расселения: смена закономерностей // Изв. РАН. Сер. географическая. 2006. № 3. С. 35.
 11. Christaller W. Central place in Southern Germany. N.Y., 1966. 230 p.; Лёш А. Пространственная организация хозяйства. М., 2007. 663 с.
 12. Шутер В.А. Самоорганизация городского населения. М., 1995. 167 с.
 13. Там же. С. 101.
 14. Важенин А.А. Эволюционные процессы в системах расселения. Екатеринбург, 1997. С. 22.

История

Об урегулировании пограничных вопросов с КНР. (Заметки, навеянные воспоминаниями китайских дипломатов)

© 2012

В. Воробьев

В результате 40-летних переговоров (1964–2004 гг.) между Россией и Китаем были решены все пограничные вопросы на взаимоприемлемой основе. Ратифицированные соглашения 1991, 1994 и 2004 гг. не устанавливали новую границу, а лишь вносили некоторые коррективы в уже существующую и признанную границу. Сегодня мы имеем полностью четко установленную российско-китайскую границу протяженностью в 4300 км.

Ключевые слова: российско-китайская граница, разрешение пограничных споров, договоры и соглашения, политическая воля, пограничные переговоры

Всегда привлекает возможность узнать, как размышляют представители страны-партнера (или оппонента) о тех событиях и делах, свидетелем или непосредственным участником которых они были сами, сопоставляя с высказанным ими собственные оценки и представления.

В пекинском издательстве «Шицзе чжиши» вышли две объемные книги — Чжоу Сяопэя «Чжису чжунъ гуаньси цинци» («Китайско-советские и китайско-российские отношения — личные записи») и Тан Цзясюаня «Цзиньюй юйфэн» («Через штормовые порывы и ветры перемен»). Оба автора — дипломаты-ветераны, уже не состоящие на действительной службе. Чжоу Сяопэй, русист, долго работавший на советском и российском направлениях, а также служивший послом КНР в Украине, Польше и Казахстане. Тан Цзясюань, прошедший много ступеней мидовской карьеры, был министром иностранных дел и членом Госсовета КНР, курирующим в правительстве международные дела.

Данные заметки не являются рецензией или критическим разбором всего того, что написали два китайских деятеля в своих книгах. Они навеяны только одной темой: урегулированием пограничных вопросов между двумя странами. Оба автора уделяют ей много внимания, приоткрывая некоторые моменты, имеющие актуальное значение для понимания современных отношений между двумя странами.

Знания и опыт, полученные за несколько десятилетий дипломатической деятельности, в том числе в 1999–2006 гг. на посту главы российской правительственной делегации на переговорах по пограничным вопросам с Китаем, позволяют мне предло-

жить ряд собственных суждений, не столько в противовес, сколько в связи с тем, о чем написали два уважаемых китайских дипломата.

* * *

Обе книги убедительно и верно показывают, что решение вопросов границы требует скрупулезного учета, выверки и взвешивания множества факторов. Оно становится достижимым мирным способом только при наличии плотной сбалансированной связки этих факторов.

Прежде всего, необходимы присутствие целенаправленной политической воли у руководства соответствующих стран, формирование адекватной резонансной среды в каждой из них, включая совпадающий общественный запрос на решение вопросов границы. Немаловажную роль играют приоритетные векторы внешней политики государств, их самопозиционирование в международном общении.

Что кроется за вопросами границы? Конъюнктурное нагнетание напряженности? Демонстрация недовольства политикой другой стороны? Пронски кого-то третьего? Шлейф недопониманий, обид или ущемлений, восходящих к прошлому, порой весьма отдаленному? Бывает по-разному. Но всегда присутствует одно — претензии одной из сторон к существующей границе либо несогласие с ней. Непризнание другой стороной таких претензий делу не помогает. Граница становится «раздражителем» в межгосударственных отношениях.

Вряд ли следует ожидать, что какая-либо страна откажется от своих представлений о собственном историческом пути. Тем более, полностью примет точку зрения на этот счет другого государства. Важно уходить от того, чтобы разноречивой в исторических представлениях и оценках становился предметом большой политики, игрой броских фраз, популистских манипуляций. Особенно уязвима и чувствительна в этом плане пограничная тематика. Ведь граница служит символом суверенности и независимости страны, ее территориального наполнения и целостности.

* * *

На протяжении почти четырехсотлетнего становления и развития российско-китайских отношений, включая советский период, в них можно найти много сложных эпизодов. Отсутствовало одно — крупномасштабный военный конфликт. Что касается границы, то привычные для современного глаза очертания она обрела не так давно — на рубеже XX в., пройдя через неоднократные изменения на Дальнем Востоке и в Средней Азии. Воспринимателями этих границ стали Советский Союз и Китайская Народная Республика. Бытующее мнение, будто пограничные вопросы между двумя странами возникли из-за раздоров, набравших обороты с начала 1960-х гг., верно лишь отчасти. Тогда они приобрели острые формы, но корни уходят в глубину времени. Так, еще в ходе незавершенных переговоров 1924–1926 гг., которые вели советское правительство и представители тогдашних властей Китая, китайской стороной был поставлен вопрос о полном пересмотре существовавшей границы, а по существу — об установлении ее заново (об этом напоминает Чжоу Сяопэй). Не были секретом высказывания Мао Цзэдуна до прихода компартии к власти в 1949 г., в которых отразилось его недовольство сложившимся российско-китайским размежеванием.

Староимперские стереотипы относительно истории формирования китайского государства и его границ, имевшие густую антироссийскую закваску, всплыли на поверхность в ходе кампании «ста цветов» в 1957–1958 гг. Парадоксальным образом взгляды «правых элементов» стали потом атрибутом левацкой по форме линии КПК, господствовавшей в период «культурной революции». Подобные однобокие мнения распространены в Китае по сей день.

Тем знаменательнее, что переговоры по урегулированию пограничных вопросов, стартовавшие в трудном для двусторонних отношений 1964 году, сумели не погрязнуть в бесплодных сражениях двух «исторических памятей», хотя и отдали им дань, а через 40 лет привели к результатам, равно приемлемым для России и Китая. В этом видится совокупная заслуга обеих сторон и, думается, не стоит заниматься аптекарским взвешиванием, чей вклад больше.

* * *

В процессе урегулирования советско/российско-китайских пограничных проблем принято выделять три переговорных этапа — 1964 г., 1969–1979 гг. и 1987–2004 гг. Каждый из них, внешне обособленный, своеобразно перетекал в последующий. Промежутки были заполнены серьезной аналитической и источниковедческой работой, уточнением подходов, шлифовкой аргументации. При каждом возобновлении диалога обнаруживались новые повороты мысли, оттенки в позициях.

Почему окончательные договоренности были достигнуты только на третьем этапе?

Первые два этапа пришлось на времена, когда позитивные импульсы в двусторонних отношениях либо находились в стадии угасания, либо отсутствовали вовсе. Год 1964-й — это свертывание двусторонних связей и контактов по всем линиям. Отношения стали пленниками жесткой межпартийной полемики по так называемым «идеологическим вопросам». Стремительно расходились векторы международной деятельности двух стран.

Факт, что переговоры все-таки завязались, отражал сохранившееся в Москве и Пекине понимание необходимости удерживать межгосударственные отношения хотя бы в минимальных рамках, тем более что на границе уже пошли стычки. Отказ Н.С. Хрущева санкционировать элементы взаимопонимания, которые обнаружили стороны в Пекине, не выглядит исключительно его сумасбродной прихотью. Импульсивного советского лидера, конечно, «подогрели» высказывания Мао Цзэдуна перед делегацией японских социалистов летом 1964 г. о «территориальном счете в 1,5 млн кв. км», «еще не оплаченном» Советским Союзом (высказывания, правда, не ставшие в Пекине общеизвестным документом).

Речь следует вести о бравшей верх двусторонней тенденции. В этом свете не кажется неожиданным последовавший отказ Мао Цзэдуна от продолжения переговоров. Мао уже занимало другое — Китай только что обрел атомную бомбу, новое руководство СССР в лице Л.И. Брежнева и А.Н. Косыгина он считал политически слабее хрущевского, а внутри страны уже вовсю приступил к подготовке новой политической кампании в целях еще большего самоутверждения в качестве единовластного правителя.

Сейчас уважение и даже удивление вызывает то, что на этом фоне переговорщикам в Пекине в 1964 г. удалось достичь таких компонентов взаимопонимания, которые позволили через много лет добиться впечатляющих результатов.

Во-первых, именно тогда был определен предмет переговоров, а именно: уточнение прохождения линии границы на основе действовавших договоров и соглашений, а не проведение границы заново путем деления территорий. Что это означает? До сих пор имеет хождение точка зрения (ее, например, придерживаются японцы), будто предметом переговоров было определение государственной принадлежности территорий, а прохождение линии границы носило вторичный, подчиненный характер. Прецеденты такого рода имеются в истории российско-китайского разграничения. Например, Айгунский 1858 г., а затем Пекинский 1860 г. договоры исходили из презумпции деления земель. То есть, имело место переустановление границы, поэтому брались ориентиры, полностью отличающиеся от Нерчинского договора 1689 г.

Вообще при установлении границы приоритетом может выступать политическая целесообразность а не историко-правовые аргументы. Что касается уточнения границы, то оно исходит из ее наличия и неизменности. Конечно, на отдельных участках возможны корректировки ее прохождения, влекущие изменения в принадлежности каких-то земель, но обычно — в небольших масштабах. Именно такова суть соглашений 1991, 1994 и 2004 гг. о границе между двумя странами. То есть спорили не о территориях, а о прохождении линии границы.

Во-вторых, тогда же китайская сторона заявила, что не требует возвращения Китаю («исходя из принципа пролетарского интернационализма», как цитирует Чжоу Сяопэй) тех земель, которые, по ее версии, были «отторгнуты» Россией при размежевании с Китаем (Чжоу Сяопэй насчитывает 19 «неравноправных» договоров). В Пекине, надо признать, и в дальнейшем официально подтверждали, что не претендуют на территории нашей страны. В то же время там по сей день раздаются сетования по поводу громадных кусков земель, отобранных-де «русским медведем» у Китая в прошлом. В этой связи стоит приглядеться, сколь обоснованно отождествлять подобного рода неформальные заявления, а также издаваемые исторические карты с территориальными претензиями, предъявляемыми на государственном уровне?

В-третьих, еще в 1964 г. переговорщики договорились взять за основу старые российско-китайские договоры, хотя и разошлись во мнениях об их исторической характеристике. Не подвергая наличие границы сомнению, обе стороны признали, что на ней существуют такие участки, на которых прохождение линии границы понимается неодинаково (таковых оказалось более 30). Это наглядно выявилось в результате обмена картами, предложенного китайской стороной. Эти участки, собственно, и составили основной предмет для живых и острых дискуссий. Они располагались на всем протяжении советско-китайской границы (примерно 7,5 тыс. км). История их возникновения была разной. Взять, например, Памир — по нему вообще не было договорного разграничения, а существовала «исторически сложившаяся» линия соприкосновения по Сарыкольскому хребту. Большинство островов и почти вся водная поверхность Амура и Уссури оказались под советским контролем вследствие односторонних акций Советского Союза в 1930-е гг. и в 1945 г., а потому границей там служила «фактически охраняемая» линия. В ряде случаев граница в принципе следовала договорным предписаниям, но оказалась проложенной не по тем горным отрогам или вершинам.

В-четвертых, для удобства рассмотрения граница была условно разделена на два больших отрезка — Восточную часть от Монголии до КНДР и Западную часть от Монголии до Афганистана, что сохранялось и впоследствии. Правда, после распада СССР Западная часть российской границы сократилась почти до 60 км — от Монголии до Казахстана.

В-пятых, именно в 1964 г. было согласовано, что на несудоходных пограничных реках граница будет проходить по середине реки или ее главного рукава, а на судоходных реках — по середине их главных фарватеров. Такой способ проведения границы на реках, санкционированный тогдашним советским партийно-государственным руководством, приводил речную границу с Китаем в соответствие с действовавшим советским законодательством. Заявления относительно середины фарватера, прозвучавшие в 1980-х гг., лишь подтверждали преемственность линии, взятой на первом этапе переговоров и отвечавшей наиболее распространенной международной практике.

В-шестых, при рассмотрении Восточной части границы (до Западной части в 1964 г. «руки не дошли») не сложилось единого мнения только по одному участку — району островов при слиянии Амура и Уссури близ Хабаровска. Там позиции сторон настолько разнились, что никакого выхода не просматривалось. Вместе с тем, был согласован по-своему уникальный вариант — подписать рабочие документы, «подвесив» данный участок, то есть, оставив его на дополнительное изучение и обсуждение. Н.С.

Хрущев, придравшись к наличию «окна» или «дырки», занял позицию «все — или ничего», чем торпедировал фиксацию всех элементов достигнутого взаимопонимания и сыграл по существу на руку негативизму Мао Цзэдуна.

Внешняя безрезультатность первого этапа переговоров отнюдь не умаляет перепроходческой значимости проделанной в 1964 г. работы. Намеченные тогда ориентиры оказались востребованными и сыграли впоследствии весомую роль в достижении урегулирования пограничных вопросов.

* * *

Второй этап переговоров пришелся на лихолетье «культурной революции». Двусторонние отношения приобрели совершенно аномальный, политико-пропагандистский характер. Граница, будучи чутким барометром качества отношений, превращалась в арену вооруженных стычек. Во властных структурах Китая возникло двуцентрие — «пролетарский штаб» во главе с Мао Цзэдуном, выступавший от имени ЦК КПК, и дезорганизованное, включая МИД, правительство, кое-как удерживаемое премьером Чжоу Эньлаем. Расползание по стране анархо-разрушительных элементов и факторов было чревато реальной угрозой перекинуться из Китая вовне. Советское руководство не могло на это не реагировать и было вынуждено спешно принимать меры к недопущению и пресечению провокационных вылазок для удерживания ситуации на границе под контролем.

Два кровавых боестолкновения с большими жертвами с обеих сторон весной 1969 г. на острове Даманском, находящимся прямо над китайским берегом реки Уссури, и вооруженная стычка в районе Жаланашколь (Казахстан) в августе того же года высветили тонкую грань, за которой просматривалась бездна конфликта, чреватого самыми отрицательными геополитическими последствиями для обеих стран. События, судя по всему, подтолкнули китайское руководство к отходу от наиболее радикальных установок стартового периода «культурной революции». Вместо хунвэйбиновского лозунга «пронесем знамя «культурной революции» по всему миру!» стало намечаться заигрывание с США — Китай по существу предлагал Америке признать его партнером в целях сдерживания СССР, который демонстративно был утвержден в Пекине в качестве «врага № 1».

Новое позиционирование Китая подразумевало такой способ соседства с Советским Союзом, который в рамках конфронтационной парадигмы позволял бы не «перегибать палку» и допускал крайне дозированной «разморозку» отношений в зависимости от обстоятельств. Битва политических машин продолжалась, но вероятность вооруженного столкновения становилась не столь острой.

Эта модель продержалась свыше 10 лет. Два премьера — А.Н. Косыгин и Чжоу Эньлай, встретившись в пекинском аэропорту осенью 1969 г., договорились о трех вещах: вернуть в столицы послов, которые уже более трех лет там отсутствовали; поискать резервы для оживления взаимной торговли; принять меры к сдержанности на границе и возвратиться за стол переговоров по пограничным вопросам. Правда, интерпретация некоторых реплик, которыми обменялись премьеры, оказалась неодинаковой, что выяснилось вскоре из переписки и за переговорным столом.

Был ли второй этап переговоров, начавшийся в октябре 1969 г., «диалогом глухих»? С точки зрения достижения их конечной цели, он может показаться бесплодным. Однако в плане приближения к ней дискуссии не были пустопорожними.

Наши переговорщики постоянно пытались «вырулить» на обсуждение вопросов прохождения линии границы. Но не это занимало китайскую делегацию. Ей явно приходилось оглядываться, прежде всего, на господствовавшие в стране установки, настроения и даже на необходимость выживания (подчас физического) во внутривнутриполитическом сумбуре.

Такой переговорный фон, думается, не допускал реального прогресса даже по «околопограничным» темам, на которых китайская сторона стала настаивать в качестве приоритетных. Во-первых, это был знакомый призыв к Советскому Союзу признать «неравноправными» старые российско-китайские договоры, касающиеся границы, что, естественно, не могло служить сближению позиций.

Во-вторых, китайской стороной была разыграна концепция «спорных районов», делавшая границу фактически «решетчатой» по всей длине. Откуда они появились? «Спорными» были названы пространства между двумя линиями на участках границы, где в 1964 г. выявились расхождения в ее показе. Поскольку все они оказались по советскую сторону, ставилась вопрос о выводе советских вооруженных сил из таких районов до решения о том, как пройдет там граница. Уточнение прохождения линии границы на ее спорных участках, таким образом, подменялось определением правового статуса ряда мест на территории соседнего государства.

По китайской версии, А.Н. Косыгин на встрече с Чжоу Эньлаем, не возражал против идеи «спорных районов». Было ли это так? Известно, что А.Н. Косыгин остановил китайского коллегу, когда тот, нанеся несколько штрихов на бумагу, начал вдавляться в пояснения, и отметил, что принимает сказанное о «спорных районах» к сведению, но дело специалистов подробно разобраться в данном вопросе. Проведенный затем в Москве анализ обнажил подводные камни и контрпродуктивность идеи, что определило наш подход к ней.

Как верно подмечает Чжоу Сяопэй, нередко схожие термины и понятия передаются на русском и китайском языках так, что возникают смысловые оттенки или различия. Сверки записей беседы в пекинском аэропорту не проводились, в них вполне могли иметь место разночтения.

Параллельно китайская сторона настаивала на принятии отдельного документа о сохранении статус-кво на границе. Суть понятия Чжоу Эньлай коротко, но образно обрисовал А.Н. Косыгину примерно так: вы остаетесь там, где находитесь, мы поступаем таким же манером. Само по себе это могло выглядеть рационально, но в сочетании с концепцией «спорных районов» смотрелось двусмысленно. Так или иначе, переход к рассмотрению самой границы неопределенно затягивался.

В третьих, китайская сторона выдвинула тезис о «нависшей советской угрозе», о «советской атомной бомбе над столом переговоров». Верило ли китайское руководство в то, о чем заявляло? Может быть, в какой-то мере опасения у него были. В прилегающих к Китаю регионах, которые до того были относительно слабо прикрыты, происходило усиление советского военного присутствия. По согласованию с Улан-Батором этот процесс затронул и Монголию. Существовала ли в реальности угроза применения силы со стороны Советского Союза, «ядерной кастрации» Китая? Безусловно, нет. Предпринимались превентивно-сдерживающие меры, которые, надо признать, ложились непомерным грузом на советскую экономику и финансы, особенно с учетом традиционно очень сложной и обременительной ситуации для СССР на евроатлантическом направлении.

Китайские «три препятствия» не позволили второму этапу переговоров хотя бы воспроизвести те рабочие договоренности, которые наметились на первом этапе. После ухода из жизни в 1976 г. Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая инерция культивирования вражды с Советским Союзом сохранялась еще несколько лет. Так, Пекин предпочел освободиться в 1979 г. от декорума переговоров по границе, заявить о непродлении действия союзного Договора 1950 г., накрепиться в сторону сближения с США и вообще с Западом, затеять вооруженный конфликт с Вьетнамом.

Перед лицом разгула в Китае антисоветских и антироссийских идейно-исторических нагромождений Москва развернула собственную контригру, во многом принявшую зеркальный характер. В качестве господствующего продвигался тезис об аг-

рессивно-экспансионистской сущности китайского государства с древнейших времен и о грабительско-деспотическом характере его отношений со всеми соседними племенными и государственными образованиями. Доминирующие позиции заняла такая версия истории образования современного китайского государства и его границ, которая в стилистике «отпора» противостояла во всех аспектах принятой в Китае.

* * *

Третий этап переговоров, длившийся с 1987 по 2004 гг., стартовал на подъеме волны нормализации двусторонних отношений и смотрелся показателем серьезности позитивных перемен в них. На этот раз налицо было необходимое совпадение основных определяющих факторов как для реального движения к решению вопросов границы, так и в плане согласованности технологических подходов к этому сложному делу. Последовательность лидеров — с нашей стороны М.С. Горбачева, Б.Н. Ельцина, В.В. Путина, а с китайской Дэн Сяопина, Цзян Цзэмина, Ху Цзиньтао — неуклонно и эффективно обеспечивала курс на полное снятие пограничных вопросов с повестки дня двусторонних отношений, на спокойное и конструктивное их рассмотрение.

То, как начались и шли переговоры, разительно контрастировало со вторым их этапом. Договороспособность с обеих сторон можно назвать высокой, равно как и нацеленность на получение результата. Хотя, конечно, не обходилось без недоразумений, периодического топтания на месте. Распад Советского Союза в 1991 г. потребовал срочного поиска нового формата переговорного механизма. Создание уникальной конструкции в виде совместной делегации России, Казахстана, Киргизии и Таджикистана, ставших самостоятельными государствами, позволило быстро и безболезненно преодолеть эту проблему. Каждый ее участник решал свои пограничные вопросы с Китаем полностью самостоятельно. Россия же помогала новообразованным среднеазиатским странам консультациями, архивными материалами. Согласие Китая на такой способ ведения переговоров еще раз продемонстрировал его реальную заинтересованность в урегулировании пограничных вопросов, теперь уже с наследниками Советского Союза.

Что касается характеристик старых российско-китайских договоров о границе, то дискуссии были переведены из сферы политики в область исторических изысканий. Договоры стали единственной основой для конкретного и тщательного сопоставления взглядов по каждому километру границы. Вбрасываемая иногда идея объявить эти договоры недействительными, каков бы ни был предлог, лишала бы нынешнюю российско-китайскую границу исторической преемственности, придавая ей вид абсолютного «новодела», чего нет в реальности. Это выглядело бы пересмотром постфактум предмета переговоров в том виде, как его понимали и отстаивали на всех этапах наши переговорщики. К тому же такой подход неизбежно был бы чреват новым всплеском полемики с КНР в политическом формате и поставил бы под сомнение результаты урегулирования пограничных вопросов между Китаем и его среднеазиатскими соседями.

Проект Соглашения о границе на ее Восточной части, на который к 1991 г. вышли советская и китайская делегации, принципиально опирался на рабочие договоренности первого этапа переговоров. Повторилась ситуация с «окном» по району островов близ Хабаровска и образовалось еще одно — по острову Большой в верховьях Аргуни. К тому времени стороны «прошлись» по Западной части границы от Монголии до Афганистана. Целый ряд участков там, прежде всего Памир, оказались «повешенными» в силу серьезных разногласий (впоследствии этими вопросами занялись среднеазиатские страны). В этих обстоятельствах стороны решили пойти на новый, по-своему беспрецедентный шаг — юридически зафиксировать то, что было согласовано относительно Восточной части, продолжать работу по оставшимся вопросам. Такой подход позволил России и Китаю приступить к обозначению границы на местности. В 1994 г. было заключено соглашение о Западной части российско-китайской границы от Монголии до Казах-

стана. Таким образом было уточнено, определено и договорным образом оформлено прохождение российско-китайской границы на более чем 98% ее общей почти 4300-километровой протяженности.

По отношению к Пекинскому договору 1860 г., установившему границу между царской Россией и императорским Китаем, соглашения 1991 и 1994 гг. ни в чем не меняли заложенных в нем ориентиров для разграничения. Новым можно считать то, что Соглашение 1991 г. впервые в истории делило межбереговые речные пространства на Амуре и Уссури. Принцип середины главного фарватера позволил по итогам демаркации впервые совместно распределить острова, сообразуясь с тем, как распорядилась природа. Российско-китайская граница обрела ясность и четкость как политически, так и географически, в показе на местности.

Район островов близ Хабаровска дважды выводился за скобки договоренностей о границе, хотя неизменно находился в фокусе дискуссии. Китайская делегация при возобновлении переговоров в 1987 г. отнесла его к разряду «ключевых». Тан Цзясюань в своих мемуарах называет его «костью в горле» или «крепким орешком». Это не только образное сравнение, но отражение существа проблемы.

Во-первых, в Китае данному району придавали и придают особое значение, отмечая расположение в нем крайней восточной точки территории государства. Для обеих стран очевидна важность перехода с Амура на Уссури и обратно, используемых в качестве грузо-пассажирских артерий. Для России стратегическая ценность района определяется тем, что по правому высокому берегу тянется крупнейший российский дальневосточный город Хабаровск, который частично давно уже перекинулся на островные территории.

Во-вторых, острова, получившие нынешние имена Тарабаров и Большой Уссурийский только в начале 1920-х гг. от известного военного деятеля В.И. Блюхера, а до того не имевшие самостоятельных названий среди местного русского населения, были одними из первых на Амуре и Уссури среди взятых под контроль СССР в 1930-х гг. В Китае этот речной архипелаг издавна был известен под общим названием Хэйсяцзыдао, причем все его крупные составляющие имели собственные названия. Китай делает упор на то, что на месте Хабаровска, отсчитывающего свою биографию с 1858–1860 гг., с давних времен располагалось военно-сторожевое поселение Боли, через которое Пекин осуществлял управление и взимание налогов с аборигенного населения (коренным китайцам-ханьцам законом не разрешалось селиться за Великой стеной до последней четверти XIX в.).

В-третьих, подобно всем островам на Амуре, они не упоминались в Пекинском договоре 1860 г. и не имели определенного юридического статуса принадлежности. К тому же, как обнаружилось на рубеже XX в., в Китае тамошний ландшафт «понимали» отличным от российского «прочтения» образом. Это не играло заметной роли вплоть до осознания обеими сторонами важного коммуникационного и оборонного значения места слияния Амура и Уссури.

У нас принято считать, что острова составляют пойму реки Амур и лежат между двумя ее неравнозначными рукавами, в один из которых — не главный — примерно в его середине впадает Уссури. Китайцы не видят раздвоения Амура на рукава. Они считают Амуром только его основное русло, а часть второго рукава — нижним течением Уссури, завершающимся ее впадением непосредственно в Амур. Другую же часть рукава рассматривают как самостоятельную протоку, пролегающую между двумя реками. Что предусматривает Пекинский договор 1860 г., который установил существующую и поныне границу на Дальнем Востоке?

Во-первых, он определял, где чья территория, и во-вторых, давал граничные ориентиры (в обоих случаях можно видеть радикальный пересмотр предыдущего Нерчинского договора 1689 г.). Недвусмысленно указывалось, что земли двух государств отмериваются от соответствующих берегов Амура и Уссури и только от них. Водное

пространство этих рек не делилось, острова и протоки в тексте не фигурировали. Говорилось, что граница пойдет вниз по течению Амура до места слияния с рекой Уссури и от ее устья вверх по течению.

Что из всего этого вытекает?

Юридически межбереговое водное пространство обеих рек с островами не могло принадлежать ни одной из договаривающихся сторон, и линия границы по этому пространству никак не могла быть ими проложена. С современной точки зрения, такой способ установления границы создает казус наличия как бы двух линий границы по берегам и ничейной зоны между ними. Но по канонам времен разработки Пекинского договора было принято принимать за разграничение всю ширину реки от берега до берега (кстати, российских и международных прецедентов такого рода много, причем уходящих в гораздо более давние эпохи).

Как относиться к карте, упомянутой в договоре? Карта, будучи приложением, может выступать только в роли наглядной иллюстрации того, что записано в тексте договора. Она не должна ему противоречить, не может рассматриваться в качестве отдельного документа, имеющего самостоятельное значение, тем более ставиться выше договорного текста. При любом расхождении карты с текстом безусловный приоритет за текстом — таков неукоснительный и строго соблюдаемый принцип толкования международных договоров. Красная черта, которой показана граница на карте 1860 г., очень похожа на применение картографического приема, согласно которому красным цветом для большей наглядности обводится территория соседней страны. Такой картографический прием применяется и в наши дни. Если взять свежую карту Забайкальского края (2009 г.) или карту «Окрестности Хабаровска» (2009 г.), то на последней имеется обозначение границы посередине главного фарватера и красным выделен китайский берег, в том числе на островах Тарабаров и Большой Уссурийский.

На карте красная черта соединяет поименованные в договоре знаковые точки, привязанные к китайскому берегу рек Амур и Уссури. Учитывая масштаб карты, красная черта не могла не оказаться прижатой к китайскому берегу. Она давала наглядный контур пределов китайской территории, что соответствовало тексту договора.

В Китае красную черту не признавали линией разграничения по Амуру и Уссури, там «не видели» указания договора об отсчете земель от речных берегов, предъявляя претензии на острова, пусть даже под «историческим» предлогом.

У нас, особенно в связи с событиями на острове Даманский, укоренилась точка зрения, согласно которой красная черта на договорной карте показывает реальное местоположение линии границы на Амуре и Уссури. Мнение это родилось в недрах НКВД СССР в начале 1930-х годов в качестве юридической ссылки для обоснования взятия Советским Союзом под свой контроль большого количества островов и практически всей водной поверхности на указанных реках — меры односторонней, вынужденной и в целом оправданной перед лицом японского продвижения на север Китая, но оставшейся неоформленной в международно-правовом порядке. Длительный период охраны именно этой линии и контроля над речными островами сформировал внутри страны убеждение в том, что Китай посягает на наши «исконные земли». В любом изменении сложившегося положения, даже в принятии принципа середины главного фарватера, стали усматривать односторонние уступки с нашей стороны, необоснованный отказ в пользу Китая от части собственной территории.

Отсутствие в Пекинском договоре описания «места слияния» Амура и Уссури, неодинаковая интерпретация местоположения устья Уссури и красной черты на договорной карте заводили в тупик поиск развязки на основе принципа середины главного фарватера. У нас получалось, что эти середины не смыкаются, а у китайцев — наоборот. Правда, несмотря на остроту дискуссий, каких-либо вооруженных столкновений в этом районе не отмечалось.

Собираясь подписать в начале XXI в. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, чтобы закрепить новое качество двусторонних отношений, для которых характерными стали не просто взаимное доверие, а высокая степень стратегической доверительности, В.В. Путин и Цзян Цзэминь ориентировали переговорный процесс на поиск нетривиальных развязок, с тем чтобы закрыть оба «окна» в разумно короткие сроки. Так завязалась новая фаза третьего этапа переговоров, ставшая заключительной для всего переговорного марафона и приведшая к договоренностям, зафиксированным в Пекине 14 октября 2004 г. Тан Цзясюань, пожалуй, впервые дает весьма объемное представление о хронологии и основном содержании этой фазы дискуссий.

Действиям каждой из сторон была присуща большая осмотрительность. Переговоры проходили на обмен зондажными намеками. С учетом всех обстоятельств была усилена конфиденциальность. Практически о каждом появившемся нюансе докладывалось на «самый верх». Направляющую роль играли контакты министров иностранных дел, которые были уполномочены контролировать любое движение на переговорах.

Подразумевалось, что искомое нетрафаретное решение должно вписываться в принципы Соглашения 1991 г. о границе на ее Восточной части. Получившийся вариант принципиально отвечает этому требованию. Он исходит из понимания «места слияния» Амура и Уссури как некоего пространства, охватывающего весь речной архипелаг. Разграничение в районе островов соблюдает правило середины главного фарватера рек Амур и Уссури. Чтобы попасть с середины главного фарватера одной реки на другую, линия границы пересекла остров Большой Уссурийский. Схожим образом был решен вопрос о границе в районе незаселенного болотистого острова Большой в верховьях несудоходной Аргуни, где стороны также не сходились в трактовке топографии местности. В результате островные территории в обоих случаях распределились между двумя странами примерно пополам.

По Пекинскому договору 1860 г. ни Россия, ни Китай юридически не владели островами на пограничных Амуре и Уссури. Поэтому они не могли ни утратить «свои» островные территории, ни передать их другой стороне. В результате распределения островов в соответствии с принципом середины главного фарватера правомерно, думается, говорить о прямо противоположном. По соглашениям 1991 и 2004 гг. Россия и Китай получили и официально закрепили приращения своих территорий как результат успешного использования исторического шанса для полного урегулирования вопросов о границе между двумя странами.

Современная историография КНР о «китайском социализме» Чжу Дэ

© 2012

И. Пожилов

В статье представлен анализ наиболее значимых публикаций историков КНР последнего десятилетия, посвященных представлениям одного из лидеров КПК первого поколения маршала Чжу Дэ о строительстве «социализма китайской формы». Разработанную им концепцию социалистического строительства сегодня в Китае принято считать первой в руководстве КПК попыткой отыскать собственную, «китайскую форму» социализма, отличную как от советской модели, так и казарменного коммунизма. Затронута активно обсуждаемая китайскими историками проблема восстановления подлинного статусного портрета Чжу Дэ и его реального вклада в победу революции и создание Нового Китая.

Ключевые слова: Чжу Дэ, «китайский социализм», социально-экономическое строительство в КНР, проблемы историографии КПК

В 2010 г. в Сянгане вышел двухтомник Гу Цзэсюя «Другая биография Чжу Дэ: с благодарностью и ненавистью к Мао Цзэдуну»¹, вызвавший широкий резонанс среди читающей публики в Китае. Независимый автор представил маршала в качестве едва ли не равновеликой и альтернативной Мао Цзэдуну фигуры² (а не номинально четвертым по рангу коммунистическим лидером первого поколения, как принято считать в КНР)³. Однако нельзя сказать, что такой политический портрет Чжу Дэ стал для китайского читателя полным откровением и тем более сенсацией.

Ветераны революции, к примеру, вряд ли могли не заметить, как с конца 1930-х гг. активно и целеустремленно начала перелицовываться история КПК и Народно-освободительной армии, сопровождаясь в первую очередь забвением революционных заслуг Чжу Дэ⁴. Параллельно, вырастая из цзинганшаньской мифологии, оформлялись «военные идеи» Мао Цзэдуна⁵ — важнейшая опора его авторитета и культового образа. После провозглашения КНР⁶ дело пошло быстрее, и к 1951 г. из двух «великих вождей Чжу и Мао» остался один⁷, следом исчезло само понятие «главком НОАК», а вместо одного «отца Красной Армии» их появилось сразу десять. Замалчивались или меняли автора поистине новаторские и опережавшие время идеи Чжу Дэ, связанные с социально-экономическим строительством, коренным обновлением облика правящей партии и переносом ее усилий с истерических политико-идеологических кампаний на удовлетворение элементарных потребностей людей, выводом из-под контроля КПК и переподчинением вооруженных сил государственной власти, внесением радикальных перемен во внешнюю политику и т.д. Одновременно подтягивались к «нужному» уровню прежде

никогда не игравшие заглавных ролей умелые и эластичные функционеры, «профессиональные редакторы» резолюций ЦК.

В старой военно-политической элите знали и о другом: по-братски разделив с Мао титул вождя в первые годы вооруженной борьбы против власти Гоминьдана, Чжу Дэ не только никогда более не претендовал на лидерство, но и избегал самой возможности оказаться чуть ближе к властной вершине, как было в случае с постом председателя КНР в 1959 г., когда он спешно отказался от него в пользу Лю Шаоци.

«Двух светил на небе не бывает», — следуя этому древнему изречению, маршал тем не менее оказался не в силах избежать естественного почитания в массах, которое долгое время оставалось вполне сопоставимым с искусственно раздутым авторитетом Председателя; не удавалось ему и постоянно хранить молчание, когда вскоре после победы революции Мао Цзэдун повел страну тем самым «извилистым путем», который обернулся тупиком «культурной революции».

Не являвшееся свидетелем летописной ревизии более молодое и грамотное поколение китайцев также вполне готово непредвзято взглянуть на прошлое. Почва для адекватного понимания монографии Гу Цзэсюя не без успеха подготавливалась усилиями ряда представителей официальной историографии КНР, за последние десять лет значительно продвинувшихся в восстановлении подлинной персональной истории КПК.

Вместе с тем, следует признать, что в отличие от «неформального» течения в китайской историографии и трудов зарубежных ученых⁸, официальная историческая наука КНР еще не сделала принципиального шага на этом пути — роль и место Чжу Дэ в революционной борьбе и созидательной деятельности КПК так и не подверглись пересмотру по существу. В значительной мере воспроизводству ходульного, примитивного образа полководца способствуют художественно-публицистическая литература, печатные СМИ, телевидение и кино. Бдительно следят за чистотой канона «старые» и «новые» левые, с ходу предавая анафеме хоть в чем-то отличное от устоявшегося видение заслуг Чжу Дэ и Мао Цзэдуна⁹.

В результате ныне если и не доминирующим, то до конца далеко не искорененным остается подход к освещению биографии Чжу Дэ, предполагающий в максимуме отношение к нему как к ближайшему соратнику Председателя, видному партийцу и военачальнику, с колебаниями по минимуму от толкового «подручного» Чжоу Эньлая либо Лю Шаоци¹⁰ до совсем уж «деревенского простачка», способного разве что таскать на себе мешки с просом для пропитания непонятно чем занятых бойцов.

Самым же порочным стереотипом восприятия Чжу Дэ в массовом сознании является его имидж улыбчивого и недалекого увальня, которому (при том что его некогда называли «красным Бонапартом») странным образом не свойственны ни твердость, ни решимость, ни жестокость (без чего он не дослужился бы и до комвзвода «классовой» армии). Но, главное — ему, прежде удостоенному титула «благословенный воин-ученый», не присущи ни чувство собственного достоинства, ни привычка самостоятельно мыслить. Такая изощренная подача исторической личности не оставляет ей ни малейшего шанса претендовать на что-то большее, нежели умиление обывателя.

И все же закостенелые догмы и табу, касающиеся личности Чжу Дэ, постепенно исчезают со страниц серьезных исторических изданий Китая. К качественно новым выводам и оценкам объективно подталкивает исследователей постоянно пополняющийся массив опубликованных документальных и мемуарных источников.

Общественный и исследовательский интерес в КНР к фигуре Чжу Дэ на протяжении последних десятилетий был постоянен, разве что заметно возрастая в связи с юбилейными датами¹¹. В 1978–2000 гг. количество публикаций его сочинений, посвя-

щенных ему биографических исследований и статей в исторической периодике составило более 400. В последнее десятилетие таких публикаций было несколько меньше, но они значительно превосходят материалы предшествовавших лет по уровню фундированности и полноты научного аппарата. В целом сдвиг от порожней риторики к вескому аргументу просматривается вполне определенно.

В исследованиях историков КНР наметился поворот к тем аспектам деятельности и мысли Чжу Дэ, которые ранее практически не затрагивались, например, к его роли в партийно-государственном, социально-экономическом и культурном строительстве после 1949 г. Особое место в ряду такого рода вопросов занимают те, что имеют отношение к активному участию главкома в разработке таких средств и методов продвижения к социализму — «социализму китайской формы», которые «отвечают особенностям Китая» и «имеют важнейшим критерием улучшение жизни народа».

В этой связи необходимо подчеркнуть, что в ряде работ обосновывается, хотя и довольно робко, совершенно невысказанный прежде тезис о формальном и репутационно-меритарном праве, которым обладал Чжу Дэ, — обращаться к партии и выходить в массы не только с некими «дополняющими», «развивающими идеи Мао Цзэдуна» призывами и сентенциями, но самостоятельно формулировать установки программного значения.

Такой подход имеет прямое отношение к пересмотру функциональной роли маршала в партийной истории. По мнению Цзян Тайжана (на сегодняшний день, пожалуй, ведущего исследователя взглядов и деятельности Чжу Дэ), он выполнял «нейтрализаторскую, стабилизирующую» миссию, латентно смягчая проявления крайностей «правого» и левого толка и сводя разногласия в партийных верхах к компромиссу. Уникальная статусная позиция Чжу Дэ, считает Цзян Тайжань, обуславливалась двумя факторами: «высочайшим, уступавшим только Мао Цзэдуну» авторитетом и, в отличие от вождя, Лю Шаоци, Чжоу Эньлая и других руководителей партии, — «идентичностью позитивного восприятия» его большинством в КПК¹².

Так или иначе, к суждениям Чжу Дэ прислушивались, а это уже общепринятый тезис, благодаря его колоссальному опыту и знанию ситуации в стране (в части «изучения и обследований» на местах он не имел конкурентов в Политбюро). Как «реалистический стиль» определяет ряд исследователей и его незаурядную способность к теоретическим обобщениям и прогнозированию перспектив: в высшем эшелоне КПК главком едва ли не в единственном числе имел сколько-нибудь систематическое экономическое образование и признавался «наиболее читающим руководителем» — знатоком марксистской классики¹³.

Наконец, касаясь предпосылок включения Чжу Дэ в процесс теоретического поиска модели развития с учетом национального своеобразия, его современные биографы указывают, что ему раньше многих других руководителей КНР пришлось заняться хозяйственной работой. К 1949 г. он свободно ориентировался во многих проблемах аграрного сектора, производственной и снабженческо-сбытовой кооперации, торговли, получил представление о промышленных проблемах и инфраструктуре Северного Китая. Уже в 1946 г. он по поручению Мао Цзэдуна принял на себя ответственность за упорядочение и наращивание мощностей военно-промышленного комплекса в освобожденных районах и обеспечение полевых группировок НОАК необходимым снаряжением, боеприпасами и продовольствием¹⁴. Некоторые исследователи полагают, что навыки решения производственно-хозяйственных вопросов и интерес к изучению экономической науки главком приобрел еще раньше. В 1941 г., когда в опорных антияпонских базах КПК развернулось «движение за развитие производства», Чжу Дэ стал одним из инициаторов и непосредственным руководителем «движения» в северной Шэньси, провозгласив его основной це-

лью «улучшение материальной жизни народа»¹⁵. На наш взгляд, обращение биографов маршала к «наньнинваньской эпопее» и любопытно именно этим, важнейшим в социально-экономических воззрениях Чжу Дэ императивом, а не переносом «начала» его хозяйственных опытов на пять-шесть лет назад¹⁶.

Кроме того, как можно прочитать в некоторых материалах, взявшись за хозяйственную работу в 1940-е гг., Чжу Дэ еще до провозглашения КНР предупреждал о «больших трудностях», с которыми столкнется партия, если, сделав ставку на «новодемократическую экономику», сразу же не озаботится разработкой доктрины развития в формационных границах социализма. В отличие от тех, кто отводил «новой демократии» длительный срок существования и, более того, усматривал в ней по сути начальную фазу социалистического строительства (например Лю Шаоци), главком не питал иллюзий насчет энтузиазма буржуазии по поводу содействия делу своих могильщиков¹⁷.

Понятие «китайский социализм», а точнее «социализм китайской формы» (*чжунго шидэ шэхуэйчжун*), было озвучено Чжу Дэ в декабре 1965 г. на заседании ПК ВСНП 3-го созыва, что, как считают его нынешние биографы, является в КПК «хронологически первой» и «четко выраженной» постановкой задачи отыскания самобытного пути строительства социализма¹⁸. Другие пишущие о Чжу Дэ китайские авторы утверждают, что долго вынашиваемой мыслью о необходимости обрести «собственную дорогу, отказавшись от отживших схем» в социалистическом созидании, он публично поделился еще раньше, в марте 1963 г., в парткоме пров. Шэньси¹⁹.

Некоторая разница в датах не мешает, однако, тем и другим утверждать, что самым существенным в наследии главнокомандующего НОАК был не призыв к творческому осмыслению марксистской теории, каковых достаточно в партийной истории, но сама «доктрина специфически китайского социализма», к тому времени уже разработанная им и исподволь пропагандировавшаяся в партийных кругах. Так, Цзян Тайжань констатирует, что, несмотря на безусловно встречающиеся в работах и выступлениях Мао Цзэдуна, Лю Шаоци и Чжоу Эньлая сходные инициативы, «впервые идейная концепция “построения социализма китайской формы” была ясно выдвинута Чжу Дэ»²⁰.

В публикациях китайских историков анализируются, как правило, отдельные аспекты «доктрины Чжу Дэ о социализме». Материалов, претендующих на целостность ее подачи, не слишком много, что можно объяснить отчасти противоречиями самой методологии исследования «национальных» теорий социализма, отчасти — тем, что сам маршал никогда не претендовал на роль теоретика партии и, насколько известно, не пытался свести в некое единство свои действительно свежие идеи. В результате авторы, рассматривающие его взгляды суммарно, не могут не встать перед дилеммой: либо признать их оригинальными и самодостаточными, либо компромиссно констатировать, что инициативы Чжу Дэ «проторили дорогу Дэ Сяопину в оформлении его доктрины социализма с китайской окраской»²¹.

Впрочем, по крайней мере одна из попыток представить идеи Чжу Дэ о социализме связана с другим концептуальным подходом: в статье Сюй Сяньчуна воззрения маршала в совокупности (и по отдельности) трактуются как отрицание и альтернатива советской модели. Автор доказывает, что концепция «китайского социализма» Чжу Дэ формировалась по ходу неудачного применения КПК «омертвевших» принципов социально-экономического строительства, на которые ориентировалась КПСС, и, таким образом, шла в своем развитии «от противного»²². Такая точка зрения не получила распространения, оставшись достоянием историографии 1990-х гг.

Если отвлечься от замшелых идеологических оболочек, в которые облакаются представления Чжу Дэ о «китайском социализме» в выходящих в КНР статьях (как и от

либеральных фантазий, что также встречается в отдельных материалах), то соответствующие идеи маршала могут быть представлены следующим образом.

Исходным тезисом «социализма Чжу Дэ» является установка на безусловное признание главенствующим критерием всей деятельности КПК «неуклонное следование линии масс». Подлинное сплочение с массами, считал Чжу Дэ, может быть достигнуто исключительно на основе единства интересов народа и партии, в первую очередь одинакового с народом понимания партией важнейшей цели социалистического строительства — повышения жизненного уровня общества.

«Линию масс» считают центральным звеном социализма Чжу Дэ все его биографы. Но если большинство из них не стремится идти далее лексического обыгрывания старого лозунга, то отдельные исследователи указывают, хотя и не всегда отчетливо, на существенную особенность его трактовки маршалом. Он полагал, что ни о каком слиянии партии и народа не будет и речи, пока первая не осознает, что она не вправе вводить, ограничивать либо вовсе отменять «принцип неотъемлемой принадлежности орудий жизни и деятельности человеку». Без утверждения этого естественного принципа «напряженность в экономике и общественных настроениях» не преодолеть, и лишь усвоив его, можно всерьез рассчитывать на успехи в социалистическом строительстве²³.

Главную задачу партии после победы революции, подчеркивают исследователи, Чжу Дэ до последней минуты жизни видел во «всемерном развитии материального производства» («Производство всегда должно быть в фокусе внимания; партийно-административная, массовая работа — это само собою. Ради чего мы боремся? Ради производства»)²⁴ и в непременно сопутствующем ему «достижении зажиточности» людей («Разве решение производственных вопросов имеет целью плодить бедность?! Как раз напротив»)²⁵.

Если о необходимости поставить производство во главу угла говорили многие руководители КПК, то в тесной и безусловной увязке производственной сферы с постоянным повышением уровня жизни народа (а не с укреплением военно-экономической мощи государства) данный императив, по мнению некоторых авторов, изначально рассматривался только главкомом²⁶.

Первыми идеи Чжу Дэ о «достижении зажиточности» подробно исследовали еще в конце 1990-х гг. Ян Шаоань и Ван Аньпин, предложив в своей статье рассматривать эти идеи в качестве «неотъемлемого» и в то же время «самостоятельного учения», своего рода «компас», сверяться с которым «необходимо на протяжении всего пути продвижения к цели — построению высокоразвитого социализма»²⁷. По мнению этих авторов, складывание соответствующего «учения» относится к 1947–1948 гг., а не к периоду «урегулирования» последствий «большого скачка», как считалось ранее. Именно тогда Чжу Дэ стал усиленно пропагандировать мысль о том, что повышение зажиточности людей есть не просто следствие подъема производительных сил, но и непременная его предпосылка. «Надо справиться с опасениями насчет достижения зажиточности, — убеждал он соратников, — только тогда наступит производственный подъем»²⁸. В конечном счете в 1962 г. маршал сформулировал проблему так: «Лишь когда народ разбогатеет, станет возможным построение социализма»²⁹. Это заявление, как он не мог не знать, входило в явное противоречие с утверждением классиков марксизма о возможности наступления социализма с момента овладения пролетариатом «всеми средствами производства в целях их общественно-планомерного применения», или же построения «перевернутого государственно-монополистического капитализма», как утверждал В.И. Ленин.

Очень важным представляется и подчеркнутое Ян Шаоанем и Ван Аньпином положение о том, что Чжу Дэ не видел иной зажиточности, кроме «всеобщей». «Богатеть

должно не меньшинство; надо, чтобы богател коллектив, семья, каждый человек, все вместе... Смысл революции не в том, чтобы изгнать одних богачей и завести новых»³⁰.

Но что понимал Чжу Дэ под «зажиточностью»? Сколь материально состоятельным он видел, к примеру, крестьянина? Ответ на этот вопрос в измерении номиналом никому не интересен, важно другое — предел «заступа в капитализм». Указанным китайским авторам этот предел известен: «[Крестьянин должен быть] богаче прежнего кулака»³¹. Их логическая цепочка подталкивает к искушению представить старого революционера-марксиста ревизионистом — разрушителем основ.

Между тем, как со всей очевидностью следует из их же работ (не говоря уже об источниках), Чжу Дэ абсолютно не тяготился «узостью» Марксова формата, а идеи Ленина и Бухарина, в частности относительно переходного к социализму этапа, самым внимательным образом изучал и активно интерпретировал с учетом условий Китая и исконных национальных традиций³².

Определившись с основной целью социалистической доктрины по Чжу Дэ в ее общественно-экономическом аспекте — всемерное развитие производительных сил и повышение благосостояния народа, биографы маршала с той или иной степенью детализации рассматривают механизмы ее достижения.

Исходной позицией в деле придания социализму импульса развития, по мнению Цзян Тайжана, Чжу Дэ считал «следование закону стоимости товара», «поддержание эквивалентного обмена», «увязывание интересов государства, хозяйствующего субъекта и отдельного труженика»³³. Особое место в этой сфере он отводил «разумному регулированию» экономической политики государства по оси «деревня (включая кустарную промышленность села) — город», которая предполагала бы для начала минимизацию изъятий из аграрного сектора по многократно заниженным ценам в счет поставок сверхдорогой промышленной продукции, ликвидацию ценовых ножниц как промежуточную норму и в качестве последующего ориентира — выход на «по-настоящему товарное производство и взаимовыгодное обращение»³⁴. В дальнейшем государство следует курсом поддержки большей свободы производителя и одновременно снижения правительственного участия в практике регулирования прибыли и убытков с помощью реальных цен, а не расчетов «с потолка». Данный, стоимостной, фактор как ничто иное будет «повышать доходы», «обеспечивать людям возможность становиться богаче», причем, что весьма важно, «не нарушая законодательства» и «не уходя в теневое предпринимательство»³⁵.

Отдельные исследователи при этом совершенно справедливо делают акцент на роли Чжу Дэ как пионера в разработке основ эффективной финансово-кредитной политики государства в условиях «работающего социализма». Именно ему, как утверждает Чэнь Юцюнь, принадлежала инициатива создания в КНР всеохватывающей (до субуездного звена) единой банковской системы, способной аккумулировать инвестиции и кредитовать предприятия, а также отдельных товаропроизводителей оборотными средствами по приемлемым заемным ставкам³⁶.

Политически более «опасной» зоной внимания маршала, нежели товарно-денежные отношения, являлись проблемы собственности при социализме. Оставаясь в поле «первоисточников», Чжу Дэ, по мнению его биографов, не разделял точку зрения партийных экономистов-догматиков как в СССР, так и Китае относительно собственности на средства производства как краеугольной характеристики любой социально-экономической системы. Ему, подобно тогдашним реформаторам из восточноевропейских стран народной демократии, был присущ взгляд на многоукладность при социализме как совсем не противоречащую духу и букве марксизма. В выкладках классика Чжу Дэ занимали два постулата: 1) собственность в строгом смысле слова не сводится к вла-

дению средствами производства; 2) в разнообразии форм собственности всегда существует одна, которая и определяет систему в целом. Даже сталинский социализм, вполне укладываясь в схему, косвенно освящал наличие укладов — общенародного (государственного) и коллективного (кооперативного) — при господстве первого³⁷.

Термином «частная собственность» Чжу Дэ публично не злоупотреблял, предпочитая оперировать понятием «единоличной собственности»; в кулуарах же, по утверждению исследователя его взглядов Ляо Гайлуна, особых различий между ними он не проводил. Неизменным было то, что частная, или единоличная, собственность у маршала оставалась «подспорьем государственной собственности». Иными словами, равнозначными и, тем паче, равноправными эти уклады Чжу Дэ не считал³⁸.

Вместе с тем, очень любопытно наблюдающееся в некоторых статьях смещение акцента на общие оценки Чжу Дэ соотношения «государство — общество» в социально-экономической сфере. Некоторые цитируемые высказывания главкома совершенно определенно приводят читателя к заключению о приверженности Чжу Дэ прямым, а вовсе не обратным связям в этой паре: «Не государству, а главным образом самим массам суждено наладить жизнь»³⁹. В развитие сюжета подчеркивается трепетное отношение маршала (особенно характерное для позднейшего периода его жизни) к семье как «уникальной социальной ячейке», всегда игравшей в Китае не только важнейшую воспитательную роль, но и выполнявшую «функцию базисной хозяйственной единицы»⁴⁰. Как отмечают исследователи, ключ к успеху и путь к процветанию нации Чжу Дэ видел не в сугубо экономических, финансовых или научно-технических средствах, но прежде всего в сохранении и приумножении «обычаев семейного воспитания, семейного труда, отношений взаимной любви и ответственности внутри семьи»⁴¹. В доказательство некоторого «поворота» маршала к традиционным ценностям приводятся не раз звучавшие в различных аудиториях его слова о том, что «очень многое можно решить в опоре на семью, а не на общество»⁴².

Установив, как Чжу Дэ понимал вопрос о собственности, биографы выделяют следующий компонент в его представлениях о социализме. Речь идет о «свободном рынке», обоснование необходимости которого доставило маршалу куда как меньше идеологических неудобств, чем доктрина смешанной экономики. Рыночные отношения, подобно Бухарину периода *нэпа*, Чжу Дэ не считал «самой что ни на есть сердцевиной капитализма» в противоположность «капиталистической собственности». Отсюда его вполне откровенная апологетика рынка, основанная, по сути, на одном постулате: рыночный обмен в стране существовал испокон веку, всегда способствуя эффективности производственно-торговой сферы и материальной выгоде людей. Народ привык к рынку и нуждается в нем, «мы же с 50-х годов на протяжении длительного времени его уничтожали, сделав план единственным регулятором экономики», что «категорически неверно»⁴³.

Чжу Дэ, на взгляд китайских историков, «совершенно ясно указывал» также на негативные факторы, привносимые рынком в народное хозяйство. Чтобы «ограничить их влияние, — полагал он, — остается лишь свести в единое действенное целое способы административного и экономического характера»⁴⁴. Иными словами, панацеей рыночные механизмы маршал не считал, склоняясь к использованию для стимулирования хозяйственной активности всех имеющихся средств и принципов управления экономическими процессами. Что же касается деревни, кустарной промышленности и торговли, то к началу 1960-х г., как утверждает Цзян Тайжань, Чжу Дэ встал на позиции отрицания какого-либо государственного вмешательства в этот сектор и призывал «вообще ничего не ограничивать и никого не принуждать», иначе «голод будет сопровождать нас всегда»⁴⁵.

Системно важными социально-экономическими положениями «китайского социализма» Чжу Дэ в историографии КНР принято считать также его идеи относительно распределения материальных благ: «всестороннее осуществление принципа “каждому — по труду”, обеспечение условий для беспрепятственного “роста личных доходов людей в процессе воспроизводства общественного богатства”⁴⁶, свободы выбора форм хозяйствования («позволятельны все способы организации труда»)⁴⁷, кардинальной оптимизации системы налогообложения (с широким применением фискальных преференций, временного освобождения от уплаты налогов, сокращения налоговых ставок и т.д.)⁴⁸.

К заслугам Чжу Дэ в деле осмыслении природы социализма и путей построения процветающего социалистического общества биографы относят его предложения по внешней политике и внешнеэкономическим связям. Взгляды маршала на эту сферу деятельности государства получили довольно полное освещение в историографии КНР еще в середине 1990-х г. Сегодня выдвинутые им положения однозначно трактуются как «прямые предтечи политики открытости» современного этапа⁴⁹. Тогда же исследователи проблемы указали на тот факт, что Чжу Дэ одним из первых в руководстве КПК (апрель 1949 г.) предложил «не душить себя в идеологических тисках» и наряду с социалистическим лагерем устанавливать и расширять взаимовыгодное сотрудничество со всеми странами мира независимо от их общественно-политического строя (в первую очередь с Японией и США), активно привлекать передовые иностранные технологии и капитал⁵⁰ для осуществления программ индустриализации, полномасштабно использовать экспортно-импортные возможности Сянгана и Аомэня, а также создать новые «внешнеэкономические опорные позиции» в Гуандуне и на о-ве Хайнань⁵¹.

По общему признанию пишущих о Чжу Дэ авторов, в ряду множества сложнейших проблем обновления социализма маршал придавал самое важное значение вопросам партийного строительства. В настоящее время это, пожалуй, единственный аспект его мыслительной и практической деятельности, который по значимости выведен китайскими историками на один уровень с идеями Мао Цзэдуна⁵². «Учение Чжу Дэ о правящей партии» (как это принято официально называть), будучи в основных чертах сформулировано в начале 1950-х гг., считают биографы маршала, оказало огромное влияние на последующие процессы модернизации страны⁵³.

Именно с этим утверждением согласиться трудно.

Во-первых, хотя бы потому, что воспринимать такие заявления как некий комплимент — значит попросту выхолостить представления Чжу Дэ о «подконтрольной нации», «основанной на принципах демократического централизма и коллективного руководства» компартии⁵⁴. Свои представления о том, как должно строиться КПК, дабы обеспечить ей массовую поддержку, главком оглашал еще в пору борьбы в советских районах и защищал в ожесточенном конфликте 1928–1929 гг. с теми, кто усматривал в партии орудие диктатуры и диктатуру в качестве ее организационной основы. Персонифицировал такую позицию Мао Цзэдуна. Этот факт опровергнуть трудно — он документально засвидетельствован в современной исторической литературе КНР⁵⁵.

Во-вторых, Чжу Дэ не оставил оригинальных и сколько-нибудь обобщенных мыслей о роли и характере правящей партии в условиях строительства «социализма по-китайски» (равно как и о ряде других немаловажных аспектах такого строительства — об общественной демократии, праве и законности, мере гражданской свободы и т.п.)⁵⁶. В целом и в частности его взгляды на партийное строительство не расходятся с принятой в 1921 г. известной ленинской резолюцией X съезда РКП (б) «О единстве партии». Кстати говоря, не без помощи формулировок из нее он весьма удачно пикировался на партконференциях 4-го корпуса в Фуцзяни с Мао Цзэдуном, малосведущим в этих вопро-

сах⁵⁷. Другое дело, что Чжу Дэ всеми силами старался избавить КПК от всего, что мешало ей проводить «линию масс». Понимал ли он, что построить партию иначе, нежели на основе автократии, было нельзя — этот вопрос остается без ответа.

Обладая редкостным даром предвидения⁵⁸, маршал оставался человеком своего века и, как нам кажется, особенно и не усердствовал в попытках заглянуть в далекое будущее. В Китае его времени нерешенных проблем хватало с избытком, и именно они поглощали все его внимание. В этом смысле Чжу Дэ следует считать выдающимся практиком-прагматиком, неплохо разбиравшимся в теории социализма, но лишенным доступа к реальным рычагам власти и механизмам реализации своих идей.

1. *Гу Цзэсюй*. Чжу Дэ бье чжуань — юй Мао Цзэдун энънь юаньюань [Другая биография Чжу Дэ: с милостью и ненавистью Мао Цзэдуна]. Сянган, 2010. Т. 1–2.
2. В основе работы Гу Цзэсюя лежит противопоставление Чжу Дэ и Мао Цзэдуна как носителей двух антагонистических начал — «демократии и диктатуры», «созидания и разрушения», «гармонии и борьбы», «мира и войны» и т.п.
3. Отечественные авторы, очевидно, стремясь к большей научной «объективности», отводят Чжу Дэ куда более скромное место, а порой вообще не упоминают его имя в связи даже с теми событиями и процессами в истории КПК, в которых ему принадлежала решающая роль, например: в создании Центрального советского района, разрешении бескровным путем внутрипартийного раскола 1935–1936 гг. и спасении таким образом большей части Красной армии от самоуничтожения, разработке военно-политической доктрины КПК («затяжной войны») в антияпонской войне, организации стратегической перегруппировки партии и ее вооруженных сил накануне и планировании всех крупнейших операций НОАК в ходе войны Освобождения (три из них он осуществлял непосредственное руководство), точном прогнозировании ее хода, сроков и деталей финала, формулировании основных задач и принципов социально-экономического строительства в переходный период и концепции «китайского социализма», ставшей важнейшим источником реформаторских идей Дэн Сяопина, и т.д.
4. Непривычно старшим поколением китайских коммунистов фальсифицированной истории партии и НОАК нашли приметное отражение в опубликованной пекинским журналом «Яньхуан чуньцю» (известном своей довольно независимой позицией) статье Чжао Юйпина, в которой охарактеризован персональный вклад Чжу Дэ в дело военного строительства КПК и завоевание ею власти в стране. Статья примечательна тем, что написана на основе документальных свидетельств, собранных и сохраненных отцом автора — Чжао Пиньсанем, близко знавшим практически весь высший комсостав НОАК. Автор, не претендуя на обобщения и открытия, просто напоминает читателям, как на самом деле создавалась и крепла Красная армия, как одерживались победы над врагом, какой след оставил в этой эпопее Чжу Дэ. Выводы, к которым подводит материал Чжао Юйпина, мягко говоря, не совпадают с официальной версией истории вооруженной борьбы КПК и роли в ней Мао Цзэдуна. По мнению Чжао Юйпина, эта роль «ни на шаг не выходит за пределы его официального ранга политкомиссара при главнокомандующем». (*Чжао Юйпин*. Чжу Дэ: букэ тайдайдэ цзунсылин [Чжу Дэ: незаменимый главком] // Яньхуан чуньцю. 2009. № 7. С. 2).
5. Впервые о том, что такие идеи существуют, заявил Чэнь И на VII съезде КПК в 1945 г., правда, назвав их для пробы «военной школой» Мао Цзэдуна (*Мао Цзэдун цзюньши сюэтай*), поскольку прежде партия знала только о «военных идеях Чжу Дэ». В обоснование тезиса он, в частности, сказал, что «в последние 60 лет в Китае не было национальной военной науки, не было и ни одного военного деятеля, способного генерировать национальные военные идеи, но этот недостаток исправил Мао Цзэдун, создавший истинную военную науку в стране». Цит. по: Чэнь И чжуань [Биография Чэнь И]. Пекин, 1993. С. 321.
6. В этом смысле знаковым стало исчезновение Чжу Дэ с официальных фотографий агентства Синьхуа, запечатлевших церемонию провозглашения КНР. Его выход из кадра с намерением помочь репортеру сделать исторический снимок Мао Цзэдуна, объявлявшего миру о создании Нового Китая, обыкновению воспринимается китайскими историками-неформалами как якобы желание освободить вождя от необходимости наперед делить величие с кем бы то ни было еще (см., например: *Гу Цзэсюй*. Указ. соч. Т. 2. С. 747). Вряд ли это так, но поступок главкома все

- равно символически — ведь никому из стоявших рядом с ним более молодых и менее знаменитых соратников такое и в голову не пришло. Важнее в этой истории другое — факт снятия буквально накануне торжеств портрета Чжу Дэ с ворот Тяньаньмэнь, где он с апреля 1949 г. соседствовал с портретом Мао.
7. К тому времени из продукции агитпропа было убрано практически все, что прославляло главнокомандующего или просто вызывало ассоциации с его именем (портреты, плакаты-здравицы, цитаты из высказываний и т.п.), подправлен текст знаменитого «Марша НОАК», в котором «знамя Чжу Дэ» преобразилось в «знамя Мао Цзэдуна», и многое другое.
 8. Одной из самых последних работ, убедительно доказывающих, к примеру, неоспоримую роль Чжу Дэ как родоначальника китайской Красной армии, создателей ее тактики и стратегии, основ военного строительства КПК, является докторская диссертация американского синоведа М. Расселла: *Russell M. W. From Imperial Soldier to Communist General: the Early Career of Zhu De and His Influence on the Formation of the Chinese Red Army*. Ann Arbor, MI, 2009.
 9. Упоминутая статья Чжао Юйпина, например, вызвала бурю возмущения у охранителей, требовавших «впредь лжецов к трибуне не допускать», а журнал — «прикрыть». (*Гу Цзэсюй*. Указ. соч. Т. 2. С. 959).
 10. Если в качестве «подмастерья» у Чжоу Энляя главнокомандующий выводился в исторической литературе КНР изначально (сам Чжу Дэ намеренно подыгрывал таким умозаключениям), то в последние годы проявилась еще и тенденция к изображению его неким великовозрастным («мальчиком») при Лю Шаоци, что, впрочем, корреспондирует с общей тенденцией в китайской и российской историографии к выпячиванию роли последнего и даже приписыванию ему авторства целого ряда идей, принадлежавших Чжан Вэньтяню, Дун Бию, Жэнь Биши или тому же Чжу Дэ, а также замалчиванию негативных сторон деятельности «второго лица в партии» (первенство в раздувании культа личности Мао, в инициировании «независимой», т.е. враждебной Гоминьдану и делу национального сопротивления политике КПК в антияпонской войне, всемерная поддержка расстрельных репрессий в отношении «контрреволюционеров» в 1950–1951 гг. и проч.).
 11. К числу наиболее заметных изданий, посвященных Чжу Дэ и вышедших в свет в последнее десятилетие, относятся следующие издания: Хуашо Чжу Дэ — чжицинчжэ фантаньлу [Поговорим о Чжу Дэ: интервью с посвященными]. Пекин, 2000; *То Пин*. Чжу Дэ юй чжунгун данши чжунда шинцзянь [Чжу Дэ и важнейшие события в истории КПК]. Пекин, 2001; *Лю Сюэминь*. Чжу Дэ дэ фэйчан чжи лу [Необыкновенный путь Чжу Дэ]. Пекин, 2001; *Яо Цзяньпин*. Чжу Дэ дэ цзуйхоу суйюэ [Последние годы жизни Чжу Дэ]. Пекин, 2002; Чжу Дэ цзышу [Автобиографические записки Чжу Дэ]. Пекин, 2003; Чжу Дэ няньлу [Биографическая хроника Чжу Дэ]. Т. 1–3. Пекин, 2006 и др. Подробный анализ социально-экономических взглядов Чжу Дэ представлен в монографии: *Сюй Ли* Исследование идей Чжу Дэ по экономическому строительству [Чжу Дэ цзинци цзяньшэ сысян яньцзю]. Пекин, 1999. В 2009 г. в Центре партийной документации ЦК КПК основан сектор изучения наследия Чжу Дэ с «приоритетной задачей исследования и пропаганды его идей, касающихся строительства социализма». Традицией стали регулярные всекитайские научные конференции, на которых историки партии и биографы маршала делятся результатами своей исследовательской работы. Значительно расширилась география публикаций о Чжу Дэ, которые можно найти практически во всех периодических научных изданиях КНР гуманитарного профиля.
 12. См.: *Цзян Тайжань*, *Сюй Фэнхуа*. Чжу Дэ юй чжунгун дин дай линдао цзитидэ синчэн [Чжу Дэ и складывание коллективного руководства КПК первого поколения] // *Наньчан дасюэ сюэбао*. 2004. № 4. С. 29–34. Авторы статьи, выдвигая маршала на второе место после Мао место в реальной иерархии КПК, прямо апеллируют к мнению Бо Ибо, который первым из известных деятелей КНР поставил вопрос о пересмотре устоявшихся взглядов на личность Чжу Дэ, превосходившего по своему таланту, на его взгляд, всех без исключения партийных лидеров, кроме Председателя (см.: Хуашо Чжу Дэ — чжицинчжэ фантаньлу. С. 283).
 13. См.: *Ляо Синьвэнь*. Чжу Дэ юй дяоча яньцзю [Чжу Дэ в деле обследования и изучения] // *Дандэ вэньсянь*. 2007. № 3. С. 46–53; *Сюй Ли*. Цяньтань Чжу Дэ юаньцзянь чжошидэ цзинци гуаньдянь [О дальновидности и прозорливости экономических воззрений Чжу Дэ] // *Мао Цзэдун сысян яньцзю*. 2007. № 1. С. 63. Ян Гуасун в своей статье о пребывании Чжу Дэ за границей в середине 1920-х годов отмечает, что маршал с юношеских лет испытывал интерес к экономическим проблемам и потому, оказавшись на учебе в Германии (Геттингенский университет) и СССР (КУТВ), неизменно посещал лекции по теории экономики и экономической географии,

- усиленно занимался самообразованием. (*Ян Гуасун*. Гуаньюй Чжу Дэ цюй Сулянь сюэси дэ бэйцзин цыляо [О неизвестных документах, касающихся учебы Чжу Дэ в Советском Союзе] // Дандэ вэньсянь. 1994. № 3. С. 95–96).
14. *Цзян Тецзюнь*. Шилунь Чжу Дэ цзай цзефан чжаньчжэн чжундэ лишн дивэй хэ цзоюн [Об исторической роли и месте Чжу Дэ в войне Освобождения] // Цзюньши лишн. 2007. № 1. С. 3–9.
 15. Чжунго гунчаньдан юй канжи чжаньчжэн [КПК и война сопротивления Японии]. Пекин, 2005. Т. 1. С. 365.
 16. Никто из пишущих о Чжу Дэ авторов не принимает в расчет довольно продолжительный период его «милитаристской» карьеры. Именно тогда, до вступления в КПК, когда он был «полновластным хозяином» двух уездов в Сычуани и позднее членом юньнаньского военного правительства, ему пришлось впервые заняться практическим решением самых разных социально-экономических проблем.
 17. *Лю Сюэминь*. Указ. соч. С. 170–171.
 18. См.: *Ли Сяонин*. Чжу Дэ цзай дяоча яньцзю чжундэ тичудэ жогань цзинци цзяньшэ сысян таньси [О некоторых идеях Чжу Дэ по социально-экономическому строительству, выдвинутых в ходе обследования и изучения] // Дандэ вэньсянь. 2003. № 5. С. 59–62; *Чжан Дунмин*. Чжу Дэ: дяоча яньцзю дэ каймо [Чжу Дэ: образец для подражания в обследовании и изучении] // Данши вэньхуэй. 2007. № 2. С. 44–45.
 19. *Цзян Тайжань*. Чжу Дэ «цзяньшэ чжунго шиндэ шэхуэйчжун» яньцзю шупин [Обзор исследований, связанных со «строительством китайского социализма» Чжу Дэ] // Дандай Чжунго ши яньцзю. 2006. № 6. С. 60–61.
 20. Там же. С. 65–66.
 21. *Цзян Тайжань, Сюй Фэнхуа*. Указ. соч. С. 33.
 22. *Сюй Сяньчунь*. Чжу Дэ дуй цихуа цзинци тичжидэ фаньсы [Критические взгляды Чжу Дэ на плановую экономическую систему] // Яньбянь дасюэ сюэбао. 1999. № 3. С. 5–9.
 23. Цит. по: *Ван Яньминь*. Чжу Дэ дэ хэсе сысян [Идеи Чжу Дэ о гармонии] // Аньхуэй шисюэ. 2007. № 1. С. 70–71.
 24. Чжу Дэ сюаньци [Избранные произведения Чжу Дэ]. Пекин, 1983. С. 213.
 25. Хуашо Чжу Дэ — чжицинчжэ фантаньлу. С. 363.
 26. См.: *Ван Яньминь*. Указ. соч. С. 69.
 27. *Ян Шаоань, Ван Аньпин*. Чжу Дэ дэ чжифу сысян [Идеи Чжу Дэ о достижении зажиточности] // Дандэ вэньсянь. 1998. № 5. С. 52.
 28. Чжу Дэ няньпу. Т. 3. С. 1795.
 29. Там же. С. 1827.
 30. Хуашо Чжу Дэ — чжицинчжэ фантаньлу. С. 375.
 31. *Ян Шаоань, Ван Аньпин*. Указ. соч. С. 53.
 32. См.: *То Пин*. Указ. соч. С. 361–362.
 33. Чжу Дэ юаньшуай фэнбэй юнцунь [Вечно живое, богатое наследие маршала Чжу Дэ]. Шанхай, 1986. С. 386.
 34. Там же. С. 386–387.
 35. Там же. С. 387.
 36. Чэнь Юцюнь, пожалуй, первым из биографов Чжу Дэ отказался от плакатно-пропагандистского стиля описания его идей и деятельности. Именно он еще в 1984 г. в скромной по объему статье в сборнике «Биографии военачальников НОА» указал, в частности, на выдающий вклад маршала в разработку основных направлений социально-экономического строительства в КНР, в том числе в банковской сфере, в области финансов, налогообложения и т.п. (*Чэнь Юцюнь*, Чжу Дэ) // Цзефанцзюнь цзянлин чжуань. Т. 1. Пекин, 1984. С. 261–262.
 37. См., например.: *Сюй Ли*. Чжу Дэ цзинци цзяньшэ сысян яньцзю. С. 34; *Сун И*. Чжу Дэ дэ шиши цюши сысян цзи ци циши [Идеи Чжу Дэ о реалистическом подходе и их сущность] // Чунцин кэци сюэюань сюэбао [Шэхуэй кэсюэ бань]. 2009. № 2. С. 8.
 38. *Ляо Гайлун*. Чжу Дэ дуй таньсо шэхуэйчжун цзяньшэ синь даолу дэ чжуньяо гунсянь [Важный вклад Чжу Дэ в поиски новых путей строительства социализма] // Дандэ вэньсянь. 1996. № 3. С. 45.
 39. Чжу Дэ няньпу. Т. 3. С. 1724.
 40. Там же.
 41. Там же. С. 1725.

42. *Вэй Фэнь*. Цун цзятин цзяюй кань Чжу Дэ дэ сысян пиньгэ [О природе идей Чжу Дэ с точки зрения семейного воспитания] // Дандэ вэньсянь. 2007. № 1. С. 22–27.
43. Чжу Дэ няньпу. Т. 3. С. 1727.
44. Хуашо Чжу Дэ — чжицинчжэ фантаньлу. С. 394–395.
45. *Цзян Тайжесань*. Лунь Чжу Дэ «чжунго шидэ шэхуэйчжун» сысяндэ чэньбинь юй гунсянь [Генезис идей и вклад Чжу Дэ в разработку «социализма китайской формы»] // Синьюй гаочжуань сюэбао. 2003. № 4. С. 19–22.
46. Цит. по: *Ли Сяоши*. Указ. соч. С. 59.
47. Там же.
48. *Ян Шаоань, Ван Аньтин*. Указ. соч. С. 52.
49. *Ван Цзин*. Чжу Дэ дуйвай маон сысян таньси [Анализ идей Чжу Дэ о внешней торговле] // Дандэ вэньсянь. 2006. № 6. С. 12.
50. См. например.: *Сюй Сяоши*. Чжу Дэ дэ дуйвай кайфан сысян яньцзю [Исследование идей Чжу Дэ об открытости внешнему миру] // Цзянхань луньтай. 1997. № 6. С. 50–53. По мнению Ян Шаоаня, Чжу Дэ заявил о себе как убежденном стороннике внешней политики КПК «без идеологических ограничений» задолго до провозглашения КНР и утверждал, к примеру, что важнейшим способом превращения Китая из аграрной страны в индустриальную является развитие внешних связей. (*Ян Шаоань*. Чжу Дэ дуйвай кайфан сысян шулунь (Обзор идей Чжу Дэ об открытости внешнему миру) // Сычуань шифань сюэюань сюэбао. 1997. № 3. С. 11.
51. *Ван Цзин*. Указ. соч. С. 14.
52. Не далее как в октябре 2010 г. в Пекине состоялся представительный научный симпозиум, участники которого обсудили итоги исследований «выдающегося вклада Мао Цзэдуна и Чжу Дэ в развитие теории правящей марксистско-ленинской партии», наметили направления дальнейшей работы. (Чжунго лишн яньцзю дунтай. 2010. № 12. С. 3).
53. См., например: *То Пин*. Чжу Дэ чжичжэндан цзяньшэ сысян яньцзю [Исследуя идеи Чжу Дэ о строительстве правящей партии] // Гуйчжоу шэхуэй кэсюэ. 2003. № 4. С. 88–91; *Лу Сунган*. Чжу Дэ дуй чжунгундан ши дэ цзунцзе (Чжу Дэ об истории КПК) // Мао Цзэдун сысян яньцзю. 2007. № 2. С. 76.
54. Чжу Дэ сюаньцзи. С. 379.
55. См., например: Гэньчжэ Мао Цзэдун да Тянься (Вместе с Мао Цзэдунем к завоеванию Поднебесной). Т. 1. Чанша, 2009. С. 34–68.
56. В этом плане речь скорее должна идти не о Чжу Дэ, а его ближайшем друге и единомышленнике Дун Бну, первым среди руководителей партии призвавшим «опираться на закон в управлении государством», а также «развивать основы политической демократии».
57. См.: *Чжэюу Битцинь*. Сяо Кэ цзянцзюнь юй гунхэго юаньшуай дэ сянши сянцзю [Генерал Сяо Кэ и его общение с маршалами Республики] // Байнянчао. 2009. № 1. С. 31.
58. Таланту Чжу Дэ к точному прогнозированию посвящено немало материалов в исторической периодике КНР последних лет. См., например: *Сюй Ли*. Цяньтань Чжу Дэ юаньцзянь чжоши дэ цзинци гуаньдянь. С. 62–65.

«Миссия Комацубары» Из истории советско-японско-китайских отношений в начале 1930-х годов.

© 2012

В. Дацышен

Статья посвящена очень важному, но малоизвестному эпизоду из истории международных отношений на Дальнем Востоке — японской «Миссии Комацубары» в Забайкалье в конце 1932 г. Взвешенные и грамотные действия советских представителей в связи с «Миссией Комацубары» явились важным фактором относительной стабильности в системе советско-японско-китайских отношений в этот сложный период.

Ключевые слова: Маньчжурия, Забайкалье, Дальний Восток, международные отношения, Комацубара, Су Бинвэнь, Квантунская армия, беженцы.

Важнейшей составляющей истории международных отношений на Дальнем Востоке накануне Второй Мировой войны было советско-японское противостояние. Особенно сложными отношения с Японией стали после оккупации японскими войсками Северо-Восточного Китая и провозглашения марионеточного государства Маньчжоу-го в 1932 г. Свое важное место среди событий того времени заняла японская «Миссия Комацубары» в Забайкалье в конце 1932 г.

В фондах Государственного архива новейшей истории Иркутской области сохранился документ, в котором, в частности, говорится: «11 ноября прибыли в Даурию на одном самолете начальник Военной миссии в Харбине полковник КОМАЦУБАРА, подполковник ХОСИМОТО, майор ДЗЯДЗЯКИ, Капитан МАЯЗАКИ и три летчика. После приветствия в специальном вагоне из Даурии выехали в Мациевскую... По полученным сведениям, прилет японского самолета на нашу территорию вызвал нервозность в китайских кругах гор. Маньчжурии»¹.

Как известно, так называемый «Инцидент 18 сентября» 1931 г. послужил поводом для захвата Японией Северо-Восточного Китая. Так называемое «Всеманьчжурское совещание» в начале марта 1932 г. провозгласило создание марионеточного государства Маньчжоу-го. Но вскоре значительная часть китайских генералов в регионе, в том числе и из числа первоначально признавших Маньчжоу-го, выступили против японцев. Осенью 1932 г. против Японии выступил и командующий охранными войсками на западной, примыкающей к Забайкалью линии КВЖД генерал Су Бинвэнь. Русский эмигрант И.И. Серебренников записал в своем дневнике: «4 октября. На западной ветви Китайской Восточной ж/д — большие события: восстание китайских войск против Маньчжуго и японцев»².

Советское руководство старательно избегало втягивания в конфликт. В советских газетах несмотря на сочувственные Китаю настроения властей и общественности в те дни практически не печатались материалы явно антияпонского содержания. Первые

информационные сообщения о восстании генерала Су вышли под названием «Китайские войска выступили против маньчжурского правительства»³.

Восстание армии Су Бинвэня привело активизации отношений между СССР и Японией по «маньчжурским вопросам». Одним из первых был поставлен вопрос об эвакуации на советскую территорию японцев из охваченных восстанием районов. Еще до начала восстания, 19 сентября 1932 г. советник посольства Японии в Москве Амо Эйдзи поставил вопрос о возможной эвакуации японцев из Маньчжурии в СССР. Вскоре на занятой силами мятежного генерала Су территории китайские военные арестовали практически всех находящихся там японцев, и японское правительство обратилось к советскому правительству с просьбой о посредничестве в деле освобождения японских подданных. Проблема освобождения пленных японцев дала повод японской стороне поднять вопрос об отправке своей специальной комиссии в Забайкалье для переговоров с восставшими китайцами. Советский полпред в Японии А.А. Трояновский 19 октября 1932 г. докладывал в Москву: «Штаб Квантунской армии предполагает начать наступление. Но это может погубить задержанных японцев, но ничего не поделаешь. Переговоры с восставшими затруднены тем, что никто не хочет посылать своих представителей на территорию противника. Если переговоры начнутся, то лучше их вести на нейтральной территории. Он спрашивал, допустим ли мы представителей маньчжурского государства на Мацневскую для переговоров с восставшими...»⁴.

Советская сторона помогла Японии в решении проблемы освобождения своих подданных без привлечения специальной японской комиссии в Забайкалье. Советское правительство поручило консулу на станции Маньчжурия В.В. Смирнову вступить в переговоры с Су Бинвэнем по вопросу об эвакуации японцев на советскую территорию. Переговоры были успешными, японские резиденты были эвакуированы в Забайкалье, на железнодорожную станцию Мацневская. Советская разведка сообщала: «Помощник начальника Японской Военной миссии Такесита в данном "Харбинскому Времени" интервью заявил: "сейчас наоборот наблюдается помощь со стороны СССР японским представителям, озабоченным спасением японских резидентов. Помимо этого вообще СССР оказывает содействие японским представителям и в других вопросах»⁵. 27 октября 1932 г. Амо Эйдзи сообщил Л.М. Карахану, что им получена инструкция японского правительства, в которой выражалась благодарность советскому правительству за помощь в освобождении японских граждан и просьба о «дальнейшей помощи к освобождению японских резидентов из района Маньчжурия»⁶. Для организации эвакуации японцев на родину в Забайкалье прибыли вице-консул из Новосибирска и консульский служащий из Владивостока.

С первых же дней мятежа генерала Су Бинвэня японское руководство надеялось использовать Советский Союз для давления на восставших китайцев с целью принудить их к капитуляции. В телеграмме Л.М. Карахана на имя генконсула в Харбине М.М. Славуцкого от 25 октября 1932 г. говорится: «Араки обратился к Трояновскому с просьбой разрешить посылку на нашу территорию около границы делегатов Маньчжоу-го вместе с несколькими японскими офицерами для встречи и переговоров с представителями Су Бинвэня... Мы сообщили Трояновскому наше согласие на просьбу Араки, а также на полет на аэроплане»⁷. Вскоре, 4 ноября 1932 г., японские СМИ сообщили: «Генконсул СССР Славуцкий посетил н-ка япоенмиссии Комацубару для согласования поездки делегатов Квантунской армии и Маньчжоуго на ст. Мацневская, передав согласие на пропуск япсамолета на ст. Даурия»⁸. В секретных документах ОГПУ от 4 ноября 1932 г. говорится: «Согласно указаний Комвойскамн Полунова от 2-го Ноября Японские представители прибывают из Цицикара 6-го Ноября на трех пассажирских, трехмоторных самолетах в количестве около 25–30 человек, в связи с этим Нарком Ворошилов разрешил посадку на аэродроме в Даурии, откуда Японские представители должны быть доставлены в Мацневскую. Комдив приступил к оборудованию аэродрома в Даурии. Представителем Военведа при поездке Японских представителей в Мацневскую и обратно, так-же

для присутствия во время переговоров в Мацевской, назначен зам. нач. штаба — Бармашов»⁹.

Необходимо отметить, что генерал Су Бинвэнь не поддерживал идеи переговоров с японцами на советской территории. Например, в советских документах отмечается: «11-го ноября консульство посетил контролер 1 уч-ка КВЖД ЛЮ в качестве доверенного лица генерала Су. От имени последнего Лю сообщил, что в связи с ложными слухами о том, что якобы Су желает вести мирные переговоры с японцами на советской территории, он настоящим это опровергает, так как ни о каких переговорах с японцами не говоривался, а наоборот, на их предложение об этом не давал ответа и в дальнейшем не намерен отвечать. По мнению Су, предложение японцев вести переговоры на территории СССР — является с их стороны попыткой ввести в заблуждение общественное мнение Китая и других стран, а также дезориентировать и внести разлад в ряды генералов Ма, Пу, Сюн и Лю. Су, узнав 5/XI из передачи Харбинского радио передачи, что японцы снаряжают комиссию в СССР во главе с Камацубара для переговоров с ним, в тот же день сообщил радиотелеграммой Тяньцзиньской газеты опровержение по этому вопросу, заявив, что это явный обман со стороны японцев... По словам Лю, Су-Бин-Вен ни на какие переговоры с японцами не пойдет, несмотря на недостаток оружия, боеприпасов и других предметов, он будет сражаться с японцами до конца. Если ему придется со своими войсками отступить, он отступит, предпочтет быть разоруженным на территории СССР, но на соглашении с японцами не пойдет»¹⁰.

27 октября 1932 г. Амо Эйдзи просил Л.М. Карахана об отправке в район станции Маньчжурия комиссии для переговоров на следующих условиях: «1. Число членов комиссии еще окончательно не установлено, но примерно предполагается отправить 5 офицеров Квантунской армии, 8 представителей Маньчжоу-Го, военного атташе или помощника военного атташе из посольства в Москве и представителя минидела...»¹¹. Согласно официальному сообщению, был утвержден следующий состав делегации в Забайкалье: «1) От штаба Квантунской армии: председатель делегации Комацубара и члены: подполковник К. Хасимото, состоящий при Харбинской военмиссии майор Миязаки, помощник япвоенного атташе в Москве капитан Ямаока, советник военно-административного отдела Маньчжоуго капитан К. Окада. Свита: драгоман китязыка Ф. Эндо, драгоман русского языка Т. Кагаэта, чиновник для поручений при штабе Квантунской армии Ф. Ювами, телеграфисты С. Мидзугучи и М. Сугазава. 2) Представитель японского министра индел — вице-консул в Благовещенске С. Тоихара. 3) От пр-ва Маньчжоуго: член ревкомитета КВЖД Шао-лин, начальник оружейного отдела Маньчжоугоского военного министерства Ван Ци-чжун и член свиты делегации от Маньчжоуго — Ша Вэн-юн»¹². Советское правительство положительно ответило на эту просьбу. Вскоре советские газеты сообщили: «Чита. На станцию Мацевскую прибыла япономаньчжурская комиссия под председательством начальника японской военной миссии в Харбине Комацу Бара с целью ведения переговоров с генералом Су-Бик-Венем...»¹³.

Возглавил японскую делегацию в Забайкалье начальник военной миссии в Харбине полковник Комацубара Мититаро (1886–1940). Необходимо заметить, что полковник Комацубара был одним из лучших специалистов по России в японской армии, он имел опыт работы и в Российской империи (помощник военного атташе в 1909–1910 гг.) и в Советском Союзе (военный атташе в 1927–1929 гг.). Вообще Комацубара Мититаро больше известен по событиям 1939 г., когда он в чине генерал-лейтенанта, командуя 23-й пехотной дивизией Квантунской армии, осуществлял общее руководство боевыми действиями японских войск в районе р. Халхин-Гол.

Первая группа «Миссии Комацубары» прилетела на самолете на станцию Даурия 11 ноября и затем по железной дороге пересехала на станцию Мацевская. Подробности прибытия в Забайкалье японской делегации были изложены в секретных циркулярах Начальника Полномочного представительства ОГПУ (П.П. ОГПУ) Восточно-Сибирского края от 13 и 16 ноября 1932 г.: «Прилет японцев на Мацевскую. 11 ноября прибыли в Даурию на одном самолете... Прибывшие японцы сообщили, что 12 ноября из Цицикара

прилетит еще один самолет с другими членами делегации. Делегация предлагает держать связь с Цицикаром самолетом. Делегация за подписями «Начальника Японской миссии для спасения страдающих японских резидентов в Барге Полковника Комацубары и пом. япон. атташе Ямаоки, «консулу Смирнову дана следующая телеграмма: «Одиннадцатого приехали Мациевскую, 13-го хочу видеть вас, прошу сообщить время и место свидания срочно». По полученным сведениям, прилет японского самолета на нашу территорию вызвал нервозность в китайских кругах гор. Маньчжурии»¹⁴; «14 ноября... прибыли в Даурию: член Комиссии — капитан Окадо, начальник отдела Военного министерства Маньчжуго — Ван-Цзи-Сян, чиновник Маньчжуго Ся-Вэнь-Юнь, член Ревкомиссии Правления КВЖД — подданный Маньчжуго Шаолин и три военных японских переводчика — Кагэта, Энда и Ви-Вами. Гости привезли с собой Японский национальный флаг. По пути в Китае самолеты разбрасывали листовки с указанием о роли и задачи Комиссии, приехавшей на Мациевскую. Над нашей территорией самолеты прошли медленно и низко. Над станцией Отпор одним самолетом сделали два круга и станцией Мациевской три круга. В Мациевской Японские резиденты и прибывшие ранее члены Комиссии вышли из вагонов приветствовать самолеты громкими криками, аплодисментами, двое держали в руках нацфлаг. Во время посадки в Даурии в момент выхода летчика из кабины самолета выпало около 50 листовок, содержание которых следующее: «Немедленно осознай. Перемирие есть для защиты интересов мирного населения Маньчжуго, которое заботится о народе и счастье последнего. В данный момент Совправительство по отношению двух государств Японии и Маньчжурии искренне показало дружественные отношения, но не может принять меры в защиту Маньчжуго против повстанцев. Зловредные милитаристы, Чжан-Сюэ-Лян в роскоши и блаженстве в Пейпине чувствуют себя счастливыми, а темные люди слушают его и последуют за ним. Печально за невежество народа... Для переговоров прибыла Комиссия, последняя разрешит все недоразумения, и несомненно, эти переговоры внесут всю ясность. Маньчжуго есть государство для нации Маньчжурии, не верьте провокаторам, распространяющим ложь». Гости через полчаса были доставлены на дрезине в Мациевскую. Тут же обратились с просьбой предоставить для них еще один вагон, и получили от нашего представителя обещание просьбу удовлетворить. В частном разговоре корреспондента «Востоксправды» с Амаока последний сообщил, что по сути дела в Мациевской находится не одна, а две Комиссии, именно Японии и Маньчжуго. Японцы будут заниматься спасением японских резидентов, что и является их единственной задачей. Комиссия же Маньчжуго займется разрешением всех общих спорных вопросов между Маньчжуго и генералом Су. В этом же разговоре с корреспондентом Амаока сказал, что СССР следовало бы дать почувствовать китайцам, что позиция СССР есть не только нейтралитет, но дружественный по отношению к Японии нейтралитет. Касательно разговора Совконсула Смирнова с Комацубарой о намерении японцев вести переговоры с Су на территории Маньчжурии при наличии гарантии со стороны Су и СССР, как нейтральной страны, Амаока заметил, что, по его мнению, Комиссия даже при отказе СССР в даче такой гарантии все же пойдет на переговоры с генералом Су в городе Маньчжурии, и что в случае отказа китайцев от переговоров последует немедленное общее наступление Японской армии на генерала Су, что им сегодня посланы телеграммы японскому правительству, командующему Квантунской армией Мупипо и копии в Японское посольство в Москве и Министерство иностранных дел с просьбой обратиться к Советскому правительству о даче последним указаний Смирнову по вопросам переговоров. С нашей стороны по линии командования и представителем Полуновым приказало своему порученцу, находящемуся при Японской делегации, — больше самолетов, кроме прибывших, не принимать и также запретили держать самолет для связи с Харбином...»¹⁵.

Члены миссии Комацубары были приняты советским военным командованием приграничного района. Об этом говорится и в циркулярном сообщении ПП ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю под названием «Приглашение Председателя Японской Комиссии Полковника Комацубары с визитом в Даурию». В документе говорится: «Комди-

вом Рокоссовским был запрошен представитель нашего командования при японской комиссии Бармашев о самочувствии гостей с просьбой передать Комацубаре, что будет очень рад видеть его у себя 21/XI в 12 часов. Комацубара спросил Бармашева о порядке приема его в Даурии...»¹⁶.

Находясь на нашей территории, японские представители пытались оказывать на советскую сторону давление. 18 ноября 1932 г. глава японской делегации Комацубара в частной беседе с корреспондентом газеты «Восточно-Сибирская правда» заявил: «Я думаю, что позиция СССР в вопросе конфликта с генералом Су является дружественной по отношению к японцам, однако, пребывание в СССР в течение недели начинает убеждать меня в обратном. СССР относится дружелюбно нейтрально не к Японии, а к восставшим, с которыми по сути дела Советский Союз не должен иметь никаких отношений, как с властями непризнанными со стороны СССР. Весьма возможно, что СССР даже помогает Су... Когда я выезжал из Харбина, я был горячим сторонником заключения пакта о ненападении между СССР и Японией, теперь я изменил свое мнение... Наша основная задача предотвратить наступление японской армии, что означало бы занятие японскими войсками станции Маньчжурия и, возможно, рано или поздно столкновение японских войск с советской армией»¹⁷.

Приезд японской делегации в Забайкалье негативно отразился на советско-китайских отношениях. В циркуляре ОГПУ Восточно-Сибирского края от 16 ноября 1932 г., в частности, говорилось: «В день прилета японских самолетов в Даурию, 14 ноября 1932 г., на встрече с советским консулом в городе Маньчжурия В.В. Смирновым представитель генерала Су Бинвэня передал, что китайская сторона выражает недоумение, почему советская сторона без согласования с самим генералом Су дала согласие на проведение японо-китайских переговоров на своей территории»¹⁸. В советских документах отмечалось: «После прилета на станцию Даурия японских аэропланов отмечается охлаждение китайцев по отношению к советским гражданам. Рядовые китайцы, полицейские, коммерсанты характеризуют политику Советского государства как заигрывание с Японией и делают вывод: Приятель нашего врага — наш враг»¹⁹.

В циркулярах ПП ОГПУ Восточно-Сибирского края показан ход событий и позиция сторон по вопросу о японо-китайских переговорах: «14-го ноября консула Смирнова посетил генерал У и контролер Лю, которые по поручению генерала Су сообщили следующее: Генерал Су 6 ноября получил из Чань-Чуня телеграмму за подписью начальника Штаба Квантунской армии с предложением мирных переговоров на Советской территории. Того же числа Су получил телеграмму от Комацубары с извещением, что последний назначен председателем Комиссии по переговорам. 7 ноября Су получил телеграмму из Харбина от Шаолина и Ван-Цзе-Дуна с предложением в избежание напрасных жертв согласиться на мирные переговоры и ликвидировать восстание, уверяя в соблюдении личных интересов Су и удовлетворении его претензии. На первые две телеграммы Су не ответил. На телеграммы Шаолина и Ван-Цзе-Дуна Су ответил, что выступление против Японии носит характер народного движения и последнее от его личного усмотрения не зависит. 12-го ноября Су получил вторую телеграмму от Шаолина и Ван-Цзе-Дуна из Цицикара с сообщением, что Комиссия Комацубары вылетела в Даурию и рекомендовала Су выслать туда своих представителей... В беседе У отметил, что Су недоумевает, почему СССР разрешил вести переговоры на своей территории, не зная мнение другой стороны. Су просил передать Советскому правительству, что он не давал согласия и не согласен на ведение мирных переговоров с японцами... 14 ноября японский консул по телефону просил Совконсула Смирнова навестить его для личной беседы по вопросам эвакуации. 17 ноября с разрешения китштаба, в присутствии 2-х его представителей. Секретарь советского консульства посетил японское консульство и информировал его о наших переговорах с генералом У...»²⁰.

Советская сторона оказалась в сложной ситуации. Обострение отношений с Китаем не входило в планы Москвы, поэтому была предпринята попытка избавиться от нежелательных гостей в Забайкалье. В записи беседы Л.М. Карахана с японским времен-

ным поверенным в Москве от 17 ноября 1932 г. говорилось: «Амо пришел, чтобы сообщить мне ответ японского правительства... "Японское правительство сожалеет, что генерал Су Бин-вэнь не проявил искренности... Японская комиссия только что прибыла на место благодаря специальной любезности советских властей... Однако сейчас же после того, как члены японской комиссии прибыли на станцию Машиевская, правительство СССР просит японское правительство уточнить срок отзыва комиссии, ввиду того, что они сразу же не начали переговоров с генералом Су Бин-вэнем. Это вызвало неожиданное удивление у японского правительства, учитывая любезное отношение Советского правительства в этом вопросе...", таким образом, мы имеем лишь тот факт, что японская военная миссия, прилетевшая на аэропланах, находится вблизи нашей границы и без какой-либо понятной и разумной цели продолжает там находиться, и хочет там находиться на неопределенно длительный период времени»²¹. 21 ноября Амо Эйдзи передал в Маньчжурию и Японию текст полученной от Л.М. Карахана ноты с пожеланием «возможно скорейшей эвакуации японской делегации»²². Но из Токио инструктировали своего представителя в Москве вновь просить о сроках продления пребывания миссии Комацубары в Забайкалье.

Говоря о непримиримой позиции Су Бинвэня по отношению к японцам, необходимо отметить, что имели место и попытки его переговоров с Комацубарой. В документах ОГПУ из Иркутска отмечается: «Полковник Комацубара подал начальнику Штаба корпуса следующую телеграмму: «...2) Завтра 28-го ноября два человека Шао-Лин и Ван-Цзы-Цун по вызову горголови Чао (в действительности вызов Чао согласован с Су-Бен-Венем) выезжает в Хайлар. Им дана следующая директива: 1) Официальное указание о формальном открытии переговоров; 2) О немедленном освобождении всех участвовавших в манчжурских событиях; 3) Об освобождении участвовавших в манчжурских событиях военных, а также резидентов. Су-Бен-Веню ставятся следующие условия: а) удовлетворение его претензий в служебном положении, б) офицеры его армий остаются на теперешнем положении, в) невыданное жалование солдатам будет выплачено, г) при остановлении военных действий, чему комиссия содействует, но решать окончательно этого вопроса комиссия затрудняется, д) возмещение всех понесенных резидентами и чиновниками материальных убытков во время событий»²³.

До Хайлара представители полковника Комацубары не доехали. В секретном сообщении ПП ОГПУ ВСК от 3 декабря 1932 г. говорилось: «30 ноября Городской голова Чжао получил телеграмму следующего содержания: (кратко) "Послал Вам три телеграммы и ни на одну не получил ответа. Внезапно для нас через Совконсула телеграммой на имя Камацубара мы узнали о том, что вы интересуетесь причиной нашего предстоящего свидания. Для разрешения поставленного перед нами вопроса мирным путем я лично потратил уже несколько месяцев, вы сами видите при создавшейся обстановке бедствие народа и упадок в их личных делах и болеете за это душой, идя навстречу благополучию народа, я не жалею ничего и еду к Вам в Хайлар. Для нас непонятно то обстоятельство, что предложение Ваше о предстоящем свидании сделано вами было раньше, а теперь совконсул запрашивает о причинах поездки. Ускорение поездки в Хайлар мною базируется на том, что я знаю в недалеком будущем будет сильное наступление. Жалея гибель народа, а также принимая во внимание, в частности, я с генералом Су в самых хороших отношениях, поэтому я стараюсь и хочу добиться последнего успеха в мире. Прошу передать мое мнение генералу Су. Разрешение этого вопроса в благоприятном смысле принесет счастье населению, живущему в районе Маньчжурия-Хайлар, и лично я буду считать себя счастливым. Шао-Лин". Эта телеграмма была получена утром, и китайцы не предполагали отвечать, считали, что их ответная телеграмма разошлась с этой. После получения известий с фронта о боях у Ижаланьтуна, сегодня днем гор. голова послал Шаолину следующую телеграмму: "Приезжайте встречу вокзале на станции Маньчжурия". Шаолин и Ван сегодня вечером прибыли сюда, были встречены комендантом станции и офицером штаба и помещены в гостиницу»²⁴. Однако, как сообщалось в циркулярном письме ПП ОГПУ ВСК о посещении китайским представителем советского

консульства в Маньчжурин: «В беседе Чжао сообщил, что Шаолину и Вану он имеет приказ предложить покинуть Маньчжурию. Причем сказал, что якобы Су сделал ему выговор за его якобы самовольное согласие на приезд делегатов. Шаолин на совет. территорию еще не выехал»²⁵.

Миссия Комацубары оказалась в целом безуспешной, Су Бинвэнь не вступил в переговоры, и 28 ноября 1932 г. японские войска перешли в наступление. 4 декабря генерал Су со своим штабом прибыл на станцию Маньчжурия и, посетив советское консульство, попросил «довести до сведения Советского правительства, что вынужден отступить на советскую территорию, разоружиться добровольно и просит у Советского правительства разрешения всем эвакуироваться через СССР в Китай»²⁶. В документах зафиксировано: «В 21 час 33 минуты 4 декабря Су-Бен-Вен со своим штабом в поезде из 26 вагонов переехал на нашу территорию, предложению вернуться в Маньчжурию — отказался, разоруживаясь»²⁷. Согласно сообщениям советской прессы: «На советскую территорию со станции Маньчжурия прорвался поезд в составе 43 вагонов. Поезд был задержан войсками пограничной охраны. При обыске было установлено, что в нем, в числе других, находится генерал Субинвэнь со всем его штабом... Кроме того, китайские воинские части вывезли с собой со станции Маньчжурия в трех вагонах японских резидентов и китайских служащих Манчжоу-Го... Японские резиденты, а также китайские служащие Манчжоу-Го переведены на ст. Мацневская для дальнейшего следования, по их желанию, в Манчжурию или Японию...»²⁸.

В соответствии с существовавшей международной практикой советская сторона объявила передешших границу китайцев интернированными. Однако присутствие в этом районе миссии Комацубары осложнило ситуацию. В секретном циркулярном сообщении ОГПУ ВСК от 7 декабря сообщалось: «Приезд японской комиссии на ст. Отпор породил среди интернированных боязнь о том, что между СССР и Японией ведутся переговоры, которые могут окончиться передачей интернированных Японии»²⁹. 8 декабря Амо Эйдзи в Москве дважды посещал Л.М. Карахана, передавая требования своего правительства о выдаче Су Бинвэня как уголовного преступника. Для того, чтобы пресечь всяческие слухи о том, что Комацубара добился своего, в советских газетах на первых полосах были напечатаны опровержения под названием «Провокационные сообщения агентств “Симбун Ренго” и “Рейтер”», в которых, в частности, говорилось: «Токно. “Симбун ренго” общается из Цицикара, что советские власти 7 декабря передали япономанчжурским властям генерала Субинвэня и 40 других лидеров антиманчжурских войск. В числе переданных находится лицо называющее себя генералом Ма... В случае, если личность генерала Ма будет удостоверена, ему будет предъявлено обвинение в измене. “Рейтер” распространяет сообщения, что советские власти якобы выдали японским властям 4 тысячи китайских солдат во главе с Субинвэнем...»³⁰.

В ночь на 6 декабря 1932 г. японские войска заняли станцию Маньчжурия. После этого туда стали выезжать японцы из Мацневской. 7 декабря из Иркутска сообщили: «Находящейся на Мацневской япкомиссии по их просьбе разрешено выехать в г. Маньчжурию. Также просят разрешение на выезд в Маньчжурию вице-консул Новосибирска Оттани и корреспонденты Баба и Токай, не имеющие виз, коим предложено возбудить вопрос о разрешении по линии Наркоминдела»³¹. В циркуляре ОГПУ от 9 декабря 1932 г. говорилось: «6/ХП... Сегодня прибыл в Маньчжурию Комацубара. Он просил сообщить его просьбу, ускорить разрешение вопроса об отправке в Маньчжурию оставшихся на Мацневской япбеженцев, каковой вопрос поставлен перед советским правительством вице-консулом Оотани через посольство»³². Согласно документам, полковник Комацубара еще некоторое время оставался на станции Маньчжурия, он вместе с японским генералом Хаттори посетил советского консула с выражением благодарности за посредничество в японо-китайских взаимоотношениях³³.

События, связанные с восстанием армии Су Бинвэня, сыграли определенную роль в становлении новой обстановки в регионе накануне Второй мировой войны. 12 декабря 1932 г. состоялся обмен нотами между народным комиссаром иностранных дел

СССР М.М. Литвиновым и главой делегации Китая на конференции по разоружению в Женеве Ян Хуйцином о восстановлении дипломатических отношений между СССР и Китаем. 13 декабря 1932 г. М.М. Литвинов сообщал в Москву: «Мацуока... поздравил меня и выразил удовлетворение по поводу восстановления отношений с Китаем, за которые мы должны якобы быть благодарны японцам, которые так напугали Китай, что ему ничего больше не оставалось, как вернуться к нам»³⁴. В это же время, 13 декабря 1932 г. японское правительство отклонило внесенное советским правительством еще в декабре 1931 г. предложение о заключении советско-японского пакта о ненападении.

Собственно же история миссии Комацубары показала, что даже в ситуации советско-японского военно-политического противостояния в двусторонних отношениях сохранялся определенный кредит доверия, обе стороны находили возможности для взаимодействия и сотрудничества.

1. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 62.
2. Китай и русская эмиграция в дневниках И.И. и А.Н. Серебренниковых. В 5 т. М., 2006. Т. I. С. 229.
3. Красноярский рабочий. 1932. 8 окт.
4. Документы внешней политики СССР. М., 1969. Т. 15. С. 581—582.
5. ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 64.
6. Документы внешней политики СССР. М., 1969. Т. 15. С. 589.
7. Русско-китайские отношения в XX в. М., 2010. Т. 3. С. 117.
8. ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 1011. Л. 145.
9. ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 73.
10. ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 62.
11. Документы внешней политики СССР. М., 1969. Т. 15. С. 589.
12. ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 1011. Л. 145.
13. Красноярский рабочий. 1932. 18 нояб.
14. ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 62.
15. ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 35–36.
16. ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 70.
17. ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 40–42.
18. ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 35.
19. ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 47.
20. ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 36–38.
21. Документы внешней политики СССР. М., 1969. Т. 15. С. 614–617.
22. ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 1011. Л. 146об.
23. ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 60.
24. ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 48.
25. ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 55.
26. ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 56.
27. ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 54.
28. Красноярский рабочий. 1932. 12 дек.
29. ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 53.
30. Красноярский рабочий. 1932. 14 дек.
31. ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 52.
32. ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 49.
33. ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 50.
34. Документы внешней политики СССР. М., 1969. Т. 15. С. 682.

Бао Дай, последний император Вьетнама. Исторический очерк

© 2012

Е. Кобелев

(Окончание. Начало в ПДВ № 2, 2012.)

Во второй части очерка рассказывается о наиболее противоречивых этапах политической биографии Бао Дая: император-марионетка японских милитаристов в 1940–1945 гг., после победы Августовской революции и провозглашения независимости Вьетнама – отречение от престола и назначение советником правительства Хо Ши Мина. После возвращения Франции во Вьетнам, он снова у кормила власти в качестве "главы государства". И, наконец, после ухода Франции, потеря этого поста и свыше двух десятков лет прозябания в бывшей метрополии без титулов и регалий в качестве частного лица.

Ключевые слова: Япония в Индокитае, Августовская революция, отречение от престола, советник правительства Хо Ши Мина, "глава государства Вьетнам", гражданин Франции.

Когда в июне 1940 г. Франция капитулировала перед Германией, и в стране было образовано профашистское правительство во главе с Петэном со столицей в городе Виши, то именно это правительство подчинило себе колониальную администрацию в Индокитае. Это обстоятельство облегчило японскому милитаризму осуществление агрессивных замыслов в отношении Индокитае, так как к этому времени японская армия, установив контроль над южной частью Китая, вышла к границам Вьетнама. В августе и сентябре 1940 г. Япония заключила со ставленником Виши генерал-губернатором Индокитае адмиралом Дэку ряд выгодных для нее соглашений, которые поставили Индокитай под японский экономический и военный контроль и означали начало так называемой "мирной оккупации" Японией Индокитае.

В отличие от других стран Юго-Восточной Азии, где японская оккупация сопровождалась крахом западных колониальных режимов, в Индокитае японцы сохранили французскую колониальную администрацию, которая встала на путь тесного сотрудничества с оккупантами. Фактически с этого времени вишистская Франция стала союзником милитаристской Японии в мировой войне.

И, естественно, японские оккупационные власти, чья родина сама была монархической страной, не только сохранили режим династии Нгуенов в Хюэ, но и старались оказывать Бао Даю всяческие знаки внимания, выражая готовность тесно сотрудничать с вьетнамским императорским двором.

Таким образом, в положении Бао Дая, по-прежнему основную часть времени отдававшемуся охоте на плато Тэйнгун, практически ничего не изменилось. Нам Фы-

онг и дети жили в особняке в Далате. Война, разгоравшаяся на просторах Азии и Тихого океана, пока никак не затрагивала Вьетнам. В самом Хюэ тоже все было спокойно, как будто и не произошла смена хозяев Индокитая. Только после того, как американские войска под командованием генерала Макартура захватили японский остров Окинава, обстановка несколько изменилась. Американские самолеты стали бомбить объекты японской армии в Индокитае, и были случаи, когда бомбы падали в нескольких сотнях метрах от центра Хюэ.

"Однако монарх, — пишет Д. Гранклеман, — ничем не выражал тревоги в обстановке, когда огонь и кипящая вода стали подбираться к стране, которой он правил. Он по-прежнему пропадал на охоте или рыбалке, отдавал все силы развлечениям или, стоя на балконе, лицезрел лунный диск, который, по вьетнамским поверьям, предсказывает судьбу. В общем, вел себя так, как будто война — это всего лишь страшный сон, который вряд ли станет реальностью»¹.

Так как Нам Фыонг жила с детьми отдельно, у Бао Дая появилась новая возможность развлечения — молодые женщины. Первая из них — красавица Фи Иен, для которой он, хотя и не располагал большими деньгами, приобрел особняк, где любовники и встречались. Эта связь едва не закончилась трагически: Нам Фыонг, узнав об измене мужа, решила подговорить шофера застрелить их обоих, если он увидит их вместе. Ситуацию пришлось спасать самой супруге адмирала Дэку, которая помчалась на машине по крутой горной дороге к месту, где любовники условились встретиться².

Нам Фыонг была, как вспоминали ее друзья еще по учебе в Париже, высоко нравственным, добродетельным человеком. И она даже не могла представить себе, что такое возможно. Она страдала от женской ревности, от вероломного предательства любимого мужа. Самым близким людям она говорила даже, что подумывает уйти в монастырь. "Она горько сожалела, что будучи юной, увлеклась красивым и умным человеком, который оказался на деле сумасбродом и бабником, человеком, у которого на уме одни развлечения и удовольствия"³.

Тем временем к концу 1944 г. положение Японии в оккупированных странах Юго-Восточной Азии начало стремительно ухудшаться. Чтобы укрепить свои позиции в Индокитае, японские власти приняли решение совершить военно-политический переворот и устранить французскую колониальную администрацию. 9 марта 1945 г. менее чем за сутки основная часть французских вооруженных сил была японской армией обезоружена, уничтожена или захвачена в плен. В трех странах бывшего французского Индокитая — Вьетнаме, Лаосе и Камбодже были созданы "независимые" государства, которые были включены Японией в "Великую Восточно-Азиатскую сферу процветания".

Как и в 1940 г., эти события практически никак не отразились на положении династии Нгуенов и лично Бао Дая. Видный вьетнамский историк Чан Ван Зяу так описывает начало "новой эры" в жизни Бао Дая: "9 марта, когда Бао Дай по привычке с увлечением занимался охотой, выстрелы зазвучали в самом Хюэ. Утром 10 марта японцы приказали Бао Даю сделать заявление о провозглашении независимости. Утром 11 марта правительство династии Нгуенов, которое еще вчера хранило абсолютную верность Франции, выступило с заявлением об аннулировании всех договоров о протекторате, подписанных с Францией, и о том, что Вьетнам возвращает себе независимость, разумеется, "согласно принципам совместной декларации государств Великой Восточной Азии"⁴.

Кроме того, японские "друзья" рекомендовали Бао Даю заменить профранцузского Фам Куиня на своего ставленника — известного ученого-конфуцианца Чан Чонг Кима. 17 марта Бао Дай подписал указ № 1 о "реформировании госаппарата династии в соответствии с новой обстановкой"⁵. 5 апреля японцы доставили Чан Чонг Кима на своем самолете из Бангкока в Хюэ, где Бао Дай официально назначил его главой кабинета министров и поручил представить кандидатуры членов нового состава Кабинета. 3 мая

Бао Дай обратился с посланием к народу, в котором не скрывал своей радости по поводу произошедших событий. Он сообщил, что утвердил новый состав кабинета министров, который является "первым правительством независимого Вьетнама после 80 лет иностранного господства... Отныне, благодаря императорской армии Великой Японии, наша страна обрела свободу... На пути независимости будет еще много трудностей, но Мы считаем, что у 20-миллионной вьетнамской нации, которая имеет славную четырехтысячелетнюю историю, хватит сил взять на себя часть ответственности в деле созидания новых сопроцветания Великой Восточной Азии и сможет стать могучей нацией в этом мире"⁶.

Но после капитуляции фашистской Германии в мае 1945 г. и крупных поражений японской императорской армии в военных действиях на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии, всем трезвомыслящим людям в окружении Бао Дая стало ясно, что дни японского господства в Индокитае сочтены. Только один Бао Дай никак не мог поверить, что Япония может потерпеть поражение, хотя Фам Кхак Хоэ каждый день приносил ему новости одна огорчительнее другой. Все дело в том, что Бао Дай чуть ли не ежедневно обедал или встречался с послом Японии при дворе генералом Июкогамой и его супругой, и они клятвенно заверяли вьетнамского монарха, что Страна восходящего солнца, нация Ямато, которая живет по завету своего божественного предка императора Дзимму "Хакко Итио! — Весь мир под одной крышей — наш дом!", никогда не сдастся врагам, поэтому Бао Дай может быть спокоен за свой престол.

И вдруг 15 августа в Хюэ пришла весть, что император Хирохито выступил по радио с заявлением о безоговорочной капитуляции Японии. Если Бао Дай был далек от всего этого, так как продолжал пропадать в джунглях на охоте, то его кабинет министров после получения известия о капитуляции Японии практически впал в ступор. Только 17 августа Чан Чонг Ким, выйдя из этого состояния, созвал срочное заседание кабинета, председательствовал на котором вернувшийся император. Бао Дай предложил срочно направить телеграммы главам союзных государств — президенту США Г. Трумэну, королю Великобритании Георгу VI, правителю Китая Чан Кай Ши и французскому генералу Де Голлю с просьбой помочь Вьетнаму, который только что вырвался из лап японской армии, защитить свою независимость. Однако три члена Кабинета выразили недоумение, почему среди союзных государств не названа Советская Россия и предложили направить в адрес И. Сталина телеграмму такого же содержания, как и Г. Трумэну.

Дальше началось бурное обсуждение вопроса, какие меры надо предпринять, чтобы достойно встретить войска союзников, когда они высадятся во Вьетнаме для разоружения японских войск. С наиболее оригинальным предложением выступил один из членов Кабинета Ву Ван Хиен: "В нынешней ситуации самая важная проблема — необходимо иметь "законное" правительство, которое обеспечило бы порядок и имело полномочия говорить и действовать, чтобы когда союзники придут, то они не имели бы возможности под видом наведения порядка помочь французским колонизаторам вернуться в нашу страну. Чтобы добиться этой цели, надо реально передать всю власть Вьетминю⁷, но формально — все же сохранить монархический режим с кабинетом министров, сформированным Вьетминем, — вот это поистине будет "законная" власть"⁸.

После бурных дебатов это предложение было одобрено большинством и, главное, самим Бао Даем. 17 августа он подписал императорский указ № 105, в котором была изложена его позиция из двух основных пунктов:

- 1) монарх согласен передать власть Вьетминю — организации, которая активнее всех боролась за интересы народа, и приглашает руководителей Вьетминя в Хюэ для формирования нового кабинета министров;
- 2) вопрос о политическом режиме в стране должен быть в последующем определен самим вьетнамским народом, монарх обязуется подчиниться его воле.

Затем на рассмотрение Бао Дая был предложен проект его обращения к нации: "Стремясь укрепить основы независимости государства и защитить интересы нации, Го-

сударь готов пожертвовать всем. Именно во имя счастья народа Вьетнама Государь воссел на золотой престол императора. Государь готов быть гражданином независимой страны, нежели оставаться королем страны рабов. Государь считает, что вся нация в едином порыве жертвует собой, как и сам Государь..."⁹

Когда Бао Даю дали на подпись этот документ, названный "возвращением", он долго не решался его подписать, несколько раз повторив вслух и про себя основополагающую фразу возвращения: *"Государь готов стать гражданином независимой страны, нежели оставаться королем страны рабов"*. Он, конечно, понимал, что она означает фактически заявление о его готовности, в случае необходимости, отречься от престола. Но после некоторых колебаний все-таки подписал этот документ. Таким образом, кропотливая работа начальника императорской канцелярии Фам Кхак Хоэ и его сторонников среди членов кабинета министров по подталкиванию монарха к мысли об отречении постепенно приносила свои плоды.

Хотя в душе Бао Дай уже готов был к этому шагу, его колебания были вызваны тем, что он до сих пор не знал, кто является руководителем могущественного, пользующегося широкой народной поддержкой Вьетминя. И он дает своим советникам задание срочно узнать и сообщить ему имя этого руководителя.

20 августа господин Хоэ покинул пределы дворца и устремился в кварталы города, где жил простой люд, иными словами "пошел в народ". И там ему показали листовки с призывом к всеобщему восстанию, под которым он увидел подпись революционного вождя Нгуен Ай Куока. Хоэ помчался обратно во дворец и доложил Бао Даю об этом, добавив, что люди говорят, что именно этот человек и является руководителем Вьетминя.

И тут он как бы к месту вспомнил и рассказал Бао Даю одну весьма загадочную легенду, которая с давних лет передавалась из уст в уста среди жителей провинций Нгеан и Хатинь. Есть такое поверье: когда горы Дуншон расколются надвое, а ручей Бодай перестанет журчать, тогда на земле Намдан родится святой. (Эти горы и ручей находятся в уезде Намдан провинции Нгеан, где родился Хо Ши Мин. — *Прим. авт.*) Это поверье появилось еще в XVI в., а в конце XIX в. горы Дуншон в результате строительства дороги действительно были разрезаны на две части, а ручей Бодай со временем становился все полноводнее и перестал журчать. Тем самым вроде бы пришло время родиться святому на земле Намдан. Но кто он? Вначале многие люди, особенно pho si, думали, что это известный революционный деятель Фан Бой Тяу. Однако, начиная с 1920 г. единым стало мнение, что это пламенный патриот Нгуен Ай Куок, который в то время вел революционную работу во Франции и готовился на крыльях победы вернуться во Вьетнам¹⁰.

Дальше между императором и его ближайшим советником произошел следующий диалог:

Бао Дай: Мы правильно поняли, что господин Хоэ советует Нам отречься от престола и передать всю полноту власти Вьетминю?

Советник Хоэ: Да, именно так.

Бао Дай: Если действительно руководитель Вьетминя — это "Святой Нгуен Ай Куок", то Мы готовы отречься от престола немедленно¹¹.

22 августа власть в городе Хюэ перешла в руки революционного комитета¹², вместо привычных императорских флагов повсюду на столбах и крышах домов развевались красные флаги с желтой звездой — флаги Вьетминя. Представитель ревкома передал Фам Кхак Хоэ письмо-ультиматум Вьетминя, в котором содержалось требование, чтобы император немедленно передал власть народу, при этом было высказано обещание, что новая власть гарантирует жизнь бывшему монарху и его семье, а также неприкосновенность его имущества.

Конечно, для Бао Дая это было обнадеживающее обещание. И вместе с тем, как вспоминают все общавшиеся с ним в те дни, на лице его читались тревога и страх. Он

хотел верить заверениям новой власти, но во время учебы во Франции он получил много знаний по основам мировой истории и не мог не вспоминать трагическую участь в период революций английского короля Карла I, французского короля Людовика XVI и королевы Марии-Антуанетты и особенно русского царя Николая II, расстрелянного вместе со всей семьей. К тому же, его тревога и страх подкреплялись то и дело приходящими из соседних провинций известиями о том, что сторонники Вьетминя устроили самосуд над несколькими высшими чиновниками, обвиненными в предательстве родины за свое служение японцам или французам.

24 августа 1945 г. в императорскую канцелярию поступила телеграмма от Народно-революционного комитета Бакки следующего содержания: "Временное народно-революционное правительство создано, его председатель — почтенный Хо Ши Мин. Просим уважаемого короля немедленно отречься от престола, чтобы способствовать укреплению основ государственной независимости"¹³.

Прочитав эту телеграмму, Бао Дай опешил, решив, что это какая-то ошибка. Дело в том, что ни он сам, ни его окружение, даже Фам Кхак Хоз, до сего времени ни разу не слышали такого имени. Только через несколько часов он получил подтверждение, что Хо Ши Мин и Нгуен Ай Куок — это одно и то же лицо. Бао Дай радостно поднял обе руки вверх и воскликнул по-французски: «*Ca vaut bien le coup alors* (Тогда стоит и отречься)». Тут же была отправлена в Ханой ответная телеграмма, где говорилось, что император готов отречься от престола и приглашает председателя Временного революционного правительства прибыть в Хюэ для участия в торжественной церемонии отречения. Временное правительство в ответной телеграмме приветствовало "дух демократии, солидарности и единства" императора и сообщило, что в ближайшие дни представители правительства придут в Хюэ.

После того как Бао Дай официально дал согласие на свое отречение, он часто вызывал к себе Фам Кхак Хоз, чтобы обсудить создавшуюся обстановку и поговорить о своем будущем. Так, он сообщил, что в местечке Блао в 20 км от Далата по дороге на Сайгон у него есть собственная чайная плантация, и после отречения он собирается поселиться там и жить на доходы от выращивания и продажи чая. Что касается питания, то, по словам Бао Дая, недалеко от плантации начинаются джунгли, и он как умелый охотник может настрелять там много дичи, а если удастся подстрелить тигра, то за него можно будет выручить очень много денег и жить припеваючи.

Верховный советник

25 августа решением ЦК КПИК и Временного правительства для принятия отречения императора была сформирована делегация в составе трех человек: Чан Хюи Льеу (глава делегации), Нгуен Лыонг Банг¹⁴ и Ку Хюи Кан. Чан Хюи Льеу, ставший в ДРВ видным специалистом по истории Вьетнама, оставил пространные воспоминания об этой поездке в Хюэ и о церемонии отречения Бао Дая.

Любопытно прочитать в них, например, рассказ о том, как, готовясь к поездке, члены делегации, естественно, волновавшиеся перед предстоящей им миссией, долго обсуждали вопрос, как им вести себя в общении с императором. "...Одна из трудных проблем, — писал Чан Хюи Льеу, — как нам и Бао Даю друг друга называть?"¹⁵ Конкретно, как нам называть павшего императора и что нам делать, если он будет себя величать привычным "Чам" ("Мы, Государь")? Дело в том, что пока не произошло отречение, он формально остается императором, а значит вправе называть себя "Чам". В конце концов мы решили так: сейчас он наш военнопленный, поэтому манера обращения к нему не должна быть для нас проблемой. Проблема в другом — в обстановке, когда народная власть только что создана, надо действовать так, чтобы укреплять ее и успокоить души людей. Политика правительства, великодушные народы — это милосердие, прощение всех

тех, кто оступился, но вернулся к народу. Поэтому поиск подходящих местоимений не столь уж важен. Мы должны обращаться к нему, как принято в общении среди наших людей — "ong" ("господин"), а как он захочет себя величать — это его дело, хотя наверняка он не посмеет обращаться к нам "Мы, Государь"¹⁶.

30 августа в ранний час более 50 тысяч жителей города Хюэ собрались перед Ngo Mon — Южными воротами императорского дворца. Повсюду над толпой вдоль реки Ароматной, пересекающей город, и над десятками джонок и лодок, запрудивших реку, реяли красные флаги с желтой звездой. Машина с делегацией Временного правительства медленно въехала в Южные ворота под мощные приветственные возгласы многотысячной толпы.

Как вспоминал Чан Хюи Льеу, в истории династии Нгуенов эти ворота открывались только перед "посланцами неба" феодальных династий Китая, которые приезжали в Хюэ пожаловать кому-либо из вьетнамских сюзеренов высокий сан. В период, когда Франция завоевывала Вьетнам, командующий экспедиционными войсками генерал De Courcy, угрожая применить силу, потребовал от коменданта дворца открыть Южные ворота, чтобы его принял сам император. А теперь машина с делегацией революционного правительства спокойно въезжает в эти освященные веками ворота, и "в этом вроде бы нет ничего странного, но это и есть победный результат долголетней борьбы народа против колонизаторов, против феодалов под руководством Партии"¹⁷.

После того как Бао Дай передал главе делегации 10-килограммовую золотую печать династии¹⁸ и позолоченный меч, инкрустированный драгоценными камнями, и заявил о своем отречении от престола, Чан Хюи Льеу от имени Временного революционного правительства зачитал декларацию о ликвидации монархического режима в стране. Ответом на эти его слова были громогласные возгласы многотысячной толпы: "Viet Nam doc lap tuon nam!" («Да здравствует независимый Вьетнам!»), " Viet Nam Dan chu Cong noa tuon nam!" («Да здравствует Демократическая Республика Вьетнам!»).

По окончании официальной церемонии Бао Дай попросил членов делегации подарить ему значок Вьетминя с красным флагом и желтой звездой и приколот его себе на грудь. Обращаясь к народу, Чан Хюи Льеу сообщил, что с этой минуты Бао Дай стал гражданином Винь Тхюи и призвал соотечественников приветствовать нового гражданина молодой республики. Винь Тхюи рассмеялся, услышав эти слова, и со своей стороны поднял над головой руки, приветствуя участников митинга.

Итак, с 30 августа 1945 г. бывший император Бао Дай стал гражданином ДРВ. После церемонии отречения он вернулся в свои покои и стал готовить вещи к переезду на новое место жительства. Неожиданно ближе к вечеру Фам Кхак Хоэ вызвали в Народно-революционный комитет города по срочному делу. Там его встретил Тон Куанг Фьет, председатель ревкома провинции Тхыатхиен, центром которой являлся город Хюэ. Он вручил ему телеграмму, полученную из Ханоя и при этом воскликнул:

— Только такой великий революционер, как Нгуен Ай Куок, мог стать автором этой оригинальной идеи. Временное революционное правительство приглашает гражданина Винь Тхюи стать Верховным советником правительства и предлагает срочно организовать его прибытие в Ханой¹⁹.

Тон Куанг Фьет лично прибыл во дворец и сообщил Винь Тхюи о предложении революционного правительства. На лице бывшего императора отразились удивление и раздумья. Но он недолго колебался, горячо поблагодарил правительство за оказанную ему честь и только попросил разрешения, чтобы вместе с ним поехали принц Винь Кан и советник Фам Кхак Хоэ. Утром 2 сентября²⁰ Винь Тхюи попрощался с матерью, с женой и тремя детьми (старший сын Бао Лонг в это время уже учился во Франции). Нам Фыонг была одета, как простая вьетнамка — белая блузка и широкие черные шаровары, она украдкой вытирала платком слезы, катившиеся из глаз. Через несколько минут два автомо-

бия — в первом Винь Тхюи и сопровождающие его лица, во втором — охрана с винтовками, выехали за пределы Хюэ и взяли курс на север.

4 сентября делегация прибыла в Ханой, и уже вечером Винь Тхюи был приглашен в президентский дворец на прием, устроенный в его честь правительством. А утром следующего дня по просьбе Винь Тхюи он был принят президентом Хо Ши Мином. Их беседа продолжалась около часа, в теплой и веселой обстановке, так как президент много шутил. По окончании беседы Хо Ши Мин заверил верховного советника, что если у него появятся какие-либо проблемы, то революционное правительство всегда будет готово помочь в их решении. Вернувшись домой, Винь Тхюи возбужденно рассказывал Фам Кхак Хюэ: "Дедушка Хо такой хороший, веселый и очень простой!".

Указом ВРП ДРВ от 10 сентября 1945 г. Винь Тхюи был официально назначен на пост верховного советника правительства. В последующем правительство не раз менялось — из временного оно стало коалиционным, затем официальным, назначенным 2 марта 1946 г. на первой сессии избранного парламента — Национального собрания, но Винь Тхюи неизменно оставался Главой группы советников.

Он был включен в комиссию из восьми человек во главе с Президентом Хо Ши Мином по подготовке проекта Конституции ДРВ, который необходимо было представить на рассмотрение Национального собрания. В этой работе он проявил заметную активность, так как благодаря знаниям, полученным в Высшей школе политических наук в Париже, легко ориентировался при обсуждении законов Конституции. Накануне всеобщих выборов в Национальное собрание жители провинции Тханьхоа, родины династии Нгуенов, выдвинули его своим кандидатом, и он, хотя и не вел специальной предвыборной агитации, весьма уверенно победил, набрав 92% голосов²¹.

В эти месяцы правительству Хо Ши Мина приходилось противостоять двум смертельным опасностям, угрожавшим молодой республике новой потерей независимости. По решению Потсдамской конференции, разоружение японских войск в Индокитае должны были провести Великобритания и чанкайшистский Китай. Поэтому уже в конце августа — начале сентября 1945 г. 200-тысячная группировка китайских войск вошла на территорию Северного Вьетнама. Одной из главных целей этого вторжения для чанкайшистов было отстранить от власти прокоммунистический Вьетминь и заменить его своими ставленниками, прежде всего вьетнамским гоминьданом — Национальной партией Вьетнама.

Кроме того, в конце сентября на Юге Вьетнама освобожденные из японских тюрем и вооруженные английским командованием бывшие хозяева Индокитая — французские колонизаторы вошли в Сайгон и начали планомерно отвоевывать у народной власти районы Намки — бывшей Кохинхины. Если китайскую угрозу удалось в целом нейтрализовать путем предоставления членам прокитайских партий без выборов ряда министерских постов в правительстве и 70 депутатских мест в Национальном собрании, то с французами пришлось вступить в длительные и поначалу малоэффективные переговоры.

Бао Дай как верховный советник участвовал в этих переговорах. Первым результатом переговоров стала церемония подписания 6 марта 1946 г. Прелиминарной конвенции между ДРВ и Францией. Конвенция была построена на взаимных уступках и компромиссе. ДРВ соглашалась войти в состав Французского союза, Франция же признавала ДРВ "свободным государством, имеющим свое правительство, парламент, армию и финансы". Фактически правительство Хо Ши Мина добилось главного — признания Францией независимости Вьетнама²². Бао Дай находился бок о бок с Хо Ши Мином, когда он принимал "французского комиссара в Тонкине" Жана Сэнтэни, который выступал на переговорах от имени Франции.

8 марта правительство приняло решение направить сразу две делегации доброй воли — одну в Чунцин (Китай), другую — во Францию. Делегацию в Чунцин поручили возглавить советнику Винь Тхюи. Однако последний, хотя и согласился поехать, но толь-

ко туристом в качестве бывшего императора, а не руководителем делегации. Перед отъездом он попросил Фам Кхак Хоз съездить в Хюэ и вывезти в Ханой Нам Фыонг и детей, сказав при этом, что "дедушка" Хо одобрил эту идею.

Итак, Винь Тхюи и Хо Ши Мин временно расстались друг с другом, но, как оказалось впоследствии, они больше ни разу не встретились, так как в начавшейся в декабре 1946 г. длительной вьетнамо-французской войне они оказались по разные стороны баррикад. Правительство Хо Ши Мина еще несколько лет продолжало относиться к Винь Тхюи как к своему верховному советнику, надеялось, что он вскоре вернется в Ханой и разными путями пересылало ему деньги в счет его зарплаты. Наконец, Хо Ши Мин предложил лично Фам Кхак Хоз отправиться в Гонконг, где тогда находился Винь Тхюи, чтобы призвать его вернуться на родину и принять участие в общенациональном Сопrotивлении, однако тот решительно отказался. В эти дни он уже строил совершенно другие, далеко идущие планы. Во французской интервенции он узрел возможность вновь вернуться на престол, "отнятый" у него революцией. При этом его потаенные мысли полностью отвечали интересам колонизаторов, увидевших в бывшем императоре Бао Дае именно ту фигуру, которая, как они полагали, могла бы объединить против правительства Хо Ши Мина все разношерстные, соперничающие между собой националистические группировки вьетнамских феодально-буржуазных кругов.

Утвердившись в намерении создать во Вьетнаме вассальное государство во главе с экс-монархом Бао Даем, французское правительство направило в феврале 1947 г. во Вьетнам своего представителя Боллаэрта, перед которым была поставлена задача вступить с ним в переговоры и добиться поставленной цели. Неожиданно для французской стороны переговоры затянулись почти на полтора года. Дело в том, что в эту политическую игру вмешался Вашингтон, который тоже вознамерился иметь в лице Бао Дая "своего человека" во Вьетнаме, приобретавшем в послевоенную эпоху стратегическое значение для США. В свою очередь Бао Дай, стремясь заручиться возможно более широкой поддержкой вьетнамских националистических кругов, настаивал на том, чтобы Париж хотя бы в словесной форме признал независимость Вьетнама.

Наконец, 5 июня 1948 г. в живописном заливе Халонг на борту военного корабля была обнародована вьетнамо-французская декларация, согласно которой Франция "признавала принцип независимости и единства Вьетнама", но в рамках Французского союза. Через несколько месяцев, 8 марта 1949 г., в Елисейском дворце в Париже состоялась официальная встреча бывшего монарха с президентом Франции Венсаном Орнолем, по результатам которой был подписан "Елисейский договор" о признании Францией Вьетнама во главе с Бао Даем независимым, единым государством в рамках Французского союза, но без права самостоятельного осуществления внешнеполитических акций. Соглашение "Бао Дай — Орноль", по существу, превращало Вьетнам во французскую колонию нового типа.

Когда Винь Тхюи в качестве советника правительства почти целый год жил в Ханое один, он, уже не скрываясь, ходил по ночным клубам, и однажды его познакомили с красивой танцовщицей по имени Монг Диеп. Через несколько месяцев после его отъезда в Чунцин она родила ему дочку Фыонг Тхао. После начала войны Сопrotивления Монг Диеп оставалась в Ханое, и когда французские войска вошли в столицу, ее арестовали как "агента" Вьетминя, перед ней якобы была поставлена задача "удерживать" Бао Дая на стороне революционных сил. Узнав в Гонконге о том, что Монг Диеп родила дочку, но находится в тюрьме, Бао Дай написал гневное письмо французским властям, и те выпустили ее из тюрьмы. Когда после подписания соглашения с президентом Франции Бао Дай вновь приехал в курортный Далат, он вызвал туда и Монг Диеп. Они жили в особняке, купленном им вьетнамскими монархистами, которые были рады снова видеть бывшего императора "главой государства Вьетнам".

В 1950 г. когда Бао Дай утвердился на новом посту, он вызвал в Далат и Нам Фьонг с детьми, которые жили в другом особняке, предоставленном государством. Как и прежде, Бао Дай много времени проводил в своем любимом Банметхуоте, вокруг которого находились самые "прикормленные им" охотничьи места. Кроме того, ему часто приходилось бывать и в Хюэ, где проживала его мать Ты Кунг и другие царственные родственники. В ту пору дороги между четырьмя городами — Сайгоном, Далатом, Банметхуотом и Хюэ, естественно, были не лучшего качества, поэтому, по просьбе "главы государства", французские власти построили небольшой аэродром близ Банметхуота, и Бао Дай, к большой его радости, стал перемещаться между четырьмя городами на самолете.

Монг Диеп была не только красавицей, но и, в отличие от Нам Фьонг, была воспитана на древневьетнамских традициях, в частности, она очень умело отправляла культ предков. Благодаря этому, она быстро пришлась по душе Ты Кунг, которая одаривала ее женскими императорскими одеяниями и рассчитывала, что Монг Диеп может стать хорошей младшей женой ее сына. Кроме того, Монг Диеп увлекалась охотой, умело ездил верхом не только на лошади, но и на слонах, очень метко стреляла, поэтому теперь Бао Дай делал вылазки в джунгли, как правило, в сопровождении новой подруги. Живя с Бао Даем, Монг Диеп родила ему еще двух сыновей — Бао Хоанг (1954 г.) и Бао Шон (1955 г.).

Тем временем ситуация во Вьетнаме медленно но верно менялась в пользу патриотических сил, возглавляемых правительством Хо Ши Мина. В январе 1950 г. была прорвана международная изоляция ДРВ — республика получила дипломатическое признание со стороны Советского Союза, Китайской Народной Республики и стран народной демократии. Хо Ши Мин так оценил это крупное достижение: "Демократическая Республика Вьетнам признана равноправным государством великой семьи всемирного лагеря демократии... Несомненно, что эта политическая победа явится залогом будущих военных побед"²³.

Слова Хо Ши Мина оказались пророческими. К концу октября 1950 г. весь северный район Вьетнама, граничащий с Китаем, был освобожден от колонизаторов. ДРВ обрела прямой выход к странам социалистического лагеря и стала получать от них военную и экономическую помощь. В феврале 1954 г. Народная армия Вьетнама завершила окружение французского экспедиционного корпуса на северо-западе ДРВ и 7 мая близ селения Дьенбьенфу многомесячная битва завершилась сокрушительным поражением интервентов — были взяты в плен командующий корпусом Де Кастри со своим штабом и более 16 тыс. его солдат и офицеров.

Хотя в длительной войне Сопrotивления Бао Дай фактически выступал на стороне колонизаторов, тем более что армия и полиция "государства Вьетнам" широко использовалась французами в борьбе против сил Хо Ши Мина, однако он стремился внести свой посильный вклад в борьбу за независимость Вьетнама. Так, он дважды, в 1952 и 1953 гг., ездил в Париж и встречался с президентом Франции. В ходе обеих встреч он не только обсуждал с ним ситуацию во Вьетнаме, но и пытался подтолкнуть руководство Франции к прекращению войны в Индокитае²⁴.

Поражение при Дьенбьенфу определило участь колониальной политики Франции в Индокитае. 20 июля 1954 г. созванное по инициативе Советского Союза международное совещание с участием делегации ДРВ завершилось подписанием Женевских соглашений — под таким названием они вошли в мировую историю — о прекращении войны и восстановлении мира в Индокитае. В соответствии с соглашениями в целях демаркационной линией вдоль 17-й параллели, которая не рассматривалась участниками совещания как политическая граница. Северная часть страны полностью переходила под контроль правительства Хо Ши Мина, южная — оставалась под контролем "главы государства" Бао Дая и премьер-министра Нго Динь Зьема. Соглашения предусматривали

проведение в июле 1956 г. всеобщих демократических выборов на всей территории Вьетнама с целью решения проблемы воссоединения страны.

Женевские соглашения открыли перед вьетнамским народом реальную возможность осуществления мирным путем, политическими средствами национально-демократических задач, поставленных на повестку дня Августовской революцией, и восстановления ДРВ в тех ее границах, в которых она была провозглашена 2 сентября 1945 г. Однако такое развитие событий не отвечало интересам правящих кругов США, которые с уходом Франции приступили к прямому вмешательству в дела Вьетнама. Естественно, для достижения поставленных целей Бао Дай — прямой французский ставленник, да к тому же замаранный сотрудничеством с японскими милитаристами, был неподходящей фигурой. Ставка Вашингтоном была сделана на Нго Динь Зьема — крупного помещика, главу мощного католического клана, известного своими антифранцузскими и антивьетминевскими настроениями.

В марте 1955 г., опираясь на поддержку США, Нго Динь Зьем распустил баодаевскую армию и разгромил военные отряды политико-религиозных сект Биньсюен, Каодай и Хоахао, оставшихся верными Бао Даю и Франции. Бао Дай, находившийся в это время в Париже, направил в Сайгон срочный указ о лишении Нго Динь Зьема поста премьер-министра, но было уже поздно. 23 октября 1955 г. Зьем организовал в Южном Вьетнаме референдум о форме правления и главе государства, по результатам которого 98% участников проголосовали за республику и признание Нго Динь Зьема ее главой²⁵. Это был поистине профессионально срежиссированный бескровный переворот, в результате которого Бао Дай во второй раз "потерял престол".

Лишившись неожиданно поста "главы государства Вьетнам", Бао Дай круто изменил и свою личную жизнь — он практически порвал связи с семьей и стал жить с Монг Диеп в Париже. Оставшись без зарплаты и пособий от южновьетнамских властей (французское правительство выплачивало ему ежемесячно 10 тыс. франков, а к концу его жизни увеличило эту сумму до 17 тыс.), он вынужден был продать особняк в Каннах, являвшийся собственностью вьетнамской монархии. Вырученные деньги позволили ему вести разгульную жизнь в ресторанчиках и ночных клубах Монмартра и Латинского квартала, в результате чего он заслужил в те годы среди простых вьетнамцев звание "короля парижских кабаков".

Что касается Нам Фьонг, то она с 1952 г. постоянно жила вместе с детьми во Франции и лишь изредка появлялась в компании Бао Дая на особо важных встречах и приемах. Когда дети выросли и разъехались в разные города на учебу, Нам Фьонг переехала в небольшую деревню Шабриньяк в 30 км от города Брив-ля-Гайярд, почти в самом центре Франции, где у монаршей семьи имелась давно купленная ферма. Здесь ее регулярно навещали дети, когда им позволяла учеба. В сентябре 1963 г. от внезапного сердечного приступа Нам Фьонг скончалась в возрасте 49 лет, который во Вьетнаме фаталисты называют роковым возрастом.

Бао Дай успел приехать на ее похороны и даже сумел привезти очень дорогой гроб из досок древнего дуба. Ее похоронили на католическом кладбище деревни Шабриньяк. И сегодня на ее могильном памятнике можно прочесть эпитафию: "ICI REPOSE L'IMPERATRICE D'ANNAM NEE JEANNE MARIETTE NGUYEN HUU HAO" ("Здесь поконится Императрица Аннама, урожденная Жанна Мариэтта Нгуен Хыу Хао").

До преклонного возраста Бао Дай оставался ловеласом, поэтому и Монг Диеп не смогла надолго удержать его подле себя. Однажды друзья пригласили его в посольство Заира в Париже, где он познакомился с пресс-атташе французенкой Моник Бодо. Хотя она была моложе его на 30 лет, но не смогла устоять перед чарами бывшего монарха. В 1982 г. они официально зарегистрировали свой брак, при этом произошло то, чего очень хотела Нам Фьонг, но так и не смогла добиться — французенка поставила условием брака, чтобы Бао Дай принял католичество. Что он и сделал: в 1988 г. в парижском собо-

ре Saint-Pierre-de-Chailot произошла по католической традиции церемония отпущения грехов "вьетнамскому буддисту", и ему было дано католическое имя Jean-Robert.

15 лет Бао Дай и Моник Бодо, прожили, как утверждают его биографы, в любви и согласии. В начале 1997 года, вернувшись в Париж после поездки в США, Бао Дай неожиданно почувствовал себя плохо и был доставлен в знаменитый военный госпиталь Val de Grace, в котором с давних пор лечилась французская элита. Однако, несмотря на все усилия врачей, престарелый бывший вьетнамский монарх скончался 1 августа 1997 г. на 84-м году жизни.

Французское правительство организовало пышные похороны, достойные монарха бывшей колонии Франции. Он был похоронен на католическом кладбище Passy в 16 округе Парижа. Похоронную процессию возглавлял французский офицер с национальным флагом в руках, а по обеим сторонам гроба с телом покойного шествовали шеренги французских солдат в белых мундирах с карабинами с примкнутыми штыками. Помимо французских официальных лиц, в траурной церемонии приняли участие дети покойного, впервые за несколько последних лет вновь собравшиеся вместе, — наследный принц Бао Лонг и три принцессы, последняя жена покойного Моник Бодо, а также 90-летняя сестра покойной Нам Фьонг.

Когда в Ханое было получено известие о кончине последнего императора Вьетнама Бао Дая, Министерство иностранных дел СРВ направило его близким телеграмму соболезнования. Кроме того, на похороны был прислан траурный венок от Отечественного фронта Вьетнама.

Один из главных авторов жизнеописания Бао Дая, которое выгодно отличается от других полнотой и конкретностью наиболее важных исторических событий и дат, Фан Тхы Ланг такими словами подводит итоги его жизни: "Бао Дай — это последний король вьетнамской династии Нгуенов, последней великой феодальной династии нашей страны. В 1945 г. Бао Дай отрекся от престола, потому что победила Августовская революция вьетнамского народа. Следуя с первых же дней после создания независимого вьетнамского государства политике великой национальной солидарности и традициям великодушия и милосердия, Президент Хо Ши Мин и правительство Демократической Республики Вьетнам предложили бывшему императору пост верховного советника правительства, чтобы сообща нести на своих плечах решение дел молодого государства. Возможно, это был единственный в мировой истории случай подобного рода. Очень жаль, что Бао Дай в конечном счете не смог правильно оценить этот жест доброй воли."²⁶

1. *Grandclement D.* Bao Dai hay nhung ngay cuoi cung cua vua quoc An Nam [Бао Дай, или последние дни империи Аннама]. Ханой, 2009. С. 151.
2. Там же. С. 153.
3. Там же. С. 154.
4. *Tran Van Giau.* Tong Tap [Полное собрание сочинений]. Ханой, 2007. С. 956–957.
5. *Hoi dap Lich su Viet Nam* [Вопросы и ответы по истории Вьетнама]. Хошимин, 2009. Т. 6. С. 320.
6. *Nguyen Ky Nam.* Hoi ky lich su 1945–1954 [Нгуен Ки Нам, Исторические мемуары 1945–1954], Сайгон, 1964. С. 113.
7. В начале 1941 г. после 30 лет эмиграции Нгуен Ай Куок (Хо Ши Мин) тайно вернулся на родину. По его инициативе был созван VIII пленум ЦК Компартии Индокитая, на котором было принято историческое решение о создании Mat tran Doc lap Dong minh (Линги независимости Вьетнама) по сути, народного фронта, который в результате Августовской революции 1945 г. пришел к власти и стал известен под кратким названием Вьетминь.
8. *Ly Nhan Phan Thu Lang.* Giai thoai va su that ve Bao Dai, Vua cuoi cung Trieu Nguyen [Мифы и правда о Бао Дая, последнем монархе династии Нгуенов]. Хошимин, 2007. С. 124.
9. Там же. С. 125.
10. *Pham Khac Hoe.* Tu trieu dinh Hue den chien khu Viet Bac... С. 128.

11. Там же. С. 129–130.
12. Интересно отметить, что председателем ревкома города Хюэ стал известный во Вьетнаме революционный поэт То Хыу, который в 1960-е гг. играл важную роль в политической жизни ДРВ — являлся секретарем ЦК Партии трудящихся Вьетнама, а затем заместителем премьер-министра правительства ДРВ.
13. *Ly Nhan Phan Thu Lang. Giai thoi va su that ve Bao Dai...* С. 134–135.
14. Нгуен Лыонг Банг впоследствии стал первым послом ДРВ в Советском Союзе, а по возвращении на родину был избран вице-президентом ДРВ.
15. Во вьетнамском языке существует весьма разветвленная система местоимений и обращений людей друг к другу, которые обязательно должны учитывать возраст, социальное положение и другие особенности собеседников.
16. *Phai doan vao Hue nhan viec thoi vi cua Bao Dai* [Поездка делегации в Хюэ для принятия отречения Бао Дая] // *Tap san Nghien cuu lich su*. Ханой. 1960. № 16.
17. Там же.
18. Относительно веса печати лица, державшие ее в руках, приводят довольно разные цифры. Чан Хюи Льеу вспоминает, что она весила 7 кг, Фам Кхак Хоэ — около 10 кг, а «младшая жена» Бао Дая Монг Диеп утверждала, что лично взвешивала ее на весах — 12,9 кг.
19. *Ly Nhan Phan Thu Lang. Giai thoi va su that ve Bao Dai...* С. 155.
20. В этот день Хо Ши Мин на многотысячном митинге на площади Бадинь в Ханое огласил Декларацию независимости, в которой были такие слова: "Французы бежали, японцы капитулировали, император Бао Дай отрекся от престола. Наш народ разбил цепи колониального рабства... и создал независимый Вьетнам." *Хо Ши Мин. Сочинения (1920–1969)*. Ханой, 1971. С. 53.
21. *Grandclement D.* Op. cit. С. 240.
22. См.: *Новакова О.В., Цветов П.Ю.*, История Вьетнама. М., 1995. Ч. 2. С. 215.
23. *Хо Ши Мин. Сочинения*. Ханой, 1971. С. 102.
24. *Ly nhan Phan Thu Lang. Giai thoi va su that ve Bao Dai...* С. 232.
25. Новакова О.В., Цветов П.Ю. Указ. соч.
26. *Ly nhan Phan Thu Lang. Giai thoi va su that ve Bao Dai...* С. 270.

Культура

Курильские острова в пространстве русской литературы XX века¹

© 2012

Е. Иконникова

В статье рассматриваются периоды становления образа Курильских островов в русской литературе XX века с самых первых эпизодических упоминаний о Дальнем Востоке до развернутых описаний в художественном и публицистическом творчестве отечественных писателей. Тема Курильских островов в русской литературе, посвященной Дальнему Востоку, постепенно становится магистральной и устойчивой единицей художественного и публицистического повествования.

Ключевые слова: Курильские острова, Дальний Восток, русская литература

В русской культуре имперского периода Курильские острова были представлены в литературном творчестве разных путешественников, исследователей, писателей и иных свидетелей, побывавших на Дальнем Востоке. В частности, развернутые рассказы и обзоры о Курильских островах обнаруживаются у С.П. Крашенинникова (1711–1755), Н.П. Резанова (1764–1807), И.Ф. Крузенштерна (1770–1846), В.А. Римского-Корсакова (1822–1871), Н.К. Бошняка (1830–1899), Г.И. Невельского (1813–1876) и многих других авторов. Однако наибольший успех в XIX столетии приходится на долю двух книг, созданных в популярном для широкой аудитории жанре записок: «Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах. С приобщением замечаний его о Японском государстве и его народе» (1816) известного мореплавателя В.М. Головнина (1776–1831) и «Записки о плавании к Японским берегам в 1812 и 1813 гг. и о сношениях с японцами» (СПб., 1816; 2-е изд.: 1851, 3-е изд.: 1875) его друга, адмирала, путешественника, государственного и общественного деятеля П.И. Рикорда (1776–1855). Впервые именно В.М. Головнин и П.И. Рикорд оформили свои личные впечатления в доступную для «массовой» литературы форму и тем самым удовлетворили повышенный интерес русской и зарубежной публики к Дальнему Востоку и, в частности, к Курильским островам².

Одновременно с этим Дальний Восток Российской империи чаще всего ассоциировался в представлении общественности с сахалинской каторгой и самой известной о ней книгой — «Остров Сахалин» (1895) А.П. Чехова (1860–1904). А.П. Чехов в своей книге неоднократно в разных контекстах пишет о Курильских островах: в одном случае, пересказывая историю о пленении японцами В.М. Головнина на Кунашире, в другом — при этнографическом обзоре айнов (или курилов — относительно той части айнов, кото-

Иконникова Елена Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Сахалинского государственного университета.
E-mail: e.a.ikonnikova@gmail.com.

рые живут не на Сахалин). Курильские острова называются и в других лаконичных частях путевых очерков А.П. Чехова, например, в эпизодах, аналогичных рассказу о плавающем «около Камчатки и Курильских островов» П.Г. Лемешевском (1832/33 — не ранее 1897)⁴. В последней четверти XIX столетия о Курильских островах не было написано ни одной книги, которая смогла бы конкурировать с чеховскими путевыми записками по количеству самой разнообразной информации — от общих сведений до частных деталей, в числе которых и судьбы отдельных людей, живущих на Дальнем Востоке.

Не меньший вклад в исследование Курильских островов в литературе (чаще всего, в дневниковой прозе или в мемуарных записках) сделали православные священники. Одной из таких широко известных работ считаются «Дневники» (1870–1905) святителя Николая Японского (1836–1912; Д.И. Касаткин). В дневниковом повествовании святителя, в отличие от книг русских путешественников и мореплавателей, отмечается, прежде всего, уровень духовной и материальной культуры православной пасты, проживающей на Курильских островах в начале XX в. Интересные наблюдения от посещения Курильских островов изложены архиепископом Сергием (1867–1944; И.Н. Страгородский), служившим в православной духовной миссии в Японии. Наследие православных миссионеров начала XX в. (святителя Николая Японского и архимандрита Сергия) дает возможность современному читателю представить не только внешнюю красоту и богатство природы Курильских островов, но и духовный облик их немногочисленных жителей (как коренных народов региона, так и русских). Таким образом, в русской литературе имперского периода уже был сформирован образ Курильских островов, однако эта тема продолжает свое развитие и в последующие этапы развития русской культуры XX столетия.

Образ Курильских островов русскими писателями XX в. создается как в публицистической, так и в художественной литературе. При этом описания Дальнего Востока варьируются от лаконичных до максимально развернутых. Одно из таких упоминаний о Дальнем Востоке в литературе 1920-х гг. содержится в фантастическом романе «Гиперболоид инженера Гарина» (1927) А.Н. Толстого (1882–1945). Главный герой этой книги ученый-иммигрант Петр Гарин изобретает новый вид оружия и с его помощью захватывает богатый золотом необитаемый остров в Тихом океане. В контексте масштабных поисков героя А.Н. Толстого прописана следующая ситуация: «Телеграф принес еще одно ошеломляющее известие: таинственный дирижабль, новейшего типа, пролетел над Гавайскими островами, опустился в порте Гило, взял бензин и воду, проплыл над Курильскими островами, снизился над Сахалином, в порте Александровском взял бензин и воду, после чего исчез в северо-западном направлении»⁵. Имея неограниченный доступ к золоту, Гарин скупает промышленность США и становится диктатором. Образ Сахалина и Курильских островов в книге А.Н. Толстого становится небольшой, но, тем не менее, интересной, для общего содержания романа художественной деталью.

Одна из главных причин по-прежнему высокого обращения русских писателей к Курильским островам в первой половине XX столетия состоит в том, что Дальний Восток России стал ареной русско-японской войны. Исторические события 1904–1905 гг. были притягательными для художественного освоения русскими писателями на протяжении всего XX в. Наиболее полно этот период описан в книгах А.С. Новикова-Прибоя (1877–1944).

Во время русско-японской войны А.С. Новиков-Прибой при разгроме 2-ой Тихоокеанской эскадры недалеко от острова Цусима попадает в плен. В течение восьми месяцев плена он фиксирует в тетради личные впечатления и рассказы матросов с других кораблей. В дальнейшем все эти записки ложатся в основу нескольких романов писателя, в частности, в книгу «Цусима» (1932–1935). Эпический роман «Цусима» написан как военно-историческая хроника, материалы которой собирались, по словам автора, около 30 лет. Последняя редакция книги А.С. Новикова-Прибоя делается в 1940 г., незадолго до получения писателем Государственной премии. Основу книги составляют не только собственные воспоминания автора о Цусимском сражении (в мае 1905 г.), но и архивные ис-

точники, исторические документы и свидетельства очевидцев. Систематизированная в художественной форме история Цусимских событий излагается в двух частях о походе и гибели русской эскадры в годы русско-японской войны: первая — «Поход» и вторая — «Бой». Роман «Цусима» вскоре после публикации попадает в разряд наиболее востребованной читателями литературы. Яркие сцены героического сражения русских моряков, описанные доступным языком, простота повествования и неожиданные повороты в сюжетном развитии произведения способствуют высокой популярности книги. Вместе с этим, в пространстве русской литературы довоенного времени продолжает утверждаться образ Курильских островов как части Дальнего Востока со своим природным укладом и реалиями нового времени.

В одном из наиболее значимых фрагментов романа изображаются события июня 1905 г., когда один небольшой русский корабль, отбившийся от своей эскадры, устремляется из пограничных вод в сторону острова Уруп, а затем — к берегам Сахалина. В описании островов Курильской гряды А.С. Новиков-Прибой стремится к необходимой точности, вводя в повествование указания на рыбное богатство дальневосточного края, на сохраняющиеся летом в ложбинах остатки снега, на горные уступы и скалистые почвы. Охотское море описывается как грозная стихия с «мглистыми далями», в которых экипаж небольшого бота подстерегают различные опасности — от бороздящего холодные воды кита и непредсказуемых течений до японских рыбаков, готовых в любой момент пленить русских моряков. Примечательны и упоминаемые в романе «Цусима» топонимы. Наименования некоторых островов Курильской гряды (Уруп, Итуруп, Кунашир), пролив Фриза, Кунаширский пролив и др. — все это названия конкретных географических мест на картах периода русско-японской войны. Природно-климатические и историко-топонимические факты Курильских островов свидетельствуют о стремлении А.С. Новикова-Прибоя к реалистическому изображению разных событий.

Есть в романе и рассуждения героев о сахалинской каторге, вызванные следующим происшествием. На Уруп командир корабля арестовывает боцмана Гоцку за непослушание во время укрепления судна и помещает строптивного героя в землянку, похожую на карцер. Это действует угнетающе на экипаж небольшого судна. В действиях командира видится сознательное желание устроить «тюрьму», и в этой связи вспоминается каторжный Сахалин. Матросы убеждены, что жизнь на корабле уже является своеобразной тюрьмой, обрекающей их на отсутствие свободы передвижений. Героям книги А.С. Новикова-Прибоя кажется неразумным делать каторгу в том месте, которое географически еще дальше, чем Сахалин, находится от «большой» земли. Благодаря роману «Цусима» в русской литературе сложилось представление о Курильских островах как о «диких местах», поражающих обилием рыбы и иными природными богатствами. Географический и климатический портрет островов включает в себя скалистые возвышенности, безудержные морские силы, густые туманы, непрекращающиеся дожди и мучительные для людей ветра. Одновременно с этим Курильские острова ассоциируются еще и с различными политическими событиями на Дальнем Востоке начала XX в.

Новый этап в развитии темы Курильских островов в русской литературе обусловлен итогами Второй мировой войны. Послевоенные Курильские острова представлены в романе А.Б. Чаковского (1913–1994) «У нас уже угро» (1949). В этой книге писателя чувствуется идеологическая мотивировка многих деталей из жизни главных героев. Вот, например, какие строки адресует в письме Астахов своей молодой подруге: «Если бы вы знали, Ольга, что мы здесь застали! Полуразрушенные рыбозаводы и пирсы, брошенный на произвол судьбы и приведенный японцами в негодность рыболовеский флот... Хваленая японская «культура» с ее бумажными ширмами и грязными циночками, которые мы, советские люди, с отвращением выбрасываем вон... Временами мне кажется, что над Курилами до сих пор висит горький чад всяческих трав и кореньев — этот верный спутник нищеты и убожества.

Недавно я совершил интересное путешествие вдоль всей гряды Курильских островов. Оказалось, что их очень много. Поэтому японцы и назвали их Цисима, что значит тысяча, множество.

На свой остров я вернулся с совершенно новым представлением о Курилах. Честное слово, Ольга, это вовсе не дикие, заброшенные среди океана пустынные острова: это замечательный, богатейший край. Я горжусь тем, что работаю на Курилах. Поверьте, что это не пустая фраза...»⁶. Однако наряду с восторженными идейными соображениями героев из книги «У нас уже утро» можно почерпнуть и необходимые сведения о послевоенном быте русских людей на островах. В книгах, подобных произведению А.Б. Чайковского, главное — это люди, покоряющие своей энергией и высокими целями природу Дальнего Востока.

Исторические итоги Второй мировой войны на Дальнем Востоке отражены в романе хабаровского писателя и журналиста А.М. Грачева (1912–1973) «Падение Тисима-ретто» (1956). Участие писателем в 1945 г. в высадке десанта на Курильские острова ложится в основу повести «Падение Тисима-ретто» («Тисима-ретто» — дословно «Архипелаг тысячи островов»). Известно, что до публикации эта книга писателя имела пятнадцать вариантов названия, один из них — «На острове Минами».

Волна нового интереса к Курильским островам приходится на 1970-е гг., когда в Москве трижды издается повесть З.Е. Журавлевой (1951–2011) «Островитяне» (1974; повторные издания повести — 1981, 1986). Эта книга отличается мелодраматическим характером с реалистическим описанием природного колорита Курильских островов. Примечательно, что именно на страницах этой повести практически впервые в русской литературе XX в. выведен эпизодический образ одного из представителей корейской диаспоры в России, корейца Кима, ранее других жителей острова почувствовавшего приближение цунами. Несколькими годами позже русская литература пополнится самой известной книгой о сахалинских корейцах «Голубым островом» (1976) А.А. Кима (род. 1939), в прозе которого несколько историй тоже посвящено Курильским островам. Так, в рассказе «Месть» (1976) главный герой, преследуя убийцу своей малолетней сестры, приезжает из Кореи на Курильские острова. А в центре рассказа А.А. Кима «Цунами» (1978), как и в повести З.Е. Журавлевой — трагическое событие, вызванное природной стихией на островах Парамушир, Шумшу и юге Камчатки в ноябре 1952 г.

В 1970-е гг. появляется еще одна книга о Дальнем Востоке — роман О.С. Щербановского (1918–1988) «Ловцы трепангов» (1974). Главный герой романа — капитан Курлыкин, не мыслящий себя без морских просторов Тихого океана. «Я веду сквозь шторм. И если будет ясно, скоро мы увидим остроконечные сопки. Они появятся из океанских вод розово-голубыми конусами со снежными вершинами. Их скалистые берега будто впаяны в морскую синь белой кромки прибоя»⁷, — таким описанием Курильских островов открываются первые страницы романа писателя. Широкою известность приобретают и книги А.И. Пушкиря о Дальнем Востоке «Острова Курильские» (1960), «На дальних берегах» (1975), «Здесь начинается Россия» (1977), «Остров сокровищ» (1987) и др.

Особое место в литературе 1970-х гг. занимает поэма А.А. Вознесенского (1933–2010) «Авось» (1974), в которой рассказывается о визите в 1806 г. в Калифорнию графа Н.П. Резанова. Два героя этого произведения А.А. Вознесенского имеют безусловное отношение к Курильским островам: это лейтенант Н.А. Хвостов (1776–1809) — командир брига «Юнона» и мичман Г.И. Давыдов (1784–1809) — командир тендера «Авось».

В 1980-е гг. единичные упоминания о Курильских островах обнаруживаются в книгах В.С. Пикюля (1928–1990). Рассказывая в романе «Каторга» (1987) о «русском великом треке», писатель отмечает, что «за исторически краткий срок русские прошли всю Сибирь, освоили Колыму, Курилы и Камчатку, перемахнули океан под парусом и на веслах, стали соседями краснокожих на Аляске, граничили с испанскими владениями в Калифорнии...»⁸. При этом В.С. Пикюль патетически пишет, что Курильские острова, наря-

ду с Аляской, Камчаткой и Калифорнией, были освоены русскими первооткрывателями раньше, чем Сахалин. Курильские острова упоминаются и в произведениях многих начинающих авторов. Один из таких писателей В.С. Андреев (1938–2009), посвятивший Дальнему Востоку две автобиографические книги: «Курильский дневник» (1981) и «На самых дальних...» (1987), а также некоторые рассказы («Прошлой осенью», «Притча о добром вулкане» и др.).

Отдельную часть русской литературы XX в. о Курильских островах составляют книги, адресованные детям. Так, например, в число таких произведений входит ориентированная на читателей младшего школьного возраста повесть Т.В. Лихоталь (род. 1923) «Одно лето на краю» (1987). В центре истории писательницы — жизнь мальчика Жеки, живущего на одном из небольших Курильских островов, на пограничной заставе.

Немаловажный вклад в освещение темы Курильских островов в русской национальной литературе принадлежит региональным авторам — поэтам и писателям Сахалинской области. Например, М.П. Финнов (1937–1989) Курильским островам посвятил поэтический сборник «Охотоморье» (1979) и историческую повесть «Российского владения земля» (1989), в которой рассказывается о мужественных первопроходцах второй половины XVIII в. О Курильских островах написаны стихи А.К. Мандрика (1919–1995), А.А. Дешина (1926–2010), Е.Д. Лебкова (1928–2005), И.Е. Белоусова (1933–2001), Ю.И. Николаева (1935–1981), Н.А. Тарасова (род. 1947), В.В. Горбунова (род. 1964) и многих др.

В последующие этапы развития русской национальной литературы (с 1991 г. и до настоящего времени) образы Курильских островов возникают в художественном творчестве в связи с новыми историческими событиями. Как правило, в книгах этого времени подчеркивается пограничный статус Курильских островов, и вместе с этим продолжает создаваться обобщенный портрет природных достопримечательностей региона (см., например, «Курильские повести» (1981) Г.М. Прашкевича (род. 1941), рассказ «Южно-Курильские острова» из книги А.Т. Гладиллина (род. 1935) «Беспокойник» (1992) и др.).

В произведениях писателей середины XX в., как и в творчестве авторов имперского периода, неизменными остаются литературно-этнографические описания: с одной стороны, коренных народов региона — айнов, с другой — немногочисленных корейских переселенцев, по разным причинам оказавшимся на Курильских островах. Однако эта проблематика в художественной и публицистической литературе, основанной на событиях современности, полностью исчезает в произведениях общероссийских и региональных авторов в конце XX — начале XXI столетия.

1. Статья подготовлена в ходе исследований по НИР ГК № 14.740.11.0769 «История Курильского архипелага с древнейших времен до начала XXI столетия: создание высокотехнологичных ресурсов краеведческого образования» в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы.
2. Подробнее см.: *Иконникова Е.А.* Курильские острова в русской литературе имперского периода // *История Курильских островов: Учеб. по истории Курильских островов. Ч. 6. Курильские острова в художественной литературе.* URL: <http://kurils-history.ru/book/29>.
3. *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Соч. Т. 14–15. Из Сибири. Остров Сахалин. М., 1987. С. 44.
4. См. *Высоков М.С.* Комментарий на книгу А.П. Чехова «Остров Сахалин». Владивосток; Южно-Сахалинск, 2010. С. 33.
5. *Толстой А.Н.* Гиперболоид инженера Гарина. М., 1988. С. 199.
6. *Чаковский А.Б.* У нас уже утро. М., 1964. С. 126.
7. *Щербановский О.* Ловцы трепангов. Владивосток, 1984. С. 5.
8. *Пикуль В.* Каторга: Романы. М., 1989. С. 415–416.

Научная жизнь

О Пекинском форуме

В ходе научной командировки в Школу международных отношений Пекинского университета мне довелось принять участие в работе Пекинского форума. Значительные масштабы данного мероприятия, в котором участвовало несколько сотен человек, большое значение, придаваемое в Китае этому форуму и особо подчеркнутое проведением первого дня его работы в государственной резиденции Дяоюйтай, делают Пекинский форум неординарным событием в насыщенной «конференционной» жизни китайской столицы и даже страны в целом.

Организаторами Пекинского форума являются Пекинский университет, Комитет образования Пекина и Корейский Фонд высшего образования. Информационную и организационную поддержку Форуму оказывают два десятка международных, зарубежных и китайских организаций, в числе которых фигурируют Программа развития ООН, Всемирный банк, Центр исследования проблем развития Госсовета КНР, ряд ведущих китайских газет и телеканалов, Фонд Тони Блэра.

Официально декларированной целью форума является представление научных достижений мирового класса и стимулирование исследований в сфере гуманитарных и общественных наук, содействие научным исследованиям во всем мире.

Поскольку данный форум проводится в Пекине — «городе богатых традиций и уникальной культуры», то одна из основных его целей видится в том, чтобы взглянуть на глобальные проблемы «сквозь призму восточных стратегий и восточной мудрости» и одновременно искать пути решения проблем Востока, применяя методы и подходы, позаниствованные у неазиатских культур.

Тема первого форума, состоявшегося в 2004 г. — «Гармония цивилизаций и процветание для всех» — стала общим девизом данного мероприятия, проводимого ежегодно. Конкретные же акценты форума год от года менялись. В 2005 г. он был посвящен вопросам возможностей и развития Азии в условиях глобализации, в 2006–2007 гг. — размышлениям о цивилизационных формах человечества и многообразии моделей развития человеческой цивилизации. В 2008 г. во главу угла были поставлены «универсальные ценности и тенденции развития цивилизаций». В 2009 г., вполне естественно, обсуждали вопросы глобального экономического кризиса и перспективы обретения посткризисной гармонии. Своеобразной посткризисной рефлексией можно объяснить главную тему форума 2010 г. — «Для нашего общего дома — ответственность и действия».

На пленарных заседаниях форума выступали такие известные политики, как Дж. Буш-старший, Тони Блэр, Э. Зедильо, Эдуардо Фрей, Ван Цишань, Цянь Цичэнь, Лю Яньдун, Ли Чжаосин. В адрес форума регулярно направлялись приветствия и видеопоздравления генеральных секретарей ООН Кофи Аннана и Пан Ги Муна.

В числе ключевых спикеров и участников форума было немало известных ученых, в т.ч. лауреаты Нобелевской премии по экономике Роберт Мандел, Кеннет Эрроу, Дуглас Норт, президенты ряда ведущих университетов США, Канады, Японии, Китая, китаеведы Р. Скалапино, Э. Фогель, У. Кирби.

Основные презентации докладов и дискуссии проходят по секциям. Их число в разные годы варьировалось от 6 до 14. Наряду с проблемами экономики, международных отношений, образования обсуждаются и темы, имеющие на данный момент особую важность для Китая. Так, в 2008 г. работала секция «Олимпийский дух и мировая гармония», в 2010 г. — секция «Глобальное управление и роль Китая». Позиционирование Пекинского форума как важной площадки для ведения «диалога цивилизаций» призвано подкрепить как большое внимание, уделяемое теме культуры в целом, так и организация специальных секций «Исламско-конфуцианский диалог» (2009 г.) и «Христианско-конфуцианский диалог» (2010 г.).

Издательство Пекинского университета публикует сборники тезисов и докладов, представляемых на форуме, а впоследствии — и сборники избранных статей каждого форума на китайском и английском языках. В частности, в сборнике статей форума 2010 г. привлекла внимание статья Чэнь Шаофэна из Школы международных отношений Пекинского университета, посвященная проблеме реальных масштабов внутреннего потребительского спроса в Китае. Как известно, тезис о его низком уровне весьма популярен, на идее стимулирования потребительского спроса базируются достаточно высокие прогнозы темпов экономического роста в КНР в среднесрочной перспективе. Автор, однако, считает, что официальные статистические данные КНР не учитывают многие важные компоненты семейного потребления (в т.ч. реальные расходы на образование, здравоохранение, жилье, на обучение детей и покупки за рубежом). Соответственно, полагает Чэнь Шаофэн, объем внутреннего потребления в Китае и его реальная доля в ВВП значительно недооценены¹.

Форум 2011 г., проходивший с 4 по 6 ноября, был посвящен теме «Традиции и современность, переходы и трансформации». В качестве ключевых спикеров на форуме выступили Роберт Бэлла — почетный профессор Калифорнийского университета в Беркли, бывший глава Британской библиотеки Колин Лукас, профессор Чикагского университета, лауреат Нобелевской премии по экономике за 2007 г. Роджер Майерсон и вице-президент и главный экономист Всемирного банка Линь Ифу.

Судя по реакции слушателей, для аудитории форума, в значительной части представленной профессурой и студентами Пекинского университета, весьма интересной оказалась история формирования в Европе политической системы представительной демократии, изложенная в докладе Р. Майерсона. Нобелевский лауреат подчеркнул основополагающее значение своеобразной выборной пирамиды, обеспечивающей поступательное продвижение зарекомендовавших себя фигур от низших ступеней избирательной лестницы к высшим, от местного уровня к общегосударственному. Именно такая система, а не одноуровневые прямые выборы высшего должностного лица обеспечивает подлинный демократизм функционирования политических институтов той или иной страны².

Главной звездой форума стал Линь Ифу, сохранивший за собой позицию профессора Пекинского университета и после перехода на один из руководящих постов во Всемирном банке. Его выступление — «Экономическое развитие и культурное возрождение Китая в условиях растущей многополярности мира XXI века» — было сразу же опубликовано в газете «Гуанмин жибао». В отличие от других ключевых спикеров, Линь Ифу зачитал свой доклад на китайском языке. Линь Ифу попытался ответить на вопрос — возможно ли возрождение китайской культуры. Оно, по мнению Линя, в решающей степени зависит от способности соединить экономические основы Китая с системой конфуцианских ценностей, от того, насколько конфуцианство сможет поддержать

и обеспечить постоянный инновационный процесс и совершенствование производительных сил, насколько само конфуцианство способно адаптироваться к меняющемуся экономическому базису. Как утверждает Линь, конфуцианство исторически уже продемонстрировало способность к такой адаптации. Передовой или отсталый характер, доминантность или слабость той или иной цивилизации определяются, констатировал в заключение Линь Ифу, ее экономической основой. В этом смысле ренессанс китайской культуры в XXI веке напрямую связан с его быстрым экономическим развитием. Ускорение темпов роста в Индии, Бразилии, Индонезии, России, ЮАР в условиях крепнущей многополярности мира создает возможность культурного ренессанса и в этих странах на базе из собственного культурного наследия и ключевых этических ценностей³.

Секционные заседания форума были посвящены таким темам, как «Исторический взгляд на пути общественной трансформации», «Экономический рост в контексте глобализации», «Преемственность и инновации в образовании», «Наследие и инновации в культуре», «Трансформация городов и будущее человечества», «Консультативная демократия и общественная гармония» (в ее работе приняли участие такие известные ученые, как Юй Кэпин, Хэ Баоган, У Гогуан, Лоуэлл Диттмер). Были также организованы студенческая секция о роли молодежи в сохранении культурного наследия, развитии и инновационном процессе и секция Всемирного банка «Частное образование и общественные финансы». Специальный «крутой стол» был посвящен десятилетию членства Китая во Всемирной торговой организации.

На секции «Трансформация и стабильность: достижения и вызовы в развивающихся странах», в работе которой мне довелось участвовать, был заслушан ряд докладов о событиях 2011 г. в арабском мире. Их коренной причиной, по мнению доктора Я. Зубира из Франции, стала неспособность правящих режимов, суть которых можно охарактеризовать как «электоральный авторитаризм», эффективно ответить на нараставшие вызовы развитию в виде безработицы, коррупции, бедности.

Состав участников секции, среди которых было несколько ученых-африканистов из ЮАР, Индии, России, Анголы и Центра африканских исследований Пекинского университета, предопределил повышенное внимание в ее работе к проблемам развития Африки в целом и некоторых конкретных стран континента.

Вместе с тем, анализировался и опыт ряда развитых стран, в т.ч. стратегия инновационного обновления Сингапура (Пенелопа Прайм, Атланта, США), деятельность Республики Корея в качестве организатора саммита группы «G-20» (Чой Бён Ир, Республика Корея).

Особо отмечу доклад «Новая ресурсная политика: могут ли Австралия и Южная Африка приспособиться к Китаю?». Его авторами являются Марк Бисон из Университета Южной Австралии, Миллс Соко из Университета Кейптауна и Ван Юн из Пекинского университета, который и представил доклад на форуме. Последствия глобализации экономики КНР и ее растущий спрос на сырье и ресурсы, получаемые извне, заставляют многие страны мира так или иначе адаптироваться к «подъему Китая» независимо от того, нравится им это или нет. В том, как этот процесс идет у Австралии и ЮАР, есть заметные различия. ЮАР видит в китайских инвестициях прежде всего возможность для развития, а не угрозу безопасности. Австралийская ситуация заметно сложнее: Китай является главным рынком для экспорта Австралии (в 2009 г. его доля здесь достигла 30%) и одновременно рассматривается как потенциальная стратегическая угроза. По мнению

авторов, экономические интересы в конечном счете возьмут верх: в XXI веке материальные силы оказываются сильнее идеологии⁴.

В целом Пекинский форум произвел впечатление действительно крупномасштабного и интересного события. Несомненно, запуск мероприятия такого рода непосредственно связан с взятым в КНР курсом на усиление и диверсификацию «мягкой силы» страны, повышение международной конкурентоспособности Китая по этому параметру. В то же время, определенной недоработкой можно считать то обстоятельство, что диалог цивилизаций в версии Пекинского форума пока выглядит как почти исключительно диалог между китайской и англо-американской цивилизациями.

*В. Портяков,
д.э.н., профессор*

-
1. *Chen Shaofeng*. Insufficient Domestic Demand in China: an Exaggerated Story. // Selected Papers of Beijing Foirum 2010; The Harmony of Civilizations and Prosperity for All — Commitments and Responsibilities for a Better World. Peking University Press. 2011. P. 144–170.
 2. *Myerson R.* Understanding the Foundations of All Political Systems: Leadership, Law and Local Government // Keynote Speech of Beijing Forum 2011.
 3. *Линь Ифу*. Эрши и шици цюанью доци цзэнчжан гэцзюй чжун дэ Чжунго цзинцизи фачжань хэ вэньхуа фусин // Keynote Speech of Beijing Forum 2011.
 4. *Beeson M., Soko M., Wang Yong*. The New Resource Politics: Can Australia and South Africa Accommodate China? // Transformation and Stability: Achievements and Challenges in Developing Countries. Collection of Papers and Abstracts, Beijing Forum Secretariat, 2011. P. 60–87.

Проблемы Китая и России на конференции в Хельсинки

9–11 ноября 2011 г. в Хельсинки (Финляндия) прошла международная конференция «Дракон и Медведь: стратегический выбор Китая и России», в которой приняли участие более 200 исследователей, дипломатов, журналистов из России, Китая, Финляндии, Швеции и других стран Европы, среди участников были авторитетные эксперты из Австралии и США. Организатором конференции явился научно-исследовательский Александровский институт (Aleksanteri Institute), специализирующийся на изучении России и Восточной Европы в сферах общественных и гуманитарных наук, входящий в состав Университета Хельсинки. Основная цель конференции состояла в выявлении и изучении новых интерпретаций стратегического выбора Китая и России, а также взаимовлияния этих стран друг на друга. Конференция носила мультидисциплинарный характер.

Дискуссии велись по шести основным направлениям:

- история и практический выбор: различия и сходные черты в трансформациях в Китае и в России;
- международные отношения: наследие «холодной войны», сферы влияния и двусторонние связи;
- экономика: модели реформ, инвестиции, правовые вопросы экономики, государственная собственность и предпринимательский климат;
- демократия: аспекты авторитаризма и демократии, элиты, практика управления;
- социальное положение: социально-экономическое развитие и развитие системы соцобеспечения;
- инфраструктура безопасности: национальная система управления и ее влияние на формирование региональной безопасности.

Все доклады были распределены по 22 тематическим секциям. Кроме того, состоялось два пленарных заседания и два круглых стола. Всего было заслушано около 80 научных докладов.

На открытии конференции выступил министр иностранных дел Финляндии Эрки Туомиоя, который подчеркнул важность вопросов, представленных для обсуждения. По его мнению, Россия и Китай, являясь членами «двадцатки», Совета Безопасности ООН и входя в группу БРИКС, непосредственно влияют на формирование нового международного порядка и положительно воздействуют на выход мировой экономики из кризиса. Он отметил, что Финляндия поддерживает вступление России в ВТО и приветствует проявление ответственности в международной политике держав, поскольку «выигрыш и ответственность идут рука об руку».

Он также подчеркнул важность «снижения культурных и лингвистических барьеров» между государствами. Это может служить долгосрочным вкладом в развитие партнерских отношений между Евросоюзом, Россией и Китаем. Академическое сообщество европейских стран, России и Китая является частью глобального процесса по формированию взаимопонимания и новых знаний. Возрастающая мобильность студентов и профессоналов способна положить начало продуктивному диалогу между государством, бизне-

сом и трудящимися, без чего невозможно создание конкурентоспособной и процветающей экономики. Он подчеркнул важность роли гражданского общества и НПО. Северные страны Европы имеют опыт в этом вопросе и могут поделиться им с Россией и Китаем.

В приветственном слове директора Института Александровского института Марку Кивинена среди прочего указывалось на «разительное отличие результатов российских и китайских реформ». Аудитории был задан общий вопрос — почему после окончания «холодной войны» Россия и Китай выбрали разные пути своего развития.

На пленарных заседаниях были заслушаны доклады д.и.н. А.В. Ломанова, проф. Ли Чуньлин, проф. Пэй Миньсинь и Линды Якобсон, которые затронули вопросы безопасности, экономического и социального развития Китая и России. В частности, А.В. Ломанов (ИДВ РАН) в своем докладе «Китайская модель после глобального финансового кризиса» отметил, что непрекращающийся рост китайской экономики «вызвал новую волну дискуссии» о правильности китайского пути развития. Однако односторонний акцент на успехе «китайской модели» может привести к консервации существующих проблем в развитии страны, превратившись в источник интеллектуального изоляционизма.

Китайская исследовательница Ли Чуньлин (Институт социологии АОН Китая) раскрыла тему социальной политики, проводимой властями КНР. В своем докладе «Стратификация и формирование классов в Китае после 1980-х гг.» она подвергла анализу процесс социальной трансформации китайского общества в период экономических реформ, отметила зарождение городского среднего класса, указав при этом на необходимость возрождения системы социальной поддержки, поскольку в настоящее время в стране за чертой бедности проживает 15 млн чел., которые живут на 0,3 долл. в день, и еще 254 млн чел., живущих на 1,25 долл. в день.

Директор восточноазиатских программ Института международной политики (Сидней, Австралия) Линда Якобсон в докладе «Энергетические отношения Китая и России: надежды, тревоги, неопределенности» отметила, что энергетическое сотрудничество между Китаем и Россией превратилось в «краеугольный камень двусторонних отношений». В настоящее время Россия стала важнейшим производителем нефти и газа, а Китай — крупнейшим покупателем энергоресурсов. Однако в последние годы Китай сократил импорт российской нефти до 6% от всей закупаемой за рубежом. Китайское руководство решило диверсифицировать поставку нефти и газа в страну и импортирует их из Саудовской Аравии, Анголы, Омана.

Проф. Пэй Миньсинь из калифорнийского колледжа Клэрмонт Маккена в докладе «От коммунизма к авторитарному кумовскому капитализму: уроки перехода в Китае и России» указал на различные пути общественно-политической трансформации в Китае и России. Вместе с тем, по его мнению, результат оказался одинаковым — вместо либеральных политических институтов и рыночной экономики в обеих странах господствуют авторитарная политика и «кумовской капитализм» (*crony capitalism*). По мнению докладчика, в основе этих процессов лежат сходные причины, среди них отношения государства и общества в период до начала преобразований, националистические идеологии и трудность создания эффективных рыночных институтов в политической системе с доминированием элиты.

На кругом столе «Восток есть Восток, Запад есть Запад и никогда они не встретятся» обсуждались вопросы деловой культуры и межличностного поведения китайских и российских бизнесменов. В центре дискуссии оказался доклад китайского ученого Хуа Миня о развитии деловой культуры и среды в современном Китае. Он полагает, что китайская экономика является «не рыночной, а экономикой отношений». *Гуаньси* (отношения) превратились в социальный капитал и непосредственно влияют на деловую активность китайских предпринимателей.

Российские ученые из различных научных учреждений Санкт-Петербурга (С. Сутырин, И. Воробьева), касаясь особенностей российской деловой среды, сосредоточились

ли внимание на поведении российской элиты. Было отмечено, что «настоящая элита никогда не утверждает, что является элитой, а наличие крупных денежных средств еще не указывает на элитарный статус». Они пришли к мнению, что в России продолжается становление деловой среды.

Другой круглый стол — «Китай и Россия в мировой экономике» — был посвящен обсуждению проблем экономического развития двух стран. В докладе Цян Юнчана «Медленное выздоровление мировой экономики и стратегический выбор Китая» был затронут вопрос о диспропорциях в экономическом развитии стран мира и влиянии этого фактора на состояние мировой экономики. Отмечалась неравномерность географического развития многих ведущих стран мира. В США, например, развито восточное и западное побережье, в Китае и Японии — восточное побережье, в Евросоюзе — северо-запад (Бельгия и Нидерланды). Эти диспропорции оказывают отрицательное воздействие на развитие экономик этих стран в целом.

Он также с сожалением отметил, что Китай, хотя и стал страной со второй экономикой мира, его экономика пока составляет лишь одну шестую часть от экономики США. Китайские деловые круги выражают озабоченность и недостаточным авторитетом китайской экономики и товаров. В мире Китай продолжает ассоциироваться с дешевой рабочей силой, тогда как США — с инновациями и качественным образованием, а Европа — с роскошью и элегантностью.

В докладе Л. Поповой «Китайские инвестиции в России — опасность или благо?» отмечалось, что с 2009 г. Китай стал одним из трех главных инвесторов в России (более 30 млрд долл. инвестиций). При этом 66% россиян считают китайские инвестиции опасными для российского суверенитета. Между тем, как подчеркнула Л. Попова, в Россию идет небольшая часть китайских инвестиций, а основная часть (72%) направляется в страны Латинской Америки. Российские власти хотели бы, чтобы Китай принял активное участие в развитии Сибири и Дальнего Востока — инвестировал в строительство дорог, мостов, модернизировал морские порты, создавал перерабатывающие комплексы на российской стороне общей границы. Однако для этого необходимо создать благоприятный деловой климат в России.

Живой интерес у зарубежных специалистов вызвали вопросы международного сотрудничества России и Китая, а также комментарии российских ученых по решению пограничных вопросов. В докладе Л. Забровской «Дипломатическое сотрудничество России и Китая на шестисторонних переговорах» отмечалась идентичность задач, стоящих перед дипломатами обеих стран по мирному разрешению ядерного кризиса на Корейском полуострове, и указывалось на необходимость продолжения многостороннего сотрудничества для решения других не менее важных проблем Северо-Восточной Азии.

В докладе К. Хахалина «Территориальные аспекты китайских и российских реформ» был представлен сравнительный анализ территориальных приобретений и потерь Китая и России в течение всего периода проведения экономических реформ. Их результат оказался успешным для Китая и неутешительным для России. Однако, как подчеркнул К. Хахалин, несмотря на различные подходы в стратегии проведения экономических реформ, отношения между двумя странами остаются дружественными.

На конференции были широко представлены доклады, освещавшие политику России и Китая в Средней Азии. Исследователи подвергли пристальному анализу стратегию и тактику обеих держав в этом регионе, отмечая, что Россия продолжает оставаться главным партнером для средизазиатских государств. В то же время у них возрос интерес к Китаю и получению его экономической помощи. Китайский ученый Ян Чэн отметил, что Китай заинтересован в развитии всестороннего сотрудничества со странами Средней Азии и построении мирного и гармоничного содружества государств в этом регионе мира. Итальянский ученый Фабио Индео полагает, что благодаря ШОС и ОДКБ Россия и

Китай усилили свое влияние в Средней Азии. В то же время это создало, по его мнению, основу для российско-китайского экономического соперничества в этом регионе.

Тема совместного освоения Арктики Россией и Китаем также широко обсуждалась. Высказывалось мнение (Н. Харлампиева, Ласло Хейнинен), что Арктика с ее стратегическими запасами сырья способна стать «новым геоцентром» на политической карте мира. Восемь арктических стран и неарктические страны (Китай, США, Франция и Евросоюз в целом) заявили о своем интересе к Арктике и ее природным ресурсам. Россия и Китай намерены объединить усилия для освоения арктических ресурсов. К ним готовы присоединиться северные страны Европы. Финский исследователь Эйни Лааксонен напомнил о стремлении финских предпринимателей участвовать наряду с норвежцами и шведами в экономических проектах в Мурманской области. Они учитывают ограниченность финансов у российской стороны и готовы инвестировать в инфраструктуру, разработку залежей углеводородов и развитие «марикультуры».

Исследователи из Финского института международных отношений (Хельсинки) — Юко Раутава, Матти Нойонен и Аркадий Мошес в своих докладах обратили внимание на характер и перспективы развития российско-китайских отношений. Предположив, что стратегическое партнерство Китая и России способно в случае эффективного взаимодействия кардинально повлиять на баланс сил в мировом масштабе, они отметили тенденцию сокращения Китаем сотрудничества с Россией во многих важных областях политики, экономики, энергетики и военно-технической сфере. Они полагают, что в случае продолжения такой тенденции в отношениях двух стран Китай все менее будет зависеть от России и наступит «асимметрия» в двусторонних связях, где Китай станет занимать лидирующие позиции во всех стратегических вопросах.

Затрагивая фактор США и их предложение Китаю создать «большую двойку» (G2) для решения мировых экономических проблем, финские исследователи подчеркнули, что этот факт явился напоминанием Москве о том, что в будущем одной из опор мультиполярного мира станут не Россия и не российско-китайские связи, а Китай. По их мнению, Китай способен существовать без России, но ему будет трудно выживать без США.

Финские ученые также обратили внимание на особенности торгово-экономических предпочтений китайского бизнеса, который расширяет сферы сотрудничества с африканскими странами и сокращает контакты с постсоветским пространством. Они полагают, что хотя «в африканских странах также велика коррупция», там нет дискриминации китайских предпринимателей. Вместе с тем, «низкие стандарты поведения» китайцев бросают тень на китайский бизнес в России в целом. В результате объем торгово-экономических связей Китая с африканскими странами превалирует над аналогичными показателями китайской деятельности на постсоветском пространстве.

В целом международная конференция, посвященная изучению и анализу исторического выбора России и Китая, вызвала интерес у научной общественности и деловых кругов Финляндии. По завершении конференции был устроен прием в мэрии г. Хельсинки, где с приветственным словом к участникам обратились представители администрации и научного сообщества. В их выступлениях отмечалась важность для Финляндии разностороннего сотрудничества с Россией и Китаем, актуальность обсуждавшихся вопросов и необходимость дальнейшего обмена мнениями в целях расширения взаимопонимания и повышения доверия.

Защита диссертаций в ИДВ РАН в 2011 году

В 2011 г. в Институте Дальнего Востока РАН продолжили работу Диссертационный совет Д. 002.217.01, принимающий к защите диссертации по специальности 08.00.14 — мировая экономика и Диссертационный совет Д. 002.217.02, принимающий к защите диссертации по специальности 07.00.03 — всеобщая история (нового и новейшего периода) по историческим наукам и 23.00.04 — политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития по политическим наукам.

Всего за истекший год было защищено 5 диссертаций — 1 на соискание ученой степени кандидата исторических наук, 1 — кандидата политических наук и 3 — кандидата экономических наук.

Понамарев Сергей Владимирович защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата политических наук на тему «**Взаимозависимость состояния режима нераспространения ядерного оружия и развития китайско-американских отношений**» (Научный руководитель — к.воен.н. А.Ф.Клименко).

В диссертации С.В. Понамарева впервые комплексный системный анализ современного состояния режима нераспространения ядерного оружия был проведен в привязке к внешнеполитическим курсам таких центров силы в существующем геополитическом пространстве, как Китай и США.

Автором обосновано положение о том, что структурная перестройка системы международных отношений после окончания «холодной войны» привела к ослаблению режима Договора о нераспространении ядерного оружия как одного из элементов глобальной безопасности и катализировала ядерное распространение.

Проведено изучение доктринальных подходов двух стран к проблеме распространения ядерного оружия и проанализировано соответствие декларируемых подходов реальному политическому курсу.

Представлено научное обоснование взаимозависимости современного состояния режима нераспространения ядерного оружия и китайско-американских отношений в области международной безопасности.

Сформулирован комплекс прогнозных выводов в отношении перспектив развития режима нераспространения ядерного оружия, его механизмов, а также ситуации вокруг основных конфликтных зон геополитической угрозы ядерного распространения — Ирана и Корейского полуострова.

Обосновано совмещение методов политических и исторических исследований для комплексного анализа формирования предпосылок современного кризиса режима ядерного нераспространения.

Данную работу представляется возможным квалифицировать как существенный вклад в развитие такой области политологии, как международные отношения в сфере обеспечения военной безопасности.

Калмычек Павел Александрович защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «**Политические перемены в Японии 1990-х гг.: основные черты и значимость**» (Научный руководитель — д.и.н. Е.К. Сиимова-Гудзенко).

Автор рассмотренной работы впервые в отечественной историографии предпринял попытку комплексного исследования японской политической истории 1990-х гг. как самостоятельного отрезка развития Японии, дав собственную оценку итогам развития страны в указанный период.

Достоинством диссертации является анализ специфики японской политической системы и ее эволюции. Автору удалось продемонстрировать влияние различных факторов, работавших до 1990-х гг. в интересах сохранения фактически однопартийной власти — могущество бюрократии, сращивание политической и деловой элиты, слабость оппозиционных партий, консервативный настрой избирателей, отсутствие открытых критических дискуссий в СМИ и ит.д. В работе раскрыты реальные механизмы функционирования японской политической системы и их отличия от декларируемых норм многопартийной демократии, заимствованных на Западе.

В нынешний, полный конфликтов и споров между оппозицией и правящей партией период в японской политике, работа П.А. Калмычека способна помочь исследователям выработать более полное понимание проблем современной Японии и оценить перспективы дальнейших политических перемен.

Проведенное исследование позволило сделать важный обобщающий вывод: в 1990-х гг. в политической ситуации и в политической системе в Японии сохраняются многие факторы преемственности предыдущих лет. Однако одновременно фиксируются значимые и конкретные перемены, означающие начало переходного процесса в формировании политической системы в стране. Вопреки выводам западной историографии о «потерянном десятилетии», автор обоснованно и убедительно доказывает, что именно в этот переходный период создается основа для дальнейших изменений политической системы Японии.

Намжилова Виктория Очировна в 2010 г. окончила аспирантуру при ИДВ РАН и защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук на тему: «Проблемы освоения западных регионов КНР (на примере автономного района Внутренняя Монголия)» (Научный руководитель — д.э.н. Л.И. Кондрашова).

В данной диссертации проведен анализ современной региональной политики Китая и порождаемых реформой различий в развитии отдельных частей страны с акцентом на автономный район Внутренняя Монголия (АРВМ). Проблема устранения региональных диспропорций приобретает особую актуальность в странах с переходной экономикой, где отдельные регионы по-разному адаптируются к новым рыночным реалиям. Анализ китайской политики преодоления неравномерного развития регионов может быть полезен при формировании внутренней региональной и внешнеэкономической стратегии России, где проблема региональных диспропорций стоит также остро.

В работе рассмотрен новый курс в региональной политике КНР, направленный на ликвидацию разрыва в развитии восточных и западных районов, а также на укрепление общенационального единства и целостности государства. На основе сравнительного анализа этапов регионального развития Китая до и во время хозяйственной реформы выделен специфический характер современной региональной политики страны, показано, что решающим условием успешного развития западных регионов КНР в настоящее время является Программа освоения западных регионов, рассчитанная на три этапа в течение пятидесяти лет (2000–2050 гг.), предусматривающая значительные государственные дотации, дополнительное финансирование строительства крупных объектов промышленности и инфраструктуры на территории этих регионов, а также осуществление льготной налоговой политики.

Детально анализируются особенности экономического развития АРВМ, обладающего крупными запасами полезных ископаемых и относительно близко расположенного к важным промышленным центрам Китая, специфика его административно-территориального формирования, ресурсное обеспечение и демографическая ситуация.

Перестройка отраслевой структуры, территориальное размещение производства и перспективы развития АРВМ исследуются автором в тесной связи с решением широкого круга социальных и экологических проблем. Диссертант справедливо считает, что упор на пренебрежительное развитие тяжелой промышленности, прежде всего энергетики, транспортной инфраструктуры, разработку месторождений полезных ископаемых, в западных регионах КНР ведет к активному перемещению в них экологически грязных производств и обострению экологической ситуации при отсутствии достаточного внимания к проблемам охраны окружающей среды.

Показано важное значение АРВМ в развитии российско-китайского и монголо-китайского сотрудничества, обусловленное территориальной близостью, наличием крупнейших в стране сухопутных контрольно-пропускных пунктов — Маньчжурия и Эрлянь, исторически сложившимися тесными экономическими и культурными связями.

Полищук Алексей Владимирович защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук на тему: «**Экономические проблемы энергетической безопасности Японии**» (Научный руководитель — д.э.н., проф. И.Л. Тимонина).

Актуальность представленной диссертации обусловлена тем, что для Японии обеспечение энергетической безопасности является одной из первостепенных задач, поскольку страна имеет самый низкий среди крупнейших экономик мира показатель самообеспеченности первичными энергоресурсами. Особое значение тема исследования приобретает в связи с постигшим Японию в марте 2011 г. масштабным землетрясением и серьезной аварией на АЭС «Фукусима», нанесшей огромный ущерб национальной энергосистеме и наглядно показавшей уязвимость ключевых объектов ТЭК. Опыт Японии по созданию системы устойчивого энергоснабжения страны в условиях нестабильности на мировых финансовых и энергетических рынках, представляет большой интерес в плане усовершенствования экономических инструментов, обеспечивающих энергетическую безопасность экономик на разных уровнях, и может быть полезен для России.

В работе дается развернутая характеристика проблемы энергобезопасности современной Японии, отмечена диалектическая связь концепции энергетической безопасности с концепцией устойчивого развития. Проведен скрупулезный анализ энергетического баланса страны, динамики структуры потребления различных видов энергоресурсов, отмечено, что положительные изменения в энергобалансе, достигнутые за прошедшие десятилетия, являются результатом планомерной и целенаправленной политики правительства. Подробно исследованы основные источники угроз и нестабильности энергообеспечения (в т.ч. проблемы безопасности АЭС, терроризм, конкуренция за энергоресурсы с азиатскими странами, неблагоприятная экономическая ситуация в стране), показано, что на энергетическую безопасность значительное влияние оказывают внеэкономические факторы, раскрыта связь проблем энергобезопасности с состоянием внутренних рынков энергоресурсов.

Вопросы энергетической безопасности рассмотрены в контексте устойчивых региональных процессов, выявлена растущая роль регионализма, проявляющегося, с одной стороны, в сотрудничестве по применению энергосберегающих технологий и снижению удельного потребления энергии в рамках АТР, а с другой стороны, в закреплении позиций японских компаний в добывающих отраслях стран Ближнего и Среднего Востока, Центральной Азии. Обоснована целесообразность создания на Дальнем Востоке России гарантийного запаса нефти и нефтепродуктов и его координации с аналогичной системой в Японии. Создание скоординированной системы гарантийных запасов может стать одним из ключевых факторов обеспечения энергобезопасности не только двух стран, но и в масштабах региона.

Захарова Людмила Владимировна в 2011 г. окончила аспирантуру при ИДВ РАН и защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук на тему: «**Межкорейские экономические отношения и перспективы трехсто-**

ронных экономических проектов с участием России» (Научный руководитель — д.э.н. С.С. Суслина).

Диссертация Захаровой Л.В., посвященная всестороннему анализу динамики, современного состояния и перспектив экономического сотрудничества между КНДР и РК, актуальна для осуществления многоаспектного прогнозирования ситуации в этом соседнем с Россией нестабильном регионе. Развитие межкорейского экономического сотрудничества способствует снижению напряженности на полуострове, открывая возможности для урегулирования корейской проблемы на основе модели постепенного экономического объединения двух государств. Расширение и углубление экономических отношений Северной и Южной Кореи существенно повлияет на соотношение сил основных экономических центров Северо-Восточной Азии, в которую входит и российский Дальний Восток.

В работе впервые осуществлен комплексный анализ процесса развития экономических отношений КНДР и РК во всем многообразии их форм с учетом влияния наиболее значимых внутренних и внешних факторов, причем не только во внутрикорейском, но и в региональном аспектах, а также проведена систематизация теоретических подходов российских и иностранных ученых к вопросу о перспективах экономических отношений КНДР и РК и на их основе выявлены базовые условия, необходимые для прогресса межкорейской интеграции. Предложена и обоснована периодизация экономических отношений КНДР и РК, определяемая динамикой межправительственного диалога и преобладающими формами двустороннего сотрудничества на каждом из трех выделенных этапов: период становления — 1980–90-е гг., этап интенсивного развития — 2000–2007 гг. и начавшийся с 2008 г. период стагнации. Изучена договорно-правовая и законодательная база, регламентирующая экономические отношения КНДР и РК.

Раскрыто стимулирующее значение фактора экономических трудностей Северной Кореи для расширения межкорейского сотрудничества. Проанализирована современная политика КНДР, направленная на активное привлечение иностранных, в том числе южнокорейских, инвестиций в совместные экономические проекты и создание свободных экономических зон. На базе теории международной экономической интеграции проведен анализ состояния межкорейских отношений на институциональном и функциональном уровнях. Рассмотрены возможности подключения России и других стран региона к межкорейскому экономическому сотрудничеству, в частности, по каналам отраслевой интеграции, и обоснована взаимовыгодность этого процесса для всех участников. Сделан вывод об актуальности реализации в перспективе таких важных для России проектов, как соединение Транссибирской магистрали и Транскорейской железной дороги, а также прокладка газопровода из РФ в РК через территорию КНДР, осуществление которых в настоящее время заморожено из-за обострения военно-политической ситуации на Корейском полуострове.

О международной конференции «Япония и Россия: экономика и общество в океане проблем»

15 и 16 декабря 2011 г. в Институте мировой экономики и международных отношений РАН прошла российско-японская научная конференция «Россия и Япония: экономика и общество в океане проблем», организованная Ассоциацией японоведов при поддержке российских академических институтов и Японского фонда (Japan Foundation). На открытии конференции председатель Ассоциации японоведов Д.В. Стрельцов провел презентацию трех изданий Ассоциации японоведов: «Япония: экономика и общество в океане проблем» (М.: Вост. лит., 2012)¹, «Япония: опыт модернизации» (М.: АИРО-XXI, 2011) и «Япония 2011» (М.: АИРО-XXI, 2011), а руководитель Центра японских исследований Института Дальнего Востока РАН В.О. Кистанов рассказал о ежеквартальном сборнике ИДВ РАН «Япония наших дней», регулярно выходящем с 2009 г. На конференции ИДВ РАН был представлен выступлениями семи сотрудников Центра японских исследований.

В соответствии с темой конференции доклады и выступления ее участников были посвящены многочисленным актуальным проблемам, существующим в экономической, социальной и политической сферах обеих стран.

Заместитель директора ИМЭМО РАН, руководитель Центра социальной политики Института экономики РАН Е.Ш. Гонтмахер выступил с темой «Проблема старения населения в России». Как отметил докладчик, процессы старения населения носят глобальный характер, и в первую очередь это относится к наиболее развитым странам, включая Японию. Старение общества — один из самых сильных вызовов и экономике, и социальной сфере, и даже политической жизни, на который в Японии ищутся ответы. В России проблема старения населения становится все более острой и опыт Японии может быть крайне полезен. И здесь открывается широкое поле для обмена мнениями между официальными органами и экспертами обеих сторон. Для начала этого диалога Гонтмахер в своем выступлении представил свой анализ процессов старения населения России. В частности, он отметил, что новая пенсионная система России должна превратиться из инструмента борьбы с бедностью в систему страхования и накоплений.

Президент Международного центра общественно-политических исследований Наоки Танака (Япония) в выступлении «Беспокойство населения по поводу “Плана успокоения из 5 пунктов”» раскрыл «японские государственные секреты», рассказав о нюансах политической жизни современной Японии, в частности, в условиях старения японского общества и связанными с этим явлениями проблемами пенсионной системы. Как отметил докладчик, в Японии есть непривлекательные государственные должности, включая должность премьер-министра, по причине необходимости принятия на этих постах незрелых, но непопулярных в Японии решений. Япония, по мнению Танаки, в период «холодной войны» имела экономические преимущества от того, что другие страны вынуждены были тратить заметную часть бюджета на военные нужды, тогда как Япония имела уровень военных расходов порядка 1% ВВП. Но сейчас Япония такого преимущества не

имеет, и поэтому она более уязвима. Нынешним властям необходимо сократить социальные расходы, однако у японских политиков нет мужества это сделать, отметил Танака.

Е.Л. Леонтьева (ИМЭМО РАН) в своем выступлении «**Япония: восстановление после удара стихии**» остановилась на проблеме восстановления страны от Великого бедствия на Востоке Японии. Полная оценка прямых потерь, рассчитанная правительством, составила 33,8 трлн иен, или более 430 млрд долл. Это 7,05% годового ВВП Японии. Наибольший ущерб в денежном выражении понесли дорожная сеть, связь, жилищный фонд, фермерские хозяйства, промышленные предприятия. Как отметила Леонтьева, первоочередными задачами являются восстановление инфраструктуры транспорта и связи в пострадавших районах, возобновление поставок товаров и топлива и строительство нового жилья для расселения пострадавших людей, причем эти задачи выполняются быстро и организованно, главным образом силами частного бизнеса. В стране начинается строительный бум. Полная расчистка и обеззараживание территории, рекультивация сельскохозяйственных земель и возможное перепрофилирование экономики на опустошенной земле может занять до трех лет. На полное переустройство северо-востока Японии уйдет не меньше 10 лет. В то же время сегодня самыми тяжелыми задачами являются обеспечение безопасности на объектах атомной энергетики и восполнение дефицита электроэнергии. И хотя нестабильность политической системы Японии не помогает государственному финансированию восстановления, тем не менее, по мнению докладчика, сильная экономика Японии способна справиться с этими вызовами.

Д.В. Гордиенко (ИДВ РАН) в выступлении на тему «**Мировой финансово-экономический кризис и уровень экономической безопасности Японии**» провел оценку антикризисных мер Японии, направленных на поддержание необходимого уровня экономической безопасности страны в условиях начавшегося в 2008 г. глобального финансово-экономического кризиса, который значительно повлиял на возможности Японии по повышению уровня своей экономической безопасности. Ухудшили экономическую ситуацию в стране природная, экологическая и техногенная катастрофы 2011 г. Тем не менее, по мнению Гордиенко, анализ и оценка эффективности антикризисных мер, принятых в 2008–2010 гг., дают надежду на быстрое преодоление Японией негативных воздействий на национальное хозяйство страны землетрясений и цунами, радиационного заражения почвы и воды в районе аварийной АЭС «Фукусима-1».

Доцент **Тосихико Сиобара** (университет Коти, Япония) в докладе «**Сравнительный анализ коррупции в России и Японии**» пришел к выводу о том, что по данным индекса восприятия коррупции в России ситуация с коррупцией ухудшилась, а в Япония улучшилась. Он также отметил, что Россия ратифицировала Конвенцию ООН против коррупции 9 мая 2006 г., однако до сих пор не утвердила 20-ю статью Конвенции («Незаконное обогащение»), которая предусматривает признание странами-подписантами в качестве уголовно наказуемого деяния «незаконное обогащение» государственных служащих. 4 октября 2006 г. Россией была ратифицирована Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию. Со своей стороны, Япония еще не ратифицировала Конвенцию ООН против коррупции, которая была утверждена японским парламентом 2 июля 2006 г. Как пояснил Сиобара, в Японии до сегодняшнего дня не приняты национальные законы, соответствующие этой конвенции, поэтому процедура ратификации невозможна. В Японии также происходит процесс внедрения в практику «Принципов повышения честности в общественных поставках», которые были утверждены в октябре 2008 г. в качестве рекомендаций Организации экономического сотрудничества и развития. В ходе дальнейшей дискуссии по данному докладу было отмечено, что коррупция также оказывает негативное влияние на российско-японские торгово-экономические отношения. Эта дискуссия нашла отражение и в публикации на сайте газеты «Известия»².

Профессор Сатоси Мидзобата (университет Киото, Япония) выступил с темой «Положение в экономике после кризиса: Россия и Япония». В частности, он отметил, что Россия и Япония сильно пострадали от мирового финансового кризиса в 2008–2009 гг. Причем сильная зависимость России от нефти и газа, экспортных цен на нефть стали причиной «русской болезни». И после кризиса положение дел в России не изменилось, и риски остаются. В то же время кризис показал и уязвимость Японии в виде сильной зависимости от внешнего спроса, которая после кризиса также не претерпела изменений. В итоге для Японии имеем «потерянное двадцатилетие». Таким образом, риски России в том, что в стране имеются предприятия-монополисты и коррупция, а Японии — в корпоративных скандалах и политической нестабильности (так называемая «японская болезнь»). В обеих странах риски сохраняются и наблюдается низкое доверие населения к правительству. По мнению Мидзобаты, кризис не закончился, а продолжается, и странам необходимо принимать меры, нацеленные на «излечение» стран от их «болезней».

Ю.Д. Денисов (ИДВ РАН) выступил с докладом «Море инноваций против океана проблем». По его мнению, среди множества современных проблем немало таких, которые могут успешно решаться с помощью прогресса науки и технологий. Это проблемы, связанные с энергообеспечением, сохранением окружающей среды, здравоохранением, совершенствованием транспортных и информационных систем и т.д. В Японии такого рода проблемы решаются особенно успешно, чему способствуют ее высокоразвитая научная и производственная база и тесное научно-техническое сотрудничество с такими странами-лидерами инновационного развития, как США, Великобритания, Германия и др. В России же на рубеже 1970–80-х гг. началось отставание от стран-лидеров в инновационной сфере и высокотехнологичных отраслях экономики. На сегодня это отставание приобрело огромные масштабы: Россия оказалась не способной конкурировать с развитыми странами мира, успешно реализующими технологии пятого технологического уклада, именуемые «высокими технологиями». В докладе были приведены примеры технологий, призванных решать высоко актуальные проблемы экономического и социального развития в период до 2020–2025 гг. Указаны страны-лидеры в их разработке и возможные пути ускорения инновационного развития России на высокотехнологичных направлениях.

Профессор Таити Оно (Высшая школа государственной политики университета Токио, Япония) представил доклад «Социальное обеспечение в Японии: история и вызовы». В 1961 г. Япония добилась всеобщего охвата населения медицинским страхованием и общественными пенсиями. В 2011 г. исполнилось 50 лет данной системе. После 1961 г. история японской системы социального обеспечения может быть разделена на пять этапов, о которых рассказал докладчик. Современная система «Комплексной помощи сообщества», за которую выступает правительство и которая должна быть реализована к 2015 г., предполагает предоставление со стороны государства необходимой поддержки для ухода за пожилыми людьми. Концепция предполагает приверженность людей и в старости оставаться физически и умственно здоровыми, чтобы сохранять независимость и принимать активное участие в общественной деятельности, взаимно поддерживать друг друга в повседневной жизни. Данная концепция должна обеспечить реализацию понятий солидарности и социальной интеграции в сложных экономических условиях. По мнению японцев, в ближайшем будущем такая японская социальная система могла бы стать моделью для стареющего мира.

С.Б. Маркаръян (ИВ РАН) в выступлении «Иммигранты в Японии: pro & contra» затронула вопросы, связанные с пребыванием иностранцев в Японии, которая до сих пор остается моноэтнической: 99% ее населения — японцы. В настоящее время пребывание иностранных работников в Японии — а их около 2% — ставит правительство перед необходимостью создания комфортных условий для проживания и работы иностранцев, ибо в новой японской стратегии экономического роста именно они названы

основой устойчивого развития страны в условиях тенденции сокращения населения. Наиболее серьезной проблемой для правительства является неприятие иммигрантов и их субкультуры большинством населения страны, а также связанный с ними рост преступности. По мнению Маркарьян, Япония остро нуждается в выработке стратегических установок по вопросам иммиграции, создания государственной программы адаптации иммигрантов.

Д.В. Стрельцов (МГИМО(У) МИД России) выступил с докладом на тему «Низкоуглеродное общество» в Японии». Понятие «низкоуглеродного общества» обозначает новый тип социума с высоким экологическим сознанием, ставящего перед собой цель постепенного отказа от использования ископаемых видов топлива. В Японии проблема строительства «низкоуглеродного общества» обрела особую актуальность в связи с реализацией обязательств, которые она взяла по Киотскому протоколу. При этом нужно отметить амбициозную инициативу по сокращению эмиссии к 2020 г. на 25% по сравнению с уровнем 1990 г., выдвинутую японским правительством после прихода к власти правительства Демократической партии. Предполагается проведение долгосрочной государственной стратегии, нацеленной на решение трех задач: 1) снижение доли углеводородов в энергетическом балансе страны; 2) эффективное энергосбережение и приоритетное развитие «низкоуглеродных технологий»; 3) построение нового социума с высоким экологическим сознанием. С начала 2000-х гг. Министерство по защите окружающей среды Японии приступило к развертыванию крупного исследовательского проекта, цель которого в том, чтобы обозначить наиболее существенные характеристики «низкоуглеродного общества», подтвердив их соответствующими количественными индикаторами. Вместе с тем «низкоуглеродное общество» пока еще является достаточно расплывчатым понятием, основанным на множестве допущений, схематизации, в которой отправной точкой является некая идеальная модель общественного развития, которую предстоит построить к 2050 г.

И.С. Тихоцкая (МГУ им. Ломоносова) выступила на тему «"Тихие революции" в Японии». Япония — это страна, где на протяжении всей истории предпочитали эволюционный путь развития. И слово «*какумэй*» («революция») применялось в Японии лишь в отношении событий, происходивших за рубежом, но не в отношении самых что ни на есть радикальных преобразований в своей стране — яркий пример именование революционных по своей сути событий Мэйдзи «*какусин*» («реформа», «обновление»). В пережившем длительную депрессию 1990-х гг. японском обществе в начале нового столетия стали отчетливо проявляться перемены, к которым подходит определение «тихая революция». Среди таких «тихих революций»: повышение роли женщин в обществе; развитие молодежных субкультур (молодежь предпочитает «работать, чтобы жить», а не «жить, чтобы работать»); переход власти от Либерально-демократической партии к Демократической партии Японии. По мнению Тихоцкой, парадигма современного японского общества во всё большей степени определяется наиболее активной ее частью — женщинами.

Н.П. Тебин (ИДВ РАН) представил свое видение российской проблемы преобразования милиции в полицию в выступлении «Полиция Японии. Опыт для реформы полиции России». По мнению Тебина, при проведении реформы МВД России можно использовать положительный опыт Японии, где эти проблемы во многом решены эффективной организационной структурой полиции с главным звеном — системой полицейских будок *кобан*. Опыт работы японской полиции, главным образом, системы *кобан*, изучают и внедряют у себя полицейские ряда стран Юго-Восточной Азии. Данный опыт говорит о том, что многое положительное из структуры и принципов деятельности японской системы полиции оказывается применимым и эффективным и на другой национальной почве. При этом весьма важно, как показывает зарубежная практика, что заимствовать японский опыт применительно к России можно постепенно, эволюционно сохраняя действующие структуры.

Е.Л. Катасонова (ИВ РАН) определила своим выступлением тему «Японцы в виртуальном пространстве». Возникшее на базе Интернета новое цивилизационное явление — киберкультура — в Японии кардинальным образом изменило жизнь японцев. Бум японской массовой культуры среди зарубежной молодежи наглядно отражает число соответствующих сайтов в поисковой системе Google на английском языке. Так, например, на 27 июня 2007 г. количество веб-сайтов, относящихся к разделу *манга*, составляло 132 млн 170 тыс., *караоке* — 86 млн 930 тыс., *аниме* — 25 млн 480 тыс. и т.д. Новый и принципиально важный этап в развитии Интернета в Японии связан с переходом страны на мобильную связь. В настоящее время число пользователей мобильным Интернетом превышает 90 млн чел. Мобильный телефон стал неперенным элементом урбанистической жизни современной Японии, а молодежь просто не мыслит себя без этого современного изобретения, начиная с поддержания повседневных рабочих, социальных, частных контактов и кончая всевозможными развлечениями в минуты досуга. Киберкультура, куда можно со всем основанием отнести и ее мобильный сегмент, это уже вполне устоявшаяся реальность нашего времени, один из основных векторов развития современной цивилизации.

В.О. Кистанов (ИДВ РАН) выступил с докладом «Торгово-экономические отношения между Россией и Японией: проблемы и тенденции». Экономические связи между Россией и Японией в первое десятилетие XXI в. продемонстрировали поступательную, хотя и неровную, динамику. Однако доля Японии в российском товарообороте даже в благополучном 2008 г. составила всего 3,9%. Еще меньшую роль играет Россия во внешней торговле Японии: ее доля во внешнеторговом обороте Японии в том же году равнялась лишь 1,6%. Причем Япония закупает у России преимущественно энергоресурсы, цветные металлы, морепродукты и лес. Доминирующей тенденцией последних лет был ускоренный рост российского экспорта в Японию нефти и нефтепродуктов: на них приходится примерно половина всего объема экспорта. В российском же импорте из Японии главной статьей являются автомобили. Таким образом, торговля с Японией носит характер обмена топлива, сырья и морепродуктов на готовую промышленную продукцию в основном потребительского характера. Если называть вещи своими именами, то Россия как была, так и остается сырьевым придатком Японии и рынком сбыта ее автомобилей. Именно на производстве и экспорте автомобилей и электроники в значительной степени держится вся японская экономика. По объему всех инвестиций в экономику России Япония, долгое время являвшаяся второй экономической державой мира, находится всего лишь на 8-м месте среди зарубежных стран-инвесторов. Однако, по мнению Кистанова, несмотря на имеющиеся трудности и преграды, торговое и инвестиционное сотрудничество между Россией и Японией имеет немалый потенциал, но нужна кропотливая работа обеих сторон, чтобы этот потенциал реализовать.

Профессор Хидэтакэ Каварадзи (Технологический университет Киото, Япония) выступил на тему «Значение японо-российских отношений в контексте восточноазиатской экономической интеграции», обозначив ряд направлений исследований: активная борьба США за господство в АТР, развернувшаяся в том числе и на саммитах АТЭС; трудное положение Японии в АТР, обусловленное нарастанием военной напряженности из-за Китая и Северной Кореи; стратегия России в АТР, у которой нет врагов в регионе; важность двусторонних отношений России Японии для стабильности и безопасности в АТР. Так, по мнению Каварадзи, в связи с переориентацией японской обороны с севера страны на юг, возрастает роль Окинавы. Этот архипелаг, на котором сейчас проживают порядка 35 тыс. японцев, может стать центром восточноазиатского региона. Хотя в настоящее время Окинава является самым бедным регионом Японии с высокой безработицей, но развитие на ней военных баз может поднять экономику архипелага. Докладчик также отметил важность намеченного в 2012 г. саммита АТЭС во Владиво-

стоке и заявления председателя правительства России В.В. Путина по формированию Евразийского союза.

П.А. Калмычек (ИДВ РАН) в своем выступлении поднял тему «**Японская политическая культура в условиях глобализации**». Япония более 150 лет не свободна от западного влияния, однако очевидно, что «традиция» в этой стране на всех уровнях довольно успешно борется с «современностью». Демонтаж авторитарного государства после поражения страны во Второй мировой войне не повлек за собой коренных перемен в политической культуре, что привело к сохранению «закрытой» политической системы без активной политической конкуренции. В послевоенный период сфера политики продолжала находиться под сильным влиянием традиции, которая большое значение уделяла личной и коллективной лояльности, иерархии и т.д. На рубеже XX-XXI вв. нарастающие проблемы внутреннего и международного плана поставили под вопрос не только целесообразность дальнейшего функционирования «успешной» политико-экономической системы (которая позволила Японии достаточно уверенно миновать кризисные периоды послевоенного развития), но и некоторые фундаментальные принципы организации самого японского общества. В настоящее время Япония ищет свой путь, отвечающий японской своеобразности, понимая, что американская и европейская модели развития ей не вполне подходят.

И.П. Лебедева (ИБ РАН) представила доклад на тему «**Японская система управления: испытание глобализацией**». За рубежами Японии функционируют более 14 тыс. филиалов японских промышленных компаний, на долю которых приходится около 17% совокупного объема производства национальных и зарубежных предприятий. При налаживании производства в зарубежных странах японские компании сталкиваются с самыми разными проблемами, поскольку вынуждены оперировать в среде, отличающейся от той, с которой они имеют дело в Японии. Поскольку японская система организации и управления производством представляет собой целостную структуру, все элементы которой тесно взаимосвязаны и тщательно подогнаны друг к другу, существует опасность ее повреждения и даже разрушения при тех или иных обстоятельствах, в частности, при переносе в другую бизнес-среду. Именно с такого рода проблемами и сталкиваются японские компании, когда пытаются, учитывая несомненные конкурентные преимущества этой системы, применять ее на своих зарубежных филиалах. Прошедшие со времени открытия первых филиалов японских фирм за границей годы позволили японским менеджерам накопить ценный опыт управления в чужеродной среде, что позволит со временем поднять эффективность деятельности зарубежных предприятий. В то же время, по мнению Лебедевой, этот опыт может им пригодиться и в самой Японии в связи с происходящими в стране изменениями.

П.В. Кульнева (ИБ РАН) выступила с темой «**Опыт японских компаний в управлении китайским персоналом**». По ее мнению, опыт японских компаний в управлении китайским персоналом как один из аспектов «глобализации» в мировой экономике представляется особенно интересным, поскольку: 1) за последние десятилетия Восточная Азия превратилась в центр мирового производства; 2) экономики Японии и Китая были важными движущими силами этого процесса; 3) начиная с 1990-х гг. Китай стал крупнейшим реципиентом японского капитала в Восточной Азии; 4) особенно важную роль для реализации стратегий японских компаний в Китае играет наем местного персонала. Было отмечено, что для преодоления культурного барьера некоторые японские компании по примеру западных предприятий создали в Китае свои школы менеджмента («Минами Фудзи сангё» «Маусита дэнки»). Ряду японских компаний в Китае (например, «Сантори», «Маусита эрэбэта», «Тяныцзинь Хонда») удалось разработать стратегии, которые позволили сочетать положительные стороны японского и китайского менеджмента, привлечь ценные местные кадры и свести к минимуму недопонимание

между двумя деловыми культурами. Это позволило компаниям занять лидирующие позиции на китайском рынке.

К.Э. Туаева (ИДВ РАН) осветила тему «**Официальная помощь развитию как инструмент экономической дипломатии Японии: тенденции, перспективы**». Динамика ОПР с конца 1990-х гг. показывает, что Япония взяла и строго придерживается курса на сокращение объемов средств, выделяемых на этот инструмент внешнеполитической деятельности. В настоящее время по размерам ОПР в абсолютном исчислении Япония занимает пятое место после США, Великобритании, Франции и Германии. Доля общего объема помощи составляет примерно 0,2% от ВВП, что является самым низким показателем среди развитых стран. Намеренное перемещение инструмента ОПР в координаты экономической дипломатии, подкрепленное документально, вкупе со снижением динамики может свидетельствовать о пересмотре базисных подходов Японии к ОПР и трансформации ее роли в сторону вспомогательного средства решения экономико-политических задач на международной арене.

Выступление **Д.В. Сулова (Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН, Хабаровск)** «**Перспективы формирования Восточноазиатского сообщества: японский подход**» было посвящено концепциям, которые рассматривались Японией, объединения стран Восточной Азии. Япония совершила первую попытку консолидации стран Восточной Азии еще в годы Второй мировой войны, когда попыталась реализовать вооруженным путем концепцию создания «Великой Восточноазиатской сферы процветания». Череда смены кабинетов и премьер-министров в Японии в последние два года естественным образом сказались на позиции и реальных шагах властей страны в отношении формирования Восточноазиатского сообщества, что показали последние саммиты АТЭС в Гонолулу и на Бали. По мнению Сулова, в настоящее время важнейшим для Японии является решение по вопросу ее присоединения к соглашению о Транстихоокеанском партнерстве и соглашениям в рамках Большой тройки Северо-Восточной Азии, которые являются ключевыми в формировании общеазиатской архитектуры интеграции и от которых зависят перспективы развития отдельных секторов экономики внутри самой Японии и ее ТНК в Азии и Америке.

Г.В. Глеба (Сахалин) в выступлении «**Об успехах народной дипломатии в Сахалинской области**» рассказал о сотрудничестве между жителями Сахалинской области и Японией, которое затрагивает как культурную область, так и японское содействие жителям островов по линии оказания медицинской помощи.

В выступлении **О.И. Казакова (ИДВ РАН)** «**О реакции России на Великое бедствие на Востоке Японии**» были рассмотрены действия российской стороны по оказанию помощи Японии после землетрясения 11 марта 2011 г. Россия быстро отреагировала на это бедствие: в Японию была направлена группа экспертов из Росатома и большая группа спасателей из МЧС вместе с материальной помощью. Российское правительство приняло решение оказать помощь Японии энергоресурсами, в самой России был организован прием денег пострадавшим — как через открытые счета в банках, так и через проведение благотворительных концертов с последующей передачей денег японской стороне. Российский народ продемонстрировал свое искреннее сочувствие японскому народу. По мнению Казакова, в целом действия российских властей можно признать своевременными и адекватными. Однако данные события выявили и системные проблемы между странами, которые препятствуют развитию российско-японских отношений.

А.В. Шлындов (ИДВ РАН) в выступлении «**К вопросу о развертывании японо-американской ПРО в США**» поднял проблему создания США региональных систем ПРО с возможностями перехвата баллистических ракет, какими являются уже функционирующая в настоящее время японо-американская ПРО в Северо-Восточной Азии и создаваемая ЕвроПРО. На основе их объединения планируется создать глобальную эшелонированную систему ПРО. По мнению Шлындова, России необходимо добиваться от

Вашингтона подписания юридически обязывающего документа, гарантирующего ненаправленность данных противоракетных систем против стратегических ядерных сил России. Такой документ должен быть ратифицирован Федеральным Собранием России и Конгрессом США и иметь длительный срок действия. Он должен распространяться не только на ЕвроПРО, но и на американо-японскую систему ПРО в США.

В ходе конференции докладчикам было задано много вопросов, по ряду проблем состоялся интересный обмен мнениями, а также развернулась полезная, как для российских, так и японских участников, дискуссия.

В декабре 2012 г. ежегодную научную конференцию Ассоциации японоведов намечено провести в ИДВ РАН. Планируется, что это будет общероссийская конференция, посвященная трем годам правления Демократической партии Японии. Информация о конференции будет размещена на сайтах Ассоциации японоведов (URL: <http://japanstudies.ru>) и ИДВ РАН (URL: <http://www.ifes-ras.ru>).

© 2012

*О. Казаков,
научный сотрудник Центра японских исследований ИДВ РАН*

1. В этом издании Ассоциации японоведов, приуроченном к конференции «Япония и Россия: экономика и общество в океане проблем», были опубликованы статьи, часть из которых стала темой выступления ряда российских ученых.
2. Волков К. Японцы жалуются на российские «мохнатые лапы» // Известия. 2011. 15 дек. URL: <http://www.izvestia.ru/news/509844>.

Рецензии

Залесская О.В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917–1938 гг.). Монография / Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Благовещенский государственный педагогический университет. Владивосток: Дальнаука. 2009. 390 с.

Появление этого капитального труда позволяет заполнить целый ряд пробелов в наших знаниях о том, как китайцы в период Октябрьской революции и Гражданской войны, а затем в советское время участвовали в жизни нашей страны, и отчасти устраняет крен, который возник вследствие преобладания научных работ, описывающих китайскую миграцию в дореволюционной России.

Этот крен образовался не случайно: и потому, что дореволюционный период истории китайской миграции был более длительным, чем послереволюционный, и из-за разной значимости проблемы мигрантов до и после Октября, а главное, вследствие разной степени открытости архивов. Известно, что архивные дела советской поры открываются труднее, чем документы императорского периода. Автор монографии сумел ввести в научный оборот множество архивных документов, и это следует считать его заслугой. Безусловно, обогатило монографию и использование, наряду с широким кругом российской литературы, большого количества китайских публикаций.

Монография состоит из трех глав.

Прологом к основному повествованию служит содержательный раздел-предисловия «Китайская диаспора на Дальнем Востоке до 1917 г.». В этом разделе автор показывает, как по мере освоения Россией ее дальневосточных территорий там за счет миграции вырастала крупная китайская община, насчитывающая не один десяток тысяч членов, ведущая активную экономическую жизнь и имеющая сложную внутреннюю организацию. О.В. Залесская с полным основанием подчеркивает текущий состав основной массы китайских труженников, в большинстве своем представлявших собой сезонных мигрантов-отходников, а глав-

ным образом чернорабочих-кули. Вместе с тем, факты говорят, что определенная группа китайцев проживала в России долгими годами или даже постоянно. К этой группе частично относились земледельцы, предприниматели — хозяева промышленных мастерских и торговых заведений, наемные работники этих предприятий. Расширение китайской общины протекало на фоне роста российского населения края, происходившего за счет переселенческого движения из европейской России, стимулировалось этим переселением и им же лимитировалось. Примером последнего может служить выселение китайских крестьян на рубеже XIX—XX вв. с занятых ими ранее земель (с юридической точки зрения обоснованное тем, что земля не была оформлена ими в собственность, хотя указы российского правительства разрешали делать это).

Роль, которую играли китайские мигранты в экономическом строительстве на дальневосточной окраине России, так же как и их положение в российском обществе, не могут быть описаны одной краской. Они, как и в других странах — объекты эксплуатации со стороны «дикого» капитализма», но также и собственных «лаобаней». Поставщики необходимого дешевого труда и товаров, но также и конкуренты российским рабочим и коммерсантам и безудержные собиратели даров тайги и моря, носители криминала: контрабанды, хунхузничества. Жертвы дискриминации, вызывающие сочувствие передовой российской общественности, и вместе с тем — постоянный источник тревог, генератор страхов относительно «желтой опасности».

При всем том, однако, главная оценка, на наш взгляд, может быть только одной: китайские мигранты своим трудом внесли замет-

ный вклад в создание большого по тем временам российского экономического потенциала на Дальнем Востоке и, следовательно, в дело утверждения России в качестве тихоокеанской державы. Работа О.В. Залесской, показывая многогранность жизни китайской общины, убедительно подкрепляет этот вывод. Поэтому вызывает недоумение ее же тезис о том, что «дешевый труд китайских рабочих и земледельцев замедлял процесс колонизации Приамурья русскими» (С. 36). Этот тезис в монографии ничем не подтвержден, и рецензент очевидно, вряд ли может его подтвердить. Действительно, чиновники и публицисты того времени неоднократно жаловались на «засилье» китайского труда, преграждающего путь русскому, на что были свои основания. Однако, как показывают исторические факты, обойтись без китайских рабочих рук российским властям не удавалось, они могли ограничить их использование, но не могли запретить. В числе трудностей, с которыми сталкивалась переселенческая политика императорской России, дефицит рабочих мест из-за преобладания китайского труда не значился.

Октябрьская революция кардинальным образом изменила все стороны жизни китайской диаспоры, и автор тщательно анализирует, в чем именно состояли эти изменения. В подавляющем большинстве своем не будучи гражданами России, китайские мигранты оказались втянуты в водоворот Гражданской войны, обернувшейся для них неисчислимыми жертвами и тяготами. Китайская община, как и все российское общество, разделилась на две антагонистические части. Десятки тысяч китайских рабочих — главным образом, те, кто был завербован в Россию еще во время «германской» войны и не сумел вернуться на родину — вступили в Красную Армию, кто, проникнувшись революционными идеями, кто — просто чтобы выжить. Они рекомендовали себя храбрыми бойцами. Другие — мелкие предприниматели, кустари, торговцы — оказались «классово чуждыми элементами» и, соответственно, объектами «революционного насилия»: реквизиций, конфискации, обязательных займов и т.д. с неизбежными в таких случаях эксцессами, которые даже по меркам того времени считались перегибами. Тысячи китайцев бежали на родину, спасаясь от бед военного времени.

Безусловно, такая политика, левая как по своей сути, наносила огромный ущерб не только китайским мигрантам, но всей российской экономике. Несколько иначе обстояло дело в ДВР, которой автор посвящает отдельный

параграф, основанный в значительной мере на архивных материалах и содержащий много новой информации. В силу своеобразных задач, стоявших перед ДВР, и специфики ее уклада отношение власти к китайским предпринимателям там было более бережным, и это положительно отразилось на ее хозяйственном положении. Раздел о ДВР заслуживает особого внимания читателей.

Что же касается другой части китайской общины — тех, кто был отнесен к категории трудящихся, то советское правительство предоставило им равные права со всеми гражданами России и в меру своих возможностей взяло на себя заботу о безработных. Помощником новой власти стал Союз китайских рабочих (СКР) — крупная организация, объединившая китайских труженников по всей стране вплоть до Дальнего Востока.

Через СКР, как и по другим каналам правительство в соответствии со своими идеями мировой революции вело работу по «переносу революции» в Китай. На Дальнем Востоке и в Сибири из китайцев готовились кадры революционеров, предпринимались попытки сформировать боевые отряды.

Некоторые из современных китайских историков склонны усматривать в советских планах поддержки революции в Китае экспансионистское содержание, а революционеров из числа китайских мигрантов воспринимать как слепых исполнителей чужой политики. Однако, нам представляется, что и советская власть, и революционеры-эмигранты руководствовались прежде всего идеями будущего братства всех народов Земли и устранения национальных границ. Кстати сказать, СКР отнюдь не был пассивным инструментом внешней политики России. Его активисты по собственной инициативе давали рекомендации советскому правительству по проблемам установления связей с революционными силами Китая и даже составляли проекты ввода на его территорию подразделений китайских красноармейцев.

Главы, отведенные истории китайцев в нашей стране после Гражданской войны, составляют большую часть монографии. Этот отрезок истории автор рассматривает наиболее подробно, опираясь на обширный фактический материал, почерпнутый главным образом в архивах Дальнего Востока и Сибири, что придает исследованию особую весомость. Основная задача национальной политики государства в тот период заключалась в том, чтобы обеспечить реальное равноправие китайского и других меньшинств с русским большинством в соци-

ально-экономической сфере, добиться подъема в национально-культурном строительстве, вовлечь наименьшинства в общественную жизнь, привить им социалистическое мировоззрение. Этой работой в обязательном порядке занимались местная администрация, партийные, профсоюзные, комсомольские, наконец, судебные органы.

К сожалению, их большие усилия принесли успех далеко не всегда: мешали традиционный великодержавный шовинизм, присущий и самим носителям власти; и свойственный советским бюрократическим структурам формализм; и, наконец, элементарное стремление советских хозяйственников сэкономить на «чужих» рабочих. А в середине 1930-х гг., как отмечает автор, в соответствии с новым тезисом — об уже преодоленной национальной отсталости — «работа с китайскими мигрантами на советском Дальнем Востоке была свернута» (С. 142).

О.В. Залеская скрупулезно описывает, как велась культурно-просветительная работа среди китайских мигрантов — в самых разнообразных формах, с максимальным приближением к реальным возможностям малограмотной массы. Была развернута сеть ликбезов, клубов, просветительских курсов, пошли в ход простейшие разновидности агитации: «живые журналы», политбеседы и т.д. Издавалась периодика на китайском языке, в том числе с использованием специально разработанного латинского алфавита. Возникли учебные центры с преподаванием на китайском языке — от начальных школ до рабфаков и отделений в институтах плюс квоты на обучение в вузах Дальнего Востока. Работали несколько китайских театров. В то же время, как полагает автор, «система качественного образования китайских рабочих на советском Дальнем Востоке создана не была» (С. 186). Как видно из монографии, причиной тому были как недостатки организационного и кадрового плана, так и, с другой стороны, отсутствие стимулов к интеллектуальному росту у подавляющего большинства мигрантов, поглощенных задачами повседневного выживания.

Экономическая деятельность китайской общины в советском государстве, оживившаяся в условиях НЭПа и допущения частной собственности, развертывалась как продолжение прежней, дореволюционной. Она охватывала мелкое предпринимательство в промышленности, сфере обслуживания и торговле, огородничество, кустарничество, наемный труд в угледобыче, золотоискательстве и т.д. Чис-

ленность общины стала расти. Вместе с тем, иностранный труд начал подвергаться регулированию, контролю, а в определенных случаях и ограничению со стороны государства. Китайских трудящихся, отмечает автор, стали активно вовлекать в профсоюзы и кооперативы. Развернулась борьба с эксплуатацией рабочих посредниками-лаобанями.

Постепенно работа китайских труженников была переведена на рельсы советского трудового законодательства. Советская власть ввела для иностранных граждан систему налогов, упорядочила правила их регистрации. Им было предоставлено право вступать в советское гражданство. Была установлена ответственность китайских граждан перед судом. Взаимоотношения китайской общины с властью складывались непросто: они серьезно осложнились целым рядом принятых широкие масштабы явлений, таких как незаконный переход китайцами границы, контрабанда, вывоз валюты. Вместе с тем, осложнения вызывались и действиями самих властей: конфискациями имущества и арестами китайских предпринимателей, вызывавшими протесты не только предпринимателей, но и китайских консульств. Административное и экономическое давление на китайских коммерсантов особенно усилилось с 1927–1929 гг., в период конфликта на КВЖД и ухудшения советско-китайских отношений. (Любопытная деталь: это не мешало использовать бывших китайских красноармейцев, а подчас и заключенных-хунгузов в военных действиях в Маньчжурии).

Классовая социальная политика, проводившаяся в годы свертывания НЭПа и в период индустриализации, привела к тому, что, по замечанию автора, «количественный и качественный состав китайской диаспоры подвергся необратимой трансформации» (С. 260–261). А именно, китайские предприниматели как социальная группа прекратили свое существование. В то же время спрос на китайские рабочие руки был настолько велик (особенно в золотодобыче), что вербовка рабочих из Китая производилась даже нелегальным путем (!).

В монографии О.В. Залеской впервые, насколько нам известно, на основании большого количества архивных материалов воссоздана картина участия китайских крестьян в коллективизации. Как и всех остальных деревенских труженников в СССР, их насильно загоняли в колхозы, навязывали искусственные, малопродуктивные формы труда, а в то же время предоставляли им кредиты, создавали МТС, поощряли китайские традиционные приемы зем-

леделия. Возбудить трудовой энтузиазм и поднять производительность труда новых колхозников власти пытались посредством их принудительной идеолого-просветительской обработки вкупе с чисткой колхозов от «классово чуждых элементов».

Впервые же в монографии показана политическая борьба в среде китайской эмигрантской интеллигенции и партактива на Дальнем Востоке. Эта борьба, отразившая соперничество курсов и фракций в руководстве СССР и советско-китайские противоречия, стоила образованной части китайской эмиграции немалых жертв.

Последний раздел книги освещает тему массовых репрессий 1937–1938 гг., захвативших, в частности, и китайскую общину. Здесь автор также сумел привлечь немало архивных материалов.

Разумеется, столь объемный труд не может быть свободен от недостатков. Так, на наш взгляд, автор подчас уходит слишком далеко в сторону, обрисовывая фон, на котором происходят процессы, относящиеся к теме исследования. Например, при анализе жизни мигрантов в годы индустриализации чересчур много места отведено изложению политики Японии в 1920–1930х гг. и оккупации ею Маньчжурии (С. 224–226). Едва ли нужно рассказывать читателю о происхождении идеи национально-культурной автономии (С. 74), тем более что рядом употреблен без всяких объяснений мало кому известный термин «читинская пробка» (С. 72).

Вызывает возражение трактовка автором терминов «хуацяо» и «хуажэнь» (С. 89). При весьма разнообразном толковании их в китайской исторической литературе в настоящее время их содержание вполне однозначно определено в официальных документах: хуацяо — это граждане КНР, постоянно проживающие за границей, а хуажэнь — это этнические китайцы, не являющиеся гражданами КНР. Интересно, что автор легко мог бы обойтись без этого семантического экскурса во «Введении», поскольку дальше в своей работе данные термины не употребляет.

Утверждение автора, будто бы массовые вербовки китайских рабочих в Россию (в период Первой мировой войны) «вызывали

беспокойство китайских региональных властей» можно понять таким образом, что беспокойство вызывала именно их массовость. На самом деле причиной тревоги китайских властей, и не только региональных, но и центральных, служил стихийный характер вербовок, отсутствие социальных гарантий для рабочих, а также вероятность посылки завербованных на работы в опасную зону — во фронтовую полосу.

В целом же монография О.В. Залесской представляет собой значительный вклад в историографию китайских мигрантов в России. Монография свидетельствует о том, как далеко продвинулось изучение истории отечества за последние два десятилетия, в условиях освобождения гуманитарных наук от старых идеологических догм и хотя бы частичного расширения доступа к архивам. В публикациях появилось не только множество новых крупных и мелких фактов, но и новые подходы, свежие оценки. Труд О.В. Залесской дает нам возможность обогатить наши представления об истории китайцев в России. Мы видим, например, что некоторые особенности нынешнего отношения к китайским мигрантам воспроизводят картину первых десятилетий советского периода: неспособность администрации обеспечить четкое функционирование китайской общины в соответствии с законами; шовинистическое отношение китайцам со стороны местного населения и даже властных структур и т.д. Таким образом, эти особенности можно считать исторически обусловленными — из чего, однако, не следует, что от них невозможно избавиться или что их не нужно преодолевать.

Главное же, что проходит красной нитью через все периоды истории китайцев в России, и что подтверждает монография российского ученого — это наличие обусловленной географическими, хозяйственными и политическими реалиями постоянной потребности российского Дальнего Востока в китайском труде и китайских товарах как оптимальном условии нормальной жизни региона.

Это также — необходимость самым внимательным образом относиться к проблемам регулирования китайского труда. Это, наконец, серьезная роль китайской миграции в России как составной части российско-китайских отношений.

Би Юн. Как стать великой державой [Цзэян цзо даго]. Пекин: Чжунсинь чубаньшэ, 2009. 316 с.

Книга написана известным китайским исследователем, получившим образование в США. В настоящее время он является доцентом Университета Саффолк в Бостоне. Имея возможность сравнения уровня жизни в США и Китае, он как истинный патриот задается вопросом, что необходимо для превращения Китая в действительно великую державу. Для этого автор исследует не только различные аспекты экономики, ресурсной и демографической стратегии, но и проблемы управления, культуры Китая. На основании этого Би Юн делает общий оптимистический вывод о будущем страны как подлинно великой державы, но под общим рефреном «ответственность велика и путь далек».

Книга Би Юна выгодно отличается от целого ряда работ, опубликованных другими китайскими авторами, во-первых тем, что он не заикливается на общих «фасадных» показателях, во-вторых, умением охватывать всю проблему в целом, во всей ее полноте. Он считает, что не следует принимать во внимание броские понятия без глубокой внутренней связи с их содержанием.

Считая, что в основе притязания на статус великой державы должно быть качество жизни людей, он отмечает, что первое или второе место в мире по объему ВВП не вполне адекватно отражают реальную жизнь простого народа – так как по объему ВВП на душу населения Китай находится в конце первой сотни стран мира. В качестве еще одного несоответствия отмечено, что являясь второй экономикой в мире, Китай не имеет собственного крупнейшего финансового центра мирового значения подобно Лондону, Нью-Йорку или Токио. Финансовый центр в Шанхае даже не входит в первую двадцатку (Сянган не в счет). Поэтому Китай, обладатель самых больших валютных запасов, вкладывает валюту в американские банки.

Би Юн критически рассматривает перспективу превращения страны в «мировую фабрику». Он пишет, что с 1950 г. доля США в обрабатывающей промышленности в мире снизилась с 30 до 10%, в основном в связи с ее переносом в Китай. Процесс урбанизации, породивший многомиллионную армию *нужиньгун* (рабочих из крестьян), способствовал простому

количественному росту экономики без изменения качества. В то же время в странах Запада происходит новейшая промышленная революция с развитием высокотехнологических отраслей промышленности и услуг.

Би Юн справедливо утверждает, что модель экономики на основе низкооплачиваемой рабочей силы и относительно дешевых ресурсов является отсталой. Это указывает на некоторую иллюзорность успехов китайской экономики. Не случайно в 2009 г. огромное число мелких и средних предприятий закрылись, в том числе в промышленном поясе провинции Гуандун. Отметим, что переход к экономике высоких технологий и услуг является предметом заботы руководства страны, что видно из программных документов.

Еще одно важное наблюдение автора касается субсидирования китайских предприятий государством благодаря низким отпускным ценам на нефть. Внутренние цены на нефть в КНР одни из самых низких в мире – 41% от цен в Японии, 28% от цен в Англии. Это в немалой степени позволяет поддерживать экономику в условиях высоких мировых цен на нефть.

Ресурсная стратегия государства явно не соответствует статусу великой державы. Китай – самый большой загрязнитель окружающей среды и растратчик природных ресурсов в мире. После самых грязных городов мира – Каира, Дели и Калькутты на четвертом месте находится Тяньцзинь, на 13-м – Пекин, на 23-м – Шанхай. Китай – второй импортер нефти в мире. Би Юн пишет, что если бы удалось понизить уровень удельного загрязнения в расчете на единицу ВВП, приблизив его к показателям США, то Китай мог бы отказаться от импорта нефти.

По мнению Би Юна, наличие дешевой рабочей силы – это не преимущество для великой державы. Необходим рост экономики на основе высокопроизводительной и дорогой рабочей силы. Необходимо избавиться от так называемой «бельевой, рубашечной экономики», поднять цену рабочей силы, опираясь на рынок. Рынок может увеличить зарплату только при повышении уровня квалификации рабочей силы, о чем должно позаботиться прежде всего государство.

Би Юна чрезвычайно беспокоит про-

блема совершенствования управления страной, особенно низового самоуправления. Он описывает случаи «противозаконного» захвата земель коммун бедными крестьянскими семьями, доведенными до отчаяния в ряде провинций. Так повсеместно, «как ростки бамбука», возник, по словам Би Юна, семейный подряд в деревне. Он отмечает, что законы должны прежде всего отвечать насущным чаяниям простых людей. К сожалению, в Китае отсутствует традиция создания массовых неправительственных народных организаций.

Далее автор задается вопросом о демографической стратегии подлинно великой державы. Ведь в Китае еще в 1960 г. женщины рожали в среднем 6,06 детей, а в 2000 г. лишь 1,8. Рост населения в сегодняшнем Китае даже при коэффициенте рождаемости ниже уровня замещения – это прежде всего наследие прошлого периода. В 2030 г. население начнет сокращаться, быстро пойдет процесс старения. Это, по мнению автора, снижает шансы становления Китая как великой державы.

© 2012

Би Юн пишет, что 2009 г. — год 60-летия образования КНР – одновременно является годом достижения пенсионного возраста людей, родившихся в 1949 г. Это совпадение имеет глубокий смысл. Благодаря политике контроля над рождаемостью в семьях был, как правило, один ребенок, который с начала реформ вошел в поколение 30-летних и превратился в основную рабочую силу. К тому времени, когда Китай станет первой экономикой в мире, он столкнется с неблагоприятной демографической ситуацией, что существенно повлияет на превращение страны в подлинно великую державу.

Рано или поздно благодаря неуклонному развитию КНР станет первой экономикой в мире, но будет ли он великой державой по многим параметрам? Би Юн полон осторожного оптимизма, в духе китайского древнего мудреца он заканчивает свою интересную и полезную для читателя книгу древним китайским афоризмом «Человек рождается в муках, а умирает в благоденствии» (*шэньюй юэуань, сыюй аньляо*).

Г.Бессарабов
кандидат географических наук

**Лепехова Е.С. Буддийская сангха в Японии в VI—IX вв.
М: Вост. лит., 2009. 223 с., ил.**

В книге молодого российского востоковеда Е.С. Лепеховой на основе оригинальных источников и историографии на русском, японском и английском языках рассматривается процесс адаптации в Японии китаизированного буддизма, пришедшего в эту страну через Корейский полуостров. От посвященных данной теме многочисленных трудов советских/российских и зарубежных ученых рецензируемую монографию отличает принципиально новый подход к изучению феномена буддизма в Японии — как в контексте буддийской концепции «справедливого царя», так и в свете противоречивых взаимоотношений между императором и буддийской общиной (сангхой). Наиболее углубленно автор исследует восприятие этой религии правящей элитой и другими социальными слоями в ходе эволюции собственно японской буддийской традиции и ее преращения в государственную идеологию.

Три главы книги посвящены разным этапам указанного сложного процесса. Большую часть введения занимает обстоятельный историографический обзор, включающий в том числе изданные в последнее десятилетие книги на японском, английском и русском языках, в которых освещаются различные аспекты отношений между сангхой и государством. Информационную ценность издания и его соответствие академическим стандартам подтверждают аккуратно выполненные указатели имен и терминов.

В первой главе в контексте появления буддийской сангхи в Японии и синтобуддийского фольклора анализируется восприятие буддийского монашества древними японцами. В русле своего новаторского подхода автор уделяет особое внимание исследованию роли японских императриц периодов Асука и Нара в распространении буддизма и укреплении его позиций.

Вторая глава, хронологические рамки которой охватывают период Нара, сосредотачивает внимание читателя на теме морально-этического аспекта отношений сангхи с государственной бюрократической системой (*рицурё*).

Третья глава содержит беспрецедентно подробный для буддийской буддологии анализ становления буддийских школ Тэндай и Сингон в контексте взаимоотношений сангхи и императорского двора в конце VIII — начале IX в. На основании этого анализа Е.С. Лепехова

делает важный вывод о том, что требования, предъявлявшиеся к членам сангхи извне и изнутри, вступали в противоречие друг с другом (С. 121). Социум и государство требовали от монашествующих «защиты страны», тогда как, согласно буддийскому учению, его адепты, чтобы освободиться от цепи страданий, должны полностью порвать с мирской суетой. В реальной жизни это противоречие удавалось преодолевать, как отмечает автор, благодаря двум факторам. Во-первых, сангха на официальном уровне провозглашалась «защитницей страны»; во-вторых, основатель школы Тэндай монах Сайтё (767–822), «заметивший эти несоответствия», в своих сочинениях совместил махаянистский идеал бодхисаттвы с образом истинного буддийского монаха (С. 123). Разъясняя суть такого единства, автор рецензируемой книги подчеркивает, что «бодхисаттва-монах» — понятие, введенное Сайтё, — в трактовке последнего предстает «социальным существом». Оно «осознает иллюзорность тех благ, которые ценятся в феноменальном мире, но отнюдь не отворачивается от общественной деятельности, поскольку видит в этом средство спасти заблудшие существа» (С. 125). Главная его цель, как и у «благородного мужа» (эта конфуцианская концепция личности, по мнению Е.С. Лепеховой, оказала влияние на концепцию Сайтё), состоит в преобразовании общества и «спасении страны» (С. 125–126).

Идеи Сайтё были развиты другим авторитетным монахом, Кукаем (774–835) основателем школы эзотерического буддизма (ваджраяны) Сингон. Автор приходит к заключению, что этот патриарх японского буддизма также отводил монахам «роль защитников буддийской веры и страны», ее исповедующей. «Тем самым буддийская сангха предстает в качестве пограничной крепости на пути всевозможных бедствий, ослабляющих мощь государства» (С. 131). Данное точное определение можно отнести к числу удачных авторских находок. Вполне обоснованно и суждение автора о том, что «если для Сайтё ведущей сотериологической силой является праджня (высшая мудрость), то для Кукая это в первую очередь «сознание» («сердце»-*синь*), чья конструктивная роль в отношениях сангхи и государства обрисована еще более отчетливо» (С. 131). В то же время автор отмечает наличие предпосылок

доктринальной близости двух буддийских мыслителей: «Сайтё, так же как и Кукай, полагал, что истинная природа Будды постигается сердцем (сознанием)» (С. 164). Социальное кредо Кукая – «постоянно обращать на благо государства свои скрытые силы» (С. 177) — вытекает из отождествления им общественного и религиозного долга: «Законы государства и предписания царя Дхармы (т.е. Будды. — С.Г.) различны по форме, однако суть их одна. Если человек ограничивает себя в соответствии с законами, он сильно от этого выигрывает; если он извращает закон и действует в соответствии со своими эгоистичными мотивами, то вина его будет чрезвычайна» (С. 181).

При том, что монография носит строго научный и специализированный характер, в ней содержится немало сведений, которые могут быть любопытны широкому кругу читателей, интересующихся историей и культурой Японии. Так, автор указывает, что именно «Сайтё был первым, кто употребил название «Великая страна солнечного корня», или «восходящего солнца» («Дай Ниппон коку») для обозначения государства во главе с императором» (С. 129).

Суммируя результаты исследования в заключении, Е.С. Лепехова, в частности, отмечает, что «характерные для буддизма Махаяны представления о Будде как о «шаре Дхармы» и «владыке мира» и акцент на его царском происхождении явились определяющими факторами в тесных отношениях между буддийской сангхой и верховной властью в Японии в лице императоров периодов Асука и Нара» (С. 204). По ее мнению, в дальнейшем «возвышение Сайтё и Кукая — основателей новых буддийских эзотерических школ Тэндай и Сингон — и приближение их к императорскому двору в какой-то мере определялось универсальностью философии их школ» (С. 207).

Монография не свободна от отдельных недостатков. Так, не вполне аргументированным представляется приведенное в самом начале работы утверждение о том, что «любое религиозное движение неразрывно связано с политикой» (С. 3). Причем последующий абзац логически не вытекает из сказанного, да и все дальнейшее изложение свидетельствует скорее о постепенном превращении буддизма в государственную идеологию именно в Японии. В связи с этим более уместно было бы говорить не о политической доктрине, а о *выработке политики* императорской власти в отношении сангхи: в ходе реали-

зации этой политики учения различных школ и ритуальные практики стали использоваться как идеологический инструмент.

Что касается времени возникновения буддизма, указанного автором, — IV в. до н.э. (на с. 3, затем на с. 15), то это утверждение заведомо является спорным. Более корректным выглядело бы указание на то, что среди ученых нет единого мнения по данному вопросу. В научных трудах в настоящее время приводятся различные датировки во временном промежутке от VI до IV в. до н.э. Если же говорить об общепринятой традиции относить рождение Шакьямуни к VI в. до н.э., то следует учитывать, что на протяжении первых столетий по его кончине учение, родоначальником которого он стал, передавалось изустно. Не лишними были бы дополнительные сведения и относительно даты проникновения буддизма в Японию. Согласно Е.С. Лепеховой, это произошло в 552 г. (С. 16), но есть и те, кто высказывается в пользу 538 г. Сложные проблемы, связанные с уточнением хронологии, нуждаются в дополнительных комментариях.

Китаесту не могут не броситься в глаза некоторые погрешности в написании русской транскрипции китайских терминов или в переводе последних. Например, китайский буддийский термин *чжэндао* (С. 9) истолкован автором как «мир богов», тогда как в буквальном переводе это «истинный путь».

Несколько изменяется и даже искажается для читателя суть понятий, присущих японскому буддизму, из-за того, что автор использует для их передачи христианскую православную терминологию: *ряса, епитимья, литургия, духовенство, епископ, архиепископ* и прочие.

Книга написана хорошим литературным языком, однако ее чтение, особенно для тех, кто не имеет специальной востоковедной подготовки, в ряде случаев затруднено из-за перегруженности текста транскрипцией санскритских, японских и китайских терминов, значение которых не всегда разъясняется.

Тем не менее, выход книги Е.С. Лепеховой можно считать заметным явлением в отечественном религиоведении. Благодаря вдумчивому анализу и зрелым научным выводам монография была отмечена премией за лучшую научную работу молодых востоковедов 2010 г. Этот ценный труд займет достойное место как в буддологии, так и в японоведении.

In memoria

Рогачев Игорь Алексеевич
1.03.1932 — 7.04.2012

Время скоротечно и неумолимо... Еще в предыдущем номере журнала мы поздравляли с юбилеем Игоря Алексеевича Рогачева. Сегодня его нет среди нас. Тяжелая болезнь, с которой он боролся мужественно и стойко, не оставила шансов.

Утешением можно считать то, что сама жизнь Игоря Алексеевича была интересной, насыщенной и яркой. Виднейший российский ученый-китаевед, крупный дипломат, государственный и общественный деятель он оставил свой след в науке и политике, сохранив при этом лучшие человеческие качества — честность, принципиальность, искренность, доброту, отзывчивость и порядочность.

Более трети своей жизни — около 28 лет Игорь Алексеевич провел в Китае, изучению и развитию отношений с которым он, потомственный китаист, посвятил всю свою жизнь. Впервые он попал на китайскую землю еще грудным ребенком в 1932 г., когда его привезли в Урумчи (в то время Дихуа) в Синьцзян, где работал в консульстве его отец.

В 1955 г. он закончил МГИМО и поступил в аспирантуру факультета журналистики МГУ, защитил диссертацию по истории журналистики Китая, получив ученую степень кандидата исторических наук.

В феврале 1958 г. началась работа Игоря Алексеевича на дипломатическом поприще, которая продлилась почти 47 лет. Он прошел все ступени дипломатической службы — от драгомана и атташе до заместителя министра иностранных дел СССР. На всех участках дипломатической деятельности Игорь Алексеевич успешно справлялся со своими обязанностями, показывал высокий профессионализм, компетентность, прекрасное владение иностранными языками.

В 1992 г. Игорь Алексеевич был направлен в качестве Чрезвычайного и Полномочного Посла Российской Федерации в КНР. Ему предстояло решать задачи преодоления наследия периода отчужденности между нашими странами, создания условий для подъема их взаимоотношений на качественно новый уровень. Успешному развитию российско-китайских отношений до уровня равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия за 13-летний период нахождения Игоря Алексеевича в качестве Посла РФ в КНР во многом способствовала работа возглавлявшегося им посольства, которое внесло немалую лепту в подготовку к подписанию в июле 2001 г. в Москве Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР.

В 2005 г. И.А. Рогачев приступил к деятельности члена Совета Федерации Федерального Собрания РФ от Амурской области. И на новом для него посту Игорь Алексеевич проявлял инициативность, выступал с предложениями по совершенствованию деятельности верхней палаты, участвовал в работе ее Комитета по международным делам.

Находясь на дипломатической службе, работая в Совете Федерации, Игорь Алексеевич уделял внимание научной деятельности. В 2008 г. он защитил диссертацию о российско-китайских отношениях, получив степень доктора исторических наук. И.А. Рогачев активно сотрудничал с Институтом Дальнего Востока РАН, содействуя взаимодей-

ствию Института с учеными КНР. Игорь Алексеевич неоднократно выступал со статьями в изданиях ИДВ и в течение многих лет являлся членом редколлегии журнала "Проблемы Дальнего Востока".

Придавая большое значение народной дипломатии и расширению контактов между РФ и КНР, Игорь Алексеевич активно участвовал в работе Общества российско-китайской дружбы, являясь заместителем его председателя.

Заслуги И.А. Рогачева были высоко оценены в России и за рубежом. Он награжден многими орденами и медалями — в том числе орденами "Дружбы" и "Дружбы народов", "Почета" и "За заслуги перед Отечеством 4-й степени", ему присвоено почетное звание «Заслуженного работника дипломатической службы РФ». Он был награжден также медалями КНР.

Товарищи и коллеги Игоря Алексеевича навсегда сохранят в памяти его ответственное отношение к делу, преданность Отечеству, активную гражданскую позицию. Для всех, кто его знал, он останется примером того, как следует достойно жить и работать. Светлая память об И.А. Рогачеве навечно сохранится в наших сердцах.

*Дирекция и коллектив сотрудников
Института Дальнего Востока РАН
Редколлегия и редакция журнала
«Проблемы Дальнего Востока»*

Гарушянц Юрий Мисакович
24.06.1930–18.01.2012

Слово о Друге

Ушел Юрий Мисакович Гарушянц. Ушел, оставив в душе друзей пустоту и шемящую ноту, связанную только с ним. В памяти грустноватый, философский, «всепонимающий» взгляд армянских глаз, накопивших эту грусть в последние непростые годы болезни, вынужденного одиночества, невостребованности. Как много знал, перечувствовал, пережил этот неординарный человек и талантливый ученый. Как много мог еще рассказать и передать молодым. О Китае и не только о нем. Какая бездна знания, оригинальных наблюдений и нетривиальных мыслей ушла вместе с ним в Лету...

Эта нота невозвратности тем более остра, поскольку «Мисакович» был типичным «рассказчиком». Он меньше писал, хотя и публикаций за восьмидесятилетнюю биографию немало. Свою кандидатскую степень в качестве «*Honoris causas*» он получил в 1969 г. за многолетний цикл исследований по «Движению 4 мая». Незадолго до смерти, отвечая на вопрос, что является «его главной темой», он заметил, что мог бы практически «по дням» рассказать, что происходило в Китае с 1927 по 1945 гг. И те историки-китаеведы, кто профессионально могли судить об этом, знали, что это правда. Книги были для него как воздух. Не бывало дня (или ночи в период стариковской бессонницы), чтобы Мисакович не читал что-либо академическое, или мемуарное, или «скандальное» из «доказнеровской» истории. На многие сюжеты и лица этой истории он имел свой, часто «не политкорректный», но всегда профессиональный взгляд эрудированного и думающего человека. Помню, как мой друг, состоявшийся и известный ученый-китаевед на вопрос «Что ты так часто ходишь в институт в «неприсутственные» дни?» ответил: «Побщаться с Мисаковичем. Посиделок с ним не заменит никакая библиотека».

Жизнь свела меня с ним в его последние десятилетия. Но даже в эти годы его мудрости и обволакивающих возраст печалей было ощутимо, какого жгучего темперамента, жизнелюбия и душевной прямоты этот человек. Дипломатические политесы были у него не в чести. (Об этом можно судить по его сохранившемуся «живому голосу» — интервью в рамках проекта Института востоковедения РАН «Китаеведение: устная история» <http://www.ivran.ru/project-modernization-models/57>). Возможно, в своих оценках каких-то людей он был чересчур эмоционален. Прямота и откровенность, бесценная в дружбе, будучи обращена в адрес начальства, подчас круто меняла его судьбу. Во многом из-за этого ему пришлось сменить пять академических институтов. Но уверен, каждый из них — бывший Институт китаеведения, ИМЭМО, ИСПИ (бывший ИМРД), ИВ, ИДВ — в годы его присутствия был «выше» на одну светлую голову. Такие головы, их непричесанные, но и несервильные мысли важны для объемного, не лакированного понимания истории — со всеми ее болячками, «гнусностями», «человеческим фактором». Именно это мы теряем с их уходом и так горько расплачиваемся за это в политике.

Долгое время Юрий Мисакович был главным редактором журнала «Рабочий класс и современный мир». По свидетельству прошедших через него авторов, редактировал творчески, креативно, с полным пониманием предмета. О своих наградах за труд и за войну — орден «Знак Почета» и медаль «За победу над Германией» — говорил как о «случайности». В этом он весь.

Юрий Мисакович вышел из семьи бакинских армян, волею непростых судеб оказавшейся в Москве. Как всякий «восточный» человек, он был неотделим от своей многочисленной армянско-московской родни. Годы жизни подарила ему сестра, Валентина Мисаковна — главная опора в период болезни. Надо было видеть, как теплели его глаза при виде внучки и многочисленных шустрых племянников и племянниц, как много они значили для него в те годы, когда поток книг, друзей и звонков становился слабее.

Был всегда готов подставить плечо. Даже болея и живя на скромную академическую пенсию, при малейшем упоминании о каких-то проблемах друзей тут же откликался: «возьми деньги, у меня есть... на книжке».

Наверное, в научном журнале нужно больше писать об идеях, о публикациях, о научном вкладе. Но в живом человеке все это неразрывно, естественно, органично.

Таким он и был...

С. Труш

Еремеев Владимир Евстегнеевич
(9.04.1953–7.07.2011)

В июле прошлого года отечественная наука понесла непоправимый урон. Трагически в 58 лет ушел из жизни удивительный человек, редчайшим образом сочетавший в себе, казалось бы, взаимоисключающие качества педантичного рационалиста, ученого-естественника, мастеровитого технаря и чудака-гуманитария, романтического искателя «открытий чудных» в древних текстах — Владимир Евстегнеевич Еремеев.

Он родился в Москве 9 апреля 1953 г. в семье военного и своей биографией продемонстрировал противоречивый и одновременно гармоничный, как учил Гераклит, «союз лука и лиры»: с одной стороны, был спортсменом-гребцом, музыкантом-гитаристом и изобретателем игрушек-головоломок, с другой — физиком, философом и синологом. В 1971–1977 гг. работал и учился в Московском энергетическом институте, окончил радиотехнический факультет по специальности «радиоэлектронные устройства». Затем трудился в Институте высшей нервной деятельности и нейрофизиологии АН СССР (1977–1979) и Институте радиотехники и электроники АН СССР (1979–1980), был артистом-инструменталистом Росконцерта (1979–1982) и преподавателем физики в школе и вузе (1982–1989). С середины 1980-х гг. начал публиковаться в научных изданиях, а в перестроечный период стал аспирантом и сотрудником Института истории естествознания и техники АН СССР (1987–1990), занялся издательской деятельностью в качестве научного редактора и директора частного издательства (1989–1993), благодаря чему в свободных постсоветских условиях перешел к публикации собственных книг, тираж которых достигал 15 тыс. экз.

С сентября 1997 г. наступил последний, наиболее академичный и научно плодотворный период в жизни В.Е. Еремеева, когда он в должности доцента кафедры истории науки стал преподавать в РГГУ. В феврале 1999 г. защитил диссертацию на степень кандидата философских наук по теме «Теория психосемнозиса и древняя антропокосмология». В 2005 г. включился в подготовку энциклопедии «Духовная культура Китая», в результате чего в апреле 2007 г. отправился в командировку в КНР. С августа 2008 г. стал по совместительству старшим научным сотрудником ИДВ РАН, в феврале 2010 г. перешел на кафедру зарубежной философии философского факультета РГГУ преподавать историю китайской философии и в июне того же года по совместительству стал старшим научным сотрудником отдела Китая Института востоковедения РАН.

В.Е. Еремеев избрал путь одинокого искателя истины, на всю жизнь оставшись верным юношеской страсти к открытию тайн мироздания, которые в годы параноидальной секретности в застойном СССР многим его интеллигентным ровесникам казались уже познанными в древнейших культурах человечества. Поэтому в надежде обнаружения архаической универсальной науки он обратился к эзотерическим учениям древних греков, египтян, евреев, иранцев, индийцев и китайцев. С самого начала все его исследования в соответствии с богатым личным опытом отличались энциклопедическим подходом и стремлением представить в единых и максимально простых схемах разнородные сведения, почерпнутые из далеких друг от друга сфер знания. Пытаясь преодолеть разорванность современной культуры и дробную специализированность наук, В.Е. Еремеев ратовал за создание антропокосмологии — «единой науки будущего, в которой принцип взаимосвязанности человека и космоса станет отправным». Поэтому скрупулезно реконструируемые фрагменты единой науки древнейших цивилизаций человечества, в первую

очередь индийской и китайской, он интерпретировал с помощью новейших достижений современной астрономии, физики, генетики и психологии.

Закономерно, что главным объектом его исследований стал «Канон перемен» («И цзин»), из всех священных книг человечества в наибольшей степени отвечающий признакам универсальной мироописательной схемы. Поэтому ему были посвящены и первая научная публикация В.Е. Еремеева 1985 г., и последняя монография 2005 г., которую он вполне обоснованно планировал защитить как докторскую диссертацию, но отказался от этого, всецело отдав себя работе над энциклопедией «Духовная культура Китая» и внося немалый вклад в то, за что она была удостоена Государственной премии РФ 2010 г. В.Е. Еремеев стал главным автором и редактором самого новаторского из шести ее томов — пятого, посвященного науке, технической и военной мысли, здравоохранению и образованию. В это время он уже страдал смертельной болезнью, но мужественно преодолевал ее, безотказно выполняя все виды исследовательской, редакторской и технической деятельности, что побудило редколлегия выразить ему во Введении особую признательность как «самоотверженно выполнившему большую творческую и техническую работу». Столь же преданно как автор и редактор, осуществляющий не только научную, но текстовую редактуру, компьютерную поддержку и подбор иллюстраций, он подошел к подготовке последнего тома — об искусстве.

В.Е. Еремеев совершенно самостоятельно стал квалифицированным синологом, ведущим в России специалистом по истории китайского естествознания. Еще в начале 1980-х гг. он начал активно сотрудничать с отделом Китая тогдашнего ИВАН СССР, участвуя в ежегодной конференции «Общество и государство в Китае», в материалах которой опубликовал восемь докладов, в работе семинара «Структурные исследования китайской классики» и других научных мероприятиях, печатался в журнале «Азия и Африка сегодня». В 1990-е гг. опубликовал две монографии (одну в двух изданиях), перевел и подробно прокомментировал основополагающий неоконфуцианский трактат Чжоу Дуньши (1017–1073) «Тай цзи ту шо» («Изъяснение плана великого предела»). В 2000-е гг. перевел «И цзин», был одним из организаторов первой в России междисциплинарной конференции, посвященной этому главному китайскому канону и ежегодно проводившейся с 2000 г., а также Григорьевских чтений Московского музыкального общества, посвященных взаимосвязям науки и искусства. В.Е. Еремеев регулярно выступал с докладами на традиционной конференции ИДВ РАН «Философии Восточно-Азиатского региона и современная цивилизация», издал две монографии, написал раздел о науке эпох Юань и Мин для планируемой 10-томной «Истории Китая», разработал программу общего курса истории китайской философии в РГГУ и написал раздел «Китайская философия» для пятого издания известного учебника «Философия», создал популярный сайт Великий предел (<http://history.rsu.ru/eremeev/>), где, в частности, размещены монография «Традиционная наука Китая» (напечатана посмертно стараниями его отца — Е.И. Еремеева) и электронная модель КУБЕРА (Конструктор Универсальный бинарный Еремеева), изобретенного им по мотивам «И цзина» и кубика Рубика. Символично, что не только первый, но и последний прижизненный отчет об этом смелом походе одинокого духовного странника в таинственную страну за Китайской стеной был напечатан в сборнике «Общество и государство в Китае».

Публикации В.Е. Еремеева

Монографии

1. Чертеж антропокосмоса: В 2-х т. М.: АСМ, 1993. 380 с.
2. Чертеж антропокосмоса. 2-е изд., испр. и доп. М.: АСМ, 1993. 384 с.
3. Теория психосемиозиса и древняя антропокосмология. М.: АСМ, 1996. 208 с.
4. Арифмосемиотика «Книги перемен». М.: Компания Спутник+, 2001. 152 с.
5. Символы и числа «Книги перемен». М.: АСМ, 2002. 400 с.
6. Символы и числа «Книги перемен». 2-е изд., испр. и доп. М.: Ладомир, 2005. 600 с.
7. Традиционная наука Китая. М.: Компания Спутник+, 2011. 553 с.

Статьи и доклады в сборниках и журналах

1. К реконструкции схемы изменчивости «И цзина» // 16-я НК ОГК. М., 1985. Ч. 1. С. 74–81.
2. Внутренняя структура бхавачакры // Тезисы аспирантов и молодых научных сотрудников. М.: ИВАН СССР, 1985. С. 37–40.
3. Некоторые аспекты древнеиндийской музыкальной системы // 4-я Всесоюзная школа молодых востоковедов. Тезисы. Т. 1: История, источниковедение, историография. М.: ИВАН СССР, 1986. С. 123–128.
4. О квантово-«музыкальном» характере древневосточной биоэнергетики // Там же. С. 129–133.
5. Ло шу, принцип «сань у» и «схема изменчивости» // 17-я НК ОГК. М., 1986. Ч. 1. С. 53–62.
6. Гармонические структуры в традиционной китайской науке // 18-я НК ОГК. М., 1987. Ч. 1. С. 118–126.
7. Космологические представления «Тай цзи ту шо» и их типологические аналоги // 19-я НКОГК. М., 1988. Ч. 1. С. 189–196.
8. Инь, ян и пять «управителей жизни» // «Азия и Африка сегодня». 1989. № 12. С. 55–56.
9. О древнекитайской пространственно-временной модели мира // 20-я НК ОГК. М., 1989. Ч. 1. С. 28–33.
10. Логико-семантический конструктор «Книги перемен» // 21-я НК ОГК. М., 1990. Ч. 1. С. 63–68.
11. Еще раз об эннеграмме // 22-я НК ОГК. М., 1991. Ч. 1. С. 154–157.
12. Психокосмос человека в контексте древнекитайской арифмосемиотики // The Sociobiology of Ritual and Group Identity: a Homology of Animal and Human Behaviour. Abstracts. М.: РГГУ, 1998. С. 34–35.
13. Время в древнекитайской арифмосемиотике // Музыка и категория времени: Сборник материалов конференции. М., 2003. С. 67–81.
14. От мифа — к китайскому логосу // Китайская классическая «Книга перемен» и современная наука: Сб. ст. М., 2003. С. 29–36.
15. Синергетика «Книги перемен» // Китайская классическая «Книга перемен» и современная наука: Сб. ст. М., 2003. С. 70–78.
16. Триграммы «Книги перемен» как символы взаимодействий // Троищность в мышлении: Сб. материалов конф. М., 2004. С. 99–110.
17. Идейные истоки учения Г.И. Гюрджиева // Сакральное, иррациональное и мифологическое: Сб. материалов конф. М., 2005. С. 51–67.
18. Время и триграммы древнекитайской арифмосемиотики // Этика и наука будущего. Феномен времени: Материалы 4-й междисциплинар. науч. конф. Ежегодник — 2004. М., 2005. С. 35–40.

19. Традиционная китайская математика: Краткая история и основные идеи // История науки и техники. 2005. № 9. С. 28–38.
20. Древнекитайские представления о структуре психики и «человеческой сущности» // Мир психологии. М., 2005. № 4 (44). С. 251–263.
21. Древнекитайская арифмосемиотика и феномен «косевого времени» // Россия и гнозис: Материалы конф. 2005. С. 16–30.
22. Психическое сквозь призму гипотезы Макроантропоса // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2005. Вып. 2. С. 55–99.
23. Антропосфера как Макроантропос // Педагогика вчера, сегодня, завтра: Сб. материалов конф. М., 2006. С. 84–98.
24. Семантическое кодирование в «Книге перемен» // X—XI Всеросс. конф. «Философии Восточно-Азиатского региона и современная цивилизация». Ч. 2. М.: ИДВ РАН, 2006. С. 15–22.
25. Картина мира традиционной китайской науки // История науки и техники. 2006. № 5. С. 22–31.
26. Древнекитайское учение о системе 12 люй // Музыка и время. 2006. № 5. С. 44–51.
27. Протоарифмосемиотика и феномен «косевого времени» // Актуальные вопросы современного естествознания. 2006. № 4. С. 75–83.
28. Основы традиционной китайской медицины // История науки и техники. 2006. № 12. С. 32–41.
29. Древнекитайское учение о структуре психики // Методология и история психологии. 2006. Вып. 2. С. 138–150.
30. Цитра цинь и ее числа // Число в науке и искусстве: Сб. материалов конф. М.: АСМ, 2007. С. 47–55.
31. Строительство в традиционном Китае // История науки и техники. 2007. № 4. С. 19–26.
32. Число в древнекитайской космологии // XII Всеросс. науч. конф. «Философии Восточно-Азиатского региона и современная цивилизация». М.: ИДВ РАН, 2007. С. 109–114.
33. «Книга перемен» и семантическое кодирование // Вопр. философии. М., 2007. № 5. С. 112–122.
34. Проект XYZ: От арифмосемиотики «Книги перемен» к исчислению смыслов // Символы, коды, знаки: Сб. материалов конф. М., 2008. С. 120–134.
35. Представления о структуре психики в древнеиндийском учении санхья // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. Вып. 2. С. 162–174.
36. Коррелятивный детерминизм в древнекитайском мировоззрении // XIII—XIV Всероссийские научные конференции «Философии Восточно-Азиатского региона и современная цивилизация». Ч. 2. М.: ИДВ РАН, 2008. С. 151–157.
37. Числовая структура древнекитайской системы люй // Число: сб. науч. работ. М., 2009. С. 305–314.
38. Древнекитайская коррелятивная методология // Методология в искусстве и науке: Сб. материалов конф. М., 2010. С. 201–209.
39. «Чжоу и» как средство коммуникации «Небо-Человек» // Коммуникации в искусстве и науке: Сборник материалов конференции. М., 2010. С. 207–213.
40. «Коррелятивное мышление» и причинность в древнекитайской философии // Философия искусства и науки: Сборник материалов конференции. М., 2011. С. 169–176.
41. Цзинь-юаньская реформа в традиционной китайской медицине // 41-я НК ОГК. М., 2011. С. 245–251.
42. Китайская философия // Философия: Учебник / Ред. В.Д. Губин, Т.Ю. Сидорина. М., 2012.
43. Наука в эпохи Юань и Мин / Ред. А.И. Кобзев // XLII НК ОГК. Ч. 1. М.: 2012.

Энциклопедические статьи

84 статьи в энциклопедии «Духовная культура Китая». Т. 5: Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование. М., 2009:

Математика; Астрономия; Метеорология; Календарь; Механика; Оптика; Магнетизм; Акустико-музыкальная теория; География (разд. 1); Геология и смежные науки; Сейсмология; Геомантия (в соавт. с А.Г. Юркевичем); Техника; Строительство; Химия; Биология; Медицина (в соавт. с А.Г. Юркевичем); Разд.: Естествознание и математика (в соавт. с А.И. Кобзевым) (в ст. Изучение в России китайских наук, языков и образования); Би Шэн; Бянь Цяо; «Вай тай ми яо»; Ван По; Ван Сяо-тун; Ван Шу-хэ; «Гань Ши син цзин»; Го Шоу-цзин; Жуань Юань; И-син; Ли Бин; Ли Гао; Ли Е; Ли Чунь-фэн; Ли Ши-чжэнь; Лося Хун; «Лэй-гун яо дуй»; Лю Синь (разд. 1); Лю Хуй; Лю Хун; Лю Чжо; Ма Цзюнь; «Мо цзин» (в соавт. с А.М. Карапетьянцем, А.И. Кобзевым, С.Ю. Рыковым); «Му-тянь-цзы чжуань»; «Нань цзин»; «Нун шу»; Пэй Сю; Риччи Маттео; «Суань фа тун цзун»; «Суань шу шу» (в соавт. с А.И. Кобзевым); Сун Ин-син (в соавт. с А.И. Кобзевым); Сун Цы (в соавт. с А.И. Кобзевым); Сунь Сы-мяо; «Сунь-цзы суань цзин» (в соавт. с А.И. Кобзевым); Су Сун (разд. 2); Сюй Гуан-ци; Сюй Ся-кэ; Сюй Юэ (в соавт. с А.И. Кобзевым); «Сяоу Ян суань цзин» (в соавт. с А.И. Кобзевым); Тао Хун-цзин; «Тун жэнь юй сюэ чжэнь цзю ту цзин»; «У цао суань цзин» (в соавт. с А.И. Кобзевым); «Хуан-ди нэй цзин»; Хуанфу Ми (в соавт. с А.И. Кобзевым); Хуа То; Хэ Чэн-тянь (в соавт. с А.И. Кобзевым); Цзу Чун-чжи (в соавт. с А.И. Кобзевым); «Цзю чжан суань шу» (разд. 1); Цзя Дань (в соавт. с А.И. Кобзевым); Цзя Сянь (в соавт. с А.И. Кобзевым); Цинь Цзю-шао (в соавт. с А.И. Кобзевым); Чао Юань-фан (в соавт. с А.И. Кобзевым); Чжан Хэн; Чжан Цзы-синь (в соавт. с А.И. Кобзевым); «Чжан Цю-цзянь суань цзин» (в соавт. с А.И. Кобзевым); Чжан Чжун-цзин (в соавт. с А.И. Кобзевым); «Чжоу би суань-цзин» (в соавт. с А.И. Кобзевым); Чжу Сы-бэнь (в соавт. с А.И. Кобзевым); Чжу Цзай-юй (в соавт. с А.И. Кобзевым); Чжу Ши-цзе (в соавт. с А.И. Кобзевым); Чжэнь Луань (в соавт. с А.И. Кобзевым); Чуньюй И; Шэнь Ко; «Шэнь-нун бэнь цао цзин» (в соавт. с А.И. Кобзевым); «Юнь линь ши пу» (в соавт. с А.И. Кобзевым); Ян Хуй (в соавт. с А.И. Кобзевым).

Участие в написании двух статей в томе 6 Искусство энциклопедии «Духовная культура Китая». М., 2010:

Музыка; Люй.

Contents

“Far Eastern Affairs” Celebrates 40th Birthday

POLITICS

Ya. Berger. China Facing Choice

The Group of authors. Japan: The Most Difficult Year in Post-War History

Gu Ho Eom. Cooperation Between Russia and Republic of Korea at the Regional Level: Problems and Prospects

Zh. Luvsanjav. Relationship Between Mongolia and the PRC at Current Stage (1990–2012)

S. Sharko. Global Transformations in World Politics and BRICS

ECONOMY

L. Bony. The Strategy for Urban—Rural Integration in China: Results, Problems and Contradictions (2002–2010)

STATE AND SOCIETY

P. Em. Development Peculiarities of Urbanization and Settlement System in the Republic of Korea from the Second Part of XX Century to the Beginning of XXI Century

HISTORY

V. Vorobyev. About the Settlement of Border Issues with China

I. Pozhilov. Contemporary Historiography of the PRC on the Zhu De Concept of “Chinese Socialism”

V. Datsishen. “Komatsubara Mission”. From the History of Soviet—Japanese—Chinese Relations in Early 1930’s.

E. Kobelev. Bao Dai, the Last Emperor of Vietnam (part 2)

CULTURE

E. Ikonnikova. The Kuril Islands in Russian Literature of the XX Century

SCIENTIFIC EVENTS

V. Portyakov. About “Beijing Forum”

L. Zabrovskaya. Problems of Russia and China Discussed in Helsinki

E. Lapshina, V. Chuvankova. Dissertations approved in the Institute of Far Eastern Studies in 2011

O. Kazakov. International Conference “Japan and Russia: Economy and Society are Facing Numerous Problems”

BOOK REVIEW

A. Larin. Zalesskaya O.V. Chinese Migrants in the Russian Far East (1917–1938)

G. Bessarabov. Bi Yong. How to Become Great Power

S. Gorbunova. Lepehova E. Buddhist Sangha in Japan (VI—IX Centuries)

IN MEMORIA

Igor A. Rogachev

S. Trush. A Word about the Friend. Yuri M. Garushyants

A. Kobzev. Vladimir E. Eremcev

Contents

Summary

Summary

Ya. Berger. China Facing Choice

On the eve of XVIII congress of the CPC, polemics between the supporters of the left and the liberal trends in China in relations of further course of political and economic reforms in the country have intensified. Ideological contradictions are objectively based on different material interests of social groups being formed in the process of deepening social differentiation. One of the main topics of the discussion is the future role of state and market, of state-owned and non-state sectors of economy in the national development. The discussion on the issues of internal policy is aggravated by the complex international situation. On the other hand, the discussion itself also influences the PRC foreign policy.

Key words: XVIII Congress of the CPC, socialist values, humankind values, Bo Xilai, liberalism, political reforms, market, state ownership, privatization.

The Group of Authors. Japan: The Most Difficult Year in Post-War History

The year of 2011 was one of the hardest for Japan since the end of World War II. On the 11th of March 2011 Japan suffered magnitude 9 earthquake that occurred in the Pacific Ocean off the northeast part of Honshu Island. The earthquake triggered a huge tsunami wave that hit Tohoku region. Japan faced natural-technogenic catastrophe at "Fukushima-1" nuclear power plant that led to the radioactive contamination of the environment. The country had to set a course not only to reconstruct the regions destroyed by the earthquake and the tsunami, but also to shape its new energy policy in the context of rising anti-nuclear sentiment brought by public distrust towards peaceful atom. The disaster made a perceived blow to the Japanese economy that had just started to recover from the global financial and economic crisis. The political situation had become strained in Japan, which led to the change of Prime Minister. Japan also has to solve a number of difficult problems in the relations with its main foreign partners.

Key words: Japan, politics, economy, society, Russian-Japanese relations, "Fukushima-1", earthquake, tsunami, territorial dispute, military bases, Chinese threat, Trans-Pacific partnership, South Kurils.

Gu Ho Eom. Cooperation between Russia and Republic of Korea at the Regional Level: Problems and Prospects

The transition to civil society and the process of internationalization have stimulated changes in the system of international relations — from the system with the federal government leadership to the system where the leading role in relations with foreign countries is played by regional authorities. Analyzing this situation in the context of regional cooperation between Russia and Republic of Korea, the author divides this cooperation into two levels: bilateral and multilateral. The article analyzes the problems that had posed obstacles to the positive development of relations and offers methods of developing exchanges between two countries.

Key words: the Russian Federation, the Republic of Korea, economic cooperation, regional cooperation, Russian-South Korean cooperation.

Zh. Luvsanjav. Relationship Between Mongolia and the PRC at the Current Stage (1990–2012)

The article discusses the key milestones and current development of the Mongolian-Chinese relations since 1990 up to the present time. A brief description of their political, trade and economic ties is given.

Key words: Mongolia, China, trade and economic cooperation, strategic partnership.

S. Sharko. Global Transformations in World Politics and BRICS

The article is dedicated to the increasing role of BRICS in post-crisis global transformations. It deals with the issue of gradual rooting of BRICS in the system of the international relations. A special attention is given to the potentialities of Russia in BRICS.

Key words: The Forth summit of BRICS, Deli's Declaration, Davos Forum, Boao Forum.

L. Bony. The Strategy for Urban-Rural Integration in China: Results, Problems and Contradiction (2002–2010)

The article deals with the preliminary results of the strategy for coordinated urban-rural development in China and their integration, as the principal course towards solving the Chinese agrarian problem in the beginning of XXI century. Special attention is given to the analysis of the land problem in rural China, that had aggravated to become the main obstacles to implementation of the strategy. The study reveals the key role and special function of land resources in accelerating urbanization, as well as deep impact of the urbanization itself on social and economic life in rural China. It finally analyses the prospects of forthcoming reforms in land management and requisition systems in rural China.

Key words: coordinated development of urban and rural areas in China, urbanization, land requisition, resettlement of peasants, arable land conservation, "land plot" finance, peasant's uprisings, creation of "a new countryside".

P. Em. Development Peculiarities of Urbanization and Settlement System's in the Republic of Korea from the Second Part of XX Century to the Beginning of XXI Century

Some specific features of urbanization development in the Republic of Korea from the second part of XX century to the beginning of XXI century are studied. The role of urbanization in activation of commuting and rapid disproportion of population distribution is also analyzed.

Key words: urbanization, agglomeration, commuting, hierarchy of cities, urban settlement system, isostatic equilibrium.

V. Vorobyev. About the Settlement of the Border Issues with China.

40 years of talks (1964–2004) resulted in the settlement of all border issues between Russia and China on the mutually accepted basis. The agreements of 1991, 1994 and 2004, which were passed through ratification, did not establish a new border, but only introduced some corrections into already existing and recognized borderline. Today we have the 4300-km Russian-Chinese border clearly demarcated in full.

Key words: Russian-Chinese border, settlement of the border issues, treaties and agreements, political will, border talks.

I. Pozhilov. Contemporary Historiography of the PRC on the Zhu De Concept of "Chinese Socialism"

The article presents an analysis of the most significant publications by the PRC' historians in last decade, devoted to ideas of Zhu De — a member of the first PRC leadership — on building "Chinese form" of socialism. His concept of socialist construction is considered of "socialism in today's China as the first attempt in PRC leadership to find the specifically Chinese form of socialism, different from the Soviet model, as well as from the so called "barracks communism". The paper also deals with the problem of restoration of genuine status role of Zhu De and his real contribution to the victory of the revolution and formation of the New China.

Key words: Zhu De, "Chinese socialism", socio-economic construction in PRC, issues of the PRC historiography.

V. Datsishen. "Komatsubary Mission". From the History of Soviet-Japanese-Chinese Relations in the Beginning of Early 1930's

The article is devoted to a very important, but little-known episode in the history of international relations in the Far East — Japan's "Komatsubara Mission" in the Trans-Baikal region late in 1932. Well-measured and competent actions of the Soviet representatives in regard to this mission were an important factor of relative stability in the Soviet-Japanese-Chinese Relations during that complex period.

Key words: Manchuria, Transbaikalia, the Far East, international relations, Komatsubara, Su Bingwen, Kwantung Army, refugees.

E. Kobelev. Bao Dai, the Last Emperor of Vietnam. (Part 2)

The second part of the essay describes the most controversial stages of Bao Dai's political biography: emperor-puppet of Japanese militarists in 1940–1945; the August Revolution and the declaration of independence of Vietnam; the abdication and an appointment to be an adviser of the Ho Chi Minh's government. After France's "return" into Vietnam he was at the helm of the power again as a "head of State." Finally, after France leaved Vietnam, he lost his post and more than two decades lived in vegetation in the former metropolis without titles and regalia as a private person.

Key words: Japan in Indochina, August Revolution, abdication, adviser of the Ho Chi Minh's government, "the head of the State of Vietnam", the citizen of France.

E. Ikonnikova. The Kuril Islands in Russian Literature of the XX Century

The article describes the formation of the Kuril Islands' image in Russian literature in different periods in XX Century. The author covers the very first episodic mentioning of the Far East in Russian literature of XX Century, as well as the detailed depiction of the region in fiction and socio-political journalism of Russian authors. The Kuril Islands in Russian literature about the Far East had become important subject of interest both in fiction and feature narrations.

Key words: Far East, the Kuril Islands, Russian literature of the XX Century; image.

Уважаемые авторы журнала «Проблемы Дальнего Востока»!

Доводим до Вашего сведения, что в соответствии с требованиями Академиздатцентра «Наука» РАН с января 2006 г. Вы должны присылать в редакцию вместе с текстом статьи заполненный бланк договора. Бланк договора Вы можете найти на сайте нашего журнала www.ifes-ras.ru или на сайте Академиздатцентра «Наука» www.naukaran.ru. Обращаем Ваше внимание на то, что договор вступает в силу только после принятия редакцией журнала решения о публикации статьи.

Для оформления авторского гонорара необходимо представить в редакцию следующие сведения:

- дата рождения (число, месяц, год);
- домашний адрес с индексом;
- паспортные данные;
- номер страхового свидетельства Пенсионного фонда РФ;
- номер лицевого счета и реквизиты банка.

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. К тексту статьи соискателя ученой степени должна быть приложена рецензия.

Интересующие вас вопросы вы можете задать зав. редакцией «ПДВ» Елене Александровне Лапшиной (комн. 414). Тел.: (499) 124 02 15.

На электронную версию журнала «Проблемы Дальнего Востока» можно подписаться в компании «Рунет». Телефон (495) 935-01-01.

С условиями подписки можно ознакомиться на сайте www.elibrary.ru. ISSN 0131-2812
Стоимость подписки на 2012 год — 4400 руб.

Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.

При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, ссылка на журнал «Проблемы Дальнего Востока» обязательна.

Сдано в набор 20.04.2012 г. Подписано к печати 21.05.2012 г. Формат бумаги 70x100 1/8
Цифровая печать. Усл. печ. л. 15,6. Усл. кр.-отт. 9,4 тыс. Уч.-изд. л. 14,6 Бум. л. 6,0
Тираж 596 экз. Зак. 183

Издатель: Российская академия наук. Издательство «Наука»,
117997, Москва, Профсоюзная, 90
Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел. 8 (499) 124-09-02; E-mail: pdv@ifes-ras.ru

Оригинал-макет © 2012 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППГ, «Типография «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6